

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО
НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

**Журнал выходит по решению руководителей экономических институтов РАН:
Северо-Западного федерального округа**

Институт экономики Карельского научного центра РАН (Республика Карелия)
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Мурманская область)
Институт социально-экономического развития территорий РАН (Вологодская область)

руководства

Санкт-Петербургского государственного экономического университета
Череповецкого государственного университета (Вологодская область)

других регионов РФ

Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН (Республика Башкортостан)
Институт экономики Уральского отделения РАН (Свердловская область)

Редакционный совет:

Решением Президиума
Высшей аттестационной
комиссии Минобрнауки
России от 19 февраля
2010 года №6/6
журнал включён
в Перечень ведущих
научных изданий,
рекомендуемых для
публикации основных
результатов
диссертаций
на соискание учёной
степени доктора
и кандидата наук.

Журнал включён в базы
данных ВИНТИ РАН,
Ulrich's Periodicals
Directory, Index
Sopernicus International,
EBSCOhost, Proquest,
а также в Российский
индекс научного
цитирования и
представлен в открытом
доступе на платформе
Научной электронной
библиотеки
(<http://www.elibrary.ru>).

С 2014 года Германская
национальная
экономическая
библиотека
включила журнал
в свой фонд.

Журнал также
направляется в
Библиотеку Конгресса
США.

Макаров В.Л., академик РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва, Россия)

Ивантер В.В., академик РАН, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)

Окрепилов В.В., академик РАН, генеральный директор Центра испытаний и сертификации (ТЕСТ-Санкт-Петербург, Россия)

Татаркин А.И., академик РАН, директор Института экономики УРО РАН (Екатеринбург, Россия)

Витязь П.А., академик, руководитель Аппарата НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Никитенко П.Г., академик НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН, советник РАН, гл.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН (Сыктывкар, Россия)

Сапир Ж., проф., директор Высшей школы социальных наук (HESS), Центра исследований индустриализации (СЕМИ) (Париж, Франция)

Валентей С.Д., д.э.н., проф., научный руководитель Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д.э.н., проф., директор Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН (Уфа, Россия)

Дайнеко А.Е., д.э.н., проф., директор Института экономики НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Ильин В.А., д.э.н., проф., директор Института социально-экономического развития территорий РАН (Вологда, Россия)

Кибиткин А.И., д.э.н., проф., заместитель ректора по науке и стратегическому развитию Мурманского государственного технического университета (Мурманск, Россия)

Кивинен М., проф., директор Александровского института Хельсинского университета (Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д.с.н., проф., директор Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Кузнецов С.В., д.э.н., проф., директор Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Ларичкин Ф.Д., д.э.н., проф., директор Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Апатиты, Россия)

Максимцев И.А., д.э.н., профессор, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН, зав. лаб. ЦЭМИ РАН, заместитель директора Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Путилов А.В., д.т.н., проф., декан факультета управления и экономики высоких технологий Научно-исследовательского ядерного университета МИФИ (Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д.т.н., директор Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН (Сыктывкар, Россия)

Штомпка Пётр, профессор, декан факультета теоретической социологии Ягеллонского университета (Краков, Польша)

Чжан Шухуа, доктор, проф., зам. начальника научного центра информации и документации Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай)

У Эньюань, проф., Институт российских, восточно-европейских и центрально-азиатских исследований Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к.с.н., доцент, ректор Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия)

Главный редактор – В.А. Ильин

Редакционная коллегия:

д.э.н., проф. Л.А. Аносова, д.э.н., проф. А.Г. Воробьев,

д.э.н., проф. Е.С. Губанова, к.э.н. К.А. Задумкин,

д.э.н. К.А. Гулин (зам. главного редактора), к.э.н. М.Ф. Сычев (зам. главного редактора),

к.филол.н. О.В. Третьякова (зам. главного редактора, отв. секретарь),

д.э.н. Т.В. Ускова, д.э.н. А.А. Шабунова, к.э.н. Г.В. Леонидова, к.э.н. С.В. Терёбова

Все статьи проходят обязательное рецензирование.

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

FEDERAL AGENCY
FOR SCIENTIFIC ORGANISATIONS

RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES
OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

2 (38) 2015

The journal is published according to the decision of RAS economic institutions' administration in the North-West Federal District

Institute of Economics of Karelian Scientific Centre of RAS (Karelia Republic)
G.P. Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of RAS (the Murmansk Oblast)
Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS (the Vologda Oblast)

and according to the decision of the administration of

Saint Petersburg State University of Economics and Finance
Cherepovets State University (the Vologda Oblast)

and RAS institutions of other RF regions

Institute of Social and Economic Research of Ufa Science Centre of RAS (Bashkortostan Republic)
Institute of Economics of the Ural RAS Department (the Sverdlovsk Oblast)

The decision of Presidium of the Higher Attestation Commission of the Russian MES (No.6/6, dated 19.02.2010) the journal is included in the list of leading scientific editions, recommended for publication of the main results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences.

The journal is included into databases: VINITI RAS, Ulrich's Periodicals Directory, Index Copernicus International, EBSCOhost, Proquest, and also into the Russian Science Citation Index, and is presented in the open access on the platform of the Scientific e-Library (<http://www.elibrary.ru>).

In 2014 the German National Library of Economics included the Journal into its fund.

The journal is also sent to the Library of Congress, the USA.

Editorial Council:

Makarov V.L., RAS Academician, Director of the Central Economic Mathematical Institute of the RAS (Moscow, Russia)
Ivanter V.V., RAS Academician, Director of the Institute of Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)
Okrepilov V.V., RAS Academician, General Director of State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (St. Petersburg, Russia)
Tatarkin A.I., RAS Academician, Director of the Institute of Economics, Ural Branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)
Vityaz P.A., Academician, Head of Academy Staff of the NASB (Minsk, Belarus)
Nikitenko P.G., Academician of the NASB (Minsk, Belarus)
Lazhentsev V.N., RAS Corresponding Member, RAS Advisor, Senior Research Associate of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)
Sapir J., Professor, Director of Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Head of the Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMI-EHESS) (Paris, France)
Valentey S.D., Doctor of Economics, Professor, Supervisor of Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia)
Gaynanov D.A., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of the RAS (Ufa, Russia)
Dayneko A.E., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics of the NASB (Minsk, Belarus)
Ilyin V.A., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the RAS (Vologda, Russia)
Kibitkin A.I., Doctor of Economics, Professor, Vice Rector for Science and Strategic Development of the Murmansk State Technical University (Murmansk, Russia)
Kivinen M., Professor, Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)
Kotlyarov I.V., Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of NASB (Minsk, Belarus)
Kuznetsov S.V., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Regional Economics (St. Petersburg, Russia)
Larichkin F.D., Doctor of Economics, Professor, Director of Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of the RAS (Apatity, Russia)
Maksimtsev I.A., Doctor of Economics, Professor, Rector of the Saint Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russia)
Putilov A.V., Doctor of Technical Sciences, Professor, Dean at the Department of Management and Economics of High Technologies of National Research Nuclear University MEPhI (Moscow, Russia)
Polterovich V.M., RAS Academician, Head of Laboratory of the Central Economics and Mathematics Institute (Moscow, Russia)
Chukreev Yu.Ya., Doctor of Technical Sciences, Director of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)
Sztompka, P., Professor, Dean at the Department of Theoretical Sociology of the Jagiellonian University (Kraków, Poland)
Zhang Shuhua, Doctor, Professor (Beijing, China), Deputy Director of the Center for Documentary and Information of the Chinese Academy of Social Sciences
Wu Enyuan (Beijing, China), Professor, the Institute of Russian, Eastern European & Central Asian Studies of the Chinese Academy of Social Sciences
Afanasyev D.V., Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Rector of Cherepovets State University (Cherepovets, Russia)

Chief Editor - V.A. Ilyin

Editorial Board:

Doctor of Economics, Professor L.A. Anosova, Doctor of Economics, Professor A.G. Vorobyov,
Doctor of Economics, Professor E.S. Gubanova, Ph.D. in Economics K.A. Zadumkin,
Doctor of Economics K.A. Gulin (Deputy Chief Editor), Ph.D. in Economics M.F. Sychev (Deputy Chief Editor),
Ph.D. in Philology O.V. Tretyakova (Deputy Chief Editor, Executive Editor),
Doctor of Economics T.V. Uskova, Doctor of Economics A.A. Shabunova,
Ph.D. in Economics G.V. Leonidova, Ph.D. in Economics S.V. Terebova

*All research articles submitted to the Journal are subject to mandatory peer-review.
Opinions presented in the articles can differ from the editorial board's point of view.
Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.*

ISSN 1998-0698

Internet address: <http://esc.vsc.ac.ru>

© ISED T RAS, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- Ильин В.А.* На полпути к четвертому президентскому сроку 9
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 16

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

- Губанов С.С.* Системный кризис и выбор пути развития России 23
Ильин В.А., Морев М.В. Новый этап российской истории: тенденции, особенности, перспективы 42

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

- Ускова Т.В., Разгулина Е.Д.* О роли инвестиций в социально-экономическом развитии территорий 72
Тореев В.Б. Трудовые стратегии россиян 90
Чайка Л.В. Приоритеты модернизации энергетической инфраструктуры в сельской местности Республики Коми 104

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

- Шабунова А.А.* Двадцать лет мониторинга детского здоровья: организация, результаты, выводы 116
Важенина И.С. Возвышение потребностей: противоречивая трансформация 129
Пасовец Ю.М. Риски бедности населения в современных российских условиях 143
Касимов Р.А. О нормативной модели здорового образа жизни 161

ЭКОНОМИКА АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

- Семяшкин Г.М., Поздеев Д.В., Семяшкин Е.Г.* Рациональное размещение сельскохозяйственного производства на территории региона 173

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

<i>Поварова А.И.</i> Исполнение территориальных бюджетов в 2014 году: напряжение не спадает	187
--	-----

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

<i>Мао Чжиюн.</i> Модернизация сельского хозяйства и устойчивое развитие в условиях ресурсных ограничений и необходимости охраны окружающей среды	211
---	-----

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

<i>Чекмарева Е.А., Панов М.М.</i> Проблема оценки трудового потенциала сельских территорий.....	221
Требования к оформлению статей.....	240
Информация о подписке	245

CONTENT

FROM THE CHIEF EDITOR

- Ilyin V.A.* Halfway to a fourth presidential term 9
- Public opinion monitoring of the state of the Russian society.....16

THEORETICAL ISSUES

- Gubanov S.S.* Systemic crisis and the choice of the way of development for Russia.....23
- Ilyin V.A., Morev M.V.* A new stage of Russian history: trends, specifics and prospects.....42

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGY

- Uskova T.V., Razgulina E.D.* On the role of investment in the socio-economic development of territories72
- Toreev V.B.* Employment strategy of the Russians90
- Chaika L.V.* The priorities of the energy infrastructure modernization in rural areas of the Komi Republic 104

SOCIAL DEVELOPMENT

- Shabunova A.A.* Twenty years of children's health monitoring: organization, results, conclusions..... 116
- Vazhenina I.S.* Rising necessities: controversial transformation129
- Pasovets Yu.M.* Risks of poverty in the modern Russian conditions..... 143
- Kasimov R.A.* On the normative model of a healthy lifestyle 161

ECONOMICS OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

- Semyashkin G.M., Pozdeev D.V., Semyashkin E.G.* Rational allocation of agricultural production in the region 173

SOCIAL FINANCES

Povarova A.I. Execution of local budgets in 2014: tension is not decreasing 187

FOREIGN EXPERIENCE

Mao Zhiyong. Agricultural modernization and sustainable development under
resource and environmental constraints 211

YOUNG RESEARCHERS

Chekmareva E.A., Panov M.M. Assessment of labor potential of rural areas 221

Requirements to manuscripts 240

Subscription information 245

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc/2015.2.38.1

УДК 330.341, ББК 65.050.11

© Ильин В.А.

На полпути к четвертому президентскому сроку

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ilin@vscc.ac.ru)

Май 2015 года совпадает с половиной пути шестилетнего срока пребывания В.В. Путина в должности Президента РФ. Сегодня можно с полной уверенностью сказать, что такой высокой поддержки высшего должностного лица государства, начиная с 1991 года, не было за весь период новейшей истории Российской Федерации.

По данным социологических опросов через показатели степени одобрения деятельности Президента РФ можно оценить уровень и динамику эффективности государственного управления в стране в целом.

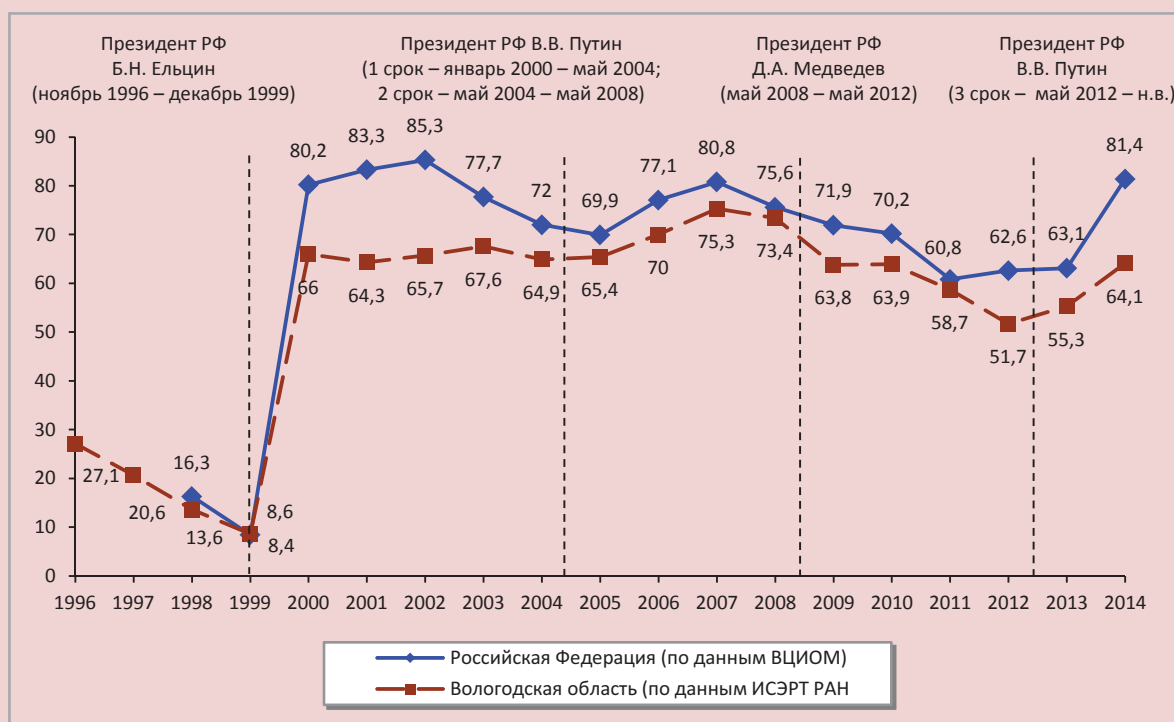
Из графика (*рисунок*) видно, что по опросам уровень одобрения деятельности Президента Б.Н. Ельцина в 1996 г. был равен 27%, 1998 г. — 16,3%, а в 1999 г. — 8,4%. Такие оценки населения вполне объяснимы, т.к. период пребывания Б.Н. Ельцина на посту Президента РФ (1991—1999 гг.) сопровождался обвальным сокращением всех основных показателей производства в реальном секторе экономики, беспреце-

дентным для мировой практики падением уровня и качества жизни населения, гиперинфляцией, расстройством бюджетной системы и денежного обращения. В конечном счете так называемая «шоковая терапия» завершилась суверенным дефолтом в августе 1998 г. Фактические параметры происшедшей экономической и социальной катастрофы можно видеть из данных *таблицы 1*.

После вынужденно-добровольного ухода Ельцина с президентского поста 31 декабря 1999 г., президентом России в марте 2000 г. был избран В.В. Путин, занимавший с августа 1999 г. пост Председателя Правительства РФ. И в первый же год его президентства уровень одобрения деятельности Президента жителями РФ достиг 80%.

Деятельность В.В. Путина ознаменовалась системой активных политических действий по укреплению государственности, прекращению процессов распада страны. Начал осуществляться комплекс мер по оздоровлению экономики.

ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕЗИДЕНТА РФ

Динамика уровня одобрения деятельности Президента РФ жителями Российской Федерации и Вологодской области (в % от числа опрошенных)

Таблица 1. Динамика основных макроэкономических показателей Российской Федерации в 1991–1998 гг.

Показатель	Год							
	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Валовой внутренний продукт, в % к 1990 г.	95	81,2	74,2	67,4	62	59,8	60,6	57,4
Продукция промышленности, в % к 1990 г.	92	75	65	51	48,6	44,9	45,4	43,2
Продукция сельского хозяйства, в % к 1990 г.	95,5	86,5	82,7	72,8	67	63,6	64,1	55,1
Инвестиции в основной капитал, в % к 1990 г.	85,1	51,3	45,3	34,3	30,8	25,3	24	21,1
Реальные располагаемые денежные доходы населения, в % к 1990 г.		60,9	70,9	80	67,1	67,7	72	60,5
Индекс инфляции, декабрь к декабрю предыдущего года, раз	2,6	26,1	9,4	3,1	2,3	1,2	1,11	1,84

Составлена по: Лившиц В.Н. Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России. 1992–2013. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – С. 107-109.

В частности, были восстановлены экспортные пошлины, введен налог на добычу полезных ископаемых, что резко повысило доходы федерального бюджета и явилось базой для проведения масштабных соци-

альных мероприятий. Резкое улучшение экономического и социального положения в стране (табл. 2) во многом обеспечило победу В.В. Путина на выборах Президента в 2004 г.

Таблица 2. Динамика основных макроэкономических показателей Российской Федерации в 2000–2007 гг.

Показатель	Год							
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Валовой внутренний продукт, в % к 2000 г.	100,0	105,1	109,9	118,0	125,5	135,5	143,8	151,3
Продукция промышленности, в % к 2000 г.	100,0	102,9	106,1	115,5	124,7	131,0	139,3	148,7
Продукция сельского хозяйства, в % к 2000 г.	100,0	106,9	107,9	107,8	110,3	112,1	115,4	119,2
Инвестиции в основной капитал, в % к 2000 г.	100,0	117,4	120,7	135,9	154,5	170,2	198,6	246,0
Реальные располагаемые денежные доходы населения, в % к 2000 г.	100,0	110,1	122,0	139,8	155,5	192,8	220,0	247,7
Индекс инфляции, декабрь к декабрю предыдущего года, в %	120,2	118,6	115,1	112,0	111,7	110,9	109,0	111,9

Составлена по: Лившиц В.Н. Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России. 1992–2013. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – С. 107-109.

В последующие четыре года В.В. Путин продолжал курс на восстановление экономики страны. И это удалось сделать. А главное – увеличить реальные доходы населения за годы президентства в 2,5 раза, что во многом и обеспечило высокие показатели одобрения деятельности Президента населением.

Вторым важным фактором, обеспечивающим высокий уровень одобрения, явилось стремление В.В. Путина всеми доступными мерами проводить независимую внешнюю и внешнеэкономическую политику в интересах повышения государственной безопасности РФ.

10 февраля 2007 года на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности В.В. Путин прямо сказал, что для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна. Он подчеркнул, что вся система права одного государства, прежде всего США, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере и навязывается другим государствам.

Путин заявил о твердой позиции России проводить независимую внешнюю политику, соответствующую тысячелетней исторической традиции и практике нашей страны. Такая постановка вопроса (в первую очередь в американских политических кругах) стала для Запада поводом к возобновлению холодной войны против России, что усиливает международную напряженность, грозит развязыванием крупномасштабной горячей войны¹.

В 2008 году второй срок президентства Путина истек. Не желая менять конституцию, которая устанавливает лимит в два подряд президентских срока, он выдвинул своим преемником Д.А. Медведева, Главу Администрации и вице-премьера. Для победы на выборах претенденту было достаточно намерения следовать курсом Путина. Путин же стал Председателем Правительства РФ и лидером правящей партии «Единая Россия».

¹ Вопросы формирования многополярного мира и места в нем России были аргументированно продолжены Президентом РФ В.В. Путиным в сентябре 2013 года на заседании международного клуба «Валдай».

К сожалению, поступательное движение страны во время президентства Д.А. Медведева замедлилось. Его приверженность либеральным идеям в управлении страной усилила ее отставание от мировых лидеров развития.

В конце 2008-го и на протяжении 2009 года экономика России оказалась втянутой в мировой финансовый кризис, от которого она пострадала значительно больше, чем западные и развивающиеся страны.

Жители России оценили деятельность Президента РФ Д.А. Медведева в 2008–2011 гг. значительно ниже уровня, достигнутого В.В. Путиным за 2007 год. Общая потеря составила 20 процентных пунктов: с 80% респондентов, одобрявших деятельность В.В. Путина в 2007 г., до 60% одобрявших деятельность Д.А. Медведева в 2011 г.

В должности Председателя Правительства РФ и лидера правящей партии В.В. Путин взял на себя всю ответственность за организацию ответа на грузинскую агрессию в Южной Осетии в августе 2008 г. и принуждению Грузии к миру.

В.В. Путин в ручном режиме организовал процесс выхода экономики страны из мирового кризиса 2008–2009 гг. Но это не решило главную задачу того периода — перевода реального сектора экономики на рельсы новой индустриализации, обеспечивающей необходимые темпы модернизации страны для укрепления её безопасности по всем основным направлениям.

Точка возврата в однополярный мир для России была пройдена после мюнхенской речи Путина в должности Президента РФ. Поэтому Соединенные Штаты Америки и так называемый Запад делали все для того,

чтобы В.В. Путин не был избран в третий раз на высший государственный пост. Была предпринята попытка с помощью различных неправительственных оппозиционных сил организовать в Москве в декабре 2011 г., после выборов в Государственную Думу, майдан на Болотной площади, но эта попытка не дала оппонентам желаемых результатов.

Убедительно победив на выборах Президента в марте 2012 года, В.В. Путин продолжил независимую внешнюю политику, а США и их западные партнеры приступили к действиям по резкому обострению ситуации в Украине, создав очаг горячего внутриукраинского конфликта и стремясь втянуть в него на официальном уровне Российскую Федерацию, что позволило бы обвинить её в агрессии с применением к ней всех международных санкций.

Президенту РФ удается блокировать самые негативные варианты развития событий на Украине, в условиях развязывания правящими кланами этой страны по сути гражданской войны. В настоящее время, после минских договоренностей «нормандской четверки», уровень конфликта несколько снизился.

Вместе с тем следует признать, что после трёх лет текущего срока президентства В.В. Путина ситуация в экономике и социальной жизни страны остается крайне напряженной. Программные задачи своей деятельности на президентском посту он обозначил в указах от 7 мая 2012 года, принятых сразу же после инаугурации. Указы содержат много целевых показателей. Среди них — рост реальной зарплаты в 1,5 раза к 2018 году, обеспечение доступным жильем 60% российских семей к 2020 году, создание 25 млн. высокопроизводительных рабочих мест, переоснащение армии на 70%,

увеличение доли инвестиций в ВВП страны до 27% в 2018 году. Ударным пунктом майских указов является решение задачи существенного повышения зарплаты бюджетников.

Достичь этих рубежей возможно только на основе опережающего экономического роста. А условия его обеспечения реально усложняются. Страна с 2009 года находится в состоянии автономной рецессии. Идет снижение покупательной способности главных категорий народного хозяйства — государства, бизнеса, домохозяйств. В конце 2014 года стремительно обесценился рубль, «вошла в галоп» дороговизна товаров и услуг. В этих обстоятельствах свертывается реализация многих государственных и коммерческих проектов модернизации производства, особенно на базе современных научно-технических достижений. Огромную напряженность испытывают федеральный и региональные бюджеты. Есть реальная угроза навсегда увязнуть в сырьевой периферии мирового рынка. Огромной тяжестью ложится на Россию эскалация международной напряженности со стороны ядра глобальной финансовой системы. В ответ на действия России, удовлетворившей конституцион-

ное волеизъявление населения Крыма и Севастополя по присоединению к России (поддержанное подавляющим большинством россиян), США и их союзники в Западной Европе расширяют политические и экономические санкции против нашей страны.

Анализируя сложившуюся в стране обстановку, многочисленные эксперты, общественные деятели и политики делают особый акцент на низкой эффективности государственного управления². Главную причину они видят в том, что в стране имеет место сращивание олигархического бизнеса и чиновников всех уровней, лоббистов всех мастей, что приводит не к снижению социального неравенства до разумных пределов (5–6 раз, как в Германии и Франции), а, наоборот, — к увеличению этого разрыва, который на сегодня составляет более 16 раз. Источники этого неравенства — результат попрания принципов социальной справедливости, по сути, преступно нарушенных во время «чубайсовской приватизации». Огромная государственная собственность, созданная трудом и жертвами многих поколений российских граждан, была распределена среди «своих и наших», ближайшего окружения федеральной власти.

² Аганбегян А.Г. Социально-экономическое развитие России: анализ и прогноз // Проблемы прогнозирования. — 2014. — № 4; Амосов А. Можно ли отложить до 2017 г. поворот к новому индустриальному развитию // Экономист. — 2015. — № 3; Белкин В.Д., Стороженко В.П. Выход из стагнации с помощью ускоренного развития потребительской сферы // Экономическая наука современной России. — 2014. — № 1.; Богомолов О.Т. Проблемы использования неэкономического потенциала модернизации. Институциональная экономика отвергает рыночный фундаментализм // Вестник РАН. — 2013. — Т. 83. — № 8; Губанов С.С. Неиндустриализация России и нищета ее саботажной критики // Экономист. — 2014. — № 4; Делягин М.Г. Крах оптимистических иллюзий и отправной пункт экономического оздоровления // Российский экономический журнал. — 2014. — № 1; Князев Ю. Перспективы выхода из кризисной стагнации // Мир перемен. — 2014. — № 4. — С. 14–28; На пути к современной динамичной и эффективной экономике: доклад / под ред. А.Д. Некипелова, В.В. Ивантера, С.Ю. Глазьева (в подготовке доклада принимали участие 25 действительных членов-корреспондентов РАН). — М.: РАН, 2013; От кризисных потрясений и разрушительных реформ — к развитию: что должно сделать государство, чтобы покончить с кризисом в 2015 году (Доклад Института проблем глобализации) // Российский экономический журнал. — 2014. — № 1; Полтерович В.М. Куда идти: двадцать четыре тезиса // Экономическая наука современной России. — 2014. — № 3.

Представляется, что кризисные явления в экономической, социальной, управленческой сферах страны можно смягчить, но нельзя преодолеть без смены господствующей экономической модели, при которой политическая и экономическая элита на всех уровнях не ориентирована на повышение экономической и политической эффективности, а главное — на повышение уровня социальной справедливости в обществе.

Один из известных ученых-экспертов в этой связи отмечает: **«Нынешний же российский кризис — системный, вытекающий из неадекватности системы требованиям развития общества и ее неспособности к позитивной эволюции. Он базируется на глубоком конфликте интересов элиты и задач общественного прогресса, на превращении части элитных кругов в его выгодоприобретателей. Страна так выстраивала весь процесс постсоциалистического преобразования общества, что не смогла избежать формирования этого глубокого конфликта и до сих пор не может преодолеть его. Такая ситуация быстро складывалась с начала 90-х гг. XX в. и в полной мере утвердилась в последние полтора десятилетия»**³.

О необходимости преодоления глубокого внутреннего конфликта в российском обществе пишет авторитетный политический обозреватель М. Антонов в своей статье **«Новая Россия и ельцинизм несовместимы»**⁴. На основе отлично подобранной и доказательной фактуры он

³ Микульский К. Экономика России и противоречия ее общественного устройства // Общество и экономика. — 2014. — № 12.

⁴ Антонов М. Новая Россия и ельцинизм несовместимы // Литературная газета. — 2015. — № 13 (6503). — 1–7 апр.

приходит к выводу, что даже сохранение остатка ельцинизма грозит России серьезными внутренними потрясениями.

Еще один эксперт утверждает: **«Нашей стране безотлагательно требуется новый курс, требуются абсолютно новые кадры в правительстве и администрации президента с уходом от ориентации исключительно на «ельцинское наследие» с олигархами из РСПП... первое политическое лицо нынешней России окончательно и бесповоротно приговорено к устранению западными элитами, которые считают главной помехой в реализации стратегической установки «вашингтонского обкома» на создание единого глобального правительства и необходимого для этого политического раздробления России, — именно Путина и никого больше»**⁵.

Как нам представляется, с учётом жизненного пути В.В. Путина⁶ и его 15-летнего

⁵ Нагорный А. Смерть твоя за углом: курс для независимой // Завтра. — 2015. — № 13. — Март–апрель.

⁶ В.В. Путин родился в 1952 г. в Ленинграде. После окончания в 1970 году средней школы поступил на международное отделение юридического факультета ЛГУ. В 1975–1990 гг. работал в КГБ. В период 1991–1992 гг. — советник председателя Ленгорсовета, председатель Комитета мэрии по внешним вопросам, в 1993–1996 гг. — заместитель председателя Правительства Санкт-Петербурга. С августа 1996 г. — заместитель управляющего делами в аппарате Президента РФ, с марта 1997 г. — заместитель руководителя Администрации Президента (начальник Главного контрольного управления), с мая 1998 г. — первый заместитель руководителя Администрации. С июля 1998 по август 1999 г. — директор ФСБ России и секретарь Совета Безопасности РФ. С августа 1999 г. — Председатель Правительства РФ, с 31 декабря 1999 г. — и.о. Президента РФ. В 2000–2008 гг. — Президент РФ, в 2008–2012 гг. — Председатель Правительства РФ. В марте 2012 г. в третий раз избран Президентом РФ, инаугурация состоялась 7 мая 2012 г.

опыта работы на высших государственных должностях России, высокого уровня доверия избирателей, — Президент сможет достойно вывести страну из острых внутренних и внешних политических проблем на новый уровень развития, соответствующий XXI веку и традициям «русского мира».

Для решения этой задачи у В.В. Путина есть еще три года третьего президент-

ского срока и возможные шесть лет — четвертого, итого 9 лет.

Казалось бы, времени достаточно, но для серьезных и кардинальных перемен в такой стране, как Россия, — немного.

Время неумолимо сжимается, как «шагреновая кожа».

Президенту надо успеть реализовать всё задуманное.

Ilyin V.A.

Halfway to a fourth presidential term

Vladimir Aleksandrovich Ilyin — Doctor of Economics, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Director, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, ilin@vscc.ac.ru)

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ИСЭРТ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области в феврале – апреле 2015 г., а также в среднем за последние 6 опросов (с июня 2014 по апрель 2015 г.). Дается сопоставление их с данными за 2013 г., а также в текущей динамике (за период с декабря 2014 по апрель 2015 г., то есть за 3 последние волны опроса).

Оценка деятельности власти

В феврале – апреле 2015 г. поддержка деятельности Президента РФ продолжала увеличиваться: уровень одобрения возрос с 66 до 68%, доля негативных оценок снизилась с 21 до 16%. Оценки населения лучше, чем в 2013 г., когда уровень поддержки деятельности главы государства составлял 55%, а доля негативных характеристик – 29%.

Уровень одобрения деятельности Председателя Правительства РФ в апреле 2015 г. по сравнению с февралем существенно не изменился: доля положительных оценок составляет 56–57%, при этом удельный вес негативных характеристик снизился с 25 до 21%. Для сравнения: в 2013 году оценки населения были хуже – поддержка Председателя Правительства РФ составляла 49%, удельный вес отрицательных суждений – 33%.

Для справки: по данным опросов, проведенных ВЦИОМ 5 и 12 апреля 2015 г., поддержка Президента РФ в среднем по стране практически не изменилась по сравнению с февралем 2014 г. и составляет 87,1% (доля отрицательных оценок – 7,3%). Уровень одобрения деятельности премьер-министра РФ в первой половине апреля 2015 г. составлял 68,9% (доля негативных оценок – 18,2%).

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше.

Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ИСЭРТ РАН, можно найти на сайте <http://www.vscs.ac.ru/>.

В среднем за последние 6 опросов поддержка федеральных органов государственной власти остается более высокой, чем в 2013 и 2011 гг.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	Июнь 2014	Авг. 2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Фев. 2015	Апр. 2015	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
												2013	2011	2007
Президент РФ														
Одобрю	75,3	58,7	55,3	64,1	66,6	66,4	66,8	66,0	66,3	67,5	66,6	+11	+8	-9
Не одобряю	11,5	25,6	29,4	22,3	21,8	19,3	18,5	19,7	20,5	16,2	19,3	-10	-6	+8
Председатель Правительства РФ*														
Одобрю	-*	59,3	48,9	54,2	55,8	55,2	56,2	56,3	56,1	56,5	56,0	+7	-3	-
Не одобряю	-	24,7	32,8	27,6	26,4	26,8	23,9	24,7	24,7	20,5	24,5	-8	0	-
Губернатор														
Одобрю	55,8	45,7	44,4	40,1	38,5	38,8	39,7	39,3	38,3	37,1	38,6	-6	-7	-17
Не одобряю	22,2	30,5	33,2	38,9	40,9	40,1	39,6	37,0	37,4	37,5	38,8	+6	+8	+17
* Вопрос задается с 2008 г.														

За последние два месяца увеличилась доля жителей области, считающих успешными действия Президента по укреплению международных позиций России (с 50 до 53%).

Оценка деятельности главы государства по решению других ключевых проблем страны существенно не изменилась: удельный вес людей, поддерживающих его действия по наведению порядка в стране, составляет 50%, по защите демократии и укреплению свобод граждан – 39%, по подъему экономики и росту благосостояния – 35%.

В целом отношение жителей области к деятельности В.В. Путина по решению наиболее важных проблем России более позитивное, чем в 2011–2014 гг.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?*

(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	Июнь 2014	Авг. 2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Фев. 2015	Апр. 2015	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
												2013	2011	2007
Укрепление международных позиций России														
Успешно	58,4	46,2	45,7	50,4	53,7	50,9	52,3	50,8	50,4	52,7	51,8	+6	+6	-7
Не успешно	24,9	33,7	36,2	32,4	31,7	30,0	31,0	30,3	29,5	28,7	30,2	-6	-4	+5
<i>Индекс успешности**</i>	<i>133,5</i>	<i>112,5</i>	<i>109,5</i>	<i>118,0</i>	<i>122,0</i>	<i>120,9</i>	<i>121,3</i>	<i>120,5</i>	<i>120,9</i>	<i>124,0</i>	<i>121,6</i>	<i>+12</i>	<i>+9</i>	<i>-12</i>
Наведение порядка в стране														
Успешно	53,2	36,6	39,4	48,0	49,5	47,5	49,4	52,1	50,3	50,1	49,8	+10	+13	-3
Не успешно	34,0	50,0	47,5	39,1	39,5	37,8	37,8	35,1	37,3	37,5	37,5	-10	-13	+4
<i>Индекс успешности</i>	<i>119,2</i>	<i>86,6</i>	<i>91,9</i>	<i>108,9</i>	<i>110,0</i>	<i>109,7</i>	<i>111,6</i>	<i>117,0</i>	<i>113,0</i>	<i>112,6</i>	<i>112,3</i>	<i>+20</i>	<i>+26</i>	<i>-7</i>
Защита демократии и укрепление свобод граждан														
Успешно	44,4	32,4	31,8	37,5	40,1	37,6	38,2	40,7	39,5	39,2	39,2	+7	+7	-5
Не успешно	37,0	48,3	51,0	45,4	43,9	43,7	44,3	41,9	40,9	39,9	42,4	-9	-6	+5
<i>Индекс успешности</i>	<i>107,4</i>	<i>84,1</i>	<i>80,8</i>	<i>92,1</i>	<i>96,2</i>	<i>93,9</i>	<i>93,9</i>	<i>98,8</i>	<i>98,6</i>	<i>99,3</i>	<i>96,8</i>	<i>+16</i>	<i>+13</i>	<i>-11</i>
Подъём экономики, рост благосостояния граждан														
Успешно	47,2	30,7	31,3	34,8	35,8	35,1	33,9	37,6	34,4	34,7	35,3	+4	+5	-12
Не успешно	39,1	56,1	56,8	53,4	53,5	50,2	54,4	50,8	51,5	49,9	51,7	-5	-4	+13
<i>Индекс успешности</i>	<i>108,1</i>	<i>74,6</i>	<i>74,5</i>	<i>81,4</i>	<i>82,3</i>	<i>84,9</i>	<i>79,5</i>	<i>86,8</i>	<i>82,9</i>	<i>84,8</i>	<i>83,5</i>	<i>+9</i>	<i>+9</i>	<i>-25</i>

* Ранжировано по среднему значению индекса успешности за последние 6 опросов.
** Для расчёта индексов из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, положительные – 200, равновесие первых и вторых выражает значение индекса 100, являющееся, по сути, нейтральной отметкой.

Структура партийно-политических предпочтений населения за последние два месяца существенно не изменилась. Доля жителей области, которые считают, что их интересы выражает «Единая Россия», составляет 38–39%. Поддержка КПРФ составляет 8%, ЛДПР – 6–7%, «Справедливой России» – 4%.

В феврале – апреле 2015 г. незначительно увеличилась доля жителей области, считающих, что никакая из политических сил не отражает их интересы (с 30 до 32%), однако это по-прежнему меньше, чем в 2014 (34%) и 2013 (35%) годах, что свидетельствует о более высоком интересе жителей области к вопросам экономической и политической жизни в стране.

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных)

Партия	2007	Выборы в ГД РФ 2007 г., факт	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2013	2014	Июнь 2014	Авг. 2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Фев. 2015	Апр. 2015	Среднее за послед- ние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
														2013	2011	2007
Единая Россия	30,2	60,5	31,1	33,4	29,4	32,8	32,7	34,3	35,5	36,7	38,8	38,2	36,0	+7	+5	+6
КПРФ	7,0	9,3	10,3	16,8	11,3	9,7	9,8	9,1	9,3	8,3	7,7	7,8	8,7	-3	-2	+2
ЛДПР	7,5	11,0	7,8	15,4	7,2	7,6	6,2	6,9	7,3	7,8	6,7	6,1	6,8	0	-1	-1
Справедливая Россия	7,8	8,8	5,6	27,2	4,6	3,5	3,3	3,7	3,9	3,2	4,1	3,7	3,7	-1	-2	-4
Другая	1,8	–	1,9	–	0,6	0,3	0,1	0,1	0,7	0,1	0,3	0,1	0,2	0	-2	-2
Никакая	17,8	–	29,4	–	34,9	34,4	36,0	35,0	32,6	32,7	30,3	31,5	33,0	-2	+4	+15
Затрудняюсь ответить	21,2	–	13,2	–	10,2	11,7	11,8	10,9	10,7	11,1	12,0	12,5	11,5	+1	-2	-10

За последние два месяца характеристики социального настроения и запаса терпения улучшились.

Доля жителей области, оценивающих своё настроение как «прекрасное и нормальное», уменьшилась: в феврале 2015 г. она составляла 62%, в апреле – 68%.

Удельный вес полагающих, что «всё не так плохо, и жить можно; жить трудно, но можно терпеть», возрос в феврале – апреле 2015 г. с 74 до 79%.

В целом оценки социального настроения и запаса терпения в апреле 2015 г. примерно соответствуют уровню 2013–2014 гг. и остаются более высокими, чем в 2011 г.

Тем не менее, в самооценке материального положения населения существенных изменений за последние два месяца не произошло. Около 52–53% жителей области считают себя «бедными» и «нищими». Доля тех, кто относит себя к категории людей «среднего достатка», по-прежнему ниже (37–38%). В целом структура социальной самоидентификации населения в начале 2015 г. остается более негативной, чем в 2011–2014 гг.

Продолжает снижаться индекс потребительских настроений (ИПН). Данная тенденция наблюдается с июня 2014 г. За последние два месяца ИПН уменьшился с 76 до 73 пунктов, что свидетельствует о сохранении в обществе тревожных ожиданий относительно развития экономической ситуации в стране и собственного материального благополучия.

Однако, как показывают результаты исследования, негативная динамика ИПН не соответствует позитивным тенденциям социального настроения, запаса терпения, а также поддержки деятельности Президента РФ. Причина в том, что индекс потребительских настроений отражает скорее общее восприятие экономической ситуации в стране, а не самооценку своего личного материального положения, в динамике которой негативных изменений не происходит (доля людей «среднего достатка», а также «бедных и нищих» за последние два месяца не изменилась и составила соответственно 37 и 52%). Другими словами, оценка изменений, происходящих в динамике личного материального положения, остается более стабильной, чем оценка общей экономической ситуации в стране, и это оказывает решающее влияние на социальное самочувствие и отношение к деятельности власти.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	Июнь 2014	Авг. 2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Фев. 2015	Апр. 2015	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
												2013	2011	2007
Настроение														
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	68,6	69,4	71,1	70,5	69,3	70,9	61,8	67,6	68,5	0	+5	+5
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	26,2	24,9	23,7	25,1	24,6	24,1	31,3	26,6	25,9	0	-3	-2
Запас терпения														
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	79,3	80,8	81,0	82,5	80,3	80,0	74,3	78,9	79,5	0	+5	+5
Терпеть наше бедственное положение невозможно	13,6	15,3	14,2	12,6	13,4	12,8	12,1	13,6	17,3	14,9	14,0	0	-1	0
Социальная самоидентификация*														
Доля считающих себя людьми среднего достатка	48,2	43,1	43,9	43,2	42,0	44,1	43,5	42,3	38,3	36,7	41,2	-3	-2	-7
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	46,9	49,1	48,4	49,6	49,3	51,0	53,3	51,6	50,5	+4	+6	+8
Индекс потребительских настроений														
Значение индекса, в пунктах	105,9	89,6	90,3	87,6	90,5	87,1	84,0	82,3	75,7	73,4	82,2	-8	-7	-24
* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»														

В феврале – апреле 2015 г. доля положительных оценок социального настроения увеличилась в 13 из 14 социально-демографических групп населения. Прежде всего, среди людей в возрасте от 30 до 55 лет (с 58 до 68%) и 20% наименее обеспеченных жителей области (с 38 до 56%).

Негативные изменения отмечаются только в одной группе – среди 20% наиболее обеспеченных жителей области (доля положительных оценок социального настроения снизилась с 80 до 78%).

В целом по области и почти во всех социально-демографических категориях населения (за исключением 20% наименее обеспеченных) социальное настроение лучше, чем в 2007 г. По-видимому, это связано с началом третьего президентского срока В.Путина и в принципе с тем, что именно В.Путин занимает пост главы государства. Именно в 2012 г. доля положительных оценок социального настроения вышла на тот уровень, на котором сохраняется в настоящее время (67 – 69%). До 2012 г. удельный вес тех, кто позитивно оценивает свое настроение, был несколько ниже (63%). Причем эта особенность отмечается почти во всех (в 11 из 14) социально-демографических группах.

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных)

Категория населения	2007	2011	2012	2013	2014	Июнь 2014	Авг. 2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Фев. 2015	Апр. 2015	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
													2013	2011	2007
Пол															
Мужской	65,9	64,5	69,1	69,9	68,9	71,3	69,5	68,8	69,7	61,7	67,4	68,1	-2	+4	+2
Женский	61,7	62,0	65,8	67,5	69,8	71,0	71,4	69,8	72,0	61,9	67,8	69,0	+2	+7	+7
Возраст															
До 30 лет	71,3	70,0	72,3	75,5	75,1	76,1	79,1	76,6	76,4	71,3	73,5	75,5	0	+6	+4
30–55 лет	64,8	62,5	67,9	69,2	69,5	71,8	70,3	68,3	69,8	58,3	67,9	67,7	-2	+5	+3
Старше 55 лет	54,8	58,3	62,1	62,4	65,4	66,7	64,9	66,1	69,1	60,7	63,7	65,2	+3	+7	+10
Образование															
Среднее и н/среднее	58,4	57,4	57,2	60,6	62,5	61,7	63,3	65,4	67,8	54,8	62,1	62,5	+2	+5	+4
Среднее специальное	64,6	63,6	66,7	68,1	70,4	72,2	71,3	70,2	71,8	65,2	68,2	69,8	+2	+6	+5
Высшее и н/высшее	68,6	68,3	77,0	77,4	76,2	80,4	77,7	73,3	73,5	65,8	73,1	74,0	-3	+6	+5
Доходные группы															
20% наименее обеспеченных	51,6	45,3	51,5	46,2	50,8	54,9	54,1	50,2	55,1	38,3	55,6	51,4	+5	+6	0
60% средне-обеспеченных	62,9	65,3	68,7	71,9	72,3	72,7	71,5	73,5	75,0	65,2	69,2	71,2	-1	+6	+8
20% наиболее обеспеченных	74,9	75,3	81,1	83,3	84,8	89,0	89,6	79,0	81,6	80,3	78,1	82,9	0	+8	+8
Территории															
Вологда	63,1	67,1	73,6	75,0	76,4	78,6	80,7	75,5	75,6	66,4	72,5	74,9	0	+8	+12
Череповец	68,1	71,2	76,2	75,3	76,3	79,9	76,5	72,8	73,2	63,1	69,8	72,6	-3	+1	+5
Районы	61,6	57,1	59,8	61,6	61,8	62,3	61,5	64,0	67,1	58,6	63,7	62,9	+1	+6	+1
Область	63,6	63,1	67,3	68,6	69,4	71,1	70,5	69,3	70,9	61,8	67,6	68,5	0	+5	+5

Заключение

Результаты опроса, проведенного в апреле 2015 г., свидетельствуют о том, что по многим ключевым позициям, характеризующим общественное мнение, ситуация улучшилась по сравнению с началом года. Заметно повысилось социальное настроение (доля положительных оценок возросла с 62 до 68%), увеличился запас терпения (с 74 до 79%), возросла поддержка деятельности Президента РФ (с 66 до 68%).

После снижения в декабре 2014 – феврале 2015 г. стабилизировалась оценка успешности действий Президента по подъему экономики и росту благосостояния граждан (35%), а также доля жителей области, субъективно относящих себя к категории людей «со средним уровнем материального достатка» (37%).

Впервые за период с октября 2014 по апрель 2015 г. прервалась негативная динамика снижения индекса потребительских настроений среди людей, которые по самооценке уровня доходов относятся к числу 20% наименее обеспеченных жителей области (за последние два месяца ИПН в этой группе возрос с 59 до 63%). В этой же группе отмечается наибольший прирост доли положительных оценок социального настроения (с 38 до 56%).

Среди негативных тенденций последних месяцев нельзя не отметить снижение индекса потребительских настроений (в феврале – апреле 2015 г. он уменьшился с 76 до 73 п.). Это важный показатель, отражающий характер потребительских настроений людей, их прогнозы на будущее развитие экономической ситуации и собственного материального положения. Однако, как показывают результаты исследований, негативная динамика ИПН свидетельствует скорее о тревожных ожиданиях населения, о неуверенности в будущем, а не об оценке изменений, реально происходящих в динамике уровня жизни.

Положительные изменения в динамике общественного мнения связаны с улучшением материального положения населения, с преодолением ощущения кризиса. Это подтверждают данные официальной статистики², об этом упомянул и В. Путин в ходе «прямой линии» с населением, состоявшейся 16 апреля 2015 года³.

В целом тематика последних трех «прямых линий» с Президентом наглядно отражает тенденции общественного мнения. После обсуждения вопросов, связанных с международной политикой и национальным самоопределением (что было главными темами «прямой линии» 2014 г.), в 2015 г. «повестка дня» вновь сосредоточена на внутренних социально-экономических проблемах, только теперь они рассматриваются не в контексте исполнения «майских указов» (как это было в 2013 г.), а в контексте функционирования российской экономики в условиях санкций.

Тот факт, что внимание общественности сосредоточено на внутренних экономических проблемах, с одной стороны, говорит об их актуальности для населения, с другой стороны, свидетельствует о том, что общество разделяет точку зрения Президента о необходимости «самим внутри страны, в своём собственном доме, в экономике выходить на более совершенные способы управления этими (социально-экономическими. — Прим. редакции) процессами»⁴.

² По данным Вологдастата, реальные располагаемые денежные доходы населения в январе 2015 г. составили 118,1% к январю 2014 г.

³ В частности, Президент РФ отметил: «Мы столкнулись с определёнными внешними ограничениями, и это так или иначе сказалось на темпах роста, на нашем развитии, но в целом сейчас, мы тоже это видим, и рубль укрепляется, фондовые рынки растут. Нам удалось не допустить раскрутки спирали инфляции» (источник: Стенограмма «прямой линии» с Президентом РФ В.В. Путиным от 16 апреля 2015 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/49261>)

⁴ В ходе «прямой линии» в апреле 2015 г. Президент РФ отметил также: «Санкции санкциями, они, конечно, вносят свой вклад в наши сложности, но это всё-таки не главное» (источник: Там же).

Системный кризис и выбор пути развития России

**Сергей Семенович
ГУБАНОВ**

доктор экономических наук, профессор МГУ,
главный редактор журнала «Экономист»

Аннотация. В статье рассматриваются причины системного кризиса в современной экономике России. Выделяются главные факторы, тормозящие переход к инновационному типу развития страны. Особое внимание сосредоточено на потерях, вызванных компрадорским характером действующей экономической системы, и в частности — ее экспортно-сырьевой модификацией. Подробно обосновывается авторское положение о том, что нашей стране нужна сейчас экономическая система, рассчитанная на плановое проведение новой индустриализации всего отечественного хозяйства.

Ключевые слова: системный кризис экономики, компрадорский характер экономической системы, новая индустриализация.

§ 1. Причины кризиса

При анализе причин текущей социально-экономической ситуации нельзя не заметить знаковой переключки времен. Как известно, в 2015 году наша страна торжественно отмечает 70-летие победы советского народа в Великой Отечественной войне. Этот всенародный праздник имеет, безусловно, свои идеологические, поли-

тические и духовно-патриотические моменты, но нас интересует здесь больше экономический аспект. Дело в том, что великая Победа нашего народа зиждилась на особом, исторически новаторском экономическом фундаменте и явилась также экономической победой системного масштаба. Ведь в техническом отношении, напомним, Великая Отечественная война

застала страну не совсем подготовленной: к моменту вероломного немецко-фашистского нападения молодая еще советская индустрия не успела обеспечить перевооружение Вооруженных сил новым поколением военной техники. Тем не менее планово-экономическая система Советского Союза позволила очень быстро перестроить народное хозяйство на военный лад и привести военно-промышленный потенциал страны в соответствие с вызовами военного времени.

Сегодня Великой Отечественной войны нет, но исторически ситуация во многом аналогична. Действительно, перед страной стоят сейчас очень сложные геополитические задачи, причем не только на украинском направлении, а по всему периметру границ России. И на арктическом, и на дальневосточном, и на китайском, и на среднеазиатском, и на ближневосточном, и на средиземноморском направлениях — со всех сторон мы получили ныне беспрецедентные стратегические и геополитические вызовы.

И главная проблема заключается в том, что пореформенный экономический потенциал России абсолютно неадекватен брошенным нам вызовам. В результате жизнь ставит перед нами крупный и злободневный вопрос: сумеем ли мы так же быстро привести в соответствие с ними свою экономику, свой экономический базис, чтобы успешно справиться со стратегическими и геополитическими вызовами современности?

В истории нашей страны подобного рода вызовы безусловно не первые и не последние. За более чем тысячелетний исторический период не раз уже наша страна подвергалась таким судьбоносным испытаниям, и всегда выходила из них с честью — даже тогда, когда наши противники

полагали, будто Россия превратилась уже в «конченное» государство, надорванное, разложенное, разломленное, слабое и т.п. Наш народ всегда находил в себе и силы, и ум, и возможности, для того чтобы справиться с любыми вызовами. Несомненно, точно так же будет и сейчас, хотя это не значит, что предстоящие испытания «рассосутся» сами собой или же не потребуют от нас колоссальных усилий. Напротив, нам придется весьма серьезно поработать, чтобы решить исторически ответственные задачи наших дней. Но они будут решены, потому что, в отличие от многих предыдущих периодов, теперь у нас есть достаточно точное понимание, что и как нужно делать, чтобы пойти вперед, и прежде всего — чтобы поднять свой экономический потенциал.

Итак, главная задача 2015 года заключается в том, чтобы на федеральном и региональном уровнях принять такие решения и осуществить такие действия, чтобы привести экономический потенциал страны в соответствие со стратегическими и геополитическими вызовами.

По поводу сложившейся в настоящее время социально-экономической ситуации высказываются различные оценки. И, заметим, ни одна из них не является положительной. В телепередачах, на радио, в научной и аналитической литературе заключения о масштабе и природе переживаемого кризиса расходятся: стагнация, стагфляция, депрессия, автономная рецессия, дефолт экспортно-сырьевой модели, системный кризис.

Что из указанного набора экспертных оценок верно по состоянию на 2015 год? Относительно вопроса о том, чем вызвано кризисное положение в народном хозяйстве, все множество мнений сходится к двум основным позициям.

Условно их можно назвать «внешней» и «внутренней», поскольку одна из них отводит решающую роль внешним, нероссийским причинам кризиса (международные санкции, в том числе и санкции, связанные с украинским кризисом, присоединением Крыма, а также падение цен на нефть), тогда как другая — внутренним, российским. По сути, определились две принципиальные позиции.

Конечно, спорить есть о чем. Вопрос о природе кризиса вовсе не праздный. Для России крайне важно получить верный ответ на него. Будет верный ответ — будут и верные действия. И наоборот, ошибочные представления влекут за собой ошибочные действия, которые лишь отягощают и без того нелегкие последствия текущего кризиса.

Опять же, задача экономической науки заключается в том, чтобы дать точный ответ на вопрос, с какого рода кризисом мы столкнулись и какие причины к нему привели: внешние или внутренние. Как уже сказано, сейчас оформились две основные позиции, и они противоположны. Чтобы было понятно, о чем идет речь, назовем их своими именами: одна — компрадорская, а другая — суверенная.

Мы не случайно упомянули 70-летие Победы, потому что это была еще и победа ради того, чтобы наша страна работала сама на себя, чтобы она не попала в новое «иноземное иго». В годы Великой Отечественной войны Советский Союз воевал не только за военную независимость и сохранение политического суверенитета государства, но и за то, чтобы самостоятельно выбирать путь и способ своего социально-экономического развития, чтобы многонациональный советский народ работал сам на себя, а не на фашистскую Германию или какую-то другую иностранную державу.

В чем заключается компрадорская позиция? Что такое «компрадор» с точки зрения классического определения? Некоторые относят указанное понятие к разряду «бранных», ставших нарицательными, какими теперь стали и некоторые другие определения, подобно «либерализму», «демократии» и т.п. На самом деле применяемый термин имеет совершенно ясное научное содержание: он обозначает посредника между иностранным капиталом и отечественным национальным богатством. К компрадорскому (олигархическому) слою относятся те, кто занимается превращением национальной собственности в транснациональную, то есть иностранную, обслуживая интересы, заведомо чужие и чуждые России.

Еще есть термин «офшоризация» собственности — это когда российская собственность становится офшорной, то есть нероссийской. Соответственно, компрадорская разновидность экономической системы означает, что страна работает не столько сама на себя, сколько на иностранный капитал, а компрадорский социальный слой помогает подчинять работу национальной экономики в пользу иностранного капитала. Само собой разумеется, если страна работает на иностранный капитал, значит, она работает на собственное экономическое истощение. В итоге, наряду с обогащением за границы национальными ресурсами происходит обнищание внутри самой страны.

Почему приходится говорить о компрадорской позиции? У нас по-прежнему функционирует экспортно-сырьевая модель. Именно она и является компрадорской по своему характеру. Естественно, для компрадорских идеологов и фигур совершенно невыгодно, чтобы источники нынешнего кризисного положения

в стране связывались с экспортно-сырьевой моделью, то есть с внутренними факторами. Поэтому затухание темпов экономического роста и так называемую инвестиционную паузу они предпочитают связывать, прежде всего, со снижением цен на нефть, то есть с внешними факторами, на которые российское правительство не влияет и влиять не в состоянии. Согласно компрадорской позиции, сама по себе экспортно-сырьевая модель вовсе не при чем, вовсе не ответственна за сложившееся непростое экономическое положение: виноваты, мол, цены на нефть, международные санкции и прочие внешние факторы.

Компрадорской противостоит суверенная позиция, основная установка которой заключается в том, что Россия должна работать исключительно сама на себя: не на кого-то постороннего, а на собственное развитие и обогащение, на подъем покупательной способности граждан, предприятий и государственного бюджета. Вполне закономерно, что с точки зрения суверенных интересов страны кризис обусловлен не санкциями, не внешнеторговой конъюнктурой, а экспортно-сырьевой моделью работы на иностранный капитал.

И действительно, не будь господства экспортно-сырьевой модели, которая выступает, помимо прочего, моделью деиндустриализации России, ситуация была бы в корне иной. Например — как в Китае с его промышленным экспортом, поддерживаемым планово-экономической моделью экспортно-индустриального типа. Благодаря тому снижение цен на сырьевые товары не только не затрагивает китайскую экономику негативным образом, но, наоборот, стимулирует снижение топливно-энергетических издержек и подстегивает промышленный рост. Точно так же по статистике можно видеть, что при снижении цен на сырье темпы промышленного про-

изводства существенно выросли в странах Европейского союза, равно как и в англосаксонских странах. Если до 2012 года, когда происходил бурный спекулятивный подъем цен на нефть, металлы, удобрения, зерно, продовольственные товары, среднегодовые темпы роста европейской промышленности балансировали на уровне 0,3–0,5%, то сегодня это 2% (в США — 3–4%), в отличие, к сожалению, от нашей страны, где темпы промышленного роста в последнее время или нулевые, или даже отрицательные. Таким образом, вследствие господства экспортно-сырьевой модели снижение цен на нефть помогает зарубежным промышленно развитым странам, но не помогает России, точно так же как промышленному росту России не помогали в 2012–2013 годы и высокие цены на нефть, газ, металлы и удобрения.

На наш взгляд, столь контрастная асимметричность уже сама по себе должна заставить задуматься над тем, с какого рода кризисом мы столкнулись, почему понижательная динамика цен на сырье выгодна промышленно развитым странам, но болезненно отзывается на динамике нашей экономики, почему в основных нефтедобывающих странах при происшедшем в конце 2014 г. снижении цен на нефть пиковая девальвация валюты не превысила 13%, а в России перевалила за 100%, почему наша внутренняя ценовая система так резко реагирует на валютный курс рубля, на девальвацию.

Факт есть факт: когда цены на нефть и сырье падают, передовые индустриальные страны мира ускоренно обновляют высокотехнологичный промышленный капитал. А что же компрадорская по своему системному устройству Россия? Она, напротив, впадает в кризис. Сдуваются ВВП, объём бюджета, внутренний спрос, капитальные вложения, социальные расходы и т.д.

По статистике, несмотря на 2–3-кратные колебания биржевой конъюнктуры по сырьевой группе товаров, внутренние цены в странах Евросоюза (за исключением Греции) изменились за последние 5 лет на $-0,5–0,0\%$. Это говорит об управляемой стабильности покупательной силы евро (то есть национальной валюты Евросоюза).

Спрашивается теперь: что произошло с покупательной способностью рубля за последние 5 лет? Она упала, притом обесценение достигло почти 50% . Иными словами, покупательная способность рубля сократилась без малого в 2 раза. Естественно, для экономической науки это уже сам по себе достаточный симптом, чтобы хотя бы поставить перед собой элементарный вопрос: что же это за экономическая система в стране, которая приводит к обвалу самого главного средства обращения — национальной валюты? И почему евро, в отличие от рубля, — это валюта, которая является долгосрочным стимулом для того, чтобы сберегать, зарабатывать и накапливать.

Сбережения в евро, несмотря на очень низкие процентные ставки, вполне рациональны, потому что человек, который отложил сбережения в евро, совершенно уверен, что через 30 лет их покупательная способность будет не ниже, чем в тот момент, когда он сделал свои сбережения.

Теперь попробуйте применить эту стратегию к рублю. Попробуйте сберечь покупательную способность в рублях на 30 лет. Не получится. И понятно, почему — из-за стремительного обесценения рубля. Что это значит? Это значит, что рубль не является долгосрочным экономическим стимулом.

Между тем, твердая по покупательной силе валюта суть первое, с чего начинается любая дееспособная экономическая система. Мы уже привели в пример евро. Можно указать также советский золотой червонец после денежной реформы 1924–1925 годов,

советский рубль после денежной реформы 1947 года, немецкую марку после денежной реформы Л. Эрхарда, послевоенную японскую иену. Из хрестоматийного исторического ряда твердых валют, с которыми связан бурный экономический прогресс или подъем, полностью выбивается только постсоветский рубль. Только он не выполняет своей системной функции.

С точки зрения фундаментальной экономической характеристики главное отличие компрадорской экономической системы, и в частности — ее экспортно-сырьевой модификации (экспортно-сырьевая система по своему характеру относится к классу компрадорских), состоит в том, что это зависимая экономическая система. Всякая экономика, которая отличается компрадорским характером, по определению не относится к классу независимых.

Безусловно, началом начал для решения крайне серьезных задач — и высокотехнологического развития, и укрепления политического суверенитета, и геополитического уровня — может быть только экономическая независимость нашей страны. Однако, каким образом можно добиваться экономической независимости России, имея зависимую от иностранного капитала экономическую систему? Перед нами явное противоречие наших дней, притом самое кардинальное: России нужна независимость в области внутренней политики и геополитики, но при этом она критически зависима от иностранного капитала в экономике. Данное противоречие, скажем прямо, работает на системный разрыв экономического базиса и политической надстройки, а потому непременно должно быть устранено.

В том же контексте встает архиважный вопрос: если бы 70 лет назад Великая Отечественная война застала нас не с советской плановой системой хозяйствования, а

с нынешней — экспортно-сырьевой, что бы мы делали, смогли бы выйти победителями в тогдашнем судьбоносном испытании, предельно тяжелом для нашей страны?

В военные годы советская плановая система позволила превзойти экономический потенциал фашистского рейха, причем, что называется, на ходу, в обстановке фронтовых сражений. Пришлось заниматься эвакуацией тысяч предприятий из европейской части, переселением десятков миллионов мирных граждан, скота, имущества и т.д., перебазированием станков, оборудования, электроэнергетики, химических производств. Вдобавок, в 1941-1942 годах были потеряны самые лучшие европейские зернопроизводящие регионы, но страна сумела организовать производство зерна за Уралом. Весь Советский Союз в годы войны кормила зауральская аграрная территория, которая относится к самым неблагоприятным по условиям зернового производства.

Именно тогдашняя планово-экономическая система позволила решить сложнейшие вопросы организации военного хозяйства. Более того, по качеству военной техники — танки, артиллерия, самолеты и пр., советское оружие к концу Второй мировой войны было лучшим в мире.

А если бы, повторим, довелось встречать фашистские армады с экспортно-сырьевой моделью, с бесплановой экономической системой, к тому же еще компрадорской? Думается, в таком случае ни одного предприятия не смогли бы переместить из европейской части в Заволжье и на Урал. Да и как можно перемещать предприятия, предоставленные самим себе, которые работают даже не на частный (внутренний) интерес, а на иностранный. Очевидно, перед нами один из поучительных уроков отечественной истории, который крайне актуален ныне и действительно говорит о переключке времен.

§ 2. В чьих руках командные высоты?

Главная характеристика любой экономической системы определяется тем, в чьих руках находятся командные высоты экономики. К командным высотам экономики относятся электроэнергетика, инфраструктура, топливно-энергетический комплекс, агропромышленный, ресурсы продовольственной, технологической, научно-технической безопасности, банковская система, земля, стратегические предприятия. В чьих руках это все?

Разве командные высоты нашей экономики находятся сейчас в руках государства? Нет, они не в руках нашего государства, и даже не столько в руках внутреннего олигархически-компрадорского клана, сколько в руках иностранного капитала, который овладел командными высотами постсоветской экономики через олигархические и офшорные структуры.

Приведем один конкретный пример, чтобы сказанное было не голословным обобщением, а конкретным и наглядным аргументом. Посмотрим на нашу гражданскую авиацию: какую долю авиапарка обеспечивают сейчас отечественные самолеты? Менее 5%. Почти 95% пассажирских авиаперевозок выполняется с использованием иностранной техники. Зададимся простым вопросом: в чьей собственности числятся «боинги» и «аэробусы», которыми летаем? Можно ли считать их «нашими» по собственности самолетами? Нет, нельзя, ибо все они находятся в лизинге. Российские авиакомпании лишь арендуют их у иностранных собственников — вместе с запчастями и расходными материалами. А ведь самолетный авиапарк — это тоже командные высоты экономики.

Или взять банковскую систему, так называемые банковские платежно-расчетные технологии, карточки, протоколы, стан-

дарты, серверы, супер-ЭВМ. Они чьи? Чья там операционные системы? Чья система SWIFT? Она что, наша? Нет, и она не наша, даже на нашей территории. Поэтому едва ли удивительно, что при возникновении вопроса о санкциях угрозой угроз стало отключение платежно-расчетной инфраструктуры на территории России, включая систему SWIFT. А была бы национальная, суверенная платежно-расчетная система, угрожали бы нам подобные санкции? Конечно, нет. Таково конкретное значение вопроса — «В чьих руках командные высоты нашей экономики?», а также того, каков характер имеет действующая экономическая система.

Исходя из парадигмы командных высот экономики, причины кризиса идентифицируются как целиком внутренние. По сути, постсоветская Россия изначально живет в состоянии системного кризиса, то есть кризиса компрадорской экономической системы. Естественно, с падением цен сырьевого экспорта обострение системного кризиса достигает кульминации, более всего чувствительной в бюджетной сфере. Поэтому незачем кивать на санкции иностранных партнеров нашего олигархически-компрадорского клана, ибо кризис имеет характер системного.

Несмотря на то, сегодня ряд экономистов, приверженных компрадорской идеологии (А.Л. Кудрин, Е.Т. Гурвич, В.А. Мау, А.В. Улюкаев, Б.Ю. Титов), так или иначе отстаивает экспортно-сырьевую модель и компрадорскую экономическую систему. Они придерживаются такого мнения, что экспортно-сырьевая модель поддается модернизации и нужно только урезать либо вовсе убрать долю государства, то есть добиться того, чтобы экспортно-сырьевая рента полностью уходила в руки олигархов, а не в государственный бюджет.

Здесь очень интересный и примечательный момент, притом опять-таки системного порядка. Технически доля государства в экспортно-сырьевой ренте держится на экспортных пошлинах и налоге на добычу полезных ископаемых (НДПИ). Бюджетную долю и предлагается предельно ужать под видом так называемой дальнейшей либерализации, деbüroкратизации и приватизации. Но что значит сокращение государственного сектора? Что значит отход от государственной поддержки внутреннего спроса? Нелишне отметить, что государственная поддержка внутреннего спроса осуществляется путем индексирования социальных расходов и пенсий, финансирования оборонных заказов, которые дают работу множеству оборонных предприятий, финансирования энергетической и транспортной инфраструктуры, строительства магистральных дорог, на которые и так не хватает средств, жилищного строительства, в том числе для молодых специалистов, сферы АПК и т.д. Все статьи бюджетных расходов, от инвестиционных до социальных и экологических, обеспечивают государственную поддержку совокупного спроса.

Сторонники компрадорской позиции трактуют бюджетную поддержку внутреннего спроса населения и предприятий как «экономику спроса», от которой призывают уйти. Но уйти — значит выдернуть и исключить из поддержки совокупного спроса бюджетные расходы. Как можно их выдернуть? Очевидно, чтобы не было бюджетных расходов, надо убрать бюджетные доходы. Какие? Прежде всего, нефтегазовые экспортные пошлины и НДПИ.

И действительно, компрадорский клан открыл сейчас настоящий бюджетный фронт. Если пристально посмотреть, вокруг чего развернулась нешуточная схватка, то можно увидеть такую новацию —

собственники нефтегазовых промыслов предлагают уйти от экспортных пошлин и НДС к налогу на добавочный доход (НДД), который легко обнуляется офшоризацией доходов и капиталов. Вместе с тем, разумеется, к нулю сводятся нефтегазовые доходы бюджета, а с ними — и бюджетные расходы, направленные на поддержку совокупного внутреннего спроса. Государству, оставленному с пустой казной, придется вновь обратиться к зарубежным займам, по сути — согласиться с очередной внешне-долговой кабалой, которая уже была в 1990-е годы.

За всеми этими вроде бы техническими вопросами на самом деле стоит главный системный вопрос: в чьих руках будут командные высоты экономики, и в чьих интересах будут использоваться нефтегазовые доходы? Поэтому передний край борьбы в нашей экономической науке сегодня проходит по линии не ликвидации государственной поддержки совокупного спроса, а напротив — ее усиления. Причем требуется кардинальное усиление, которое должно проводиться уже не за счет передела экспортно-сырьевой ренты, а за счет того, что топливно-энергетический комплекс изначально работает на бюджет и бюджетные доходы. России необходима такая экономическая система, при которой доходы не делятся между государством и частником в нефтегазовом комплексе, а являются бюджетными с самого начала. Вот на какую системную конструкцию важно выйти из нынешних дебатов и борьбы между двумя позициями — суверенной и компрадорской.

В январе этого года Правительство РФ приняло антикризисную программу, называемую еще антикризисным планом. Конечно, перечень намеченных мер каким-либо планом не является. Скорее он представляет собой набор деклараций и

обещаний финансовых вливаний, причем в первую очередь — в тот самый олигархически-компрадорский банковский сектор, который как раз и занимается выводом денежного капитала за рубеж. Самый главный изъян правительственной программы заключается не в том, что мало денег выделяется на борьбу с кризисом, а в том, что ее составители совершенно не считаются с тем, какого рода кризис выступил сейчас наружу.

Дело отнюдь не в том, какие темпы демонстрирует сейчас наша экономика, а в том, что экономического роста правительство ждет от экспортно-сырьевой модели, абсолютно недееспособной. Теперь неважно, высоки цены сырьевого экспорта или нет. Особенность последних лет говорит сама за себя: экспортно-сырьевая модель в принципе не в состоянии обеспечивать даже номинальный рост бюджета и экономики, независимо от того, каков уровень цен на нефть и газ. Растут ли цены на нефть, падают ли — это для экспортно-сырьевой модели уже совершенно безразлично. Она потерпела полный крах. Все, под ней пора подвести черту. Требовать от нее темпов роста бесполезно. И впрямь бессмысленно: во-первых — требовать того, чтобы оживить мертвого; во-вторых — терять на это время; в-третьих — исходить из компрадорской утопии, будто экспортно-сырьевую модель можно оставить еще на 10 лет.

Подобный подход абсолютно неправилен, потому что темпов роста от экспортно-сырьевой модели не дожидаться. Но самое интересное, что незачем и ждать, потому что это все равно будет фиктивный рост.

Известно, что период 2000–2008 годов образно называют «тучными годами», поскольку были достигнуты самые впечатляющие якобы темпы роста экономики. Подобная точка зрения представлена, например, А.Л. Кудриным и Е.Т. Гурвичем в

их совместной статье¹. Указанный период авторы называют «впечатляющим», ссылаясь на то, что в долларовом выражении ВВП нашей страны вырос в 7 раз. Но их восторженная оценка беспочвенна. В самом деле, разве покупательная способность населения выросла тоже в 7 раз? Реальная величина покупательной способности трудящихся никак не делает их в 7 раз богаче в 2008 году по сравнению с 2000 годом. Верно, в долларовом выражении ВВП России действительно вырос в 6,95-7 раз – это официальные данные. Однако, зафиксированный семикратный прирост в долларовом исчислении отражает не что иное, как бешеную инфляцию нефтедоллара. Если исключить ее, получим реальную динамику совокупной покупательной способности: она и впрямь выросла, но только не в 7 раз, а всего лишь в 1,5 раза. При очищении от инфляции нефтедоллара иллюзия «впечатляющего» роста в 2000-2008-х годах рассеивается словно дым.

В настоящее время фактически сложилась система двух долларов. Первый доллар – это тот, который находится во внутреннем обращении США, по сути, на 99% безналичный доллар, циркулирующий посредством электронных транзакций. Его покупательная способность держится очень жестко. Максимум годовой инфляции в США составляет 2,2%. Причем в последние годы ФРС США больше всего опасается обратного процесса – дефляции.

Второй доллар внешний, как бы «на вынос», на экспорт, для остального мира. Это, прежде всего, нефтедоллар. Поддержкой его покупательной способности американцы не занимаются вообще, поскольку нефтедоллар отоваривается ресурсами остального мира, не американского.

¹ Кудрин А., Гурвич Е. Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. – 2014. – № 12.

Итак, по внутреннему доллару покупательная способность поддерживается американскими товарами. Покупательная же способность нефтедоллара обеспечивается нефтью, прочим сырьем и ресурсами остального мира, в том числе России. Никакой ответственности за покупательную способность нефтедоллара США не несут, они попросту не обеспечивают его своими товарами. Главное, чем США принуждают остальной мир использовать нефтедоллар, это захват нефтеносных провинций по всему миру, контроль морских коммуникаций и танкерного флота, насаждение марионеточных режимов в нефтедобывающих странах или богатых сырьевыми ресурсами. Недавние примеры – свержение неугодных США режимов в Ираке, Ливии, Украине.

Все нефтеносные регионы планеты подвержены ныне американскому контролю либо борьбе за американский контроль. В отношении наших нефтеносных провинций у Соединенных Штатов также имеются стратегические планы: по постановке их под свой прямой политический, экономический или валютно-монетарный контроль. Когда говорят о семикратном росте ВВП России в долларовом выражении, то фактически оперируют именно нефтедолларовым выражением и видят не что иное, как плоды импорта нефтедолларовой инфляции.

Приведем еще одно важное отличие внутреннего доллара от внешнего. По внутреннему доллару имеется и рассчитывается индекс-дефлятор, тогда как по внешнему индексу-дефлятора нет. Привести ВВП, выраженный в нефтедолларах, к сопоставимому долларовому объему невозможно, ибо не существует соответствующего индекса-дефлятора. Получается, что страна с экспортно-сырьевой экономикой не в состоянии даже подсчитывать реальную динамику своей нефтедолларовой покупательной способности.

Конечно, метод аналитического расчета есть. Нами неслучайно названа цифра реального прироста ВВП России за 2000-2008-е годы. Она исчислена с применением проверенного советского метода расчета по балансу народного хозяйства. Он служит самым точным алгоритмом, и расчеты по нему показывают, что реальная покупательная способность населения, бюджета и предприятий увеличилась не более чем в 1,5 раза.

Безусловно, говорить о каком-либо впечатляющем периоде не приходится, потому что полторакратный рост все равно ниже двукратного, о котором шла речь в 2003 году. Но самое главное в том, что реальная покупательная способность общества все еще в два раза ниже по сравнению с советским, дореформенным уровнем. Постсоветская емкость отечественного внутреннего рынка до сих пор в 2 раза ниже, чем его емкость в советское время.

С точки зрения фундаментальных факторов все закономерно. В советский период емкость всесоюзного рынка наполнялась промышленными товарами собственного изготовления: мы летали своими самолетами, ездили своими поездами, смотрели свои телеприемники, выпускали свои станки и машины. Теперь, к сожалению, страна вынуждена заполнять внутренний рынок без собственных промышленных товаров, как в случае с самолетами и высокоскоростными поездами, только на основе добычи сырья, по схеме: сырье в обмен на продовольствие и оборудование.

Может ли отечественный рынок быть при деиндустриализации больше и насыщеннее, чем в советский период, когда промышленность работала на полную мощь? Конечно, не может. В условиях деиндустриализации просто не приходится рассчитывать на то, чтобы восстановить советский уровень товарного насыщения

внутреннего рынка, не говоря уже о советском качестве продовольственной и промышленной продукции.

Мало того, в валютно-монетарном исчислении экспортно-сырьевая модель гарантирует России типичную игру с нулевой суммой, даже если отвлечься от импорта инфляции и колоссального оттока капитала за рубеж. Когда мы дороже продаем нефть и газ, то дороже покупаем машины и продовольствие. Если выполнить простейший анализ для периода 2000-2014 годов, умножив объемы экспорта и импорта на индекс экспортных и импортных цен, то получим нулевой баланс. Сколько мы вывозим, столько в эквиваленте и ввозим.

Приведем наглядное сравнение. Спрашивается, что тяжелее в физическом измерении: 1 кг гвоздей по состоянию на 2000 год или 1 кг ваты по состоянию на 2015 год. Вопрос сугубо риторический, поскольку и тогда был килограмм, и теперь. Точно так же и экспортно-сырьевая модель: в физическом выражении ни экспорт нефти не возрос в 7 раз, ни экспорт газа или металлов и удобрений. Многократно возросла лишь инфляция нефтедоллара. Чем больше нефтедолларов печатает ФРС США, тем выше цена за нефть и нефтедолларовый ВВП России. Стоит же провести дефлятирование макроэкономической динамики по всем канонам, и семикратный показатель роста оборачивается полной фикцией. В конечном счете Россия остается только без очередной порции своего национального богатства, выступая чистым товарным кредитором иностранных ТНК и импортируя взамен инфляцию.

Поэтому те, кто понимает нехитрую схему неэквивалентного для России обмена реального на виртуальное и фиктивное, выступают за устранение экспортно-сырьевой модели, за переход от компрадорской и бесплановой экономической системы к суверенной и плановой. Позиция здесь

логична и обоснована: кризис компрадорской системы преодолевается переходом к суверенной, а кризис бесплановой — установлением плановой.

Однако административным ресурсом обладает, к сожалению, группа экономистов с компрадорской идеологией, которая пропагандирует идею опоры на иностранный капитал и шаблонно заверяет, будто Запад нам поможет. Сейчас они выдвинули программу модернизации экспортно-сырьевой модели путем приватизации и налоговых маневров. Однако, как уже показано, модернизировать экспортно-сырьевую модель — это все равно что модернизировать системный кризис России. В лучшем случае продолжится игра с нулевой суммой, и только.

Абсурдно призывать к модернизации экспортно-сырьевой модели, ибо для России враждебна и не нужна сама эта модель. Нашей стране нужна модель неоиндустриального развития, с первоклассной индустрией высокотехнологичной переработки сырья в готовую конечную продукцию с высокой долей добавленной стоимости (а не одной только прибыли). России нужна экономическая система, которая позволяет иметь свою технику, свою авиацию, перевозить население своими самолетами, а не чужими, своими высокоскоростными поездами, использовать свои телеприемники, свои цифровые гаджеты, свои платежно-расчетные системы, свою фундаментальную и прикладную науку, иметь свои высокие технологии, свои автоматизированные рабочие места. Вся стратегия «иметь свое» в области командных высот экономики как раз и обеспечивается на основе новой индустриализации. Отсюда и вытекает принципиальный вывод, что нашей стране нужна сейчас экономическая система, рассчитанная на плановое проведение новой индустриализации всего отечественного хозяйства.

§ 3. Что такое новая индустриализация

Целесообразно кратко напомнить, что такое новая индустриализация. Она представляет собой вторую фазу индустриализации, понимаемую в качестве процесса замещения трудоемкого наукоемким, или машиноемким. Как известно, суть первой фазы индустриализации заключалась в электрификации промышленности, сельского хозяйства, транспорта, жилищно-коммунального хозяйства, социальной инфраструктуры. Первичная индустриализация состоит, следовательно, в электрификации производительных сил. Главные задачи электрификации в основном выполнены. Но, заметим, она еще не завершена. Ряд задач, причем весьма крупных, все еще остается и ждет своего практического решения. В их числе: электрификация сельскохозяйственных машин, автомобильного, морского и речного транспорта, авиационного и т.д. Следовательно, пока рано говорить об окончании даже первой фазы индустриализации.

Менее известно было о том, что индустриализация имеет не одну, а две фазы, что индустриализация не останавливается на электрификации рабочих мест, а продолжается их компьютеризацией и автоматизацией, вплоть до становления единой автоматизированной системы производительных машин, взаимно интегрированных микропроцессорными, или цифровыми технологиями.

Обе фазы индустриализации — и первая, и вторая — закономерно связаны одна с другой, поскольку действует простой, но неумолимый закон их связи: автоматизировать можно то и только то, что предварительно электрифицировано.

Таким образом, неоиндустриализация означает создание компьютеризованных и автоматизированных производительных сил, увязанных в единую автоматизиро-

ванную систему машинного производства и распределения материальных и социальных благ.

Если базисным продуктом электрификации является киловатт-час, то базисный продукт неоиндустриализации — это микропроцессор. Соответственно, готовность конкретной страны к неоиндустриальному этапу развития определяется наличием внутреннего производства микропроцессоров и микропроцессорной техники. Страна, которая обладает своим производством передовых микропроцессоров, подготовлена к масштабной неоиндустриализации во всех отношениях: научно-техническом, технологическом, инновационном, индустриальном, информационном, кадровом, организационном, системном.

Поэтому различного рода концепции научно-технического прогресса, инновационного пути развития, «экономики знаний», «информационного общества», «новой экономики» или «цифрового социума» представляют собой лишь точечные, подчас весьма поверхностные срезы возникающей ныне неоиндустриальной реальности.

Упрощенным, но конкретным количественным индикатором хода неоиндустриализации может служить удельный вес автоматизированных рабочих мест, прежде всего — в сельском хозяйстве, промышленности, строительстве и электроэнергетике. В наиболее передовых индустриальных странах мира доля таковых колеблется от 12 до 24% общего их количества в соответствующих секторах. Это значит, что самые развитые державы планеты действительно вступили в этап крупномасштабной неоиндустриализации.

России необходимо как можно быстрее разворачивать процесс крупномасштабной неоиндустриализации. Иначе говоря —

формировать технотронный, высокоавтоматизированный, полностью «оцифрованный» наукоемкий способ производства, который позволяет с минимальными затратами труда и ресурсов удовлетворять современные материальные, социальные и экологические потребности людей, работая в соответствии с принципами безлюдности, безотходности, рециркуляции ресурсов и рекреации окружающей среды.

Помимо отставания в неоиндустриальном развитии положение российской экономики осложняется деиндустриализацией.

У деиндустриализации России — своя причина, которая заключается в дезинтеграции добывающей и обрабатывающей индустрии. В свою очередь, их дезинтеграция поддерживается экспортно-сырьевой экономической системой, основанной на господстве олигархической собственности в сырьевом, а также инфраструктурном секторе народного хозяйства.

Безусловно, какой-либо альтернативы неоиндустриализации не существует. Неоиндустриальный этап развития столь же обязателен для России, как и этап электрификации.

И, разумеется, дело не в том, чтобы формально или вербально признать необходимость новой индустриализации. Важно выработать и практически реализовать конкретные государственные решения, адекватные требованиям и перспективе неоиндустриального развития.

Одно из самых первоочередных и фундаментальных требований уже названо — это организация автоматизированного производства передовых микропроцессоров и микропроцессорных устройств. С точки зрения неоиндустриальной перспективы организация такого производства составляет приоритет в полном смысле слова.

Отметим еще один, уже целевой приоритет неоиндустриального развития – трудосбережение. Компьютеризация и автоматизация рабочих мест влекут за собой рост человеческого потенциала (доли высококвалифицированной, дорогой рабочей силы, занятой преимущественно интеллектуальным трудом) и производительности труда; вслед за тем соразмерно возрастает трудосбережение, благодаря которому происходят сокращение рабочего времени (во Франции, Германии, Швейцарии, скандинавских странах – до 35 часов в неделю и менее) и увеличение свободного времени.

Чем квалифицированнее, производительнее и дороже рабочая сила, тем больше заинтересованность в замещении трудоемкого капиталоемким, т.е. в неоиндустриальном прогрессе. Тогда производство становится сферой, не отталкивающей, а притягивающей науку, НИР и НИОКР, инновации, долгосрочные научно-технологические программы. Тем самым процесс неоиндустриализации, сориентированный на трудосбережение, способен включить в действие потенциал своего расширенного воспроизводства, становясь самовоспроизводящимся.

В данном отношении, воспроизводственном, верный выбор целевых приоритетов исключительно важен для экономической политики государства. Сейчас, например, одним из приоритетов называют энергоэффективность. Но достижима ли она в отрыве от трудосбережения, без неоиндустриализации? Недостижима.

Высокая энергоемкость ВВП России обусловлена двумя факторами: завышенными внутренними ценами на энергоносители и деиндустриализацией, из-за чего слишком мало промышленной добавленной стоимости приходится на единицу стоимости сырья и топлива.

§ 4. Экономическая система для новой индустриализации

Практическое осуществление новой, наукоемкой индустриализации России возможно не иначе, как на основе новой экономической системы – суверенной и плано-регулируемой. Сама собой, в порядке стихийного самотека новая индустриализация не произойдет. Она требует восстановления всех командных высот экономики в суверенной собственности, вертикально интегрированной формы организации нашего народного хозяйства и плановых методов концентрации людских, материальных и финансовых ресурсов на приоритетных направлениях развития. Только при таких системных условиях и предпосылках страна получит подъем, развитие и рост отечественного хозяйства.

Представим формулу реального экономического роста, достижимого исключительно лишь на базе неоиндустриальной экономической модели:

$$E = (Y_{t+1}/i - Y_t)/K_t; \quad A = K_t/Y_t; \quad (1)$$

$$g = 100\% \times (Y_{t+1}/i - Y_t)/K_t \times K_t/Y_t; \quad (2)$$

$$g = 100\% \times E \times A \text{ (в сопоставимых ценах),} \quad (3)$$

где:

E – эффективность капиталовложений;

g – темп роста экономики;

A – доля накопления;

i – уровень инфляции;

Y_{t+1} – ВВП в текущих ценах;

Y_t – ВВП прошлого периода;

K_t – фонд накопления.

Согласно приведенным соотношениям, темпы экономического роста прямо пропорциональны эффективности капитальных вложений, доле накопления и обратно пропорциональны индексу-дефлятору. Первая часть формализованной записи означает, что разность между объемом ВВП

в текущих ценах, скорректированным на индекс-дефлятор, и объемом ВВП прошлого периода, деленная на величину фонда накопления, выражает эффективность капитальных вложений. Соответственно, удельный вес капитальных вложений в ВВП означает долю накопления. В итоговой записи, самой короткой, величины берутся в сопоставимых ценах и потому формула экономического роста сводится к эффективности капитальных вложений, умноженной на долю накопления. Перед нами те самые внутренние и фундаментальные параметры, которые должны быть объектом планового регулирования и управления.

Подставим в данную формулу реальные значения параметров: эффективность капитальных вложений — 2,5% в год при инфляции 7%, доля накоплений — 20%; при инфляции на уровне 16% эффективность накопления становится отрицательной — -3%. С учетом указанных величин реальный диапазон макроэкономической динамики колеблется от 0,5 до -0,6% в год, то есть в пределах арифметического нуля. Таков истинный КПД компрадорской экономической системы с точки зрения экономического роста.

Есть и другой момент, связанный с тем, что инфляция превосходит эффективность капитальных вложений. Поставим себя на место внутреннего инвестора, который вкладывает 100 рублей, а в виде инвестиционной отдачи получает 2,5%, тогда как инфляция составляет 16%. Каков его реальный доход? Отрицательный — -13,5% в расчете на 100 рублей. В то же время за рубежом депозитная ставка 1-2%. Кажется, что это очень низкий процент. Но сопоставим его с нашими условиями и зададимся вопросом, что лучше: потерять 13,5% в России или приобрести 1-2% за ее преде-

лами? Что предпочтет внутренний инвестор? Несомненно, вывод своих средств за рубеж. Такой вариант и будет основным при сохранении компрадорской экономической системы, которая не допускает ни регулирования трансграничного движения капитала, ни планово-нормативного механизма сокращения издержек производства, ни устранения деиндустриализации.

Нами представлен только один элементарный расчет, но из него вполне ясно, почему сокращается величина капитальных вложений в нашей экономике. Нечего и говорить, что без инвестиций нет ни развития, ни будущего. В существующих системных условиях ВВП России стремится к падению, ибо компрадорская экономическая система не включает в себя методов планового воздействия на ключевые факторы экономического роста — эффективность капитальных вложений и долю суммарного накопления.

Кроме того, неадекватна и целевая функция. Действительно, что должна максимизировать новая, суверенная и планово-регулируемая экономическая система? Возьмем ВВП, или конечный спрос, с точки зрения его важнейших внутренних элементов. Их три: заработная плата, или интерес работника; прибыль, или интерес частного собственника; и государственный бюджет, или интерес совокупного, социального капитала.

$$Y = v + s + f, \quad (4)$$

где:

v — заработная плата;

s — прибыль;

f — госбюджет.

Какой же элемент из трех должна максимизировать экономическая система: прибыль, заработную плату или бюджет?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужен анализ системных последствий с учетом максимизации каждого из данных элементов. Тогда открываются очень интересные особенности. В частности, максимизация прибыли в условиях России означает минимизацию заработной платы и бюджета. «На выходе» получаются богатый олигарх, нищий работник и нищее государство.

$$[AX + (s \rightarrow_{max})] + (v + g) \rightarrow_{min}, \quad (5)$$

где:

AX – промежуточный выпуск;

s – прибыль (извлекается из промежуточного производства, а не конечного, как при вертикальной интеграции);

v – заработная плата;

g – госбюджет.

Возвратимся теперь к тому геополитическому состоянию, в котором находится страна. Спрашивается, отвечает ли вариант нищих работников и нищего государства нашим политическим и геополитическим задачам? Нет, не отвечает. Стало быть, всякая экономическая система, которая направлена на максимизацию прибыли, заведомо противоречит тем задачам, которые стоят перед страной. Между тем, принцип максимума прибыли является основной догмой и священной коровой «экономикс» с его предельной эффективностью капитала. Все предложения компрадорских идеологов исходят из того, что нужно работать на прибыль. Но кто тогда будет работать на заработную плату и государственный бюджет? Нам предлагают широкую целевую функцию экономической системы оставить в подчинении узкой и компрадорской – частной прибыли. На самом деле формула экономической системы, адекватной нашим экономическим и геополитическим задачам, совершенно иная:

$$AX + [(v + f) \rightarrow_{max}] + (s \rightarrow_{min}), \quad (6)$$

где:

AX – промежуточный выпуск;

v – заработная плата;

f – госбюджет;

s – прибыль.

Исходя из нее, отечественную экономическую систему надо коренным образом перестроить, перенастроив на максимизацию заработной платы и государственного бюджета при минимизации частной прибыли. В том, собственно, и состоит реальное преодоление системного кризиса. Выйти из него можно только с принципиально новой, суверенной и плано-регулируемой экономической системой.

Описанный нами и объективно требуемый системный переход опять же расходится с догматами и постулатами идеологии свободного рынка, потому что, оказывается, в рамках неоиндустриальной экономической модели конкурентным преимуществом является не дешевая рабочая сила, а, наоборот, высокооплачиваемая. Приоритетами являются не низкий, а высокий уровень заработной платы; не слабое или нищее, а сильное и богатое государство, способное управлять эффективностью капитальных вложений и долей внутреннего накопления.

В системном аспекте парадигма новой индустриализации предполагает переворот в наших представлениях. Для новой индустриализации подходит не всякая, а по-особому устроенная экономическая система, с новыми организационными формами и методами планового управления. Ведущей становится вертикально-интегрированная форма организации народного хозяйства. Она позволяет сформировать экономику своих многоотраслевых корпораций, с не меньшей

степенью централизации и концентрации промышленного капитала, чем в крупнейших иностранных ТНК.

Итак, системные альтернативы ясны: либо дезинтегрированная «экономика спроса», либо дезинтегрированная «экономика предложения», либо интегрированная экономика своих многоотраслевых корпораций, то есть вертикально интегрированных цепочек добавленной стоимости.

«Экономика спроса» означает экспортно-сырьевую модель при государственной поддержке совокупного спроса. Но сегодня сохранить такой вариант невозможно даже при всем желании, потому что экспортно-сырьевая модель перестала наполнять государственный бюджет. С 2013 года спрос приходится поддерживать за счет расходования золотовалютных резервов, и темпы их истощения таковы, что их хватит на 44 недели, что меньше года. В любом случае ресурс экспортно-сырьевой модели исчерпан.

Что касается «экономики предложения», то она предполагает ликвидацию государственной поддержки совокупного спроса и максимальное дерегулирование, преподносимое под видом де бюрократизации и очередной «либерализации». По сути, «экономикой предложения» прикрывается призыв к откат назад, к хаосу и беспределу 1990-х годов.

Удивительно асоциальное все-таки мышление у компрадорских псевдолибералов: в ранг антикризисной меры они возвели ныне повышение пенсионного возраста. Оказывается, для того чтобы Россия преодолела кризис в экономике, нужно непременно увеличить пенсионный возраст. Не нужны ни инвестиции, ни организационная революция, чтобы перейти от стихии и анархии к межотраслевому

взаимодействию, ни высококвалифицированная рабочая сила, ни автоматизированные рабочие места: достаточно того, чтобы были престарелые пенсионеры, чтобы мужчины получали пенсию не в 60 лет, а в 65, а женщины – в 60 лет. Каким образом увеличение пенсионного возраста обеспечивает рост производительности труда и сокращение безработицы – о том даже не задумываются, равно как о сроке дожития пенсионеров и качестве их жизни.

Понятно, что столь несуразная, асоциальная и внеэкономическая мера не только не разрешает, но усугубляет системный кризис. Тем не менее с ней носятся упомянутые экономисты, облеченные административным ресурсом. Они смотрят не в ту сторону, они вообще находятся не на той стороне истории. Истинную перспективу России олицетворяет вертикально интегрированная экономическая система, или интегрированная экономика многоотраслевых корпораций.

В завершение еще раз вернемся к формуле экономического реального роста. Индекс-дефлятор обратно пропорционален темпам роста. Что означает такая зависимость? Вывод из нее очевиден. В интересах подлинного экономического подъема России необходимо, чтобы покупательная способность рубля сохранялась стабильной на протяжении хотя бы двух пятилеток, чтобы не было обесценения рубля, чтобы он стал стимулом сбережения, накопления и зарабатывания сроком минимум на 10 лет.

Для компрадорской экономической системы это просто фантастическое требование. И когда псевдолибералы говорят о свободном рынке, которого якобы мало, то становятся столь же абсурдными, как и американские аборигены с их диким представлением, будто стекляшки бус дороже

первоклассного золота. О каком товарно-денежном обращении можно вести речь, когда покупательная способность рубля, как средства обращения, ежегодно падает на 20-30%? С начала 1990-х годов нет элементарного платежного стимула накапливать и зарабатывать; сейчас для большинства стимул только один – получить рубль и тут же отоварить его, чтобы избежать инфляционных потерь. И псевдолибералы, неспособные хотя бы на 10 лет обеспечить стабильность покупательной способности рубля, смеют еще рассуждать о рынке. Мы уж не вдаемся в общеизвестные классические положения, что рынок расширяется только вместе с разделением труда, что главнейшим в разделении труда выступает индустриальное звено с производством орудий труда, машин и машинной техники, а компрадорская экономическая система выбросила это звено, угробив собственную обрабатывающую индустрию и производство машинных средств производства, то есть группу «А». В результате усечены и разделение труда, и емкость внутреннего рынка, и покупательная сила рубля.

История еще не знала такого, чтобы переход к рынку осуществлялся посредством уничтожения товарного производства и национальной валюты. На наш взгляд, пора уже положить конец всяческим спекуляциям со ссылкой на рынок и свободную конкуренцию.

Системный кризис России требует смены экономической системы: вместо компрадорской и бесплановой нам нужна суверенная и плановая. Только так мы получим неоиндустриальную экономическую модель, которая гарантирует успех новой индустриализации нашего народного хозяйства. Причем действовать нужно оперативно, поскольку время не ждет.

Соответственно, первоочередным стратегическим приоритетом является замена олигархически-компрадорской и децентрализованной экономической системы государственно-корпоративной и плано-централизованной. Для практического осуществления столь коренной системной модернизации необходимы следующие конкретные меры:

- национализация стратегических высот экономики: земли, топливно-энергетического и добывающего комплекса, инфраструктурных монополий, внешней торговли, банковской сферы;
- вертикальная интеграция собственности добывающей и обрабатывающей промышленности, прикладной науки в рамках общенациональных межотраслевых корпорациях, специализированных на выпуске инновационной и наукоемкой продукции конечного спроса;
- формирование мощного государственно-корпоративного сектора в качестве ядра всей российской экономики;
- создание новой системы общегосударственного плано-корпоративного планирования, целевой функцией которого является производительность труда и которое обеспечивает скоординированное взаимодействие государства, вертикально-интегрированных корпораций, средних и малых предприятий ради непрерывного увеличения покупательной способности населения, в первую очередь – трудящегося;
- организация работы финансово-банковской системы на основе общегосударственных планов внутреннего накопления, капитальных вложений и кредитования промышленности, а также экспортно-импортного плана;
- интеграция производственных связей между корпорациями и предприятиями по принципу системы «точно вовремя»;

- переход к системе регулирования оплаты и производительности труда на почасовой основе, с привязкой к почасовым ставкам величины прожиточного минимума, пенсий, стипендий, социальных пособий и выплат; почасовая система позволит увязать заработную плату как с результатами, так и с производительностью труда, а в конечном счете — создать заинтересованность государства и работников в эффективном труде, стимулировать их за результаты, а не затраты;

- компьютеризация платежей и расчетов населения, с последовательным сокращением доли налично-денежного обращения; это позволяет регулировать меру труда и потребления, использовать прогрессивное налогообложение, ограничить сферу коррупции государственных служащих, повысить уровень социальной справедливости в обществе;

- стандартизация производственных мощностей, продуктов и технологий, начиная с предметов потребительского спроса, в первую очередь — пищевых и продовольственных; стратегической ошибкой была отмена ГОСТов на потребительские товары, в результате чего драматически увеличилась смертность из-за массового потребления фальсификатов, суррогатов, просроченных, бракованных и просто вредных для здоровья пищевых продуктов; пока нет более строгих стандартов, следовало бы безотлагательно восстановить действие системы советских ГОСТов на продовольственные и другие потребительские товары;

- разработка и осуществление общегосударственного плана неоиндустриализации производительных сил России, с тем чтобы наша страна располагала собственным производством критически важных высоких технологий, начиная с производ-

ства передовых микропроцессоров и технотронных двигателей; только отлаженное производство технотронных средств производства, только высокотехнологичный автоматизированный машиностроительный комплекс позволит нашей стране добиться технологической независимости.

Перечисленные нами конкретные меры целиком отвечают стратегическим приоритетам неоиндустриального развития России. Не компрадорская экономическая система, а государственно-корпоративная; не монетаризм, а планово-промышленная политика; не экспортно-сырьевая модель, а неоиндустриальная и вертикально интегрированная — так стоит сейчас вопрос.

Наша страна вышла на поворотный рубеж. И проблема даже не в том, что страна находится в системном кризисе, а в том, каким образом выйти на правильный путь развития, на тот путь, который гарантирует России увеличение экономического потенциала, оборонно-промышленной мощи и работу на саму себя, а не на иностранный капитал. Что и как делать, на основе какой экономической системы — это научно обосновано и определено. Но системный поворот дается не без борьбы.

Соответственно, для нашего общества важны понимание, консолидация и поддержка суверенной и плановой экономической системы. Повернуть на правильный путь большинство может только сообща. Если повернет лишь один человек, то выйдет не поворот всей страны, а увеличение раскола в обществе. Между тем, нам требуется социальная консолидация, а она предполагает четкое понимание как того, кто зовет вперед, а кто под видом прогресса тянет страну назад, так и того, на чьи интересы работают те или иные представления и предложения.

Вперед, к прогрессу Россию может привести только путь неоиндустриального развития, а пройти его дано только с помощью суверенных по форме собственности командных высот экономики.

С опорой на них наш народ выстоял и победил в Великой Отечественной войне; с опорой на них мы обязательно добьемся новых свершений и побед в современном мире.

Gubanov S.S.

Systemic crisis and the choice of the way of development for Russia

Sergei Semenovich Gubanov – Doctor of Economics, Professor at Lomonosov Moscow State University, Chief Editor of the journal “The Economist”.

Abstract. The article considers the reasons that led to the systemic crisis in the modern Russian economy, and highlights major factors that impede the transition to the innovation type of the country’s development. The article pays special attention to the losses caused by a comprador nature of the current economic system, and in particular – by its modification focused on export and raw materials. Besides, the article substantiates the author’s viewpoint that at present our country needs an economic system, which is ready for a new and comprehensive industrialization.

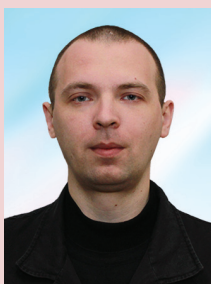
Key words: systemic crisis in the economy, comprador nature of the economic system, new industrialization.

Новый этап российской истории: тенденции, особенности, перспективы

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ilin@vscc.ac.ru)

**Михаил Владимирович
МОРЕВ**

кандидат экономических наук, заведующий лабораторией, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, 379post@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции и особенности общественных настроений в России в 1990-х – 2010-х гг. Анализируются ключевые события последних лет, приведшие к пониманию современного этапа общественного развития как новой эпохи постсоветского периода.

Рассматриваются вопросы взаимодействия общества и власти, роли научного знания в повышении эффективности государственного управления, развития гражданского общества, а также перспективные возможности и актуальные проблемы социологической науки.

Представлен опыт ИСЭРТ РАН в проведении социологических исследований на региональном уровне.

Обсуждаются ключевые факторы, от которых зависит эффективность взаимодействия власти и общества и успешность дальнейшего развития России.

Ключевые слова: общество, власть, государственное управление, социологическое знание, мониторинг общественного мнения, постсоветский период.

В статье «Не упустить предоставившийся шанс!», опубликованной в ежегодном докладе ИСПИ РАН «Социология и экономика современной социальной реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 году», Г.В. Осипов пишет, что после долгого, почти 15-летнего периода ожидания «новая возрождающаяся» Россия наконец-то осуществила переход в свой новый век — «светлый и жизнеутверждающий»¹.

В чем качественные отличия этой новой эпохи от предыдущих периодов постсоветской истории? Что является ее фундаментальными признаками? Можем ли мы все-таки говорить о «новом этапе» в жизни России или те общественные тренды, которые наметились в последние годы, есть не более чем временная трансформация, вынужденно продиктованная перипетиями геополитических событий?

Эти и многие другие вопросы представляют, разумеется, не только научный, но и сугубо практический интерес, поскольку ведущими учеными, в том числе российскими (Г.В. Осипов, А.В. Юревич, М.К. Горшков, Ж.Т. Тощенко и др.), неоднократно обращалось внимание на то, что экономический рост и процветание любого государства сегодня во многом зависят от нематериальных факторов, лежащих в плоскости общественного сознания, отношения и поведения. Именно субъективный фактор «играет существенную и всё возрастающую роль среди факторов, определяющих содержание и вектор происходящих изменений во всем мире

и в нашей стране»². Для России, на фоне эмоционального подъема после событий 2014 г., в преддверии 70-летия Победы в Великой Отечественной войне это особенно актуально.

По мере развития всей мировой цивилизации и научно-технического прогресса неэкономические факторы играют все более значимую роль, и совершенно очевидно, что этот процесс будет продолжаться и в будущем. Соответственно те вопросы, которые мы озвучили в начале статьи, в конечном итоге приводят, пожалуй, к главному, чисто практическому вопросу: если уж мы действительно говорим о «новом этапе» в жизни России, то от чего будет зависеть успешность его прохождения и безболезненный, максимально эффективный переход к следующему этапу?

Для ответа на этот вопрос в первую очередь необходимо разобраться с тем, когда начался «новый этап» постсоветской российской истории. Однако прежде сделаем два методических отступления, которые, на наш взгляд, крайне важны для правильного понимания авторской позиции и объяснения информационной базы, на которой строятся наши выводы и гипотезы.

Во-первых, сразу же оговоримся, что какой-либо четкой даты, точного временного отрезка «нового этапа» российской истории нет и быть не может. Речь идет о тенденциях общественного сознания, а они не формируются одномоментно. Те или иные обстоятельства, речь о которых пойдет дальше, различные события, происходящие в жизни страны, формируют новый этап исключительно в своей сово-

¹ Осипов Г.В. Не упустить предоставившийся шанс! // Социология и экономика современной социальной реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 году. — М.: ИСПИ РАН, 2013. — С. 17.

² Тощенко Ж.Т. Социальное настроение — феномен социологической теории и практики // Социс. — 1998. — № 1. — С. 32.

купности, оказывая комплексное воздействие на трансформацию общественного сознания и поведения. На это уходят годы, а порой и десятилетия.

Во-вторых, в статье широко используются результаты социологических опросов, проводимых на федеральном и региональном уровне. Именно они, а не данные официальной статистики отражают тенденции общественных настроений. Для анализа динамики общественного мнения в целом по стране были использованы результаты исследований ведущих российских центров — ВЦИОМ, Левада-Центр. Для характеристики общественных настроений на уровне конкретного региона мы опирались на результаты социологического мониторинга, проводимого Институтом социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН) с 1996 года³. В существующих российских условиях, отличающихся глубокой и комплексной дифференциацией территорий по уровню и качеству жизни населения, культурной спецификой и т.д., мы считаем крайне важным одновременно анализировать динамику общественного мнения и на федеральном, и на региональном уровнях. Самим исследованиям это придает системный характер, а сделанным по их результатам выводам — глубину и достоверность.

³ Мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН проводится на территории Вологодской области с 1996 г. с периодичностью один раз в два месяца. При этом опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населённых пунктов различных типов (сельские населённые пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса — анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

Методология социологических исследований, проводимых ИСЭРТ РАН, соответствует всем требованиям, необходимым для получения качественной и своевременной социологической информации о тенденциях общественного мнения на территории Вологодской области. Об этом, в частности, свидетельствует тесное сотрудничество Института с органами государственной власти, проявляющими все больший интерес к оценкам жителей региона. Исследования проводятся в мониторинговом режиме на протяжении уже почти 20 лет, с акцентом на динамических изменениях восприятия социальной реальности представителями отдельных социально-демографических категорий населения Вологодской области⁴. Это позволяет нам с полной уверенностью говорить об уникальных возможностях изучения трансформационных процессов регионального сообщества, сопоставляя их с динамическими изменениями российского общества, которые отмечаются ведущими научными институтами страны⁵.

Итак, когда же начался новый этап российской истории? Какие события повлекли за собой саму возможность говорить о новой эпохе постсоветского периода?

⁴ Мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН позволяет получить данные в разрезе более чем 20 социально-демографических категорий населения, выделенных, в частности: по полу (мужчины, женщины); возрасту (до 30 лет, от 30 до 55 лет, старше 55 лет), уровню образования (среднее и неполное среднее, среднее специальное, высшее и незаконченное высшее), самооценке уровня доходов (20% наименее обеспеченных, 60% среднеобеспеченных, 20% наиболее обеспеченных), территории проживания (8 районов и 2 города), а также по семейному положению, роду занятий и т.д.

⁵ Пользуясь случаем, хотелось бы выразить благодарность научному коллективу ИСПИ РАН и лично Г.В. Осипову за помощь и методическое руководство не только в построении системы социологических исследований ИСЭРТ РАН, которые до сих пор востребованы и продолжают развиваться, но и в становлении ячейки российской социологической науки на Вологодской земле.

Как отмечает Г.В. Осипов, «Российская Федерация вплоть до весны 2014-го лишь формально, все по тому же календарю, вступила в XXI век. Реально, в геополитическом плане мы все еще оставались в веке XX»⁶. Действительно, 2014 год стал для России одним из самых богатых на события и, возможно, самым судьбоносным периодом за всю 20-летнюю историю постсоветской эпохи. События 2014 г., важнейшим из которых, без сомнения, является вхождение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации, показали, что «идентичность с россиянами, предполагающая отождествление себя со страной и её народом и лежащая в основе русского цивилизационного проекта, глубоко укоренилась и получила широкое распространение в сознании населения, хотя и находилась как бы в «спящем», латентном состоянии»⁷.

Одним из первых событий, ставших судьбоносными для нового этапа в жизни российского общества, заложивших его фундамент, было выступление Президента РФ в Мюнхене 10 февраля 2007 г. Речь В. Путина стала «прологом к проведению Россией самостоятельной внешней политики, итогом чего стал сирийский триумф, когда Россия впервые в новейшей истории сумела остановить агрессию мирового гегемона США против суверенного государства»⁸.

⁶ Осипов Г.В. Не упустить предоставившийся шанс! // Социология и экономика современной социальной реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 году. — М.: ИСПИ РАН, 2013. — С. 17.

⁷ Горшков М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социологические исследования. — 2012. — № 12. — С. 10.

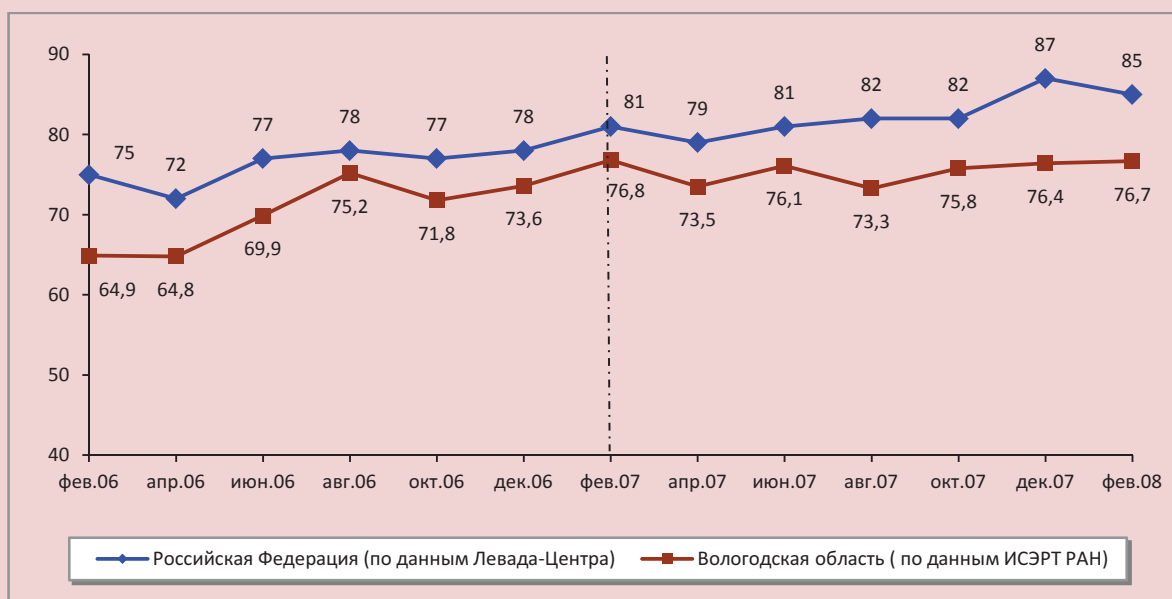
⁸ Степанов А. Россия и мир вступают в новую эпоху, в которой от нашей страны будет зависеть многое [Эл. рес.] // Информационно-аналитическая служба «Русская народная линия». — Режим доступа: http://ruskline.ru/news_rl/2013/09/20/valdajskaya_rech_putina

Выступление главы российского государства в Мюнхене можно без преувеличения назвать историческим. «Никогда до этого за последние десятилетия лидер России не высказывал столь ясной и категоричной позиции относительно образа будущего в международной политике. Все высказывания на этот счёт были очень двусмысленны. В этот раз Президент Владимир Путин высказал не просто комментарий к текущим событиям или мнение России по какому-то конкретному вопросу, но продемонстрировал принципиальную волю России как планетарной геополитической силы участвовать в формировании будущего мироустройства»⁹.

Мюнхенская речь В. Путина заложила фундамент национальной идеи, являющейся, пожалуй, главной характеристикой нового, современного этапа в жизни страны. Однако в тот период концептуальный характер выступления Президента РФ не был до конца прочувствован и воспринят россиянами, о чем наглядно свидетельствует отсутствие каких-либо значимых изменений в динамике общественного мнения о деятельности главы государства. Отчасти это произошло из-за того, что с мая 2008 г. пост Президента РФ занял Д.А. Медведев; отчасти потому, что для широких слоев населения суть мюнхенской речи В. Путина осталась «за кадром» проблем, которые принес за собой мировой финансовый кризис. Так или иначе, устойчивого, резкого роста поддержки В. Путина после февраля 2007 г. не наблюдалось ни на федеральном, ни на региональном уровнях (рис. 1).

⁹ Дугин А. Эхо «мюнхенской речи». Президент Путин вступил на путь геополитической революции [Эл. рес.]. — Режим доступа: <http://oko-planet.su/politik/politikrus/230532-aleksandr-dugin-eho-myunhenskoy-rechi-prezident-putin-vstupil-na-put-geopoliticheskoy-revolyuicii.html>

Рисунок 1. Динамика уровня одобрения деятельности Президента РФ жителями Российской Федерации и Вологодской области (в % от числа опрошенных)*

* На графике представлены данные за периоды: февраль 2006 – февраль 2007 г. и февраль 2007 – февраль 2008 г., то есть за 6 опросов до и после мюнхенской речи В. Путина.

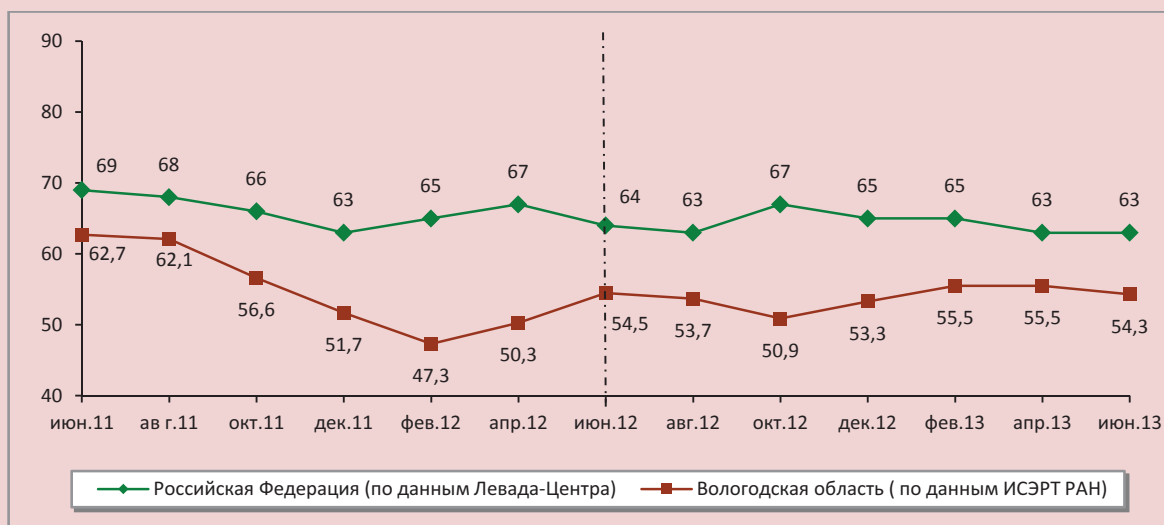
Точкой отсчета «нового этапа» нельзя назвать и начало третьего президентского срока В.В. Путина, ознаменовавшееся серией майских указов, сама идея которых была, безусловно, воспринята населением с оптимизмом, поскольку касалась самых острых социальных и экономических проблем. После избрания Президентом РФ В.В. Путина Россия все еще ждала нового века и сосредотачивалась, чтобы ускорить этот процесс¹⁰.

Люди ждали начала третьего президентского срока В. Путина. Пожалуй, многие ждали еще с момента окончания его второго президентского срока, и чем ближе подходил этот момент, тем сильнее были надежды общества на существенное, реально ощутимое улучшение материаль-

¹⁰ Осипов Г.В. Не упустить предоставившийся шанс! // Социология и экономика современной социальной реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 году. – М.: ИСПИ РАН. – С. 17.

ного положения и функционирования социальной сферы. Но, как оказалось, реализация майских указов Президента не принесла должного эффекта. При их выполнении возникли проблемы, которые окончательно не решены до сих пор. По различным причинам (которые всем известны и в настоящем контексте не требуют разъяснений) надежды россиян на качественный скачок вперед вновь свелись к вопросу о том, насколько эффективно или неэффективно решаются существующие в стране проблемы. В результате ни на федеральном, ни на региональном уровне, ни после выборов главы государства (4 марта 2012 г.), ни после инаугурации Президента РФ (7 мая 2012 г.) ни о какой волне эмоционального подъема и об устойчиво высоких темпах роста поддержки главы государства среди населения говорить не приходилось (рис. 2).

Рисунок 2. Динамика уровня одобрения деятельности Президента РФ жителями Российской Федерации и Вологодской области (в % от числа опрошенных)

* На графике представлены данные за периоды: июнь 2011 – июнь 2012 г. и июнь 2012 – июнь 2013 г., то есть за 6 опросов до и после мюнхенской речи В. Путина.

Пожалуй, ключевым событием для «нового этапа» в жизни страны стало выступление Президента РФ В.В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г., являвшееся логическим продолжением его мюнхенской речи. Именно в этом выступлении Президентом РФ была сформулирована идеологическая парадигма развития, которой планирует придерживаться государство: «Наше движение вперёд невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения, иначе мы не сможем противостоять внешним и внутренним вызовам, не сможем добиться успеха в условиях глобальной конкуренции»¹¹.

Как валдайская речь В. Путина была воспринята в обществе? Как «первая масштабная попытка властей РФ сформулировать новую политическую идеологию для России после распада Советского Союза, а

¹¹ Выступление Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» [Эл. рес.]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243>

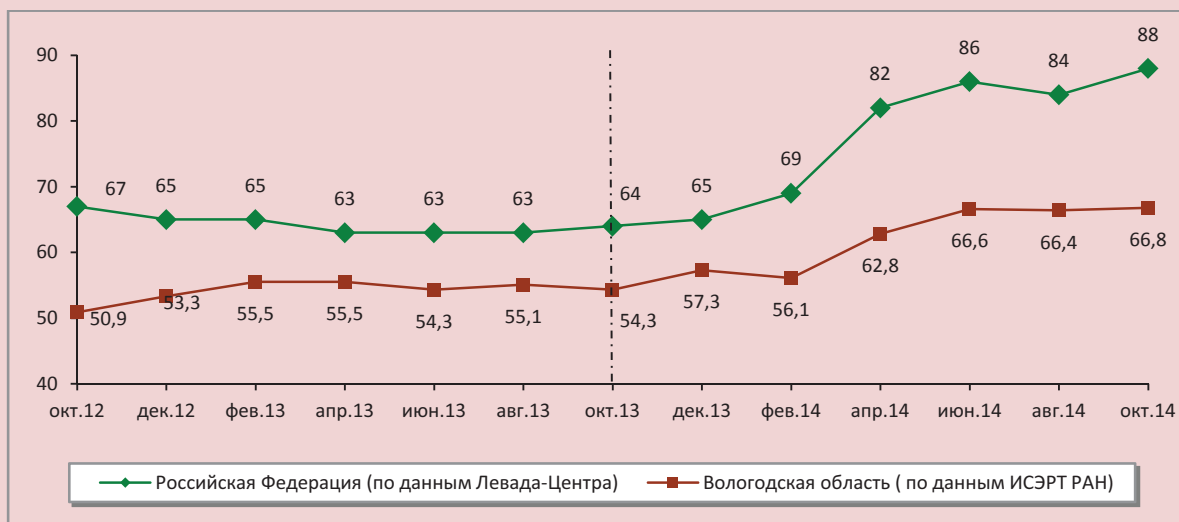
также рассмотреть в критическом ключе вопрос о ценностях, которые должны лечь в основание новой российской идентичности, Евразийского мира и международных отношений»¹². Сам же Президент показал себя как «наследник русской консервативной политической традиции»¹³ и «критик всей современной модели развития западной цивилизации»¹⁴. Причем концептуальный характер валдайского выступления Президента РФ был отмечен не только в России, но и за рубежом («Речь Путина произнесена не на заседании парламента Российской Федерации, не перед лицом политиков и не

¹² Махмудов Р. Валдайская речь Владимира Путина: критический анализ [Эл. рес.] // Информационный портал <http://www.12news.uz/>. – Режим доступа: <http://www.12news.uz/news/2013/09/30/валдайская-речь-владимира-путина-кри/>

¹³ Степанов А.Д. Россия и мир вступают в новую эпоху, в которой от нашей страны будет зависеть многое... [Эл. рес.] // Информационно-аналитическая служба «Русская народная линия». – Режим доступа: http://ruskline.ru/news_rl/2013/09/20/valdajskaya_rech_putina

¹⁴ Акопов П.Э. Валдай после Мюнхена [Эл. рес.] // Взгляд: газета. – 2013. – 20 сент. – Режим доступа: <http://vz.ru/politics/2013/9/20/651345.html>

Рисунок 3. Динамика уровня одобрения деятельности Президента РФ жителями Российской Федерации и Вологодской области (в % от числа опрошенных)

* На графике представлены данные за периоды: октябрь 2012 – октябрь 2013 г. и октябрь 2013 – октябрь 2014 г., то есть за 6 опросов до и после валдайской речи В. Путина.

с экрана телевизора, а на заседании Валдайского клуба, где ставится задача улучшить имидж России на международной арене»¹⁵).

Однако какой бы концептуальностью ни обладали тезисы, высказанные главой государства, они никогда не станут поворотным моментом для страны до тех пор, пока не найдут отклик в сердцах и умах представителей самого общества или, по крайней мере, наиболее представительных социально-демографических групп. Возможно, так могло случиться в советский период¹⁶, но в настоящее время население является активным субъектом во взаимодействии власти и общества (одно из немногих

¹⁵ Авторы «Перелома» комментируют валдайскую речь Путина [Эл. рес.]. – Режим доступа: <http://www.rodon.org/society-131007122213>

¹⁶ В частности, комментируя валдайскую речь В. Путина, В. Третьяков, один из авторов сборника «Перелом», отметил: «Выступление президента все-таки не доклад генсека КПСС. В советское время каждый такой доклад рассматривался как жизнеобразующий документ, под него «подверстывалась» и работа партии, и жизнь страны. Но ведь у нас демократия, которая, правда, больше похожа на анархию» [Эл. рес.]. – Режим доступа: <http://www.rodon.org/society-131007122213>

положительных «наследий» постсоветского периода). Мюнхенская речь В. Путина – яркое доказательство того, что если общество волнуют экономические проблемы, то идеология для него отходит на второй план.

В научном и политическом сообществе концептуальный характер выступления В. Путина на Валдае был отмечен сразу же. Широким слоям российского общества для этого потребовалось некоторое время и «катализатор», в роли которого выступил ряд последовательно идущих друг за другом событий 2014 г. (Олимпийские игры, украинский кризис). Это видно по динамике отношения населения к деятельности Президента РФ (рис. 3). Тем не менее, суть «нового этапа» российской истории, ее фундамент, были заложены именно в сентябре 2013 г.

Примечательно, что темпы позитивных тенденций, выражающиеся в поддержке главы государства, после сентября 2013 г. существенно увеличились во всех социально-демографических категориях населения.

Таблица 1. Динамика уровня одобрения деятельности Президента РФ в различных социально-демографических категориях населения Вологодской области (в % от числа опрошенных)

Категории населения	Окт. 12	Дек. 12	Фев. 13	Апр. 13	Июн. 13	Авг. 13	Окт. 13	Дек. 13	Фев. 14	Апр. 14	Июн. 14	Авг. 14	Окт. 14	Изменение (+ / -)	
														окт. 13 к окт. 12	окт. 14 к окт. 13
<i>Пол</i>															
Мужской	47,7	49,2	53,1	54,3	53,5	53,1	48,1	52,5	55,4	58,7	65,5	63,4	62,9	0	+15
Женский	53,4	56,6	57,5	56,5	54,9	56,8	59,3	61,1	56,6	66,1	67,5	68,8	69,9	+6	+11
<i>Возраст</i>															
До 30 лет	50,8	50,1	55,6	56,6	48,1	50,9	53,4	52,7	53,0	61,1	63,4	68,8	67,9	+3	+15
30–55 лет	48,2	54,3	53,0	53,5	57,7	57,3	54,1	56,5	54,9	62,4	67,3	61,8	67,3	+6	+13
Старше 55 лет	55,1	54,5	59,5	57,9	53,6	55,1	55,1	61,6	59,8	64,7	67,7	71,4	65,5	0	+10
<i>Образование</i>															
Н/среднее и среднее	47,1	44,2	52,0	50,1	51,6	51,1	47,5	55,8	51,9	58,1	60,0	60,0	56,2	0	+9
Среднее специальное	51,8	54,8	55,9	57,1	55,2	54,2	54,3	58,1	58,0	62,1	68,6	68,7	72,4	+3	+18
Н/высшее и высшее	53,5	59,9	58,6	59,7	56,3	60,1	61,4	58,2	58,8	69,2	72,0	70,6	73,1	+8	+12
<i>Доходные группы</i>															
20% наименее обеспеченных	40,7	36,6	40,9	43,4	52,8	47,0	50,7	62,7	46,1	48,9	54,6	59,7	57,3	+10	+7
60% средне-обеспеченных	53,0	55,1	59,2	58,2	53,9	54,3	54,4	56,4	57,9	64,4	69,4	67,0	69,0	+1	+15
20% наиболее обеспеченных	59,3	66,0	63,9	64,9	60,8	66,7	60,8	64,6	69,4	72,6	77,7	78,0	76,8	+2	+16
<i>Территории</i>															
Вологда	54,0	53,4	51,5	54,7	51,1	54,1	52,7	55,2	53,1	61,0	66,6	65,3	65,2	-1	+13
Череповец	61,5	63,2	64,1	61,4	65,3	62,8	63,8	65,0	66,8	73,2	74,4	77,8	81,3	+2	+18
Районы	44,3	48,3	53,1	52,8	49,9	51,5	49,8	54,1	51,8	58,1	62,3	60,7	59,8	+6	+10
<i>Среднее по области</i>	<i>50,9</i>	<i>53,3</i>	<i>55,5</i>	<i>55,5</i>	<i>54,3</i>	<i>55,1</i>	<i>54,3</i>	<i>57,3</i>	<i>56,1</i>	<i>62,8</i>	<i>66,6</i>	<i>66,4</i>	<i>66,8</i>	<i>+3</i>	<i>+13</i>

За период с октября 2012 по октябрь 2013 г., то есть за 12 месяцев до валдайской речи В. Путина, максимальный рост уровня одобрения деятельности Президента РФ составил 10 процентных пунктов (это было отмечено только среди 20% наименее обеспеченных жителей области). Положительные изменения отмечались в 7 из 14 категорий населения¹⁷, при этом в 7 категориях положительная динамика вообще отсутствовала.

¹⁷ В соответствии с методологией исследования ошибка выборки не превышает 3%, поэтому изменения менее чем на 3 п.п. не учитывались.

За период с октября 2013 по октябрь 2014 г., после выступления Президента РФ на заседании дискуссионного клуба «Валдай», максимальный рост поддержки В. Путина составил 18 п.п. (среди людей со средним специальным образованием и жителей г. Череповец).

Очевидные положительные изменения были отмечены во всех социально-демографических группах населения. В 10 из 14 групп поддержка главы государства увеличилась более чем на 10 п.п. (табл. 1).

Важно отметить объективные обстоятельства, которые предопределили то, что валдайская речь Путина станет если не началом, то, как минимум, одним из самых главных событий в формировании нового этапа российской истории. В первый раз сработал фактор времени, который, как оказалось, решает если не всё, то, по крайней мере, очень многое: если за выступлением Президента РФ в Мюнхене в 2007 г. последовал мировой финансовый кризис, то после валдайской речи В. Путина внимание общественности было приковано к Олимпийским играм, к присоединению Крыма и Севастополя, к притеснению русскоязычного населения на территории Украины, и даже политика США и дружественных им стран органично вписывалась в то виденье мироустройства, которое было обозначено В. Путиным в сентябре 2013 года.

Идея возрождения «русского мира» и восстановления статуса России как одного из главных центров многополярного мироустройства нашла широкую поддержку в российском обществе не только потому, что вслед за валдайским выступлением Президента последовали события, сплотившие самые разные слои населения, объединившие вокруг фигуры главы государства представителей самых разных точек зрения. В не меньшей степени на это повлияло прошлое российской истории, а именно:

- а) факт существования Советского Союза;
- б) факт его распада, за которым последовал период «лихих 90-х»;
- в) факт почти 10-летнего отрезка (с 2000 по 2010 г.), когда общество восстанавливалось после коренной ломки идеологического вектора развития и социально-экономических преобразований.

Советский Союз дал современному российскому обществу воспоминания о реально действующих механизмах социальной защиты государства, о выдающихся достижениях в науке, спорте, искусстве. Ведь и по сей день не случайно главными фильмами для среднестатистического россиянина были и остаются те, которые принадлежат именно советскому, а не российскому кинематографу; без них не обходится ни один национальный праздник.

Советский Союз дал современному российскому обществу возможность сравнивать два совершенно разных периода, и всё чаще выбор россиян происходит не в пользу постсоветской России¹⁸.

1990-е годы показали, что образец западной демократии чужд и неприемлем для русского человека. Это касается и ценностей Западного мира, и государственного устройства.

Хотя период 2000–2010 гг., казалось бы, не внес в российскую историю столь масштабных преобразований, как предшествующие эпохи, он на самом деле был тоже очень важен. Он дал возможность российскому обществу адаптироваться к изменившимся условиям, осознать их, понять то, что оно на самом деле хочет, и, наконец, накопить критическую массу в ожидании

¹⁸ Хотя здесь есть и свой «минус»: если бы преобразования 1990-х гг. дали бы российскому обществу лучшие образчики западного опыта решения социальных проблем, а не то, что в конечном итоге получилось, то, возможно, сегодня россияне имели бы более широкий взгляд на происходящие события — оценивая существующее положение дел в стране, свою жизнь, они проводили бы сравнение не только оглядываясь назад, но и оглядываясь вокруг, то есть не только по линии «СССР — Россия», но и по линии «Россия — Европа». Виноваты ли в этом реформаторы 1990-х? Или развал СССР был одной из целей США? Или и то и другое? В контексте данной статьи это не имеет значения. Мы бы хотели акцентировать внимание на том, что сегодня, оценивая свою жизнь, среднестатистический россиянин обязательно добавит: «Раньше было не так» — и под этим «раньше» будет иметь в виду исключительно советский период.

перемен, в готовности к пересмотру сложившейся (а точнее, так и не сложившейся) системы ценностей.

Стабилизация политической и экономической ситуации в стране, рост уровня жизни, прекращение катастрофических тенденций в демографической ситуации — всё это блокировало самые острые проблемы, угрожающие национальной безопасности (мы употребляем не слово «решить», а именно «блокировать остроту»). За удовлетворением витальных потребностей последовал рост потребностей более высокого уровня: в повышении качества жизни, в социальной справедливости, в национальной идентичности, уверенности в будущем.

Таким образом, в совокупности три вышеперечисленных обстоятельства, три эпохи в истории постсоветской России привели к тому, что в жизни российского общества к концу 2000-х гг. «созрела» потребность:

- а) в сильной государственной власти;
- б) в ощущении гордости за свою страну;
- в) в нематериальных, духовных ценностях.

Механизм реализации именно этих трех потребностей и был заложен в валдайской речи В. Путина.

Следовательно, говорить о новом этапе в российской истории, конечно, можно и нужно. Он обладает своими специфическими особенностями, отличающими его от других этапов постсоветского периода. Другой вопрос, насколько долгим он будет и к чему он в конечном итоге приведет... Новый этап в российской истории имеет свои отличительные признаки.

1. Сильная государственная власть.

Исследуя особенности «русской мечты», специалисты Института социологии РАН пришли к выводу, что идеальная модель

государственного устройства, по мнению россиян, базируется на таких трех «китах», как социальная справедливость, равные права для всех и сильное государство, заботящееся о своих гражданах¹⁹.

Ряд ученых (Ю.В. Косов, А.Л. Андреев и др.) полагает, что склонность к авторитарному стилю руководства является особенностью русского менталитета. Отчасти мы с этим согласны. Исторически Россия всегда тяготела к самодержавию, в связи с чем в самом институте президентства есть элемент традиционный, некоторая схожесть с монархической формой власти. Эта особенность российской системы власти не похожа ни на восточную деспотию, ни на западную демократию²⁰. Более того, в политическом сознании народа доминирующее значение имеет не то обстоятельство, как управляется страна, а то, кем она управляется. То есть не лидер встраивается в систему, а система подстраивается под лидера. Это русская система демократии, не похожая на то, что происходит в Вашингтоне или Берлине, но, как это ни парадоксально, она оказывается единственным действующим и реальным институтом для современной России²¹.

Мы можем сколь угодно долго дискутировать о разделении властей, обсуждая нюансы их взаимного сдерживания и балансирования, но при этом всегда будем иметь в виду, что в нашей стране есть конституционный институт, стоящий над

¹⁹ Горшков М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социологические исследования. — 2012. — № 12. — С. 7.

²⁰ Зуйков А.В. Институт президентства в России: конституционная модель, современные реалии и перспективы развития // Конституционный вестник. — 2008. — № 1 (19). — С. 171.

²¹ Третьяков В.Т. Доклад на круглом столе «Институт президентства в России: правовые основы и роль в модернизации общества» 8 июня 2011 г. [Эл. рес.]. — Режим доступа: <http://education.law-books.ru/index.php?page=kruglyj-stol>

Таблица 2. Уровень доверия государственным и общественным институтам (в % от числа опрошенных)*

Институты	2000	2003	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Среднее за 2000–2014 гг.
Президент РФ	57,1	64,3	57,7	62,0	60,3	65,2	51,6	56,8	50,5	45,7	47,0	57,0	56,3
Правительство РФ	42,7	42,7	38,0	42,1	41,9	60,2	46,7	52,4	47,4	39,6	40,4	48,3	45,2
Совет Федерации	28,3	34,9	30,4	34,3	34,9	47,6	35,9	38,1	35,5	32,3	34,6	40,2	35,6
Государственная дума	23,0	27,9	27,1	27,9	29,5	42,0	33,5	33,5	32,0	30,5	31,6	35,2	31,1
Общественная палата РФ**	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	27,3	27,3	28,1	29,9	32,8	29,1
Руководство области	31,3	31,9	32,8	37,7	40,6	48,6	34,9	41,0	36,6	34,6	37,8	37,4	37,1
Органы местного самоуправления**	н.д.	н.д.	н.д.	26,6	32,3	40,9	33,1	35,6	33,9	29,3	32,7	35,1	33,3
Общественная палата области**	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	24,8	25,7	25,4	29,2	29,4	26,9
Полиция	27,2	25,7	27,1	29,0	28,3	36,5	33,1	32,7	32,1	29,3	33,7	35,4	30,8
ФСБ	34,2	34,9	35,6	35,3	34,2	43,8	34,3	36,0	35,8	33,2	37,5	36,4	35,9
Суд	31,6	31,3	36,9	35,5	32,1	41,3	35,1	37,4	35,8	36,1	39,3	36,9	35,8
Прокуратура	30,9	28,8	34,3	33,3	31,1	40,9	34,8	36,1	35,4	33,9	40,1	38,5	34,8
Армия	37,0	30,9	25,9	29,6	28,7	37,8	33,5	34,5	34,1	31,3	37,5	37,8	33,2
Профсоюзы	28,4	24,7	27,9	27,4	28,6	35,9	28,1	29,9	30,0	25,6	27,8	26,6	28,4
Церковь	42,3	45,9	46,5	42,9	44,8	51,9	44,9	47,0	47,5	41,4	43,9	44,7	45,3
Общественные организации**	н.д.	н.д.	н.д.	20,0	24,4	32,6	23,8	26,7	26,7	26,5	26,8	25,5	25,9
Политические партии, движения	20,4	10,6	17,4	16,0	17,8	17,6	26,8	20,0	22,8	22,8	20,9	20,2	19,4
СМИ	30,2	21,6	27,3	30,4	31,0	27,5	35,2	28,7	29,2	28,7	29,5	28,0	28,9
Директора, руководители предприятий	19,6	24,1	23,6	26,5	23,6	30,5	22,5	22,8	22,3	25,1	27,5	21,9	24,2
Банковские, предпринимательские круги	12,4	19,5	20,6	22,6	21,3	26,6	20,3	21,5	20,4	21,3	23,4	18,8	20,7

* Ранжировано по среднему за 2000–2014 гг.
** Варианты ответов «Общественная палата РФ» и «общественная палата области» включены в структуру опроса с 2010 г. Варианты ответов «органы местного самоуправления» и «общественные организации» – с 2006 г.

этим демократическими «играми» и, по существу, определяющий вектор развития современной России²².

Социологические опросы ИСЭРТ РАН наглядно доказывают, что ментальные особенности российского общества, выражающиеся в высоком доверии «традиционным» для русского менталитета институ-

там — власти и церкви (в первую очередь — главе государства), за последние 15 лет никуда не исчезли. При этом личность В. Путина, конечно, играет важную роль в отношении населения к главе государства (это видно по снижению доверия Президенту в период, когда данный пост занимал Д.А. Медведев, — с мая 2008 по май 2012 г.; табл. 2), однако даже в это время доверие главе государства среди населения было выше, чем всем остальным государственным и общественным институтам.

²² Сильвестров С.Н. Доклад на круглом столе «Институт президентства в России: правовые основы и роль в модернизации общества» 8 июня 2011 г. [Эл. рес.]. — Режим доступа: <http://education.law-books.ru/index.php?page=kruglyj-stol>

Менталитет — одна, но не единственная причина востребованности сильной государственной власти в российском обществе. Именно как атрибут нового этапа российской истории она возникла благодаря, мягко скажем, неудачным действиям российских реформаторов 1990-х гг.

По мнению некоторых ученых, тезис о ментальной причинности провала либеральных реформ 1990-х гг. является абсолютно несостоятельным, что доказывается опытом Японии, Южной Кореи, КНР, Тайваня, Малайзии и других азиатских, а также южноамериканских и некоторых африканских стран²³. Народы несхожих культур и менталитетов демонстрируют выдающиеся достижения в экономике. Поэтому принципиально важно, что особенности национального менталитета не являются препятствием к достижению социально-экономического прогресса²⁴.

Дискредитация демократии и создание реальных предпосылок к авторитаризму — главный общественно-политический итог деятельности российских реформаторов²⁵. Процесс демократизации, развернувшийся на неподготовленной почве, вызвал, как этого и следовало ожидать исходя из опыта ряда стран в прошлом, резкие диспропорции во всех сферах общества. В сложившихся условиях принцип «разрешено все, что не запрещено законом» сыграл ту же роль, какую он сыграл в годы Великой французской революции. В руках государства не оказалось достаточной

правовой базы, чтобы поставить препятствие на пути активизации коррупции и бытовой преступности²⁶.

О дискредитации либеральных сил в общественном мнении наглядно свидетельствуют и результаты социологических опросов (исследования электоральных предпочтений населения) и данные официальной статистики (итоги выборов после 2000 года). По данным ВЦИОМ, доля россиян, поддерживающих «правые» партии («Яблоко», «Союз правых сил»), с 2000 г. не превышает 7 и 9% соответственно, а с 2005 г. — 2%. По данным ИСЭРТ РАН, доля жителей области, чьи интересы выражает партия «Яблоко», за этот же период не превышала 5%. По данным ЦИК РФ, на выборах в Государственную Думу 2003, 2007 и 2011 гг. «правые» партии набрали не более 4% голосов, их кандидаты на выборах Президента в 2000, 2004, 2008 и 2012 гг. — не более 8% голосов²⁷.

Таким образом, востребованность сильной власти в российском обществе является логичным следствием «усталости» населения от экономической нестабильности и недоверия государству. Сильная власть была востребована в начале 2000-х гг., и это остается актуальным и в настоящее время. Не случайно деятельность Президента РФ В. Путина по наведению порядка в стране и укреплению международных позиций России всегда оценивалась выше, чем защита демократии и укрепление свобод граждан (табл. 3). И не случайно треть россиян с уважением относятся к И. Сталину, хотя три года назад о таком отношении говорили

²³ Симонян Р.Х. Есть ли особый «русский путь»? (полевые заметки) // Социс. — 2013. — № 7. — С. 139.

²⁴ Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: курс лекций для студентов магистратуры по социологии. Изд. второе, исправл. и доп. [Эл. рес.]. — СПб.: Интерсоцис, 2009. — 138 с. — Режим доступа: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1330&id=1393¶m=http://www.isras.ru/files/File/Publication/Sovremennaya_teoret_sociol_2009_Yadov.pdf

²⁵ Симонян Р.Х. Есть ли особый «русский путь»? (полевые заметки) // Социс. — 2013. — № 7. — С. 143.

²⁶ Калина Ф.В., Курскова Г.Ю. Социология законодательства и правотворческий процесс [Эл. рес.] // Юриспруденция. — 2003. — № 1. — Режим доступа: http://pravovgg.ru/2004_2/15kalina-kurskova-sotsiologiya_zakonodatelstva_13.shtml

²⁷ Данные Центральной избирательной комиссии Российской Федерации [Эл. рес.]. — Режим доступа: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>

Таблица 3. Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..? (в % от числа опрошенных)

Показатель	2000	2003	2005	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Изменение 2014 г., +/- к	
												2000 г.	2013 г.
<i>Укрепление международных позиций России</i>													
Успешно	42,3	44,9	47,9	58,4	55,1	49,5	49,9	46,2	43,1	45,6	50,4	+8	+5
Неуспешно	30,9	30,1	33,8	24,9	23,7	30,4	29,3	33,7	37,9	36,2	32,4	+2	-4
<i>Наведение порядка в стране</i>													
Успешно	31,4	37,5	41,9	53,2	48,2	39,1	41,1	36,6	35,4	39,4	48,0	+17	+9
Неуспешно	49,2	45,1	45,1	34,0	34,2	43,5	42,5	50,0	50,7	47,5	39,1	-10	-8
<i>Защита демократии, укрепление свобод граждан</i>													
Успешно	23,5	29,9	33,6	44,4	39,9	36,7	36,3	32,4	28,8	31,8	37,5	+14	+6
Неуспешно	43,8	42,4	47,0	37,0	35,9	41,5	42,6	48,3	52,3	51,0	45,4	+2	-6
<i>Подъем экономики, рост благополучия граждан</i>													
Успешно	25,6	29,6	35,1	47,2	36,7	31,6	33,5	30,7	28,5	31,3	34,8	+9	+4
Неуспешно	52,9	51,4	50,8	39,1	46,0	52,4	51,6	56,1	57,9	56,8	53,4	+1	-3
Источник: мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН.													

лишь 21% опрошенных; 45% россиян считают, что жертвы, которые понес советский народ в сталинскую эпоху, были оправданы великими целями и результатами, достигнутыми в кратчайший срок (в 2012 г. их было 25%); идею установки памятника Сталину в 2010 г. одобряли 24% россиян, в 2015 г. — 37%²⁸.

В чём же главный признак сильной власти сегодня? Почему мы считаем ее атрибутом нового этапа? Ведь всем известно, что и сильная власть, и яркий лидер, и авторитарный (и даже иногда тоталитарный) режим управления регулярно имели место в российской истории?

Причина в том, что сильная власть сегодня — это не только единая идеологическая концепция на всех уровнях государственного управления, не только единая четкая стратегия действий, это еще и единство с мнением населения.

²⁸ Все больше россиян положительно относятся к Сталину [Эл. рес.] // Ведомости. 2015. — 30 мар. — Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/03/31/vse-bolshe-rossiyan-polozhitelno-otnosyatsya-k-stalinu-levada-tsentr>

Другими словами, сильная власть не может не обращать внимание на потребности общества, сделавшего ее легитимной. Население начинает играть все более заметную роль в общественно-политической жизни. Сила власти сегодня имеет качественно иную основу по сравнению, например, с советским периодом или царской Россией, и это — специфический признак нового этапа постсоветской истории, с которым тесно связан второй и третий его атрибуты — эффективность государственного управления и актуальность нематериальных факторов развития.

2. Эффективность государственного управления.

На совещании о ходе исполнения указов от 7 мая 2012 года Президентом РФ В.В. Путиным была обозначена стратегия преобразований и целевые ориентиры государственной политики, которых необходимо достигнуть к 2018 г. «Цель этой работы, — как заявил Президент РФ, — обеспечить новый, более высокий уровень жизни граждан Российской Федерации,

прежде всего, за счёт кардинального повышения эффективности государственного управления и качества работы государственного сектора»²⁹. В последующих своих выступлениях глава государства показал твердые намерения осуществлять намеченную стратегию, несмотря на негативные процессы в мировой экономике и нестабильную политическую ситуацию на международной арене.

Ориентир на повышение эффективности государственного управления — атрибут, являющийся прямым следствием востребованности сильной государственной власти. Его истоки исходят не только из реформ 1990-х гг., но и из периода «стабилизации» 2000-х — это нерешенность ключевых проблем страны, которые приняла затяжной характер: зависимость российской экономики от сырьевых ресурсов, неконкурентоспособность отечественных товаропроизводителей, высокий уровень дифференциации населения по уровню доходов, низкий уровень развития гражданского общества и др.

Выстроенная в 2000-х гг. олигархически-коррупционная властная «вертикаль» стала главным тормозом успешного сближения России с высокоразвитыми странами Запада. Результатом ее функционирования является перераспределение важнейших ресурсов от групп, ориентированных на модернизацию общества, к верхушке, стремящейся к безграничному личному обогащению. В этих условиях модернизация российского общества предполагает не только и не столько освоение новых технологий, сколько формирование сильной, компетентной правовой и легитимной власти, способной к радикальной

²⁹ Путин В.В. Речь на совещании о ходе исполнения указов Президента от 7 мая 2012 года // Официальный сайт Президента РФ. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/18039>

демократизации и укреплению основных общественных институтов³⁰.

Однако было бы неправильно говорить о том, что во все другие периоды российской истории государство не заботилось о повышении эффективности управления. В разные эпохи эта забота принимала разные формы. Специфика современного этапа заключается в том, что теперь это делать значительно труднее, поскольку в оценку этой работы в качестве одного из активных и, пожалуй, главных субъектов включается само общество. 2014 год показал, что государство и общество в России не антиподы, а партнёры в деле развития своей страны³¹.

Удовлетворенность населения становится главным маркером эффективности деятельности государственной власти. Как сказал В.В. Путин в ходе «прямой линии» с населением в апреле 2013 г., «надо, чтобы все руководители любого ранга: и в президентских структурах, и в Правительстве, чувствовали и понимали, что рядовые граждане внимательно следят за результатами нашей работы и дают свои оценки. Ориентироваться нужно именно на мнение граждан... От того, насколько общество доверяет действиям власти, конечно, зависит наша общая эффективность и конкурентоспособность»³².

Возросшая роль общественного мнения в оценке эффективности деятельности власти во многом связаны с третьим атрибутом нового времени — актуальностью нематериальных факторов развития.

³⁰ Материалы IV Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие» // Официальный сайт Российского общества социологов. — Режим доступа: <http://www.ssa-rss.ru/files/File/congress2012/part3.pdf>

³¹ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2014 год [Эл. рес.]. — Режим доступа: <http://www.oprf.ru/documents/1151/>

³² Стенограмма «прямой линии» с Президентом РФ В.В. Путиным от 25.04.2013 [Эл. рес.] // Российская газета. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/04/25/stenogramma-site.html>

3. Актуальность нематериальных факторов развития.

После 20-летнего периода существования постсоветской России и всех перипетий, произошедших с российским обществом за это время, уже невозможно говорить о каком-то тоталитарном режиме государственного устройства, а о Президенте РФ — как о первом лице государства, обладающем безраздельной властью и не считающемся с мнением населения (что иногда пытаются сделать западные СМИ). Невозможно даже повторение жесткой вертикали власти советского периода, поскольку «мы ушли от советской идеологии, вернуть её невозможно»³³, «постсоветский этап в развитии России, впрочем, как и в развитии всего мира, завершен и исчерпан»³⁴.

Регулярные упоминания В. Путина о том, что общественное мнение сегодня является главным индикатором эффективности государственного управления; «прямые линии» с Президентом; его встречи с представителями науки, свидетельствующие о заинтересованности в их мнении; востребованность социологического знания и, соответственно, «воспрянувшая духом» отечественная социология, которая «за короткое время получила развитие во всех регионах нашей страны»³⁵; активизация различных форм взаимодействия представителей региональной и муници-

пальной власти с населением; возросший статус общественных организаций (Общественная палата, ОНФ и др.) — всё это признаки нового времени и доказательство того, что общество сегодня — один из главных субъектов, делающих российскую историю.

Стремление Президента РФ «качественно изменить Россию, чувствовать народное настроение и поддержку народа, быть на одной волне с этими настроениями, объединить их и осуществить прорывы, которые от него ожидают в обществе»³⁶ являлось одним из мотивов и предпосылок институционального оформления Общероссийского народного фронта.

Актуальность нематериальных факторов развития как атрибута нового этапа постсоветской России заключается не только в последствиях распада Советского Союза и проникновения в существующую систему духовно-нравственных ценностей россиян идей западной демократии. Глубинная причина повышения роли общественного сознания и поведения в вопросах, связанных с экономикой и государственным устройством, кроется в том, что это естественный ход эволюции. Тоталитарный по своей сути режим (под каким бы названием он не был «спрятан») не может справиться со сложным, высоко-развитым обществом, если, конечно, не имеют место отдельные форс-мажорные обстоятельства, которые чаще всего носят временный характер (например, война). По мере усложнения социальных отношений и научно-технического прогресса меняется и общественное сознание людей, растет количество и качество вопросов населения к власти, и это — не специфическая черта российского общества, а естественный ход развития человечества.

³³ Стенограмма выступления В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19.09.2013 [Эл. рес.] / Российская газета от 19.09.2013. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html>

³⁴ Путин В.В. Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить [Эл. рес.] // Известия. — 2012. — 16 янв. — Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/511884>

³⁵ Осипов Г.В. Выступление на IV Всероссийском социологическом конгрессе «Социология в системе научного управления обществом» 2 февраля 2012 г. [Эл. рес.] / Пресс-релиз IV Всероссийского социологического конгресса — Режим доступа: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1665

³⁶ Миграция А.М. Народ и лидер нашли друг друга [Эл. рес.] // Известия. — 2013. — 12 июня. — Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/551898>

4. Национальная идентичность.

В контексте анализа ключевых атрибутов нового этапа российской истории мы бы хотели акцентировать внимание на том, что благодаря возросшей потребности в чувстве гордости за страну, в национальной идентичности, стали преодолеваются проблемы низкого уровня развития гражданского общества и социального атомизма — то, что было характерным признаком постсоветского периода вплоть до 2014 года.

Интересно, что многочисленные элементы гражданского общества в России, как это ни казалось бы странным, существовали в позднюю советскую эпоху: у нас были созданы огромные запасы социального капитала, иначе бы миллионы людей не вышли на улицы. У нас были многочисленные элементы гражданского общества в позднюю авторитарную эпоху: от КП до московских кухонь, экономико-математической школы в МГУ с 1968 года и так далее. Вот там производился социальный капитал³⁷.

О проблемах гражданского общества и низкого уровня развития социального капитала после распада Советского Союза сказано уже довольно много (Е.Г. Ясин, В.К. Левашов, А.А. Аузан, Р.Ш. Меняшев и др.), проведено много исследований (исследования ИС РАН, ИСПИ РАН, НИУ ВШЭ и др.). Немало сказано и о таком явлении, как социальный атомизм (С.Г. Кара-Мурза, В.И. Жуков и др.), который может привести к самым масштабным последствиям: «понижение уровня самоидентификации людей до элитных групп, корпораций, круга друзей, семьи, ограничивающих свои интересы эгоистическими целями мелких общностей,

³⁷ Аузан А.А. Общественный договор и гражданское общество [Эл. рес.]. — Режим доступа: <http://polit.ru/article/2005/01/11/auzan/>

ослабляет целостность социума. Они перестают быть ячейками единого государственного механизма. В общественном мнении сами понятия «государство», «отечество» как высшие гаранты устойчивого развития и удовлетворения потребностей обесцениваются, а граждане перестают себя чувствовать ответственными за их судьбу»³⁸.

Мы не будем акцентировать внимание на анализе этих тяжелейших для развития страны последствий распада СССР, однако считаем важным отметить, что в 2014 г. появились очевидные предпосылки их преодоления. Как показывают результаты социологических исследований ИСЭРТ РАН, в 2014 г. почти в 2 раза увеличилась доля людей, считающих, что сегодня в стране «больше согласия и сплоченности, чем несогласия и разобщенности»; значительно увеличилась доля людей, готовых объединяться по идейным соображениям (табл. 4).

Тенденции преодоления социального атомизма и роста гражданского самосознания — очевидное доказательство укрепления национальной идентичности, являющееся следствием консолидации российского общества вокруг идей, выдвинутых В. Путиным на валдайском форуме в 2013 г., и «спровоцированное» развитием геополитической ситуации в 2014 г. От продолжения этих позитивных трендов, наметившихся только в 2014 г., во многом зависит дальнейший успех продвижения страны в сторону «духотворного и экономического подъема»³⁹.

³⁸ Чугуенко В.М., Бобкова Е.М. Новые тенденции в исследовании социального самочувствия населения // Социологические исследования. — 2013. — № 1. — С. 23.

³⁹ Осипов Г.В. Не упустить предоставившийся шанс! // Социология и экономика современной социальной реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 году. — М: ИСПИ РАН, 2013. — С. 12.

Таблица 4. Данные социологических опросов, свидетельствующие о преодолении социального атомизма и развитии гражданского общества (в % от числа опрошенных)*

Показатель	2011 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение (+ / -) 2014 г.	
				к 2013	к 2011
Как Вы считаете, чего сегодня больше: согласия, сплоченности или несогласия, разобщенности? (в % от числа опрошенных)*					
<i>В нашей стране</i>					
Больше согласия, сплоченности	14,2	14,1	28,9	+15	+15
Больше несогласия, разобщенности	61,1	59,5	44,1	-15	-17
Затрудняюсь ответить	24,7	26,4	27,0	+1	+2
<i>В нашей области</i>					
Больше согласия, сплоченности	19,3	15,9	26,9	+11	+8
Больше несогласия, разобщенности	55,6	54,4	44,7	-10	-11
Затрудняюсь ответить	25,1	29,7	28,4	-1	+3
<i>В месте Вашего проживания</i>					
Больше согласия, сплоченности	24,1	28,4	39,1	+11	+15
Больше несогласия, разобщенности	51,5	44,3	34,3	-10	-17
Затрудняюсь ответить	24,4	27,3	26,6	-1	+2
<i>В Вашем окружении</i>					
Больше согласия, сплоченности	46,9	52,1	61,4	+9	+15
Больше несогласия, разобщенности	29,3	23,2	18,3	-5	-11
Затрудняюсь ответить	23,9	24,7	20,3	-4	-4
Доля жителей области, готовых и неготовых объединяться с другими людьми для каких-либо совместных действий, если их идеи и интересы совпадают (в % от числа опрошенных)*					
Готовы объединиться	47,1	43,0	54,6	+12	+8
Не готовы объединиться	25,2	19,9	15,1	-5	-10
* Вопрос задаётся с 2011 г.					

Таким образом, сильная государственная власть, руководствующаяся в своей деятельности не только собственными интересами, но и мнением населения; актуальность не материальных факторов развития, а факторов, связанных с общественным сознанием и поведением; преодоление ключевых проблем 1990-х и 2000-х годов, причем не только в материальном (рост уровня жизни), но и в нематериальном (преодоление социального атомизма, рост гражданской активности) плане – это наш взгляд, главные признаки современной России. Признаки, позволяющие говорить о периоде 2010-х как о новом этапе ее развития.

Они не объясняются одной лишь активизацией патриотических настроений на фоне «украинских событий». Они не объясняются даже тем, что в течение последних 20-ти лет «созревали» в российском обществе под гнетом совершенно иных проблем, завязанных на удовлетворении элементарной потребности в национальной (и личной) безопасности, экономической (и материальной) стабильности. Глубинные истоки современного периода во многом кроются в ментальных особенностях российского народа, а все прочие факторы выступают лишь в роли катализатора, оказавшись, во многом благодаря элементарному стечению обстоятельств, в одном месте и в одно время.

К чему может привести этот новый этап? Последствия событий 2014 г. (в первую очередь – присоединение Крыма), по мнению Г.В. Осипова, «могут стать судьбоносными для нашей страны и ознаменоваться как новым духотворным и экономическим подъемом, так и унынием разочарования и глубочайшим упадком всего и вся»⁴⁰. Мы разделяем это мнение. Вопрос в другом – что станет определяющим в продвижении страны по пути процветания?

Учитывая выделенные характеристики нового этапа, их глубинные истоки, риском предположить, что ключевыми факторами являются следующие.

1. Пересмотр приоритетов с внешней политики на внутренние проблемы.

Как показывают результаты социологических опросов, фундамент нового этапа, в роли которого выступает объединение государства и общества на основе общего «идеологического» вектора, не является прочным. Российское общество достаточно долго шло к готовности к переменам, это был эволюционный процесс. Поэтому в целом сама готовность к переходу на новый этап в своем развитии у российского общества есть и является достаточно прочной.

Однако, на наш взгляд, события 2014 г. (украинский конфликт, присоединение Крыма и др.) придали этому процессу не эволюционный, а революционный характер. Последние 15 лет общество как бы «изголодалось» по возможности испытать чувство гордости за свою страну, причем именно на международной арене, и, когда такие успехи появились, возникло состояние определенной «эйфории».

Проблема заключается в том, что все эти успехи не являются управляемыми исключительно внутри страны. Все они основываются на таких вещах, которые не зависят

только от России, то есть они делают российское общество зависимым от внешних факторов. По сути, все нынешние разговоры о «новом этапе» связаны с чувством патриотизма, национальной идентичности, идеологического противостояния российских ценностей ценностям западной цивилизации.

Однако главные вопросы, волнующие российское общество, являются внутренними. Ими были и остаются уровень и качество жизни, преодоление социального неравенства, достижение социальной справедливости, борьба с коррупцией, повышение эффективности функционирования учреждений социальной сферы, возможность «рядовых» граждан пользоваться их услугами, решение самых насущных бытовых проблем.

Нерешенность этих вопросов имеет устойчивый, многолетний характер, что во многом стало причиной «эйфории» после событий 2013–2014 гг. Однако без решения внутренних проблем позитивные тенденции общественного мнения являются, мягко говоря, «неустойчивыми».

Как только люди реально ощутили на себе последствия ухудшения экономической ситуации во второй половине 2014 – начале 2015 г. (что было вызвано отчасти экономическими санкциями, отчасти последствиями затянувшегося бюджетного кризиса регионов), повестка дня в общественном мнении сразу же изменилась. В российской прессе стали появляться сообщения о возросшем уровне тревожности людей⁴¹, о том, что в общественном сознании тема украинского конфликта, которая по-прежнему вызывает у жителей России чувство патриотизма, все чаще

⁴⁰ Там же. – С. 12.

⁴¹ Большинство россиян готово не есть западные продукты ради величия России [Эл. рес.] // Московский комсомолец. – 2015. – 28 янв. – Режим доступа: <http://www.mk.ru/politics/2015/01/28/bolshinstvo-rossiyan-gotovo-ne-est-zapadnye-produkty-radi-velichiya-rossii.html>

уступает место проблемам экономического характера и поведению россиян в условиях кризиса⁴².

К концу 2014 года произошел заметный рост (с 43 до 53%) доли населения, считающего ситуацию в стране напряженной, кризисной. Оценивая направления социальных перемен в стране за последний год, россияне разделились на две сопоставимые по численности группы, отмечающие перемены к лучшему (45%) или к худшему (43%). При этом при сопоставлении результатов опросов разных лет наблюдается все большая поляризация мнений по данному вопросу среди населения, что свидетельствует о растущей дифференциации реального положения представителей различных социальных групп⁴³.

Что касается ожиданий населения относительно будущего страны, они могут быть охарактеризованы как сдержанно тревожные: почти половина респондентов сходится во мнении, что страну ожидают трудные времена; четверть россиян считают, что страна будет развиваться успешно, и аналогичная доля не ожидает никаких принципиальных изменений в развитии страны. Причем подобная тревожность свойственна россиянам в отношении ситуации не только в России, но и в мире. Социальный контекст происходящих в стране трансформаций отражается в противоречивом социально-психологическом состоянии населения. Немногим более половины наших сограждан позитивно оценивают свое психоэмоциональное состояние, и почти половина россиян к концу 2014 года

отличалась негативным социально-психологическим самочувствием (четверть ощущала чувство тревоги, каждый пятый испытывал апатию, раздраженность, реже — озлобленность)⁴⁴.

По данным ИСЭРТ РАН, во второй половине 2014 г. положительный тренд общественного мнения по таким важным индикаторам, как социальное настроение и поддержка деятельности Президента РФ, прервался, а в начале 2015 г. было отмечено заметное ухудшение самооценок материального положения (рост доли людей, считающих себя «бедными и нищими»), социального настроения, запаса терпения. В апреле 2015 г. ситуация улучшилась, но насколько устойчивыми будут эти изменения, пока неизвестно (*табл. 5*).

В современный век высоких технологий и виртуальных сетей люди имеют возможность сравнивать уровень и качество жизни в разных странах. Часть людей (и эта часть со временем будет только увеличиваться) делает это самостоятельно, не ориентируясь на средства массовой информации, выступающие иногда неким фильтром. Другая часть людей приходит к тому же самому выводу, но чуть позже, когда отсутствие правильных управленческих решений в правильном направлении становится причиной реального падения уровня жизни и невозможности удовлетворить самые элементарные социальные потребности.

Результаты последних опросов (с июня 2014 г.) показывают, что общественное мнение по всем ключевым аспектам не будет и не должно держаться исключительно на идеологии, победах в информационной войне с США и оптимистических взглядах на будущее России как центра многополярного мира. Образно говоря, на этом можно выиграть войну, но нельзя построить мир.

⁴² От редакции. В сознании россиян Крым отстывает под натиском кризиса [Эл. рес.] // Ведомости. — 2015. — 30 янв. — Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/38844121/krizis-protiv-kryma>

⁴³ Российское общество в контексте новых реалий (тезисы о главном): информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования / ИС РАН. — М., 2015. — С. 3.

⁴⁴ Там же. — С. 4.

Таблица 5. Динамика ключевых показателей общественного мнения с февраля 2014 по апрель 2015 г. (в % от числа опрошенных)*

Вариант ответа	Фев. 2014	Апр. 2014	Июнь 2014	Авг. 2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Фев. 2015	Апр. 2015	Изменение (+/-), апр. 2015 к...		
									фев. 2014	июнь 2014	фев. 2015
Уровень одобрения деятельности Президента РФ											
Одобряю	56,1	62,8	66,6	66,4	66,8	66,0	66,3	67,5	+11	+1	+1
Не одобряю	29,3	25,4	21,8	19,3	18,5	19,7	20,5	16,2	-13	-6	-4
Социальное настроение											
Нормальное состояние, прекрасное настроение	65,1	69,3	71,1	70,5	69,3	70,9	61,8	67,6	+3	-4	+6
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,1	24,9	23,7	25,1	24,6	24,1	31,3	26,6	-1	+3	-5
Запас терпения											
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	79,8	81,3	81,0	82,5	80,3	80,0	74,3	78,9	-1	-2	+5
Терпеть наше бедственное положение невозможно	12,3	11,1	13,4	12,8	12,1	13,6	17,3	14,9	+3	+2	-2
Социальная самоидентификация											
Доля считающих себя людьми среднего достатка	44,2	43,1	42,0	44,1	43,5	42,3	38,3	36,7	-8	-5	-2
Доля считающих себя бедными и нищими	46,9	49,1	48,4	49,6	49,3	51,0	53,3	51,6	+5	+3	-2
Индекс потребительских настроений											
Значение индекса, в пунктах	91,5	90,3	90,5	87,1	84,0	82,3	75,7	73,4	-18	-17	-2
Потенциал протеста											
Значение индекса, в пунктах	15,9	17,7	18,4	22,4	19,7	18,9	20,7	20,0	+4	+2	-1
* В таблице представлены данные за период с начала 2014 по апрель 2015 г. Приводится оценка изменений данных последнего опроса (апрель 2015 г.) к начальному периоду (февраль 2014 г.) и к периоду, когда прервался положительный тренд поддержки деятельности Президента и улучшения социального настроения (июнь 2014 г.).											

Нерешенность наиболее актуальных проблем свела на «нет» консолидацию российского общества после выступления Президента РФ в Мюнхене в 2007 г. По той же причине точкой отсчета нового этапа в жизни страны не стало начало третьего президентского срока В. Путина. В аналогичную «ловушку» Россия может попасть и сегодня, если внимание властей не будет сосредоточено на удовлетворении ключевых общественных запросов, лежащих в плоскости внутренних, прежде всего социально-экономических, проблем страны.

2. Повышение эффективности управленческих решений за счет учета мнения ведущих российских ученых, а также мнения руководителей более низкого «звена» в структуре государственного управления.

Второй фактор, от которого зависит устойчивость позитивных тенденций общественного развития, тесно связан с первым. Что необходимо для эффективного решения наиболее острых внутренних проблем страны? Сегодня ответ на этот вопрос в виде вполне конкретных и четких мер, алгоритма действий предлагают лучшие представи-

тели отечественной экономической и социальной науки (Р.С. Гринберг, В.В. Ивангер, А.Д. Некипелов, С.Ю. Глазьев, С.С. Губанов, Г.В. Осипов, М.К. Горшков и др.), однако их рекомендации далеко не всегда закладываются в основу управленческих решений. Проводимый правительством курс крайнего либерализма, масштабного ухода государства из сфер экономической и социальной политики не формирует необходимого запроса со стороны государства, прежде всего к Российской академии наук, на проведение исследований социальной среды и объективного анализа изменений в обществе на страновом и региональном уровнях⁴⁵.

Как отмечает Г.В. Осипов, «наступивший век по прогнозам и выводам футурологии должен стать веком торжества научного мировоззрения и явить миру качественно новые принципы и подходы к организации настроенного на объединение мирового сообщества, к управлению каждым отдельным государством и обществом. Как известно, XXI веку во всемирном научном сообществе пророчат определяющий титул «века социальных наук». Пока, будем откровенны, это крайне недостаточно проявлено и в информационных сетях, опутавших нашу планету, и, что важнее всего, в готовности государственных, общественных, корпоративных и частных инвесторов финансировать социально-гуманитарные исследования и продвигать их выводы в повседневную управленческую практику истеблишмента»⁴⁶. Таким образом, повышение статуса научного знания в процессе принятия управленческих решений — это

⁴⁵ Ильин В.А., Шабунова А.А. Социологическое измерение эффективности государственного управления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — Вологда: ИСЭРТ РАН. — 2014. — № 2 (32). — С. 20.

⁴⁶ Осипов Г.В. Не упустить предоставившийся шанс! // Социология и экономика современной социальной реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 году. — М: ИСПИ РАН. — С. 9.

не просто необходимость для России, а веянье времени во всем мировом сообществе, поэтому выиграет тот, кто первым это осознает, примет и реализует.

Кроме того, только научное знание, как фундамент законотворческой деятельности, способно предотвратить попадание в «ловушку» имитации, которую Ж.Т. Тощенко называет одной из главных причин социальной апатии, недоверия власти, низкой избирательной активности и в целом аномии общества⁴⁷. В современных условиях, когда многое в жизни страны зависит от идеологии, национальной идентичности и патриотических настроений, очень важно избежать «подмены деятельности во всех ее проявлениях имитацией как на всех уровнях организации общественной жизни — на федеральном, региональном и местном, так и во многих организациях и даже в личном исполнении»⁴⁸.

То же самое можно сказать и о том, что на федеральном уровне не всегда прислушиваются к мнению руководителей субъектов РФ, а на региональном — к проблемам, которые озвучивают главы муниципальных образований⁴⁹. Существенная дифференциация субъектов Российской Федерации не только по социально-экономическим, но и территориальным, историческим, культурно-нравственным, демографическим и другим характеристикам уже давно выступает одной из ключевых

⁴⁷ Тощенко Ж.Т. Новые лики деятельности: имитация // Социологические исследования. — 2012. — № 12. — С. 35.

⁴⁸ Там же. — С. 23.

⁴⁹ Один из примеров такой ситуации — доклад Е.С. Савченко на заседании Государственного совета 18 сентября 2014 г., в котором губернатор Белгородской области изложил четкий механизм новой модели экономического роста, предложил Правительству отказаться от ряда мифов, укоренившихся в сознании еще с периода 1990-х гг., а также сформировать перечень проектов, направленных на импортозамещение, а главное — сопроводить их новым механизмом поддержки (источник: доклад Е.С. Савченко на заседании Госсовета // Официальный сайт губернатора Белгородской области. — Режим доступа: <http://www.savchenko.ru/events/2821.html>).

проблем, тормозящих эффективность управленческих решений, принятых на федеральном уровне.

Не случайно Президент РФ неоднократно подчеркивал важность именно регионального и муниципального уровней власти («Считаю важнейшей задачей уточнение общих принципов организации местного самоуправления, развитие сильной, независимой, финансово состоятельной власти на местах»⁵⁰).

Чем ниже уровень государственного управления в общей структуре властной вертикали, тем ближе представители этого управленческого звена к реальным проблемам, волнующим население. И, что самое главное, именно на более низких уровнях власти появляются более широкие возможности для развития различных форм взаимодействия между обществом и органами государственного управления, что особенно актуально в соответствии с особенностями современного этапа, о которых мы говорили выше.

Если для Президента РФ одной из основных прямых форм взаимодействия с населением является ежегодная «прямая линия», то для губернаторов и руководителей муниципалитетов такие формы общения с людьми могут быть гораздо чаще, при этом объектом их внимания может выступать население более отдаленных территорий (и по экономическому развитию, и по территориальной расположенности), а предметом — самые повседневные вопросы, от решения которых зависит социальное восприятие и социальное самочувствие.

Таким образом, в научном сообществе есть прямые ответы на самые важные во-

⁵⁰ Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2013 г. Стенограмма [Эл. рес.] // Информационно-правовой портал «Гарант». — Режим доступа: <http://base.garant.ru/70534308/#ixzz3XZCхр6j>

просы, от которых зависит уровень и качество жизни населения, решение наиболее актуальных проблем, определяющих «повестку дня» общественного мнения. Эти ответы должны быть услышаны и приняты во внимание при разработке управленческих решений. Тогда они станут фактором, способствующим дальнейшему прогрессивному развитию страны.

3. Качество социологического знания.

Если основное содержание деятельности власти — это удовлетворение общественных запросов⁵¹ (что было отражено и в майских указах Президента 2012 г.)⁵², если общественное мнение становится одним из главных критериев эффективности государственного управления и, наконец, если национальная безопасность в первую очередь зависит от уровня социальной напряженности внутри страны, то социологическая наука, аккумулирующая в себе знание об обществе, о его ментальных особенностях и «текущих» тенденциях общественного сознания, восприятия, поведения, становится главным инструментом, обеспечивающим связь между населением и властью.

«Научное понимание индивидуального и коллективного социального поведения, ведущее к их контролю, вероятнее всего, является наиболее насущной задачей, стоящей сегодня перед человечеством, — пишет Г.В. Осипов, ссылаясь на мнение лауреата Нобелевской премии голландского экономиста Я. Тимбергена. — Из этого следует, что в сложившейся ситуации только социальные и гуманитарные науки, объектом исследований которых является человек,

⁵¹ Барциц И.Н. Конституционная демократия — это свободные выборы плюс интернетизация всей страны // Социс. — 2013. — № 9. — С. 116.

⁵² Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 [Эл. рес.] // Информационно-правовой портал «Гарант». — Режим доступа: <http://base.garant.ru/70170942/#ixzz3YDD9ERG3>

его социальные действия и создаваемая им социальная реальность могут внести научную рациональность в разнонаправленные, стихийные и безответственные действия самого человека, привести их к общему знаменателю, устранив и нейтрализовав глобальные угрозы, подобно дамоклову мечу, нависшие над человечеством»⁵³.

Соответственно положение дел в стране во многом зависит от качества социологического знания — его достоверности, глубины и своевременности. А качество социологического знания зависит уже от решения ключевых проблем, которые существуют на сегодняшний день в отечественной социологии и неоднократно были озвучены на общероссийских социологических форумах⁵⁴ и в научных статьях⁵⁵.

⁵³ Осипов Г.В. Не упустить предоставившийся шанс! // Социология и экономика современной социальной реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 году. — М.: ИСПИ РАН. — С. 11.

⁵⁴ Например: резолюции IV Всероссийского социологического конгресса // Официальный сайт Российского общества социологов. — Режим доступа: <http://www.ssa-rss.ru/>; Жуков В.И. Социология в современной России: доклад на Учредительном съезде Союза социологов России // Социс. — 2007. — № 12. — С. 8-13; Осипов Г.В. Возрождение социологии в России: доклад на Юбилейной научной сессии РАН 26 марта 2008 г. // Официальный сайт Института социологии Российской академии наук. — Режим доступа: http://www.isras.ru/?page_id=699; Горшков М.К. Российская социология в постсоветской России: состояние и проблемы развития: доклад на Всероссийской научно-практической конференции «Общество и социология в современной России» (13–15 ноября 2014 г., г. Вологда) // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Общество и социология в современной России», посвященной XX годовщине празднования Дня социолога в Российской Федерации. — Т. 1. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. — С. 10-17.

⁵⁵ Например: Осипов Г.В. О роли научного знания в управлении современной социальной реальностью // Доклад «Современная социальная реальность России и государственное управление. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году». — Т. 1. — М.: ИСПИ РАН, 2014. — С. 6-11; Тощенко Ж.Т. Время Акме — социологическим исследованиям 40 лет // Социс. — 2014. — № 7 (363). — С. 3-7; Ильин В.А., Шабунова А.А. Социологическое измерение эффективности государственного управления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. — № 2 (32). — С. 18-35.

Среди них:

- недостаточно высокий авторитет ученого-социолога;
- необходимость расширения участия социологов в решении острейших проблем общества посредством создания новых каналов связи и площадок взаимодействия с представителями власти, общественными структурами, гражданского общества;
- существенный разрыв между фундаментальным теоретическим знанием и его практическим применением;
- недостаточно развитый механизм социальной экспертизы принимаемых законов;
- отсутствие единого системного подхода в развитии социологических исследований на региональном уровне; координация социологических исследований на федеральном и региональном уровнях;
- повышение качества социологического образования и др.

От решения этих и многих других проблем отечественной социологии сегодня во многом зависит качество взаимосвязи между государством и обществом на всех уровнях власти, понимание органами управления реальных проблем, беспокоящих население. Поэтому для того, чтобы «не упустить предоставившийся шанс» сегодня очень важно использовать те механизмы, которые реально существуют и могут быть использованы для систематизации социологических исследований.

Например, многое зависит от статуса Российской академии наук, которая может сыграть роль «независимого института, осуществляющего координацию социологических исследований, усиление поддержки перспективных региональных научных школ и молодых ученых, поиск новых форм включения результатов

российской социологии в мировую науку»⁵⁶. Важным инструментом в деле «встраивания» социологического знания в систему государственного управления может стать Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации», который был положительно воспринят многими учеными (Е.В. Жирнель, О.С. Сухарев, А. Вассерман, М. Делягин и др.) и, по сути, является «необходимым шагом для формирования единой системы стратегического планирования, охватывающей федеральный, региональный и муниципальный уровень»⁵⁷.

Современная социологическая наука не претендует на роль сопровождения системы управления. Речь идет о встраивании социологического знания в структуру законотворческого процесса. Интеграция социологии и социальных наук в «культуру власти» позволит на основе конкретных исследований определять основные направления и средства реализации социально значимых целей, давать научное обоснование, прогноз последствий принимаемых решений, оценку реализуемых мер в соответствии с четкими критериями эффективности⁵⁸. На основе обобщения международной и отечественной практики социология предлагает четкий регламент законотворческой деятельности, закрепле-

ние которого на законодательном уровне «позволит не только усовершенствовать систему законотворчества, но и сформировать новый тип государственного управления на основе научного знания. Это позволит перейти от «метода латания дыр» к превентивному управлению на системном законодательном уровне»⁵⁹.

Таким образом, выделенные особенности современной России позволяют говорить о периоде 2013–2014 гг. как о начале нового этапа в жизни российского общества.

К современному пониманию государственного управления в России можно применить теорию экономиста Йозефа Шумпетера о творческом (созидательном) разрушении (*creating destruction*), суть которой заключается в том, что нечто принципиально новое появляется крайне редко, обычно в развитии происходит некоторая перегруппировка, рекомбинация факторов в рамках уже имеющейся парадигмы⁶⁰. Рекомбинированными факторами нового этапа российской истории стали исторически сложившиеся ментальные особенности, наследие советской эпохи, трансформационные процессы постсоветского периода, события 2013–2014 гг.

С неизбежностью грядущие изменения социальной реальности обуславливают необходимость перехода к новой системе управления обществом, предполагающей отказ от традиционного метода проб и ошибок и принятие социально значимых государственных решений на основе всестороннего научного анализа и точных математически выверенных расчетов⁶¹.

⁵⁶ Ильин В.А., Шабунова А.А. Социологическое измерение эффективности государственного управления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – Вологда: ИСЭРТ РАН. – 2014. – № 2 (32). – С. 30.

⁵⁷ Ускова Т.В., Чекавинский А.Н. Закон о стратегическом планировании в Российской Федерации: достоинства и нерешенные вопросы (экспертная оценка) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – № 4 (34). – С. 64.

⁵⁸ Осипов Г.В. Историческая миссия российской социологии: проблемы и перспективы // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Общество и социология в современной России», посвященной XX годовщине празднования Дня социолога в Российской Федерации. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – Т. 1. – С. 19.

⁵⁹ Там же. – С. 24.

⁶⁰ Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. – М.: Прогресс, 1982.

⁶¹ Осипов Г.В. Не упустить предоставившийся шанс! // Социология и экономика современной социальной реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 году. – М: ИСПИ РАН. – С. 18.

Украинский кризис не остался в прошлом, но общественное сознание движется дальше. Сегодня, в начале 2015 г., общество и государство сосредоточены на решении внутренних экономических проблем, на улучшении качества жизни независимо от ситуации на международной арене. Об этом наглядно свидетельствует тематика «прямых линий» с Президентом РФ В.В. Путиным в 2013–2015 гг.: после обсуждения вопросов, связанных с международной политикой и национальным самоопределением (что было главными темами «прямой линии» 2014 г.), в 2015 г. «повестка дня» вновь

сосредоточена на внутренних социально-экономических проблемах, только теперь они рассматриваются не в контексте исполнения «майских указов» (как это было в 2013 г.), а в контексте функционирования российской экономики в условиях санкций.

Общество разделяет точку зрения главы государства о необходимости «самим внутри страны, в своём собственном доме, в экономике выходить на более совершенные способы управления этими (социально-экономическими. — Прим. автора) процессами»⁶², и это позволяет с уверенным оптимизмом смотреть в будущее.

Литература

1. Авторы «Перелома» комментируют валдайскую речь Путина [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rondon.org/society-131007122213>
2. Акопов, П.Э. Валдай после Мюнхена [Электронный ресурс] / П.Э. Акопов // Взгляд: газета. — 2013. — 20 сент. — Режим доступа: <http://vz.ru/politics/2013/9/20/651345.html>
3. Аузан, А.А. Общественный договор и гражданское общество [Электронный ресурс] / А.А. Аузан. — Режим доступа: <http://polit.ru/article/2005/01/11/auzan/>
4. Барциц, И.Н. Конституционная демократия — это свободные выборы плюс интернетизация всей страны / И.Н. Барциц // Социс. — 2013. — № 9. — С. 119–120.
5. Большинство россиян готово не есть западные продукты ради величия России [Электронный ресурс] // Московский комсомолец. — 2015. — 28 янв. — Режим доступа: <http://www.mk.ru/politics/2015/01/28/bolshinstvo-rossiyan-gotovo-ne-est-zapadnye-produkty-radi-velichiya-rossii.html>
6. Все больше россиян положительно относятся к Сталину [Электронный ресурс] // Ведомости. — 2015. — 30 мар. — Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/03/31/vse-bolshe-rossiyan-polozhitelno-otnosyatsya-k-stalinu-levada-tsentr>
7. Горшков, М.К. Российская социология в постсоветской России: состояние и проблемы развития / М.К. Горшков: доклад на Всероссийской научно-практической конференции «Общество и социология в современной России» (г. Вологда, 13–15 ноября 2014 г.) // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Общество и социология в современной России», посвященной XX годовщине празднования Дня социолога в Российской Федерации. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. — Т. 1. — С. 10–17.
8. Горшков, М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения / М.К. Горшков // Социологические исследования. — 2012. — № 12. — С. 3–11.
9. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2014 год [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.oprf.ru/documents/1151/>
10. Дугин, А.Г. Эхо «мюнхенской речи». Президент Путин вступил на путь геополитической революции [Электронный ресурс] / А.Г. Дугин. — Режим доступа: <http://oko-planet.su/politik/politikrus/230532-aleksandr-dugin-eho-myunhenskoj-rechi-prezident-putin-vstupil-na-put-geopoliticheskoy-revoljucii.html>

⁶² В ходе «прямой линии» в апреле 2015 г. Президент РФ отметил также: «Санкции санкциями, они, конечно, вносят свой вклад в наши сложности, но это всё-таки не главное» (источник: Стенограмма «прямой линии» с Президентом РФ В.В. Путиным от 16 апреля 2015 г. // Официальный сайт Президента РФ. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/49261>)

11. Жуков, В.И. Социология в современной России: доклад на Учредительном съезде Союза социологов России / В.И. Жуков // Социс. – 2007. – № 12. – С. 4-12.
12. Зуйков, А.В. Институт президентства в России: конституционная модель, современные реалии и перспективы развития / А.В. Зуйков // Конституционный вестник. – 2008. – № 1 (19). – С. 171-179.
13. Ильин, В.А. Социологическое измерение эффективности государственного управления / В.А. Ильин, А.А. Шабунова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – Вологда: ИСЭРТ РАН. – 2014. – № 2 (32). – С. 18-35. – DOI: 10.15838/esc/2014.2.32.3
14. Калина, Ф.В. Социология законодательства и правотворческий процесс [Электронный ресурс] / Ф.В. Калина, Г.Ю. Курскова // Юриспруденция. – 2003. – № 1. – Режим доступа: http://pravorggu.ru/2004_2/15kalina-kurskova-sotsiologiya_zakonodatelstva_13.shtml
15. Материалы IV Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие // Официальный сайт Российского общества социологов. – Режим доступа: <http://www.ssa-rss.ru/files/File/congress2012/part3.pdf>
16. Махмудов, Р. Валдайская речь Владимира Путина: критический анализ [Электронный ресурс] / Р. Махмудов // Информационный портал <http://www.12news.uz/>. – Режим доступа: <http://www.12news.uz/news/2013/09/30/валдайская-речь-владимира-путина-кри/>
17. Мигранян, А.М. Народ и лидер нашли друг друга [Электронный ресурс] / А.М. Мигранян // Известия. – 2013. – 12 июня. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/551898>
18. Осипов, Г.В. Возрождение социологии в России // Доклад на Юбилейной научной сессии РАН 26 марта 2008 г. / Г.В. Осипов // Официальный сайт Института социологии РАН. – Режим доступа: http://www.isras.ru/?page_id=699
19. Осипов, Г.В. Выступление на IV Всероссийском социологическом конгрессе «Социология в системе научного управления обществом» 2 февраля 2012 г. [Электронный ресурс] / Г.В. Осипов // Пресс-релиз IV Всероссийского социологического конгресса. – Режим доступа: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1665
20. Осипов, Г.В. Историческая миссия российской социологии: проблемы и перспективы / Г.В. Осипов // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Общество и социология в современной России», посвященной XX годовщине празднования Дня социолога в Российской Федерации. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – Т. 1. – С. 18-26.
21. Осипов, Г.В. Не упустить предоставившийся шанс! / Г.В. Осипов // Социология и экономика современной социальной реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 году. – М.: ИСПИ РАН. – С. 6-18.
22. Осипов, Г.В. Ороли научного знания в управлении современной социальной реальностью / Г.В. Осипов // Доклад «Современная социальная реальность России и государственное управление. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году». – М.: ИСПИ РАН, 2014. – Т. 1. – С. 6-11.
23. От редакции: В сознании россиян Крым отступает под натиском кризиса [Электронный ресурс] // Ведомости. – 2015. – 30 янв. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/38844121/krizis-protiv-kruma>
24. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2013 г.: стенограмма [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант». – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70534308/>
25. Путин, В.В. Речь на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г. [Электронный ресурс] / В.В. Путин. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243>
26. Путин, В.В. Речь на совещании о ходе исполнения указов Президента от 7 мая 2012 года / В.В. Путин // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/18039>
27. Путин, В.В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить [Электронный ресурс] / В.В. Путин // Известия. – 2012. – 16 янв. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/511884>
28. Резолюции I IV Всероссийского социологического конгресса // Официальный сайт Российского общества социологов. – Режим доступа: <http://www.ssa-rss.ru/>
29. Российское общество в контексте новых реалий (тезисы о главном): информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования / ИС РАН. – М., 2015. – 58 с.
30. Савченко, Е.С. Доклад на заседании госсвета / Е.С. Савченко // Официальный сайт губернатора Белгородской области. – Режим доступа: <http://www.savchenko.ru/events/2821.html>

31. Сильвестров, С.Н. Доклад на круглом столе «Институт президентства в России: правовые основы и роль в модернизации общества» 8 июня 2011 г. [Электронный ресурс] / С.Н. Сильвестров. – Режим доступа: <http://education.law-books.ru/index.php?page=kruglyj-stol>
32. Симонян, Р.Х. Есть ли особый «русский путь»? (полемиические заметки) / Р.Х. Симонян // Социс. – 2013. – № 7. – С. 137-148.
33. Стенограмма «прямой линии» с Президентом РФ В.В. Путиным от 25.04.2013 [Электронный ресурс] // Российская газета. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/04/25/stenogramma-site.html>
34. Степанов, А.Д. Россия и мир вступают в новую эпоху, в которой от нашей страны будет зависеть многое [Электронный ресурс] / А.Д. Степанов // Информационно-аналитическая служба «Русская народная линия». – Режим доступа: http://ruskline.ru/news_rl/2013/09/20/valdajskaya_rech_putina
35. Тощенко, Ж.Т. Время Акме – социологическим исследованиям 40 лет / Ж.Т. Тощенко // Социс. – 2014. – № 7 (363). – С. 3-7.
36. Тощенко, Ж.Т. Новые лики деятельности: имитация / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2012. – №12. – С. 23-36.
37. Тощенко, Ж.Т. Социальное настроение – феномен социологической теории и практики / Ж.Т. Тощенко // СОЦИС. – 1998. – № 1. – С. 21-34.
38. Третьяков, В.Т. Доклад на круглом столе «Институт президентства в России: правовые основы и роль в модернизации общества» 8 июня 2011 г. [Электронный ресурс] / В.Т. Третьяков. – Режим доступа: <http://education.law-books.ru/index.php?page=kruglyj-stol>
39. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант». – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70170942/#ixzz3YDD9ERG3>
40. Ускова, Т.В. Закон о стратегическом планировании в Российской Федерации: достоинства и нерешенные вопросы (экспертная оценка) / Т.В. Ускова, А.Н. Чекавинский // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – № 4 (34). – С. 63-67. – DOI: 10.15838/esc/2014.4.34.6
41. Чугуенко, В.М. Новые тенденции в исследовании социального самочувствия населения / В.М. Чугуенко, Е.М. Бобкова // Социологические исследования. – 2013. – № 1. – С. 15-23.
42. Шумпетер, Й.А. Теория экономического развития / Й.А. Шумпетер. – М.: Прогресс, 1982.
43. Ядов, В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: курс лекций для студентов магистратуры по социологии. – Изд. второе, испр. и доп. [Электронный ресурс] / В.А. Ядов. – СПб.: Интерсоцис, 2009. – 138 с. – Режим доступа: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1330&id=1393¶m=http://www.isras.ru/files/File/Publication/Sovremennaya_teoret_sociol_2009_Yadov.pdf

Ilyin V.A., Morev M.V.

A new stage of Russian history: trends, specifics and prospects

Vladimir Aleksandrovich Ilyin – Doctor of Economics, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Director, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, ilin@vssc.ac.ru)

Mikhail Vladimirovich Morev – Ph.D. in Economics, Laboratory Head, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, 379post@mail.ru)

Abstract. The article discusses the trends and specifics of public sentiment in Russia in the 1990s–2010s; it analyzes key events of the recent years that led to the understanding of the present stage of social development as a new era of the post-Soviet period.

The authors consider the interaction between the society and authorities, the role of scientific knowledge in the improvement of public administration efficiency, the development civil society, and also several promising opportunities and current issues of social science.

The article presents the experience of sociological research carried out by ISEDТ RAS at the regional level.

The authors discuss key factors that determine the efficiency of interaction between the society and authorities and the success of Russia's further development.

Key words: society, authorities, public administration, sociological knowledge, public opinion monitoring, post-Soviet period.

References

1. Avtory "Pereloma" kommentiruyut valdaiskuyu rech' Putina [The Authors of *The Breaking Point* Comment on Vladimir Putin's Valdai Speech]. Available at: <http://www.rondon.org/society-131007122213>
2. Akopov P.E. Valdai posle Myunkhena [Valdai after Munich]. *Gazeta "Vzglyad"* [Newspaper "Outlook"], September 20, 2013. Available at: <http://vz.ru/politics/2013/9/20/651345.html>
3. Auzan A.A. *Obshchestvennyi dogovor i grazhdanskoe obshchestvo* [Social Contract and Civil Society]. Available at: <http://polit.ru/article/2005/01/11/auzan/>
4. Bartsits I.N. Konstitutsionnaya demokratiya – eto svobodnye vybory plus internetizatsiya vsei strany [Constitutional Democracy Means Free Elections Plus Internetization of the Whole Country]. *Sotsis* [Sociological Studies], 2013, no. 9, pp. 119-120.
5. Bol'shinstvo rossiyan gotovo ne est' zapadnye produkty radi velichiya Rossii [The Majority of Russians are Ready to Give Up Western Food for the Greatness of Russia]. *Moskovskii komsomolets* [The Moscow Komsomol Member], January 28, 2015. Available at: <http://www.mk.ru/politics/2015/01/28/bolshinstvo-rossiyan-gotovo-ne-est-zapadnye-produkty-radi-velichiya-rossii.html>
6. Vse bol'she rossiyan polozhitel'no otnosyatsya k Stalinu [More and More Russians Have a Positive Attitude towards Stalin]. *Vedomosti* [The News], March 30, 2015. Available at: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/03/31/vse-bolshe-rossiyan-polozhitelno-otnosyatsya-k-stalinu-levada-tsentr>
7. Gorshkov M.K. Rossiiskaya sotsiologiya v postsovetsoi Rossii: sostoyanie i problemy razvitiya: doklad na Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Obshchestvo i sotsiologiya v sovremennoi Rossii" (13–15 noyabrya 2014 g., g. Vologda) [Russian Sociology in Post-Soviet Russia: State and Problems of Development: the Report at the All-Russian Research-to-Practice Conference "Society and Sociology in Modern Russia" (November 13–15, 2014, Vologda)]. *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Obshchestvo i sotsiologiya v sovremennoi Rossii", posvyashchennoi XX godovshchine prazdnovaniya Dnya sotsiologa v Rossiiskoi Federatsii* [Proceedings of the All-Russian Research-to-Practice Conference "Society and Sociology in Modern Russia", Devoted to the 20th Anniversary of the Sociologist's Day in the Russian Federation]. Vol. 1. Vologda: ISERT RAN, 2015. Pp. 10-17.
8. Gorshkov M.K. "Russkaya mehta": opyt sotsiologicheskogo izmereniya [A "Russian Dream": the Experience of Sociological Assessment]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2012, no. 12, pp. 3-11.
9. *Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obshchestva v Rossiiskoi Federatsii za 2014 god* [Report on the State of Civil Society in the Russian Federation for 2014]. Available at: <http://www.oprf.ru/documents/1151/>
10. Dugin A.G. *Ekho "myunkhenskoj rechi"*. *Prezident Putin vstupil na put' geopoliticheskoi revolyutsii* [Echo of the Munich Speech. President Putin has Embarked on the Path of Geopolitical Revolution]. Available at: <http://oko-planet.su/politik/politikrus/230532-aleksandr-dugin-eho-myunkhenskoy-rechi-prezident-putin-vstupil-na-put-geopoliticheskoy-revolyucii.html>
11. Zhukov V.I. Sotsiologiya v sovremennoi Rossii: doklad na Uchreditel'nom s"ezde Soyuza sotsiologov Rossii [Sociology in Modern Russia: the Report at the Constituent Congress of the Union of Sociologists of Russia]. *Sotsis* [Sociological Studies], 2007, no. 12, pp. 4-12.
12. Zuikov A.V. Institut prezidentstva v Rossii: konstitutsionnaya model', sovremennyye realii i perspektivy razvitiya [The Institution of the Presidency in Russia: the Constitutional Model, Current Realities and Prospects]. *Konstitutsionnyi vestnik* [Constitutional Herald], 2008, no. 1(19), pp. 171-179.

13. Ilyin V.A., Shabunova A.A. Sotsiologicheskoe izmerenie effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya [Sociological Assessment of Public Administration Efficiency]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2014, no. 2 (32), pp. 18-35. — DOI: 10.15838/esc/2014.2.32.3
14. Kalina F.V., Kurskova G.Yu. Sotsiologiya zakonodatel'stva i pravotvorcheskii protsess [Sociology of Law and the Law-Making Process]. *Yurisprudentsiya* [Jurisprudence], 2003, no. 1. Available at: http://pravorggu.ru/2004_2/15kalina-kurskova-sotsiologiya_zakonodatelstva_13.shtml
15. Materialy IV Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa "Sotsiologiya i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitiye" [Proceedings of the 4th All-Russian Sociological Congress "Sociology and Society: Global Challenges and Regional Development]. *Ofitsial'nyi sait Rossiiskogo obshchestva sotsiologov* [Official Website of the Russian Society of Sociologists]. Available at: <http://www.ssa-rss.ru/files/File/congress2012/part3.pdf>
16. Makhmudov R. Valdaiskaya rech' Vladimira Putina: kriticheskii analiz [Vladimir Putin's Valdai Speech: a Critical Analysis]. *Informatsionnyi portal* <http://www.12news.uz/> [Information Portal <http://www.12news.uz/>]. Available at: <http://www.12news.uz/news/2013/09/30/valdaiskaya-rech'-vladimira-putina-kri/>
17. Migranyan A.M. Narod i lider nashli drug druga [The People and the Leader have Found Each Other]. *Gazeta "Izvestiya"* [The News], June 12, 2013. Available at: <http://izvestia.ru/news/551898>
18. Osipov G.V. Vozrozhdenie sotsiologii v Rossii: doklad na Yubileinoi nauchnoi sessii RAN 26 marta 2008 g. [The Revival of Sociology in Russia: the Report at the Anniversary Scientific Session of the Russian Academy of Sciences, March 26, 2008]. *Ofitsial'nyi sait Instituta sotsiologii Rossiiskoi akademii nauk* [Official Website of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences]. Available at: http://www.isras.ru/?page_id=699
19. Osipov G.V. Vystuplenie na IV Vserossiiskom sotsiologicheskome Kongresse "Sotsiologiya v sisteme nauchnogo upravleniya obshchestvom" 2 fevralya 2012 g. [Speech at the 4th All-Russian Sociological Congress "Sociology in the System of Scientific Management of Society", February 2, 2012]. *Press-reliz IV Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa* [Press Release of the 4th All-Russian Sociological Congress]. Available at: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1665
20. Osipov G.V. Istoricheskaya missiya rossiiskoi sotsiologii: problemy i perspektivy [Historical Mission of Russian Sociology: Problems and Prospects]. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Obshchestvo i sotsiologiya v sovremennoi Rossii", posvyashchennoi XX godovshchine prazdnovaniya Dnya sotsiologa v Rossiiskoi Federatsii. [Proceedings of the All-Russian Research-to-Practice Conference "Society and Sociology in Modern Russia", Devoted to the 20th Anniversary of the Sociologist's Day in the Russian Federation]. Vol. 1. Vologda: ISERT RAN, 2015. Pp. 18-26.
21. Osipov G.V. Ne upustit' predostavivshiisya shans! [Do not Miss This Chance!]. *Sotsiologiya i ekonomika sovremennoi sotsial'noi real'nosti. Sotsial'naya i sotsial'no-politicheskaya situatsiya v Rossii v 2013 godu* [Sociology and Economics of the Current Social Reality. Social and Socio-Political Situation in Russia in 2013]. Moscow: ISPI RAN. Pp. 6-18.
22. Osipov G.V. O roli nauchnogo znaniya v upravlenii sovremennoi sotsial'noi real'nost'yu [On the Role of Scientific Knowledge in the Management of Modern Social Reality]. Ezhegodnyi doklad ISPI RAN "Sotsial'naya i sotsial'no-politicheskaya situatsiya v Rossii: analiz i prognoz" [Annual Report of ISPR RAS "Social and Socio-Political Situation in Russia: Analysis and Forecast]. Doklad "Sovremennaya sotsial'naya real'nost' Rossii i gosudarstvennoe upravlenie. Sotsial'naya i sotsial'no-politicheskaya situatsiya v Rossii v 2012 godu" [Report "Contemporary Social Reality of Russia and Public Administration. Social and Socio-Political Situation in Russia in 2012]. Vol. 1. Moscow: ISPI RAN, 2014. Pp. 6-11.
23. Ot redaktsii: V soznanii rossiyan Krym otstupayet pod natisom krizisa [Editorial: Crimea in the Minds of Russians is Retreating under the Onslaught of the Crisis]. *Vedomosti* [News], January 30, 2015. Available at: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/38844121/krizis-protiv-kryma>
24. Poslanie Prezidenta RF V.V. Putina Federal'nomu Sobraniyu RF ot 12 dekabrya 2013 g. Stenogramma [The Address of the President of the Russian Federation V. V. Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation of December 12, 2013: Transcript]. *Informatsionno-pravovoi portal "Garant"* [Information and Legal Portal "Garant"]. Available at: <http://base.garant.ru/70534308/>
25. *Putin V.V. Rech' na zasedanii mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valdai" 19 sentyabrya 2013 g.* [Vladimir Putin's Speech at the Session of the Valdai International Discussion Club, September 19, 2013]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243>
26. Putin V.V. Rech' na soveshchaniy o khode ispolneniya ukazov Prezidenta 7 maya 2012 goda [Speech at the Meeting on the Implementation of the Presidential Decrees of May 7, 2012]. *Ofitsial'nyi sait Prezidenta RF* [Official Website of the President of the Russian Federation]. Available at: <http://www.kremlin.ru/news/18039>

27. Putin V.V. Rossiya sosredotachivaetsya — vyzovy, na kotorye my dolzhny otvetit' [Russia Muscles Up — the Challenges We must Rise to Face] *Izvestiya* [News], January 16, 2012. Available at: <http://izvestia.ru/news/511884>
28. Rezolyutsii I IV Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa [Resolutions I of the 4th All-Russian Sociological Congress]. *Ofitsial'nyi sait Rossiiskogo obshchestva sotsiologov* [Official Website of the Russian Society of Sociologists]. Available at: <http://www.ssa-rss.ru/>
29. Rossiiskoe obshchestvo v kontekste novykh realii (teziy o glavnom): informatsionno-analiticheskoe rezyume po itogam obshchenatsional'nogo issledovaniya [Russian Society in the Context of New Realities (Theses about the Most Important Things): the Information-Analytical Summary of the Findings of a National Survey]. *IS RAN* [IS RAS]. Moscow, 2015. 58 p.
30. Savchenko E.S. Doklad na zasedanii gossoveta [Report on the Session of the State Council]. *Ofitsial'nyi sait gubernatora Belgorodskoi oblasti* [Official Website of the Belgorod Oblast Governor]. Available at: <http://www.savchenko.ru/events/2821.html>
31. Sil'vestrov S.N. Doklad na kruglom stole "Institut prezidentstva v Rossii: pravovye osnovy i rol' v modernizatsii obshchestva" 8 iyunya 2011 g. [The Round Table Report "The Institution of the Presidency in Russia: Legal Basis and Role in the Modernization of Society", June 8, 2011]. Available at: <http://education.law-books.ru/index.php?page=kruglyj-stol>
32. Simonyan R.Kh. Est' li osobyi "russkii put'"? (polemicheskie zametki) [Is There a Special "Russian Way"? (Polemical Notes)]. *Sotsis* [Sociological Studies], 2013, no. 7, pp. 137-148.
33. Stenogramma "Pryamoi linii" s Prezidentom RF V.V. Putinyim ot 25.04.2013 [Transcript of "Direct Line" with Russian President Vladimir Putin, April 25, 2013]. *Rossiiskaya Gazeta* [Russian Newspaper]. Available at: <http://www.rg.ru/2013/04/25/stenogramma-site.html>
34. Stepanov A.D. Rossiya i mir vstupayut v novuyu epokhu, v kotoroi ot nashei strany budet zaviset' mnogoe [Russia and the World are Entering a New Era in Which a Lot will Depend on Our Country]. *Informatsionno-analiticheskaya sluzhba "Russkaya narodnaya liniya"* [Information-Analytical Service "Russian National Line"]. Available at: http://ruskline.ru/news_rl/2013/09/20/valdajskaya_rech_putina
35. Toshchenko Zh.T. Vremya Akme — sotsiologicheskim issledovaniyam 40 let [Time of Acme — Sociological Research Celebrates Its 40th Anniversary]. *Sotsis* [Sociological Studies], 2014, no. 7 (363), pp. 3-7.
36. Toshchenko Zh.T. Novye liki deyatel'nosti: imitatsiya [New Images of Activity: Imitation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2012, no. 12, pp. 23-36.
37. Toshchenko Zh.T. Sotsial'noe nastroyenie — fenomen sotsiologicheskoi teorii i praktiki [Social Mood — a Phenomenon of Sociological Theory and Practice]. *SOTSIS* [Sociological Studies], 1998, no. 1, pp. 21-34.
38. Tret'yakov V.T. Doklad na kruglom stole "Institut prezidentstva v Rossii: pravovye osnovy i rol' v modernizatsii obshchestva" 8 iyunya 2011 g. [The Round Table Report "The Institution of the Presidency in Russia: Legal Basis and Role in the Modernization of Society", June 8, 2011]. Available at: <http://education.law-books.ru/index.php?page=kruglyj-stol>
39. Ukaz Prezidenta RF ot 7 maya 2012 g. № 601 "Ob osnovnykh napravleniyakh sovershenstvovaniya sistemy gosudarstvennogo upravleniya" [The Decree of the RF President of May 7, 2012 No. 601 "On the Main Directions of Improving the System of Public Administration"]. *Informatsionno-pravovoi portal "Garant"* [Information and Legal Portal "Garant"]. Available at: <http://base.garant.ru/70170942/#ixzz3YDD9ERG3>
40. Uskova T.V., Chekavinskii A.N. Zakon o strategicheskom planirovanii v Rossiiskoi Federatsii: dostoinstva i nereshennye voprosy (ekspertnaya otsenka) [Law on Strategic Planning in the Russian Federation: Advantages and Unresolved Issues (Expert Evaluation)]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2014, no. 4 (34), pp. 63-67. — DOI: 10.15838/esc/2014.4.34.6
41. Chuguenko V.M., Bobkova E.M. Novye tendentsii v issledovanii sotsial'nogo samochuvstviya naseleniya [New Trends in Research on Social Well-Being of the Population]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2013, no. 1, pp. 15-23.
42. Shumpeter J.A. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya* [The Theory of Economic Development]. Moscow: Progress, 1982.
43. Yadov V.A. *Sovremennaya teoreticheskaya sotsiologiya kak kontseptual'naya baza issledovaniya rossiiskikh transformatsii: Kurs lektsii dlya studentov magistratury po sotsiologii. Izd. vtoroe, ispravl. i dopoln.* [Modern Theoretical Sociology as a Conceptual Framework of the Research on Russian Transformations: a Course of Lectures for Master's Degree Students in Sociology]. Second edition, revised and supplemented. Saint Petersburg: Intersotsis, 2009. 138 p. Available at: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1330&id=1393¶m=http://www.isras.ru/files/File/Publication/Sovremennaya_teoret_sociol_2009_Yadov.pdf

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc/2015.2.38.4

УДК 330.322.1(470.12), ББК 65.9(2Рос-4Вол)-56

© Ускова Т.В., Разгулина Е.Д.

О роли инвестиций в социально-экономическом развитии территорий

**Тамара Витальевна
УСКОВА**

доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, tvu@vscc.ac.ru)

**Екатерина Дмитриевна
РАЗГУЛИНА**

младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ekaterina-razgulina@yandex.ru)

Аннотация. Современный этап социально-экономического развития России характеризуется недостаточностью бюджетных ресурсов на финансирование не только стратегических, но и текущих задач. Ситуация усугубляется введением против неё политических и экономических санкций, значительными колебаниями цен на нефть и обменного курса рубля, ростом недоверия со стороны бизнеса, сопровождаемым увеличением оттока капитала. Эти обстоятельства диктуют необходимость поиска путей комплексного решения социально-экономических проблем.

В исследованиях ведущих российских и зарубежных учёных доказано, что инвестиции играют главную роль в обеспечении устойчивого экономического роста и решения на этой основе задач развития территорий. Более того, усиливающееся в последние годы влияние крупных компаний на развитие страны и недостаток бюджетных средств обуславливают потребность в привлечении частных инвестиционных ресурсов для регионального развития.

В связи с этим нами проведён анализ инвестиционной деятельности в России, представлены рейтинги стран по состоянию инвестиционного климата, показан успешный опыт участия предпринимательских структур в общественно значимых региональных проектах.

Информационной базой исследования послужили периодические издания и Интернет-ресурсы. Для достижения поставленной цели использовались системный и комплексный подходы, общенаучные методы исследований (сравнительный анализ, обобщение, сопоставление), табличные и графические приемы обработки информации.

Результаты проведенного исследования позволили обосновать необходимость привлечения частных инвестиций в проблемные сферы, а также дать органам власти Вологодской области рекомендации, которые могут быть применены и в других регионах. В работе перечислены перспективные приоритетные проекты области, реализация которых будет способствовать восстановлению положительного роста инвестиций. Предложен ряд направлений изменения федерального законодательства с целью стимулирования инвестиционной деятельности компаний и, следовательно, повышения роли бизнеса в региональном развитии.

Ключевые слова: инвестиции, частные ресурсы, социально-экономическое развитие, экономический рост, предприятия, проекты, партнёрство власти и бизнеса.

В условиях замедления экономического роста поиск инструментов комплексного решения социально-экономических проблем является весьма актуальным. В исследованиях ведущих российских и зарубежных учёных (А.Г. Гранберг, М.А. Гусаков, В.А. Ильин, В.Н. Лаженцев, В.Н. Лексин, В.В. Окрепилов, О.П. Пчелинцев, В.Е. Рохчин, В.С. Селин, А.И. Татаркин, А.Н. Швецов, Дж.С. Милль, Р. Харрод, Р. Солоу, Р. Кемпбелл и К. Макконнелл, Дж. Гелбрейт, Дж. Гобсон, В. Ойкен, М. Портер, О. Уильямсон, Ф. Хайек, О. Харт и др.) доказано, что главную роль в обеспечении устойчивого экономического роста играют инвестиции.

В частности, в работах П. Ромера, Р. Лукаса и С. Ребело представлены эндогенные модели долгосрочного устойчивого роста экономики в зависимости от источников экономического роста и объектов инвестирования. В моделях с накоплением физического капитала предполагается, что технологии и знания, воплощенные в физическом капитале, становятся общественными благами и под влиянием эффекта распространения новшеств оказывают влияние на рост производительности труда во всей экономике. Р. Лукас, исходя из предположения о возможности

непрерывного экономического роста за счет вложений в человеческий капитал, создал модель, согласно которой инвестиции в человеческий капитал порождают эффект, увеличивающий уровень развития технологий быстрее, чем инвестиции в физический капитал. Исследования происхождения технологического прогресса и структуры возникновения и реализации инноваций позволили сформировать модели, в которых представлены два основных сектора экономики, участвующих в формировании НТП: сектор производства и накопления знаний (идей), сектор производства товаров (вещей) — средств производства и конечного продукта. Идеи представляют собой инструмент производства товаров с большей добавленной стоимостью, а следовательно, выступают более значимым фактором экономического роста [18].

Наиболее полное определение экономического роста дал лауреат Нобелевской премии С. Кузнец: «Экономический рост — долгосрочное увеличение способности хозяйства обеспечивать все более разнообразные потребности населения с помощью все более эффективных технологий и соответствующих институциональных и идеологических изменений».

Изучение теоретико-методологических основ позволяет заключить, что экономический рост является главной движущей силой социально-экономического развития страны, отсюда его обеспечение должно лежать в основе федеральной политики в этой области. Кроме того, рост означает четко выраженный вектор именно роста в пределах определенных колебаний его темпов, имеющих положительные (плюсовые) значения. Развитие предполагает не только положительные значения роста, но и его отсутствие или даже спад, которые, однако, должны перекрываться положительными значениями роста [13, 19]. То есть понятие экономического роста гораздо более узкое, чем понятие экономического развития. Рост выражается в количественном увеличении объемов выпуска продукции и создании предпосылок для дальнейшего подъема, тогда как развитие охватывает социальную сферу (увеличение благосостояния населения).

В качестве основных источников социально-экономического развития территорий используются региональные и местные бюджеты, главной особенностью которых является несоответствие между доходами и расходами. Устойчивый опережающий рост экономики требует ежегодных вложений в основной капитал в размере 30% ВВП вместо нынешних 22–23% [12]. Как отметил министр финансов РФ А.Г. Силуанов на Петербургском международном экономическом форуме, «при низких темпах роста экономики мы находимся на пределе: производственные мощности почти полностью загружены, безработица на низком уровне, для ускорения темпов роста экономики необходимы частные инвестиции» [16].

Недостаточность бюджетных ресурсов для полноценного социально-экономического развития территорий усугубляется

передачей муниципальным образованиям объектов социальной инфраструктуры, которые ранее функционировали «под крылом» крупных хозяйственных структур. Вместе с тем крупный бизнес может выступать равноправным партнером социально-экономического развития территорий.

Российские корпорации, являясь градообразующими предприятиями территорий присутствия, играют важную роль в их социально-экономическом развитии — это, прежде всего, доля в доходах региональных бюджетов и в доходах населения, создание рабочих мест, воздействие на окружающую среду, развитие инфраструктурных объектов [14]. Итак, чтобы обеспечить устойчивый рост и развитие экономики, необходимо активное привлечение инвестиций в физический и человеческий капитал.

Отметим, что зарубежные предприятия уделяют достаточно большое внимание частным (этическим) инвестициям [21]. Частные инвестиции, представляющие один из видов вложений капитала, образуются из средств частных, корпоративных предприятий и организаций, граждан, включая как собственные, так и привлеченные средства. В России этот вид инвестиций развит слабо, о чем свидетельствуют результаты рейтинга стран по степени развитости этической экономики (табл. 1) [11].

При этом заключения из разных источников могут быть радикально противоположными. Так, например, согласно исследованию *Doing business*, ежегодно проводимому Всемирным банком, по инвестиционной привлекательности Россия в 2014 году занимала 92 место среди 189 стран, участвующих в исследовании (для сравнения: в 2013 году — 112-е, в 2012 — 120, в 2011 — 124, в 2007 — 96).

Таблица 1. Рейтинг стран по степени развитости этической экономики

Рейтинг	Страны	Уровень рейтинга
Очень высокий	Австрия, Дания, Финляндия, Германия, Нидерланды, Норвегия, Швейцария, Великобритания, Швеция	9–11
Высокий	Франция, Испания, Португалия, Бразилия, Канада, Италия, Япония, Люксембург, Южная Корея	6–8
Средний	Австралия, Бельгия, Чехия, Венгрия, Китай, Индия, Чили, Греция, Индонезия, Новая Зеландия, Словакия, Словения, Тайвань, США	3–5
Низкий	Исландия, Ирландия, Мексика, Филиппины, Румыния, Россия , Сингапур, Колумбия, Малайзия, Перу, Таиланд, Турция, ОАЭ, Аргентина, Болгария, Коста-Рика, Гонконг, Израиль, Пакистан, Польша, Саудовская Аравия.	0–2

В то же время Торговое представительство США (USTR) оценило инвестиционный климат России как неблагоприятный. Американские эксперты считают, что меры, принимаемые российскими властями, — недостаточны. В представленном экспертами докладе утверждается, что иностранных предпринимателей отпугивает запутанное инвестиционное законодательство, высокий уровень коррупции, недоверие к российской судебной системе и слабая защита прав акционеров компании [10].

Тем не менее, в соответствии с отчётом «World Investment Report» 2014, опубликованным ЮНКТАД (конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию), Россия находится на 3-м месте в мире по объему поступивших иностранных инвестиций по итогам 2012 и 2013 гг. (79 и 51 млрд. долларов соответственно; *рис. 1*).

Несмотря на высокий рост притока в Россию прямых иностранных инвестиций в 2013 году, 2014 год был весьма неопределённым из-за ряда следующих факторов, отрицательно влиявших на экономику страны.

- Замедление потребительского спроса из-за больших долговых нагрузок населения (по данным Центрального банка, кредитная нагрузка на одного работника составляла около 3,7 среднемесячных зарплатных плат) [1].

- Значительные колебания цен на нефть в 2013 году, что создавало высокие риски для инвесторов.

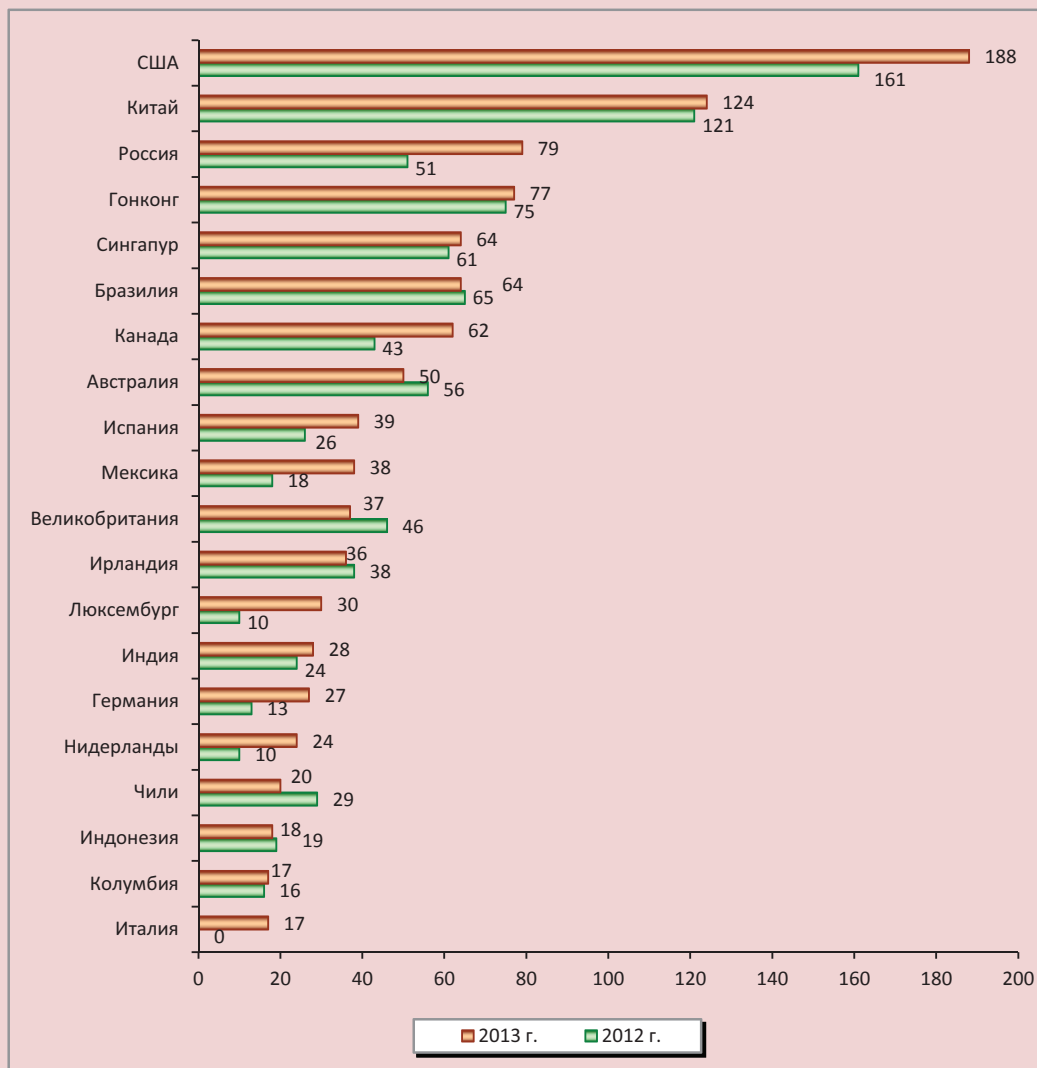
- Сложность ведения бизнеса. Несмотря на то, что Россия по итогам 2013 года поднялась в рейтинге Doing Business со 112 на 92 место, практика работы существенно не изменилась. Более того, ухудшилась рейтинговая оценка, составляемая на основе обобщения данных по 10 позициям, в отношении трёх из них, таких как: защита инвесторов, разрешение неплатежеспособности, кредитование [22].

- Введение политических и экономических санкций против России.

В результате негативного влияния этих факторов инвестиционная привлекательность страны существенно снизилась, о чём свидетельствуют данные международных консалтинговых компаний. Так, по оценкам одной из них (А.Т. Kearney или Kearney Foreign Direct Investment Confidence Index), Россия в 2014 году не вошла в группу 25 самых привлекательных для инвесторов стран мира, хотя в 2013 году занимала 11 место.

Что касается ситуации внутри страны, то в 2013 году произошла смена позитивного тренда роста инвестиций, наблюдавшегося в 2010–2012 гг., на негативный. По итогам года было отмечено снижение инвестирования по сравнению с предыду-

Рисунок 1. Приток иностранных инвестиций в 2012–2013 гг., млрд. долларов

Источник: UNCTAD, World Investment Report 2014.

щим годом как в целом по стране, так и в Северо-Западном (на 22,9%), Уральском (1,8%), Сибирском (9,5) и Дальневосточном (19,5%) федеральных округах (табл. 2).

Снижение уровня инвестиций в разрезе субъектов СЗФО, наблюдавшееся в большинстве территорий, произошло в основном за счёт завершения строительства системы магистральных газопроводов Ухта–Торжок.

Наибольший спад зафиксирован в 2013 году в Вологодской области, где инвестиций в основной капитал на развитие экономики было направлено на 61,3% меньше (49,5 млрд. руб.), чем за предыдущий год (рис. 2). Снижение связано с вводом в промышленную эксплуатацию газотурбинной станции и нового современного комплекса по производству карбамида в ОАО «ФосАгро» (г. Череповец).

Таблица 2. Инвестиции в основной капитал, тыс. руб. на душу населения (в сопоставимых ценах 2013 г.)*

Федеральный округ	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2013 г. к 2012 г., %	
								2000 г., %	2012 г., %
Российская Федерация	34,8	55,9	88,0	78,4	86,8	92,6	92,4	265,1	99,8
Центральный федеральный округ	34,8	53,3	79,8	66,8	71,6	80,8	84,8	243,8	105
Северо-Западный федеральный округ	31,1	71,7	105,2	98,7	108,6	113,0	87,1	279,9	77,1
Южный федеральный округ	29,3	37,7	69,7	79,6	87,8	94,3	102,5	349,9	108,7
Северо-Кавказский федеральный округ	21,4	37,3	34,1	37,4	38,6	43,3	44,6	208,3	102,9
Приволжский федеральный округ	28,0	43,0	67,1	59,4	65,4	71,6	74,9	267,3	104,6
Уральский федеральный округ	73,4	94,9	153,5	143,7	164,1	174,6	171,4	233,5	98,2
Сибирский федеральный округ	18,5	35,7	62,5	60,8	70,6	78,9	71,4	385,3	90,5
Дальневосточный федеральный округ	28,3	77,7	105,6	145,5	184,1	162,2	130,5	460,6	80,5

* Рассчитано авторами на основе источников: Инвестиции в основной капитал на душу населения [Эл. рес.]. – Реж. дост.: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/lssWWW.exe/Stg/d03/23-02.htm; Индекс физического объема инвестиций в основной капитал [Эл. рес.]. – Реж. дост.: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/lssWWW.exe/Stg/d03/23-03.htm

Рисунок 2. Инвестиции в основной капитал в СЗФО, тыс. руб. на душу населения (в сопоставимых ценах 2013 г.)

Несомненно, данное обстоятельство повлияло и на распределение инвестиций в регионе. Если до 2012 года максимальный объём инвестиций направлялся в транспорт и связь, то в 2013 году ситуация заметно изменилась – 20,4% их объёма поступило в производство и распределение электроэнергии, газа и воды, 18,6% – в металлургическое, 10,0% – в химическое производство и 3,9% – в сельское хозяйство (табл. 3).

Это обусловлено тем, что наиболее крупные инвестиционные проекты 2013 года были реализованы именно в данных отраслях (табл. 4).

Нельзя не заметить, что в регионе продолжается реализация и иных крупных инвестиционных проектов [2], что и определило положительную динамику роста доли собственных средств в структуре источников финансирования в 2013 году (рис. 3).

Опыт участия предпринимательских структур в решении социально-экономических проблем Вологодской области может быть применим и в других регионах, поскольку всё более актуальным становится развитие института партнёрства органов власти и бизнес-структур как эффективного механизма привлечения

Таблица 3. Распределение инвестиций по видам экономической деятельности в Вологодской области, % к итогу

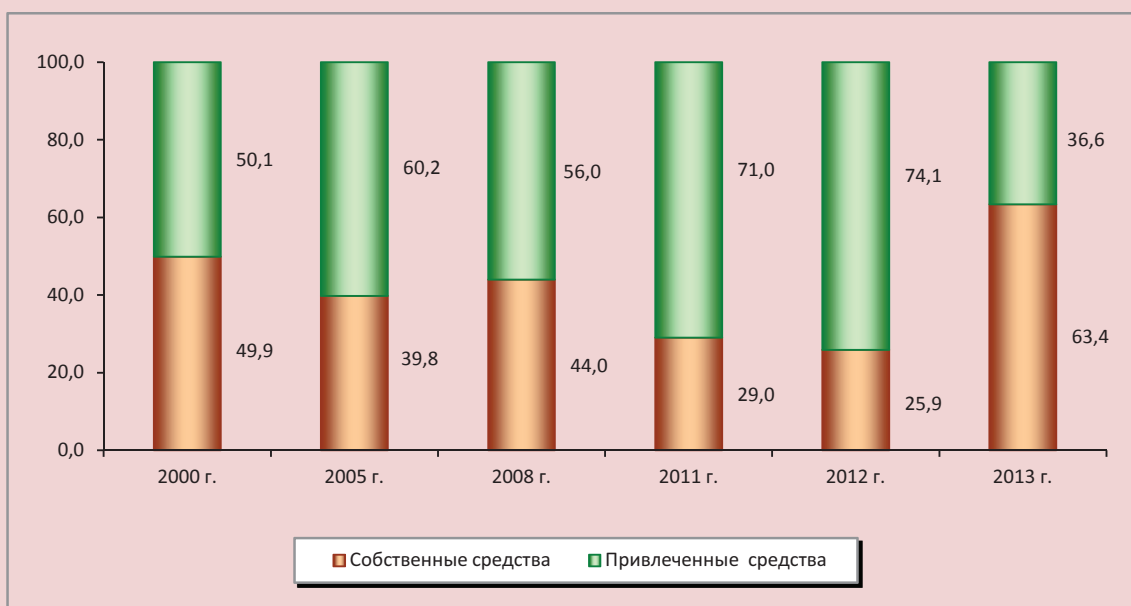
Структура	2000 г.	2008 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Всего	100	100	100	100	100
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	5,9	4,4	2,8	1,7	3,9
Обрабатывающие производства:	40,3	30,0	21,1	16,8	36,6
производство прочих неметаллических минеральных продуктов	-	1,3	0,6	0,7	1,2
металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	18,5	16,6	...	3,6	18,6
производство машин и оборудования	1,7	0,5	0,3	0,2	0,6
химическое производство	4,0	6,5	8,8	6,6	10,0
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	4,9	7,1	9,4	6,7	20,4
Строительство	1,5	1,3	0,2	0,4	0,6
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств	1,6	1,2	0,5	0,8	2,4
Гостиницы и рестораны	-	0,9	0,2	0,1	0,2
Транспорт и связь	30,1	39,9	60,3	68,0	22,9
Финансовая деятельность	0,7	0,6	0,5	0,4	1,1
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	0,3	9,3	2,3	2,4	6,1
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	0,7	0,9	0,2	0,3	0,4
Образование	2,1	1,0	0,4	0,3	1,4
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	3,3	1,5	0,5	1,2	2,4
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	3,5	1,9	1,6	0,7	1,2

Источники: Инвестиционные процессы в Вологодской области: стат. сб. / Госкомстат, 2003. – С. 40; Инвестиционные процессы в Вологодской области: стат. сб. / Вологдастат, 2010. – С. 33-34; Там же. – 2014. – С. 37-39.

Таблица 4. Наиболее крупные и значимые инвестиционные проекты 2013 года в Вологодской области [3]

Проект	Объём инвестиций, млрд. руб.	Количество созданных рабочих мест, чел.
Строительство сети АЗС (29 заправок) «Газпромнефть» на территории области (2013–2017 гг.)	2,4	550
Модернизация 200 котельных на территории области с участием ОАО «Газпром»	5,0	Н.д.
Модернизация Вологодской ТЭЦ (ГУ ОАО «ТГК-2»)	6,0	46
Строительство объектов электросетевого комплекса ОАО «ФСК ЕЭС»	5,4	Н.д.
Реконструкция действующего бумажного производства в ООО «Сухонский ЦБК» (2011–2019 гг.)	4,1	300
Строительство двух комбинатов по переработке лесных ягод, овощей, фруктов и грибов (ООО «Вологодская ягода»)	6,0	619 постоянных + 3000 сезонных
Строительство энергоэффективного производства аммиака мощностью 220 т/сутки (760 тыс. тонн в год) на производственной площадке ОАО «ФосАгро-Череповец» (2013–2017 гг.)	30,0	300

Рисунок 3. Распределение инвестиций в основной капитал по источникам финансирования в Вологодской области, %*

* Составлено по: Инвестиционные процессы в Вологодской области: стат. сб. / Вологдастат, 2008. – С. 32; Там же. – 2014. – С. 28.

частных инвестиционных ресурсов с целью воплощения общественно значимых региональных проектов [15].

В частности, Череповецкий металлургический комбинат ОАО «Северсталь» завершил реализацию инвестиционного

проекта по реконструкции коксовой батареи № 7, что приведёт к снижению нагрузки на окружающую среду за счёт строительства целого комплекса экологических объектов. В 2013 году запущена первая очередь лесопильного производства

в ООО «Харовсклеспром», сумма инвестиций в него составит более 1,2 млрд. руб. Отличительной чертой проекта является его социальная направленность и экологичность, поскольку происходит полная переработка коры и опилок, что позволяет снабжать теплом один из микрорайонов г. Харовска [2, 3].

Постепенно инвестируется строительство новых химических производств и увеличивается выпуск продукции с высокой добавленной стоимостью на азотном и фосфорном комплексах «ФосАгро». Реализация этих и других проектов совместно с использованием потенциала газотранспортной системы будет способствовать созданию газохимического комплекса, повышению эффективности использования природных ресурсов, снижению зависимости промышленности от импорта полимерных материалов.

Успешное осуществление инвестиционных проектов зависит от эффективности действий региональных органов власти и местных администраций. Они должны проявлять заинтересованность в привлечении частных инвестиций, поскольку в условиях конкуренции за ограниченный инвестиционный ресурс это инструмент создания новых рабочих мест, расширения доходной базы региональных и местных бюджетов и в конечном итоге — повышения качества жизни.

В Вологодской области сформированы следующие условия для поддержания благоприятного инвестиционного климата:

- созданы Инвестиционный совет при Губернаторе области и ОАО «Корпорация развития Вологодской области»;

- принят закон «О государственном регулировании инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений, на территории Вологодской

области и о внесении изменений в отдельные законы области» от 08.05.2013 года № 3046-ОЗ (ред. от 04.06.2014 г.);

- добавлен отдельный раздел «Стратегия инвестиционной политики» в «Стратегию социально-экономического развития Вологодской области на период до 2020 года» (одобрена постановлением Правительства области от 28.06.2010 года № 739).

Однако перечисленных инструментов оказалось недостаточно для повышения в регионе эффективности мер в сфере поддержания благоприятного инвестиционного климата. Дело в том, что, в соответствии с Распоряжением Правительства РФ «Об утверждении перечней показателей оценки эффективности деятельности и методик определения целевых значений показателей оценки эффективности деятельности руководителей органов исполнительной власти по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности (до 2018 года)» от 10.04.2014 № 570-р, целевые значения показателя «инвестиции в основной капитал» в 2014–2018 гг. устанавливаются для каждого субъекта РФ как целевое значение на предыдущий период, увеличенное на 0,5 п.п.

Известно, что в 2013 году в регионе зафиксировано снижение данного показателя. Аналогичная ситуация наблюдается и в целом по РФ: по итогам 2013 года инвестиции в основной капитал сократились на 0,2%. Так, в сценарных условиях социально-экономического развития РФ, представленных Министерством экономического развития, отмечено, что снижение объемов привлечения инвестиций связано как со структурными факторами (сокращение инвестиций Газпрома), так и с ростом недоверия со стороны бизнеса, сопровождаемым увеличением оттока капитала.

Усилившийся на фоне этого спад инвестиций в основной капитал достиг 4,8% в I квартале 2014 года [17]. Настроения инвесторов усугубляются неопределенностью в отношении дальнейшего развития событий и динамики обменного курса рубля. В результате изменения внешнеполитической обстановки резко ограничались возможности предприятий для привлечения средств с внешних рынков. Недостаток ресурсов для финансирования инвестиционных проектов и снижение спроса на инвестиции из-за роста неопределенности и ухудшения ожиданий являются одними из основных негативных факторов, которые определяли экономическую динамику в 2014 году.

Предполагалось, что с 2015 года будет восстановлен положительный рост инвестиций (в среднем на 2,4%) за счёт таких секторов, как транспортный комплекс, торговля, финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом и другие [17]. Однако по мере нарастания общей экономической неопределенности достижение данных задач затруднительно.

Губернатор Вологодской области О.А. Кувшинников в докладе «Инвестиционный климат и инвестиционная политика Вологодской области на 2015 год» отметил, что в текущем году в регионе также прогнозируется рост инвестиций в среднем на 2% за счёт выведения на проектную мощность следующих крупнейших инвестиционных проектов.

1. Проект по созданию свинофермы ЗАО «Шувалово» (производительностью 25 тыс. голов) в Грязовецком районе. Общая сумма инвестиций – 500 млн. рублей, почти 400 млн. из которых являются заемными средствами. Планируется, что в 2015 году объём инвестиций увеличится на 7–8%, в 2016-м – приблизительно на 20%.

2. В модернизацию производства ОАО «Сокольский ДОК» в 2015 году планируется инвестировать 120 млн. руб., в 2016-м – 125 млн. руб.

3. Около 110 млн. руб. планируется направить на реконструкцию действующего бумажного производства ОАО «Сокольский ЦБК» и около 80 млн. руб. – на реконструкцию ООО «Харовсклеспром».

4. ОАО «ФосАгро» сообщило о начале реализации проекта по строительству нового энергоэффективного производства аммиака. Общий объём инвестиций «ФосАгро» в реализацию проекта (2014–2017 гг.) с учетом строительства объектов инфраструктуры превысит 25 млрд. руб. [2].

Развитию экономики будет способствовать реализация инвестиционных проектов, развитие новых неосвоенных площадок и территорий, формирование на базе крупных проектов территориальных производственных кластеров, а также максимальное вовлечение в реализацию проектов местных поставщиков и подрядчиков.

Одновременно необходимо продолжать работу по популяризации деятельности ОАО «Корпорация развития Вологодской области» в таких направлениях, как:

- организация и проведения конференций, форумов, круглых столов, деловых визитов, семинаров и других имиджевых мероприятий;
- представление региона на деловых мероприятиях в России и за рубежом;
- партнерство с международными, федеральными и региональными СМИ;
- наполнение информационного пространства актуальной информацией о социально-экономическом развитии региона и ключевых инвестиционных предложениях;
- информационное и организационное сопровождение различных мероприятий, проводимых в регионе и за его пределами;

- оказание консультационных услуг;
- подписание рамочных соглашений с консалтинговыми компаниями по привлечению инвестиций в регион.

В тех субъектах РФ, где еще не принято региональное законодательство об инвестиционной деятельности, целесообразно принять нормативно-правовой акт, устанавливающий:

- основные способы защиты прав инвесторов;
- гарантии неухудшения положения инвесторов в пределах компетенции субъекта РФ на период реализации инвестиционной стратегии;
- гарантии незлоупотребления правом со стороны исполнительных органов власти субъекта РФ;
- порядок обращения инвесторов за защитой и помощью;
- меры государственной поддержки и механизмы её получения.

Для осуществления инвестиционных проектов и реализации стратегии инвестиционной политики не только в Вологодской области, но и в других субъектах РФ актуальны будут такие мероприятия, как:

- 1) организация работы с федеральным центром по привлечению в регион федеральных средств для развития социальной инфраструктуры;
- 2) осуществление работы с государственными монополиями в целях развития инфраструктурного потенциала области;
- 3) развитие сотрудничества на принципах партнёрства власти и бизнеса;
- 4) создание канала прямой связи между инвесторами и руководством области для оперативного решения возникающих в процессе инвестиционной деятельности проблем и вопросов;

5) принятие системы мер по государственной поддержке организаций, реализующих приоритетные инвестиционные проекты;

6) создание региональных институтов развития;

7) упрощение процедуры оплаты государственной пошлины и внедрение возможности записи на прием в ведомственные органы через Интернет;

8) проведение мероприятий по повышению налоговой грамотности налогоплательщиков;

9) разработка типового административного регламента прохождения процедуры по выдаче разрешения на строительство, упрощение данной процедуры для заявителя, её унификация в муниципальных образованиях;

10) создание Интернет-портала, на котором будет размещена интерактивная карта инвестиционных площадок.

Однако действий только региональных органов власти – недостаточно, необходимы меры на федеральном уровне. Президент России В.В. Путин 31 декабря 2014 года подписал дополнения к «Закону о промышленной политике», касающиеся налоговых льгот промышленникам.

Данный пакет включает в себя четыре вида льгот:

- зачет инвестиций в основные фонды (не менее 20 млн. рублей в год, 50 млн. за 3 года и 200 млн. за 5 лет) в уменьшение налога на прибыль;
- каникулы по налогам на прибыль и на имущество для новых предприятий;
- ускоренную амортизацию основных фондов;
- пониженную ставку страховых взносов для предприятий, занимающихся инжинирингом и промышленным дизайном.

По оценке разработчиков, результатом льготирования будет рост инвестиций в производство и, как следствие, налоговых поступлений в бюджет. Так, при затратах на реализацию этих мер 159 млрд. рублей конечный эффект составит 2,156 трлн. рублей дополнительного дохода.

Важно заметить, что те налоговые льготы, которые предлагает Минпромторг, сработают для весьма и весьма ограниченного круга компаний. Поскольку, во-первых, они устанавливают высокий барьер участия. Речь идет и о требовании, чтобы это было новое промышленное предприятие, и о сумме минимальных инвестиций 20 млн. рублей в год. В результате средний бизнес, который, по идее, быстрее других реагирует на открывающиеся возможности, остается в стороне.

Во-вторых, предлагаемые Минпромторгом меры ограничиваются налогами на прибыль и на имущество. Но, как известно, налога на имущество для нового оборудования в РФ нет, а налог на недвижимость, которая имеется в составе имущества, понизить никто не согласится. Местные власти в 2015 году переходят к оценке недвижимого имущества по кадастровой стоимости, и в будущем именно этот налог станет одним из основных. Что касается льгот по налогу на прибыль, то у новых предприятий, которым в значительной мере адресованы льготы, прибыль и так нулевая, и налог с неё нулевой.

В-третьих, совершенно необъяснимой является мера снижения ставки страховых взносов для компаний, работающих в сфере инжиниринга и промышленного дизайна. Ведь речь шла о стимулировании всей промышленности, а не какой-то отдельной отрасли [9]. Социальные взносы, конечно, нужно снижать, и здесь нужен отдельный расчет по тем ставкам, которые бизнес в состоянии потянуть. А сейчас со-

циальные взносы — это фактически самый большой налог для бизнеса, налог на труд.

У общественной организации «Деловая Россия», объединяющей предпринимателей из 77 регионов, есть альтернативные предложения, которые заключаются в следующем:

1. Необходимо снизить ставку НДС с нынешних 18 до 12%. Потому что, во-первых, это такой же НДС, как в Казахстане, а все производства, которые смогли «уйти» в Казахстан (особенно из соседних российских регионов), уже перевели туда свою деятельность, т.к. там ниже и социальные взносы, и НДС, а также есть пакет налоговых льгот для новых предприятий. Во-вторых, большинство предприятий, которые сейчас экономят на уплате НДС, используют серые схемы. По разным оценкам, от 30 до 50% общего объема денежных средств выйдут в белую зону.

2. Льготировать реинвестируемую прибыль в производство. То есть прибыль, которую предприятие реинвестирует, облагать по ставке 10 или 5%.

3. Диверсифицировать страховые взносы в зависимости от возраста работника и производительности труда с целью поощрения создания новых высокопроизводительных рабочих мест. Если человек работает на высокопроизводительном рабочем месте, много вырабатывает и много получает, нужно облагать его налогом не по прогрессивной, а по регрессивной шкале. Что касается возраста, то необходимо стимулировать предприятия, чтобы они брали на работу молодежь (например, до 30 лет уплачивать социальные взносы по пониженным ставкам). По мнению председателя комитета по налогам «Деловой России», следует также ввести ежемесячный социальный вычет, облагаемый взносами по ставке ноль, равный прожиточному минимуму на взрослого человека плюс

по одному прожиточному минимуму на каждого иждивенца, находящегося на попечении этого работника. Это позволит не облагать взносами самые малообеспеченные слои населения.

4. Принять меры Минпромторга, касающиеся ускоренной амортизации основных фондов, чтобы предприятие имело право регулировать прибыль первых лет списанием на амортизацию нового оборудования. Поскольку приобретение оборудования — это в первую очередь реальные затраты на обновление парка основных средств [9].

Вероятно, реализация перечисленных мероприятий и корректировок в федеральном законодательстве позволит обеспечить выполнение указов Президента Российской Федерации, направленных на создание благоприятного инвестиционного климата, повышение темпов и обеспечение устойчивости социально-экономического развития.

Одной из важнейших задач по улучшению в стране инвестиционного климата и повышению её инвестиционной привлекательности является соответствие российских норм регулирования экономической деятельности мировым нормам. Необходимо продолжать работы по приведению российского бухгалтерского учета в соответствие с международными стандартами, что позволит потенциальным инвесторам более достоверно оценивать деятельность и балансовые показатели российских предприятий при сотрудничестве с ними.

Для стимулирования притока частных инвестиций требуется сформировать особые финансовые стимулы, включающие государственное софинансирование создания базовой инфраструктуры, обеспечение гарантий по кредитам, расширение территорий с особым экономическим режимом, субсидирование процентной ставки на их

развитие и приобретение оборудования, предоставление льгот по аренде земли и объектов государственной собственности. Помимо финансовых стимулов важным направлением государственной политики в области привлечения инвестиций в субъекты Российской Федерации будет являться улучшение процессов их взаимодействия с инвесторами и поддержка активного продвижения их продукции на российских и зарубежных рынках.

Элементами целостной системы улучшения инвестиционного климата в России должны также стать, во-первых, национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в регионах; во-вторых, инструменты мотивации региональных органов власти и развитие этих инструментов; в-третьих, механизм обмена лучшими практиками, основанный на диалоге бизнеса и власти [8].

Таким образом, с учётом вышесказанного и мнений других исследователей, можно представить мероприятия по совершенствованию условий инвестиционной деятельности в регионах РФ в разрезе факторов и параметров (*табл. 5*).

Следует отметить, что в современных условиях, когда бюджетных средств недостаточно и необходимо привлекать дополнительные источники финансирования, частные инвестиции выступают одним из видов внебюджетных инвестиций в развитие инфраструктуры, решение конкретных социально-экономических задач, расширение спектра и повышение качества услуг, формирование новых точек роста, способствующих увеличению уровня социально-экономического развития региона. Однако это невозможно без создания прозрачных, взаимовыгодных механизмов сотрудничества власти и бизнеса, пересмотра сложившихся стереотипов поведения бизнес-структур и способов их участия в

Таблица 5. Мероприятия по совершенствованию условий инвестиционной деятельности в регионах РФ*

Факторы инвестиционного климата	Параметры	Предложения по совершенствованию инвестиционного климата
Законодательное обеспечение инвестиционной деятельности	Уровень налогообложения. Налоговые льготы. Государственные гарантии. Инвестиционный налоговый кредит. Гарантии юридического равноправия всех инвесторов.	Необходимо юридическое закрепление налоговых льгот по налогу на прибыль для предприятий и организаций, осуществляющих реальные инвестиции, в т.ч. принимающих участие в проектах ГЧП. Следует предусмотреть учет затрат по обслуживанию долга, в т.ч. погашению основного кредита для уменьшения налогооблагаемой базы по налогу на прибыль.
Развитость рыночной инфраструктуры	Доступность банковских услуг; страхование инвестиционных рисков; страхование строительно-монтажных рисков; лизинг; консалтинговые услуги.	Необходимо разработать систему долгосрочного кредитования и страхования инвестиционных рисков. В рамках инвестиционно-промышленной политики регионов следует предусмотреть механизм компенсации инвестиционной составляющей процентных кредитных ставок по кредитам, направленных на реализацию реальных проектов, в т.ч. ГЧП.
Доступность недвижимости	Прозрачность тендеров. Порядок оформления прав на земельные участки. Доступность и достаточность офисных площадей. Возможность получения прав на земельные участки.	Необходимо сформировать единую информационную систему по имеющимся объектам недвижимости, максимально упростить и сделать прозрачной систему землеотведения под реализацию реальных проектов в сфере промышленности и инфраструктуры.
Развитость инженерной инфраструктуры	Транспорт. Дороги. Электроэнергия. Водоснабжение и канализация. Связь. Доступность сооружения новых инфраструктурных объектов; проектирование, согласование, разрешение на эксплуатацию.	Необходимо упростить процедуру согласования проектирования, сооружения и получения разрешения на эксплуатацию новых инфраструктурных объектов, в первую очередь в сфере энергоснабжения.
Обеспеченность квалифицированными кадрами	Достаточность административных и экономических кадров, инженерных кадров, квалифицированной рабочей силы.	Необходимо предусмотреть комплексную программу подготовки кадров для реализации реальных проектов на всех уровнях образовательной системы РФ: – на уровне общеобразовательной школы – развитие системы профориентации, активное развитие техникумов и технических лицеев, ориентированных на подготовку высококвалифицированного персонала рабочих и строительных специальностей, ввести обязательную сертификацию рабочих строительных специальностей. – на уровне среднего профессионального и высшего профессионального образования обеспечить взаимодействие с предприятиями и организациями реального сектора, увеличить количество и продолжительность обязательной производственной практики, открывать филиалы по организации практики студентов средних и высших профессиональных учреждений.
Информационная инфраструктура	Доступность актуальной информации. Достоверность информации, значимой для инвесторов.	Создать информационный портал, обеспечивающий достоверной, актуальной и адекватной информацией всех пользователей, заинтересованных в реализации инвестиционных проектов, в т.ч. ГЧП; обеспечить широкий PR по новым законам и постановлениям, определяющим условия реализации инвестиционной деятельности.
Административный фактор	Скорость получения разрешений и согласований. Уровень коррупции.	Принять меры по уменьшению влияния коррупции на инвестиционную деятельность, максимально увеличить контроль за соблюдением сроков и порядка получения разрешительной документации.
* Составлено по: [20].		

развитии территорий. Понятно, что здесь требуется политическая воля со стороны администраций и вместе с тем новый подход бизнеса к пониманию своей роли в социальном инвестировании, повышение интереса к развитию территории присутствия. Только в этом случае можно будет

говорить о новом этапе развития российской модели инвестирования, который создаст комфортные условия для функционирования бизнеса и позволит повысить эффективность использования бюджетов, выделяемых для обеспечения устойчивого развития регионов.

Литература

1. Быркова, Е. Как изменилась инвестиционная привлекательность России [Электронный ресурс] / Е. Быркова // Информационно-аналитическое издание ПРОВЭД. – Режим доступа: <http://провэд.рф/analytics/research/19533-kak-izmenilasy-investitsionnaya-ppivlekatelynosty-possii.html>
2. Доклад губернатора области «Инвестиционный климат и инвестиционная политика Вологодской области на 2015 год» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yandex.ru/clck/jsredir?from=yandex.ru>
3. Доклад губернатора области «Об инвестиционном климате» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vologda-oblast.ru/gubernator/vystupleniya_intervyu/doklad_gubernatora_oblasti_ob_investitsionnom_klimate/?sphrase_id=319434
4. Ильин, В.А. Национальная и региональная безопасность: взгляд из региона [Текст] / В.А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 3 (27). – С. 9-20.
5. Инвестиционные процессы в Вологодской области: статистический сборник. – Госкомстат, 2003. – С. 40.
6. Инвестиционные процессы в Вологодской области: статистический сборник. – Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области, 2010. – С. 33-34.
7. Инвестиционные процессы в Вологодской области: статистический сборник. – Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области, 2014. – С. 37-39.
8. Итоги пилотного апробирования Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации / Агентство стратегических инициатив. – М., 2014. – 178 с.
9. Краснова, В. Лукавая политика [Электронный ресурс] / В. Краснова // Эксперт. – 2015. – № 7. – Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2015/07/lukavaya-politika/>
10. Манташян, Г.Г. Деловой и инвестиционный климат в России / Г.Г. Манташян // Горизонты экономики. – 2013. – № 6 (11). – С. 47-50.
11. Милевская, М.А. Международное состояние этических инвестиций и ответственных предприятий / М.А. Милевская // Вестник экономической интеграции. – 2014. – № 3. – С. 57-65.
12. Миндич, Д. Границы государства [Электронный ресурс] / Д. Миндич // Эксперт. – 2014. – № 43. – Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2014/43/granitsyi-gosudarstva/>
13. Проблемы экономического роста территории [Текст]: монография / Т.В. Ускова, Е.В. Лукин, Т.В. Воронцова, Т.Г. Смирнова; под рук. Т.В. Усковой. – Вологда: Ин-т социально-экономического развития территорий РАН, 2013. – 170 с.
14. Разгулина, Е.Д. К вопросу об инвестировании компаниями регионального развития / Е.Д. Разгулина // Вестник ЧГУ. – 2013. – № 4 (51). – Т. 1. – С. 59-64.
15. Разгулина, Е.Д. Партнерство органов власти и бизнес-структур как необходимое условие привлечения частных инвестиционных ресурсов / Е.Д. Разгулина // Проблемы развития территории. – 2014. – № 5 (73). – С. 78-90.
16. Силуанов, А.Г. Условия роста [Электронный ресурс] / А.Г. Силуанов // Expert Online. – 2013. – Режим доступа: <http://expert.ru/2013/06/21/usloviya-rosta/>
17. Сценарные условия, основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации и предельные уровни цен (тарифов) на услуги компаний инфраструктурного сектора на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов [Электронный ресурс] / Министерство экономического развития Российской Федерации. – Май 2014. – 69 с. – Режим доступа: http://de.gov.yanao.ru/doc/soc_eco/scen_usl/scen_y_2015-2017.pdf
18. Ускова, Т.В. О роли инвестиций в обеспечении устойчивого экономического роста / Т.В. Ускова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 6 (30). – С. 223-234.

19. Ускова, Т.В. Управление устойчивым развитием региона [Текст]: монография / Т.В. Ускова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. – 355 с.
20. Хазуев, А.И. Теоретико-методологические аспекты управления инвестиционными процессами в депрессивных регионах (на материалах Чеченской Республики) / А.И. Хазуев // Terra Economicus. – 2012. – Ч. 3. – № 3. – С. 127-131.
21. Beal, D.J. Why do we invest ethically? / D.J. Beal, M. Goyen, P. Phillips // Journal of investing. – 2005. – Vol. 14. – Nr. 3. – P. 66-77.
22. Doing Business 2014. Understanding Regulations for Small and Medium-Size Enterprises (англ.) Всемирный банк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.doingbusiness.org/reports/global-reports/doing-business-2014>.

Uskova T.V., Razgulina E.D.

On the role of investment in the socio-economic development of territories

Tamara Vitalyevna Uskova – Doctor of Economics, Deputy Director for Science, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of SocioEconomic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, tvu@vscc.ac.ru)

Ekaterina Dmitrievna Razgulina – Junior Research Associate at the Department of the Issues of Socio-Economic Development and Management in Territorial Systems, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of SocioEconomic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, ekaterina-razgulina@yandex.ru)

Abstract. The modern stage of Russia's socio-economic development is characterized by the lack of budgetary resources to finance both strategic and current tasks. The situation is exacerbated by the introduction of political and economic sanctions, the significant fluctuations in oil prices and the ruble exchange rate, the growing mistrust on the part of business, followed by the increase in capital outflow. These circumstances predetermine the search for the ways to solve the socio-economic problems.

The studies of leading Russian and foreign scientists prove that investment plays a major role in ensuring sustainable economic growth and solving the problems of territorial development. Moreover, the recently increasing impact of large companies on the country's development and the low budget lead to the necessity to attract private investment resources for regional development.

In this regard, the authors analyze the investment activity in Russia, present the countries' rankings by the state of investment climate and disclose the successful experience of business' participation in socially significant regional projects.

The periodicals and Internet resources comprise an information base of this study. To achieve this goal the authors use system and integrated approaches, general scientific research methods (comparative analysis, generalization and comparison), table and graphical methods of information processing.

The results of the research help prove the need to attract private investment in distressed areas and provide the Vologda Oblast authorities with the recommendations that can be applied in other regions. The work describes the promising priority projects of the region. Their implementation will contribute to the restoration of positive investment growth. The authors suggest the directions to amend the federal legislation in order to stimulate investment activity of enterprises and, therefore, enhance the role of business in regional development.

Key words: investment, private resources, socio-economic development, economic growth, enterprises, projects, public-private partnership.

References

1. Byrkova E. Kak izmenilas' investitsionnaya privlekatel'nost' Rossii [How the Investment Attractiveness of Russia Has Changed]. *Informatsionno-analiticheskoe izdanie PROVED* [PROVED Information-Analytical Edition]. Available at: <http://proved.rf/analytics/research/19533-kak-izmenilasy-investitsionnaya-ppivlekatel'nosty-possii.html>
2. *Doklad gubernatora oblasti "Investitsionnyi klimat i investitsionnaya politika Vologodskoi oblasti na 2015 god"* [Report of the Governor of the Oblast "Investment Climate and Investment Policy of the Vologda Oblast for 2015"]. Available at: <http://yandex.ru/clck/jsredir?from=yandex.ru>
3. *Doklad gubernatora oblasti "Ob investitsionnom climate"* [Report of the Governor of the Oblast "On Investment Climate"]. Available at: http://vologda-oblast.ru/gubernator/vystupleniya_intervyu/doklad_gubernatora_oblasti_ob_investitsionnom_klimate/?sphrase_id=319434
4. Ilyin V.A. Natsional'naya i regional'naya bezopasnost': vzglyad iz regiona [National and Regional Security: a View from the Region]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2013, no. 3 (27), pp. 9-20.
5. Investitsionnye protsessy v Vologodskoi oblasti: statisticheskii sbornik [Investment Processes in the Vologda Oblast: Statistics Digest]. *Goskomstat* [Federal State Statistics Service]. 2003, p. 40.
6. Investitsionnye protsessy v Vologodskoi oblasti: statisticheskii sbornik [Investment Processes in the Vologda Oblast: Statistics Digest]. *Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Vologodskoi oblasti* [Territorial Body of Federal State Statistics Service of the Vologda Oblast]. 2010, pp. 33-34.
7. Investitsionnye protsessy v Vologodskoi oblasti: statisticheskii sbornik. [Investment Processes in the Vologda Oblast: Statistics Digest]. *Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Vologodskoi oblasti* [Territorial Body of Federal State Statistics Service of the Vologda Oblast]. 2014, pp. 37-39.
8. Itogi pilotnogo aprobirovaniya Natsional'nogo reitinga sostoyaniya investitsionnogo klimata v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii [Results of Pilot Testing of the National Rating of Investment Climate in the RF Subjects]. *Agentstvo strategicheskikh initsiativ* [Agency for Strategic Initiatives]. Moscow, 2014. 178 p.
9. Krasnova V. Lukavaya politika [Crafty Policy]. *Ekspert* [Expert], 2015, no. 7. Available at: <http://expert.ru/expert/2015/07/lukavaya-politika/>
10. Mantashyan G.G. Delovoi i investitsionnyi klimat v Rossii [Business and Investment Climate in Russia]. *Gorizonty ekonomiki* [Horizons of Economics], 2013, no.6 (11), pp. 47-50.
11. Milevskaya M.A. Mezhdunarodnoe sostoyanie eticheskikh investitsii i otvetstvennykh predpriyatii [International State of Ethical Investment and Responsible Enterprises]. *Vestnik ekonomicheskoi integratsii* [Bulletin of Economic Integration], 2014, no. 3, pp. 57-65.
12. Mindich D. Granitsy gosudarstva [Boundaries of the State]. *Ekspert* [Expert], 2014, no. 43. Available at: <http://expert.ru/expert/2014/43/granitsyi-gosudarstva/>
13. Uskova T.V., Lukin E.V., Vorontsova T.V., Smirnova T.G. *Problemy ekonomicheskogo rosta territorii: monografiya* [Issues of Economic Growth of the Territory: Monograph]. Under editorship of T.V. Uskova. Vologda: In-t sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya territorii RAN, 2013. 170 p.
14. Razgulina E.D. K voprosu ob investirovanii kompaniyami regional'nogo razvitiya [To the Issue about Investment of the Companies of Regional Development]. *Vestnik ChGU* [Bulletin of Cherepovets State University], 2013, no. 4 (51), vol. 1, pp. 59-64.
15. Razgulina E.D. Partnerstvo organov vlasti i biznes-struktur kak neobkhodimoe uslovie privlecheniya chastnykh investitsionnykh resursov [Public-Private Partnership as a Prerequisite for Attracting Private Investment Resources]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Development of Territories], 2014, no. 5 (73), pp. 78-90.
16. Siluanov A.G. Usloviya rosta [Growth Conditions]. *Expert Online* [Expert Online], 2013. Available at: <http://expert.ru/2013/06/21/usloviya-rosta/>
17. Stsenarnye usloviya, osnovnye parametry prognoza sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii i predel'nye urovni tsen (tarifov) na uslugi kompanii infrastruktornogo sektora na 2015 god i na planovyi period 2016 i 2017 godov [Scenario Conditions, Key Parameters of the Forecast of Socio-Economic Development of the Russian Federation and the Overall Price Levels (Tariffs) for Services of the Infrastructure Sector Enterprises for 2015 and the 2016–2017 Planning Period]. *Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii* [Ministry of Economic Development of the Russian Federation]. Mai 2014. 69 p. Available at: http://de.gov.yanao.ru/doc/soc_eco/scen_usl/scen_y_2015-2017.pdf.

18. Uskova T.V. O roli investitsii v obespechenii ustoichivogo ekonomicheskogo rosta [On the Role of Investments in Sustainable Economic Growth]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2013, no. 6 (30). pp. 223-234.
19. Uskova T.V. *Upravlenie ustoichivym razvitiem regiona: monografiya* [Management of Sustainable Development of the Region: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2009. 355 p.
20. Khazuev A.I. Teoretiko-metodologicheskie aspekty upravleniya investitsionnymi protsessami v depressivnykh regionakh (na materialakh Chechenskoj Respubliki) [Theoretical and Methodological Aspects of Management of Investment Processes in Depressed Regions (on the Materials of the Chechen Republic)]. *Terra Economicus* [Terra Economicus], 2012, part 3, no. 3, pp. 127-131.
21. Beal D.J., Goyen M., Phillips P. Why do We Invest Ethically? *Journal of Investing*, 2005, vol. 14, no. 3, pp. 66-77.
22. *Doing Business 2014. Doing Business 2014: Understanding Regulations for Small and Medium-Size Enterprises*. Available at: <http://www.doingbusiness.org/reports/global-reports/doing-business-2014>.

Трудовые стратегии россиян

**Владимир Борисович
ТОРЕЕВ**

доктор экономических наук, научный сотрудник, зав. лабораторией,
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН
(117218, г. Москва, Нахимовский просп., д. 32, v.toreyev@gmail.com)

Аннотация. В условиях кризиса становится особенно важным правильно выбрать трудовую стратегию. Каждый работающий человек использует трудовую стратегию, т.е. он осознанно или интуитивно выбирает направление долгосрочной трудовой деятельности. Выбор стратегии определяется рядом факторов, формирующих жизненные установки человека: здоровье, характер, воспитание, образование, социальная среда, институциональная среда. Трудовые стратегии молодых людей, впервые выходящих на рынок труда, отличаются от трудовых стратегий работников. Молодые люди не имеют груза предыдущих ошибок и могут планировать свою жизнь «с чистого листа». Существуют особенности выбора трудовых стратегий у советских специалистов, т.е. людей, начавших свой трудовой путь при плановом хозяйстве. Описанию трудовых стратегий россиян посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: трудовая стратегия, молодежь, работники, советские специалисты, здоровье, образование, институциональная среда.

В настоящей статье представлены результаты исследования, в котором сделана попытка создать полный классификатор основных трудовых стратегий россиян. Большинство исследований на эту тему проводилось на рубеже веков, а в последние десять лет научное сообщество утратило интерес к этой теме, что проявилось в полном отсутствии соответствующих научных трудов. Между тем в России постоянно

происходят институциональные и социально-экономические изменения: реформа образования, несколько экономических кризисов, развитие системы поддержки малых предприятий и др., накладывающие ограничения на выбор трудовых стратегий. Научная новизна данного исследования состоит: во-первых, в делении работников на тех, кто впервые выходит на рынок труда (молодежь), и постоянно работающих, при

этом отдельной группой выделены трудовые стратегии советских специалистов, отличающиеся некоторой спецификой; во-вторых, сделана попытка создать полный перечень основных трудовых стратегий.

Будем понимать трудовую стратегию как осознанный выбор работником направления долгосрочной трудовой деятельности. Можно выделить ряд факторов, определяющих способность людей к выбору некоторой оптимальной трудовой стратегии.

1. **Здоровье.** Наличие заболеваний накладывает серьезные ограничения на выбор трудовой стратегии. Тяжелые последствия для выбора работы несет инвалидность. Особенно трудно определять трудовую стратегию инвалидам с детства. Для того чтобы просто получить работу, им приходится демонстрировать волю и целеустремленность.

2. **Врожденные качества характера.** Такие качества характера, как настойчивость в достижении цели, трудолюбие, способность воспринимать информацию, способствуют планированию трудовой карьеры, т.е. обоснованному выбору трудовой стратегии. Люди, обладающие таким характером, с молодости представляют, чего они хотят добиться в жизни, и последовательно идут к намеченной цели.

3. **Воспитание.** Компенсировать недостаток врожденных качеств характера можно правильным воспитанием. Чаще такое воспитание дают родители, но случается, что сильное воздействие на формирование характера оказывают жизненные обстоятельства. Преодолевая жизненные трудности, человек воспитывает в себе характер.

4. **Образование.** Уровень образования выступает одним из основных параметров, определяющих возможность выбора трудовой стратегии. Среднее образование огра-

ничивает возможность получения интересной, хорошо оплачиваемой работы; среднее специальное образование позволяет продолжить образование в вузе или реализовать полученные знания на производстве и сделать карьеру рабочего. Наконец, высшее образование позволяет получить интересную, хорошо оплачиваемую работу и перспективу карьерного роста.

5. **Социальная среда.** На формирование мироощущения человека оказывает сильное воздействие социальная среда, в которой он воспитывается и живет. Она формирует общий уровень культуры и ценностные установки человека, соответственно, влияет на выбор трудовой стратегии. Достаточно часто дети выбирают профессии своих родителей, потому что они с детства хорошо с ними знакомы. Хорошо известны семейные профессии военных, артистов, врачей, музыкантов; молодому человеку, выросшему в занимающейся малым бизнесом семье, намного легче основать свое дело или продолжить семейное и т.д.

6. **Институциональная среда.** Она определяет набор альтернатив, которые имеются у человека, накладывая жесткие ограничения на возможность выбора. Рынок труда, на котором и происходит реализация трудовой стратегии, определяет спрос на профессии, которые далеко не всегда совпадают с желаниями индивида.

В результате на выбор трудовой стратегии влияет много факторов, которые формируют некоторые рациональные с точки зрения индивида установки. Установки могут быть как материальные, например максимизация дохода, так и идеалистические, например выбор интересной работы. Если бы выбор осуществлялся только рационально, например с целью максимизировать доход, то у нас перевелись бы музыканты, актеры, ученые и другие малооплачиваемые профессии. На практике за-

частую оба подхода сочетаются и трудовая стратегия выбирается в зависимости от превалярования той или иной установки в сознании индивида. Таким образом, выбор трудовой стратегии представляет собой соотношение приобретенных жизненных установок с возможностями их реализации.

Будем различать трудовые стратегии молодежи, т.е. людей, родившихся после экономической реформы 1992 года и соответствующих социально-политических преобразований и впервые выходящих на рынок труда¹, и взрослых людей, находящихся на рынке труда продолжительное время.

Трудовые стратегии молодежи

Основное отличие молодежи от других акторов на рынке труда состоит в том, что молодые люди могут выбрать любую трудовую стратегию. На них не давит груз прошлых ошибок. Общим для всех российских молодых людей является влияние внешней среды, т.е. телевидения, радио, социальных

сетей, электронных игр и т.д. От большинства родителей, получивших первую работу по распределению, которая была им гарантирована государством, молодых людей отличает полное отсутствие государственных гарантий устройства на работу. Они должны выйти на рынок труда после окончания учебы и сами продвигать себя.

Вот как сами молодые люди определяют, что такое хорошая работа (*табл. 1*).

Абсолютное большинство молодых людей ответили, что работа должна быть хорошо оплачиваемой (84,9% ответивших²). Установка на то, что без материального благополучия невозможно строить свою жизнь, стала доминирующим фактором, сформированным внешней средой. Следующим по частоте ответом стала заинтересованность в интересной работе (63,5%). Следовательно, образ будущей работы выглядит как «интересная работа с хорошим заработком». Отметим, что такую работу хотели бы иметь все трудящиеся России.

Таблица 1. Распределение ответов молодёжи на вопрос: «Каким требованиям должна отвечать работа, которая могла бы Вас устроить?»*

№ п/п	Ответы респондентов	Число ответов	%
1.	Хорошо оплачиваемая	1525	84,9
2.	Интересная для меня	1141	63,5
3.	С хорошими условиями труда	521	29,0
4.	Обеспечивающая возможности профессионального роста	466	25,9
5.	Разнообразная, творческая, предполагающая инициативу	293	16,3
6.	Полезная обществу	255	14,2
7.	Престижная	236	13,1
8.	Оставляющая много времени для других занятий (отдыха, семьи, учебы)	235	13,1
9.	Обеспечивающая возможность сделать быструю карьеру	228	12,7
10.	Неутомительная	111	6,2
	ВСЕГО ответов респондентов	1769	100,0

* Социологическое исследование ВЦИОМ «Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты» проведено в 2007 году, опрошено 1769 молодых людей в 12 регионах России, Москве и Санкт-Петербурге.

¹ Будем считать молодежью людей в возрасте от 17 до 29 лет, как это делается в большинстве исследований. В других случаях будем специально оговаривать возраст.

² Респонденты могли выбирать несколько ответов, поэтому число ответов превышает количество респондентов.

Остальные ответы встречались намного реже. Так, 29% респондентов хотели бы, чтобы работа была комфортной (с хорошими условиями труда), а 25,9% – посчитали, что работа должна обеспечивать профессиональный рост. Интересно, что гедонистические настроения продемонстрировало не так много молодых людей: 13,1% ответили, что работа должна оставлять много времени для других занятий, а еще 6,2% определили, что работа должна быть неустойчивой.

Представление, каким путем можно получить хорошую работу, дают ответы на вопрос: «Как Вы считаете, что в первую очередь помогает получить хорошую работу?» (табл. 2).

Самый популярный ответ отражает понимание молодых людей того, что образование выступает непеременимым условием для получения хорошей работы. Это корреспондирует с количеством молодых людей, стремящихся поступить в вузы после окончания школы. Однако более половины респондентов считает, что путь к хорошей работе лежит через связи и знакомства. Поэтому молодые люди могут строить свои трудовые стратегии без получения хорошего образования или поступать в непрестижный институт ради получения

заветной «корочки», а потом все равно, мол, включатся связи и знакомства и хорошая работа будет обеспечена. Количество респондентов, определивших путь к успеху через упорный труд, а напряженная учеба может быть приравнена к упорному труду, ненамного превышает количество респондентов, рассчитывающих на связи. К желающим упорно трудиться можно отнести связывающих своё будущее с получением специальности, которая высоко ценится, потому что получить её можно только через упорный труд на уровне образования.

Опираясь на предпочтения в выборе оснований для получения хорошей работы, можно определить основные трудовые стратегии молодежи.

Осознанный профессионализм. По этой трудовой стратегии молодые люди довольно рано определяют, какую профессию они хотят получить, и последовательно реализуют свою мечту: получают соответствующее образование, приобретают необходимые компетенции и навыки. Профессии, которые выбирают молодые люди, требуют хорошего образования, на получение которого уходит до восьми лет: шесть лет на получение базового образования и звания магистра и два года на получение второго высшего.

Таблица 2. Распределение ответов молодёжи на вопрос: «Как Вы считаете, что в первую очередь помогает получить хорошую работу?»

№ п/п	Ответы респондентов	Число ответов	%
1.	Наличие высокой квалификации, знаний	1143	63,6
2.	Связи и знакомства	945	52,6
3.	Готовность трудиться с полной отдачей сил	561	31,2
4.	Обладание специальностью, которая сейчас высоко ценится	555	30,9
5.	Инициативность, предприимчивость	513	28,6
6.	Дисциплинированность, исполнительность, ответственность	491	27,3
7.	Умение ладить с начальством	367	20,4
8.	Иное	15	0,8
	ВСЕГО ответили респондентов	1769	100,0

Обычно должности, которые занимают люди с такой подготовкой, обеспечивают им хорошую заработную плату и карьерный рост. Однако иногда достаточно получить только базовое образование и дополнить его, например, знанием иностранных языков, чтобы успешно использовать эту стратегию. Есть довольно большая группа молодых людей, которые используют эту стратегию, не получая высшего образования. Можно назвать профессии, которые не требуют высшего образования, но которые пользуются у молодых людей успехом: автослесарь, связист, швея и др. Они обеспечивают приемлемый уровень заработной платы и удовлетворяют потребность в самореализации. Для получения таких профессий достаточно окончить специализированный колледж.

Профессионализм. В отличие от предыдущей стратегии, использующие ее молодые люди не знают заранее, какую профессию они хотят получить. Не ставя перед собой осознанной цели, они поступают в вуз, следуя, например, за школьными товарищами, т.е. «за компанию», или по рекомендации родителей, или поближе к дому. Они осознают, что хорошее образование поможет им успешно реализовать себя на рынке труда и готовы трудиться для его получения. Им нередко приходится менять специальность и, соответственно, вуз. Это происходит тогда, когда приходит понимание, какую профессию им хочется получить.

Первые две трудовые стратегии реализуют молодые люди, которые видят путь к получению хорошей работы через приобретение высокой квалификации и знаний. Иногда второе высшее они получают в иностранных университетах, что делает их более конкурентоспособными для получения работы в иностранных компаниях,

работающих в России. Обычно они ведут себя активно на рынке труда, подыскивая себе работу, которая удовлетворяла бы их амбициям.

Судя по результатам ведомственного мониторинга Минобрнауки РФ в декабре 2012 г., лучше всего трудоустраиваются выпускники по специальностям инженерно-технического профиля: «Авиационная и ракетно-космическая техника», «Морская техника», «Энергетика, энергетическое машиностроение и электротехника» и «Металлургия, машиностроение и металлообработка». Удельный вес нетрудоустроенных по этим специальностям выпускников не превышает 5%. Совсем по-другому выглядят возможности устроиться на работу после получения столь популярных у молодежи экономических профессий. По специальностям «Гуманитарные науки» смогли устроиться работать только 53% выпускников, «Образование и педагогика» – 48%, «Социальные науки» – 45% [1].

Протекционизм. Эту трудовую стратегию используют молодые люди, которые делают ставку на связи и знакомства. Иногда для получения протекции важно получить определенную специальность, тогда они поступают в соответствующий вуз или колледж; иногда для получения работы по протекции совершенно неважно, какое образование получил молодой человек – лишь бы был диплом. Именно на таких студентах, которым знания, в общем-то, не очень нужны, выросли некоторые частные институты, которые не дают качественного образования, но зато выдают заветный диплом. Эта категория молодежи заранее обеспечена работой. Им трудно сменить место работы, даже если работа не нравится, потому что они не готовили себя к активному поиску работы и психологически не готовы к борьбе за новое рабочее место.

Стабильная карьера. Этой стратегии придерживаются молодые специалисты, окончившие вуз, предпочитающие стабильную карьеру с постепенной реализацией жизненных планов. В основном они идут работать в бюджетные организации, последовательно проходя путь от самых низких до руководящих должностей. Обычно бюджетные предприятия предоставляют своим сотрудникам различные дополнительные социальные услуги (медицина, отдых, детские учреждения и др.), что может служить весомым дополнением к небольшой зарплате.

Свое дело. В соответствии с этой стратегией молодые люди связывают свое будущее с организацией собственного дела. Чаще это происходит, когда родные или люди из близкого окружения уже ведут свое дело, и молодые люди начинают осваивать бизнес под их присмотром. Исследования показывают, что для руководства малым предприятием нужно образование, лучше высшее [2]. А вот для индивидуального предпринимательства достаточно получить среднее специальное образование. Некоторые студенты вузов начинают свой бизнес еще на стадии обучения, например, оказывая услуги по установке, наладке и обслуживанию компьютеров. Все же чаще молодые люди до 25 лет становятся руководителями малых предприятий под присмотром взрослых опытных людей. Это позволяет страховать свое дело от фатальных ошибок, ведущих к банкротству.

Выживание. Эта трудовая стратегия присуща молодым людям, которые в силу причин вынуждены рано начать свою трудовую деятельность, чтобы прокормить себя или родных, находящихся у них на иждивении. Не имея образования, они вынуждены браться за самую низкооплачиваемую работу. Довольно часто эту стратегию вынуждены использовать выпускники детских

домов. К сожалению, сменить эту трудовую стратегию на другую практически невозможно, по крайней мере, до тех пор пока не изменятся обстоятельства.

Игроки. Входящие в эту группу воспринимают жизнь как продолжение некоей игры, в которую они играли на компьютере. Они легко меняют место работы, иногда по неуживчивости характера, иногда желая испробовать как можно больше в этой жизни, просто каждый раз осуществляя перезагрузку. Они сосредоточены на социальных сетях, где живут, а реальная жизнь проходит где-то вне их внимания. Они живут в ожидании большого выигрыша, который пошлет им судьба, и верят, что в конце концов им повезет.

Пофигизм. Эту трудовую стратегию выбирает часть молодежи, которая не желает работать. Имея возможность получать деньги на жизнь от родных и близких, они стараются не работать. А в случае, когда их все-таки устраивают на работу, делают все, чтобы их уволили. Такая инфантильная по отношению к работе позиция формируется в результате воздействия ряда факторов: неправильного воспитания; желания красивой жизни, сформировавшегося в подростковом возрасте под воздействием соцсетей, телевидения и клановых установок; отклонений в психике и др. Нередко молодые люди, живущие по этим установкам, становятся алкоголиками и наркоманами. Бывает, что период жизни по этим установкам длится довольно долго (до 40 лет и дольше), т.е. пока не иссякнут источники получения денег на жизнь. Совсем не обязательно семья у таких молодых людей должна быть состоятельной, наоборот, они могут тянуть деньги из престарелых родителей-пенсионеров, проявлять акты чудовищной несправедливости по отношению к людям, которые их любят.

Наконец, всех молодых людей, кто не использует ранее описанные стратегии, можно отнести в группу «неопределившихся». Эта группа молодежи, у которой отсутствуют осознанные трудовые стратегии. Обычно эти люди учатся без усердия, и в зависимости от способностей их называют слабыми учениками или середнячками. Они заканчивают школу, колледж или даже институт, не представляя, кем будут работать. Выходя на рынок труда, они используют различные стратегии поиска работы [3], но работают по необходимости, не получая от работы удовлетворения. Возможно, постепенно они смогут разработать свою трудовую стратегию, но в молодые годы они плывут по течению, не представляя, куда их может занести.

Необходимо отметить, что молодые люди, занимающие рабочие места на государственных предприятиях, гораздо чаще работают по своей специальности: 70% работающих на государственных предприятиях утверждают, что их работа соответствует специальности, указанной в дипломе, а среди работающих на частных предприятиях таких только половина. 25% молодых людей, получивших специальное образование, никогда не работают по своей

специальности. Наибольшее количество работающих не по своей специальности наблюдается среди молодых предпринимателей (53%), молодых работников сферы услуг (45%), рабочих предприятий, шахт,строек (43%). Молодежь, живущая в крупных городах, чаще работает по полученной специальности, чем в средних и малых городах или сельских поселениях. Студенты, начавшие свою трудовую деятельность в вузе или колледже, быстрее находят работу по специальности и быстрее адаптируются к ней [4].

Большая часть молодежи, прежде чем устроиться на работу, проходит стадию безработицы. Это касается и выпускников школ, не поступивших в вузы, и выпускников вузов и колледжей. В меньшей степени это касается выпускников вузов, получивших инженерную специальность. В *таблице 3* представлены результаты мониторинга Минобрнауки РФ в отношении выпускников инженерных специальностей, окончивших вуз в 2011 году и обратившихся за содействием в органы службы занятости.

Как видно из таблицы, наибольшее количество выпускников, получивших инженерные специальности, в поиске ра-

Таблица 3. Количество выпускников вузов 2011 г., обучавшихся по специальностям инженерно-технического профиля и обратившихся за содействием в поиске работы в органы службы занятости

Федеральный округ	Количество обратившихся в органы занятости, %	Количество признанных безработными, %
Центральный	2,72	1,47
Северо-Западный	2,95	1,57
Южный	6,54	3,84
Северо-Кавказский	6,15	4,98
Приволжский	3,50	1,91
Уральский	4,56	2,33
Сибирский	8,37	4,74
Дальневосточный	7,03	4,23
ВСЕГО по России	4,37	2,47

боты обращаются в органы занятости в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах, а наименьшее – в Центральном и Северо-Западном округах.

Трудовые стратегии работающих

Граждане, начавшие свою трудовую деятельность, также имеют свои трудовые стратегии, которые достаточно хорошо описаны [5, 6, 7]. Рынок труда динамично развивается, особенно в последние годы, в направлении повышения требований к уровню профессионализма работников. Рынок рабочей силы с точки зрения качества рабочей силы можно разделить на рынок квалифицированных и низкоквалифицированных рабочих мест. Квалифицированные рабочие места, как правило, могут занять работники, имеющие высшее и среднее специальное образование. Они представляют административно-управленческий персонал, инженерно-технических работников, работников с высокой и средней квалификацией. Данная группа имеет относительно высокий уровень заработной платы и определенные стабильные гарантии занятости. Низкоквалифицированные рабочие места не требуют специальной подготовки и квалификации. Они рассчитаны на рабочих без образования и опыта работы, т.е. рабочих в сфере обслуживания, чернорабочих на стройке и т.д. Для них характерны более низкий уровень оплаты труда и меньшие гарантии занятости.

Типологию профессиональной структуры предложения рабочей силы можно привести по следующим группам [8]:

- профессии высококвалифицированного, творческого и интеллектуального труда, спрос на которые растет;
- массовые сквозные профессии межотраслевого применения стабильного спроса: потребность производства в этих работниках определяется тенденциями экономики;

- непривлекательные профессии тяжелого, малоквалифицированного ручного и вредного труда, не соответствующие социально-культурным и психофизическим требованиям современной рабочей силы; до сих пор они характеризовались острым дефицитом кадров и низким качеством трудового потенциала;

- профессии, потребность производства в которых падает в результате структурной и технологической перестройки, и высвобождающиеся работники должны пройти переподготовку и переквалификацию;

- непрестижные и малооплачиваемые профессии.

Можно выделить основные трудовые стратегии россиян.

Карьерный рост. Стратегия более присуща профессиям, требующим высокой квалификации. Работник последовательно проходит все стадии профессионального становления. Для такой стратегии работник должен постоянно повышать свой профессиональный уровень: читать специальную литературу, осваивать новые методы работы, участвовать в конференциях, проходить обучение с целью повышения квалификации. Такая стратегия может осуществляться как на одном предприятии, так и в результате перехода с одного предприятия на другое профильное предприятие.

Максимизация зарплаты. Работники, использующие эту стратегию, ставят своей целью любыми средствами добиться материального успеха. Они могут для этого повышать свою квалификацию, но могут и легко поменять место работы и профессию, если это им покажется выгодным. Разновидностью этой стратегии выступает стратегия получения максимального дохода при средней напряженности труда.

Исповедующие эту стратегию готовы работать ровно столько, сколько предписано должностными обязанностями, и при этом получать максимально возможную зарплату, но не готовы напрягаться, чтобы повышать свой профессиональный уровень.

Совместительство. Эта трудовая стратегия является разновидностью стратегии «максимизации зарплаты», потому что основным мотивом совместительства выступает получение дополнительного дохода. В основном эту стратегию используют работники творческих (свободных) профессий: журналисты, художники, актеры и т.д. Сюда же можно отнести ученых, которые преподают, и бухгалтеров, которые могут вести бухгалтерию сразу на нескольких предприятиях. Эту стратегию успешно используют специалисты, имеющие возможность работать дома, например дизайнеры, архитекторы, программисты и др. Они могут иметь место постоянной работы, т.е. работать по найму, но могут и не иметь.

Стабильность. Эту трудовую стратегию предпочитают работники, которые выше всего ценят стабильность работы. Для них необязательно получать большую зарплату, хотя желательно, главное, чтобы их положение работающего человека сохранялось как можно дольше. Они легко поменяют место работы, если им покажется, что на новой работе будет более стабильное положение. Они могут ради стабильности отказаться от личных и профессиональных интересов и даже понизить свой статус. Эту стратегию используют люди, которые довольно долгий срок оставались безработными. Более склонны ее использовать люди предпенсионного возраста, которым трудно конкурировать с молодыми на рынке труда, несмотря на опыт работы.

Минимизация труда. Небольшое количество работников используют эту стратегию, не подходящую под теорию о рациональном поведении «человека экономического». Такие «работники» готовы на все, только бы ничего не делать или делать минимально возможную работу. Неважно, что и заработная плата при этом тоже будет минимальна. Рационализм такого поведения появляется, если доходы от дополнительной работы (например, совместительства) намного превышают заработную плату по основному месту работы. Или если работник использует эту стратегию из гедонистических побуждений, стараясь освободить как можно больше времени для занятий хобби. Однако бывает, что минимизация труда является следствием жизненной позиции человека.

Свое дело. В основном эту стратегию используют работники, которые некоторое время проработали по специальности и накопили определенный профессиональный опыт. Этот приобретенный опыт они реализуют, открывая собственный бизнес. Основным мотивом использования этой трудовой стратегии выступает желание самореализоваться и в перспективе повысить свой материальный уровень. Отметим, что далеко не все вставшие на этот путь добиваются успеха. Примерно треть вновь образованных малых предприятий разоряется после первого года работы. Если случилась неприятность и предприятие разорилось, то его владельцы могут вернуться к работе по найму, а через некоторое время повторить попытку организации собственного дела. Довольно часто человек, потерявший работу, начинает свое дело, становясь вынужденным предпринимателем. Здесь ему помогают программы борьбы с безработицей (например, финансовая поддержка центров занятости) и программы помощи в организации бизнеса.

Вынужденная работа. Эту трудовую стратегию люди используют помимо своей воли. Они вынуждены браться за любую, даже самую низко квалифицированную работу, чтобы прокормить себя и своих близких. Такая ситуация складывается в депрессивных регионах с высокой безработицей или в результате личных обстоятельств. Довольно часто используют эту стратегию выпускники детских домов, одинокие матери, семьи с иждивенцами на руках (детьми-инвалидами, больными родителями и т.п.), безработные в возрасте.

Планируемая безработность. Имеющие возможность подрабатывать безработные становятся на учет в службу занятости, чтобы получать пособие по безработице. Одновременно, не извещая службу занятости, они работают на временных работах. Если заработок на временной работе достаточно высок, то пособие по безработице воспринимается как своеобразная премия от государства. По окончании срока выплаты пособия они легко находят работу, и через некоторое время все повторяется снова [9]. Для этой стратегии характерна частая смена работы.

Трудовые стратегии советских специалистов

Рассмотрение трудовых стратегий советской интеллигенции (учителей, врачей, ученых и инженеров) важно и интересно потому, что они шагнули из одной экономической формации в другую: из плановой в рыночную экономику. Это люди, получившие в советское время высшее образование и работу по специальности в соответствии с распределением, составляли советский средний класс. Они начинали свою трудовую деятельность в советской стране при плановой экономике, когда был создан искусственный дефицит рабочей силы, когда коллективизм ставился гораздо выше индивидуализма, когда в

начале своей трудовой карьеры у всех был примерно одинаковый заработок и он не считался основной ценностью. На первый план ставилась интересная работа. Степень социальной защищенности была очень высока, уволить работника по профессиональной непригодности было практически невозможно, он был защищен КЗОТом и профсоюзами.

Экономическая реформа 1992 года изменила институциональную среду. В результате невыплата зарплаты вовремя стала обычным делом, инфляция резко сокращала покупательную способность и не было соответствующей индексации заработной платы. Советским специалистам пришлось приспособливаться к изменениям институциональной среды [10]. Однако большая группа специалистов и в этих условиях не стала отказываться от привычной стратегии³. Удовольствие от работы, привязанность к коллективу, к сложившемуся укладу жизни, неприятие новых правил социального устройства – к таким и подобным мотивировкам прибегали интервьюируемые, объясняя свое нежелание менять привычные трудовые стратегии. Эти стратегии часто связаны с преодолением обстоятельств и сопротивления среды.

Можно выделить четыре ситуации, при которых возможно сохранение прежних (советских) трудовых стратегий:

1. Высокая профессиональная квалификация «советского специалиста». В такой ситуации (не очень широко распро-

³ Результаты исследований приводятся по материалам совместного проекта ЦНТИ и Магдебургского университета, проведенного в 2000 году, основная цель которого – исследовать изменения в организации повседневной жизни представителей шести массовых профессий (военных, врачей, инженеров, ученых, учителей, чиновников). Было взято 90 интервью, по 15 для каждой группы. Лица, давшие интервью, были обычно не моложе 40 лет, с высшим образованием, продолжали работать по специальности, полученной в советское время, и проживали в Санкт-Петербурге.

страненной) работник востребован на новом рынке труда, его знания и профессиональные навыки необходимы либо государству, либо негосударственному сектору, зарплата своевременно индексируется, социальный статус не только не понижается, но может и повыситься.

2. Поддержка семьи. Кто-то из членов домохозяйства, зарабатывая достаточно, дает возможность другим не вносить значительных изменений в трудовую практику.

3. Наличие широких социальных сетей. Их значение в советском обществе трудно переоценить [11]. В новых условиях доминирования обменной хозяйственной интеграции социальные сети приобретают еще большее значение. «Советские специалисты», располагающие широкими сетями, пользуются своими «связями» для поиска престижной работы, получения кредитов, бесплатной медицинской помощи, дополнительных заработков. Сети помогают справиться с множеством проблемных ситуаций. Особенно успешно они используются там, где малоэффективны формальные институты. Наличие значительного сетевого ресурса при увольнении, например, из вооруженных сил, позволит не только сразу найти работу, но и выбрать из нескольких предложений наиболее приемлемое.

4. Упорный консерватизм. Люди, придерживающиеся такой стратегии, не готовы жертвовать привычным укладом жизни ради успешного приспособления к новым институциональным условиям. Они не могут принять новые правила и в буквальном смысле выживают за счет самоограничения, не желая менять объем и характер труда.

Далеко не все «советские специалисты» были готовы к вынужденному самоограничению. Многие пришли к необходимости гибко дополнять (развивать) свои трудовые

стратегии. Стремление адаптироваться к новым институциональным правилам привело к увеличению занятости и широкому распространению совместительства. Эта форма трудового поведения была присуща и советскому периоду. Однако тогда она жестко ограничивалась государством и была менее актуальной для советского среднего класса, который имел пакет социальных гарантий от того же государства. После крушения советской власти и перехода к рыночной экономике вторичная занятость (совместительство) получила тотальное распространение [12]. Было выделено три формы вторичной занятости «советских специалистов»:

- 1) освоение новых, востребованных видов деятельности помимо основного места работы;
- 2) увеличение объемов основной деятельности по месту работы;
- 3) самозанятость.

Первая форма используется «специалистами», сумевшими найти подработку «на стороне»: это инженеры, «подхалтуривающие» ремонтом бытовой техники, ученые, охраняющие автостоянки, военные, занимающиеся извозом и т.п. «Нередко основная работа, являющаяся главным образом местом хранения трудовой книжки, приобретает по ряду показателей характер вторичности (например, по уровню доходности, затратам времени, значимости), в результате чего вторичная занятость по сути становится основной» [13].

Вторая форма совместительства присуща людям, которые пытаются сохранить приемлемый уровень жизни на основе увеличения объема труда в рамках своего места работы. Например, учителя, которые берут больше «часов», или врачи, работающие по несколько смен.

Самозанятость характерна для людей, которые, не находя других возможностей

для самообеспечения, превращают свое хобби в экономическую деятельность. Так, женщина-инженер оборонного предприятия в свободное время занимается шитьем и вязанием. Результаты своего домашнего труда она сдает в магазин и тем самым обеспечивает прожиточный минимум семье. Часто люди ловят рыбу, собирают грибы на продажу и т.п. Ярче всего стратегия самозанятости проявилась в повальном увлечении садоводческой деятельностью в первой половине 1990-х годов. Почти треть жителей российских городов, владея загородной собственностью, старались восполнить недостаток семейного бюджета за счет экономии на овощах и фруктах, которые удается выращивать на огородах, в дачных и садоводческих хозяйствах. Вместо повышения профессиональной активности люди поневоле вовлекаются в производство сельскохозяйственной продукции.

Дополнительным ресурсом для «советских специалистов» стало использование свободного от основной работы времени для получения дополнительного дохода. Вариантов использования свободного времени много, и они не поддаются систематизации.

Институциональные изменения не вызвали у «советских специалистов» быстрой смены парадигмы, не привели к рационализации выбора трудовой стратегии и смене своего экономического поведения. Это связано с социальной психологией, которая намного инертнее экономических преобразований. Если установить новый экономический порядок удалось через принятие пакета законодательных актов, то спустя десять лет в сознании большинства опрошиваемых представления о выборе трудовой стратегии так или иначе оставались идеалистическими.

Литература

1. Серова, Л.М. Актуальные проблемы подготовки и трудоустройства кадров инженерно-технического профиля в Российской Федерации / Л.М. Серова, И.С. Степуть // Ректор вуза. – 2014. – № 3. – С. 23-32.
2. Тореев, В.Б. Мониторинг социально-экономических изменений в малом бизнесе / В.Б. Тореев // Народонаселение. – 2010. – № 1.
3. Тореев, В.Б. Рынок труда и стратегии поиска работы / В.Б. Тореев // Народонаселение. – 2013. – № 3.
4. Горшков, М.К. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты / М.К. Горшков, В.В. Петухов // Информационно-аналитический бюллетень. – 2007. – № 4. – С. 95.
5. Трудовые стратегии россиян (типология работников по трудовым стратегиям) // Фонд общественное мнение. // Доминанта. – 2009. – № 40.
6. Скребков, Д.О. Фрилансеры в информационной экономике: как россияне осваивают новые формы организации труда и занятости [Электронный ресурс] / Д.О. Скребков, А.В. Шевчук. – Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-16906.html>.
7. Елкина, О.С. Стратегии экономического поведения работников на рынке труда / О.С. Елкина. – М.: Информ-знание, 2006. – С. 468.
8. Томилов, В.В. Маркетинг рабочей силы [Электронный ресурс] / В.В. Томилов, Л.Н. Семеркова. – Режим доступа: <http://www.marketing.spb.ru/read/m6/index.htm>.
9. Экономические субъекты постсоветской России: коллективная монография / под ред. д.э.н., проф. Р.М. Нуреева. – М.: МОНФ, 2001. – С. 246.
10. Гладарев, Б. Трудовые стратегии «советских специалистов» в конце 1990-х годов: проблема укорененности экономического поведения / Б. Гладарев // Вопросы экономики. – 2004. – № 12.
11. Леденева, А. Неформальная сфера и блат: гражданское общество или (пост) советская корпоративность? / А. Леденева // Pro et Contra. – 1997. – Т. 2. – № 4. – С. 113-124.

12. Клопов, Э. Вторичная занятость как форма социально-трудовой мобильности / Э. Клопов // Социологические исследования. – 1997. – № 4.
13. Варшавская, Е. Вторичная занятость населения / Е. Варшавская, И. Донова // Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям перехода к рыночной экономике в России / под ред. В. Кабапиной и С. Кларка. – М.: РОССПЕН, 1999. – С. 115.

Toreev V.B.

Employment strategy of the Russians

Vladimir Borisovich Toreev – Doctor of Economics, Head of the Laboratory for the Issues of Economic Behavior and Mobility of Population, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Social and Economic Studies of Population, the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimov Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation, info@isesp-ras.ru, vtoreyev@gmail.com)

Abstract. During the crisis it is especially important to choose a correct employment strategy. Every employee uses an employment strategy, as he/she selects the direction of long-term employment consciously or intuitively. The choice of strategy is determined by a number of factors shaping the person's attitudes: health, character, upbringing, education, social environment, institutional environment. The employment strategies of the young people newly entering the labor market differ from labor strategies of workers. Young people do not have such experience and can plan their life "from scratch". The Soviet specialists, people who started their career in the planned economy, have their own features of employment strategies. The article describes employment strategies of the Russians.

Key words: employment strategy, the youth, workers, Soviet specialists, health, education, institutional environment.

References

1. Serova L.M., Stepus' I.S. Aktual'nye problemy podgotovki i trudoustroistva kadrov inzhenerno-tehnicheskogo profilya v Rossiiskoi Federatsii [Critical Problems of Training and Employment of Engineer-Technical Personnel in the Russian Federation]. *Rektor vuza* [Rector of the University], 2014, no. 3, pp. 23-32.
2. Toreev V.B. Monitoring sotsial'no-ekonomicheskikh izmenenii v malom biznese [Monitoring of Socio-Economic Changes in Small Business]. *Narodonaselenie* [Population], 2010, no. 1.
3. Toreev V.B. Rynok truda i strategii poiska raboty [Labor Market and Work Search Strategies]. *Narodonaselenie* [Population], 2013, no. 3.
4. Gorshkov M.K., Petukhov V.V. Molodezh' novoi Rossii: obraz zhizni i tsennostnye priority [The Youth of New Russia: Lifestyle and Value Priorities]. *Informatsionno-analiticheskii byulleten'* [Information-Analytical Bulletin], 2007, no. 4, p. 95.
5. Trudovye strategii rossiiyan (tipologiya rabotnikov po trudovym strategiyam) [Employment Strategies of the Russians (Typology of Workers by Employment Strategies)]. *Fond obshchestvennoe mnenie. 2009* [Public Opinion Fund. 2009], no. 40.
6. Skrebkov D.O., Shevchuk A.V. *Frilansery v informatsionnoi ekonomike: kak rossiyane osvvaivayut novye formy organizatsii truda i zanyatosti* [Freelancers in the Information Economy: How Russians Use New Forms of Labor and Employment Organization]. Available at: <http://do.gendocs.ru/docs/index-16906.html>.
7. Elkina O.S. *Strategii ekonomicheskogo povedeniya rabotnikov na rynke truda* [Strategies of Economic Behavior of Workers on the Labor Market]. Moscow: Informznanie, 2006, p. 468.
8. Tomilov V.V., Semerkova L.N. *Marketing rabochei sily* [Marketing of Workforce]. Available at: <http://www.marketing.spb.ru/read/m6/index.htm>.

9. Ekonomicheskie *sub"ekty postsovetskoi Rossii: kollektivnaya monografiya* [Economic Actors in Post-Soviet Russia: Collective Monograph]. Under editorship of Doctor of Economics, Professor R.M. Nureev. Moscow: MONF, 2001, p. 246.
10. Gladarev B. Trudovye strategii "sovetskikh spetsialistov" v kontse 1990-x godov: problema ukorenennosti ekonomicheskogo povedeniya [Employment Strategy of "Soviet Specialists" in the Late 1990s: Problem of Embeddedness of Economic Behavior]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 2004, no. 12.
11. Ledeneva A. Neformal'naya sfera i blat: grazhdanskoe obshchestvo ili (post) sovetskaya korporativnost'? [Informal Sector and Profitable Connections: Civil Society or (Post) Soviet Corporatism?]. *Pro et Contra* [Pro et Contra], 1997, vol. 2, no. 4, pp. 113-124.
12. Klopov E. Vtorichnaya zanyatost' kak forma sotsial'no-trudovoi mobil'nosti [Secondary Employment as a Form of Social and Labor Mobility], *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 1997, no. 4.
13. Varshavskaya E., Donova I. Vtorichnaya zanyatost' naseleniya [Secondary Employment of the Population]. *Zanyatost' i povedenie domokhozyaistv: adaptatsiya k usloviyam perekhoda k rynochnoi ekonomike v Rossii* [Employment and Household Behavior: Adaptation to the Conditions of Transition to Market Economy in Russia]. Under editorship of V. Kabalina i S. Klark. Moscow: ROSSPEN, 1999, p. 115.

Приоритеты модернизации энергетической инфраструктуры в сельской местности Республики Коми

**Лариса Викторовна
ЧАЙКА**

кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник,
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми
научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982,
г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26, chayka@energy.komisc.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы развития энергетической инфраструктуры в сельской местности Республики Коми с целью систематизации условий энергоснабжения и выбора приоритетов модернизации. Выполнена оценка территориальной дифференциации на основе использования методов системного энергоэкономического анализа и экономического картографирования. Введен показатель уровня развития комплексного энергоснабжения, который идентифицирован для каждого сельского населенного пункта в республике. Чем выше уровень развития, тем более многокомпонентная и эффективная система энергоснабжения. Но для большей части сельского населения республики (70%) достигнутый уровень энергообеспечения является минимально необходимым по потребностям и неэффективным по энергоэкономическим параметрам. Выделены основные недостатки развития сельского энергоснабжения: низкий уровень газификации сетевым газом, наличие зон децентрализованного электроснабжения, высокая доля неэффективного теплоснабжения. Главными направлениями модернизации энергоснабжения сельских территорий должны стать: газификация, усиление электросетевых мощностей и внедрение современных технологий малой энергетики (малых ТЭЦ, модульных котельных, эффективных твердотопливных котлов). Для стимулирования процессов модернизации систем энергоснабжения сельских территорий необходимо активизировать деятельность по энергетическому планированию и программному управлению. Результаты исследования могут служить информационной основой регионального экономического и энергетического планирования.

Ключевые слова: Республика Коми, сельские населенные пункты, комплексное энергоснабжение, энергетическая инфраструктура, уровень развития, эффективность, модернизация.

Условия энергообеспечения сельских населенных пунктов (с.н.п.) Республики Коми значительно уступают городским по доступности и стоимости энергетических услуг. Проблема модернизации сельского энергоснабжения имеет важное значение для республики из-за значительного износа оборудования, большого количества проживающих в условиях дорогостоящего энергообеспечения (более 110 тыс. чел.) и необходимости бюджетного субсидирования (почти 6 млрд. руб. за 4 года [1]). В связи с этим актуальны региональные исследования проблем развития сельской энергетики с целью систематизации энергоэкономических условий и выбора приоритетов модернизации. В данной статье представлены особенности развития энергетической инфраструктуры (ЭИ) сельских населенных пунктов Республики Коми, обозначены проблемы и приоритеты модернизации.

Анализ ЭИ сельских территорий [2] позволил выделить основные недостатки её развития: низкий уровень газификации сетевым газом, наличие зон децентрализованного электроснабжения, высокая доля неэффективного теплоснабжения.

С учетом особенностей структурной организации энергоснабжения с.н.п. республики определены шесть уровней развития энергетической инфраструктуры – от нулевого до пятого, каждый из которых характеризуется определенным набором элементов (таблица).

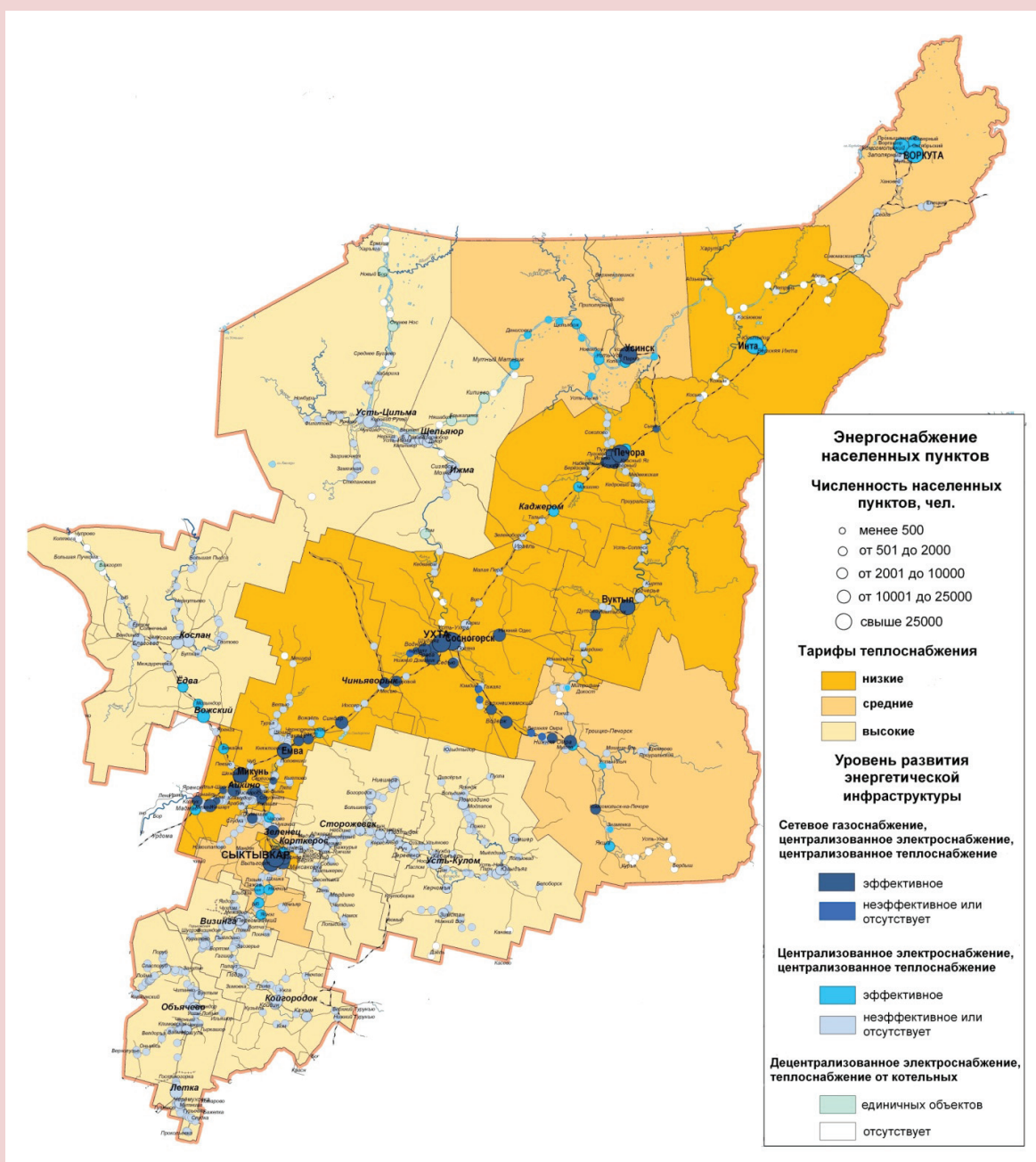
Идентификация этого показателя для населенных пунктов республики позволила выполнить экономическое картографирование (рисунок), которое демонстрирует территориальную дифференциацию условий энергоснабжения и может служить информационной основой для регионального планирования.

Чем выше уровень развития, тем более развита система энергоснабжения, выше потенциал ее развития и эффективность производства. Под потенциалом следует понимать сводную характеристику таких системных свойств, как комплексность предоставления энергетических услуг, наличие возможностей структурного развития, диверсификации технологий. Сравнительная эффективность отражает современные ценовые условия: преимущества газовой генерации, дороговизну децентрализованного электроснабжения и

Распределение сельских населенных пунктов по уровням развития энергоснабжения, 2012 г.

Показатели	Уровни развития энергетической инфраструктуры НП					
	0	1	2	3	4	5
Число пунктов, ед.	52	15	521	63	9	25
Численность населения, тыс. чел.	3,5	7,2	133,3	30,0	2,5	31,2
Компоненты системы энергоснабжения						
Сетевое газоснабжение					+	+
Электроснабжение:						
- централизованное			+	+	+	+
- децентрализованное	+	+				
Теплоснабжение:						
- эффективное				+		+
- неэффективное			+/-		+/-	
Обозначения:	+	имеется,	+/-	имеется или отсутствует,		отсутствует

Условия энергоснабжения населенных пунктов Республики Коми

локального теплоснабжения с малыми нагрузками и удаленной доставкой топлива. В целом по республике обобщенная оценка развития ЭИ сельских территорий приводит к следующему распределению:

— относительно высокий потенциал ЭИ (уровень 4 и 5) имеют 97 с.н.п., в кото-

рых проживает 63,7 тыс. чел. — это 34 газифицированных и 63 негазифицированных населенных пункта, близко расположенных к энергетическим и транспортным центрам республики, в которых обеспечивается сравнительно эффективное комплексное энергоснабжение потребителей;

– средний потенциал энергетической инфраструктуры характерен для большей части – 521 с.н.п., в которых проживает 133,3 тыс. чел. – это поселения, удаленные от энергетических и транспортных центров республики, обеспеченные централизованным электроснабжением, но имеющие дорогостоящее теплоснабжение от малых котельных или от тех, в которых используется только печное отопление;

– низкий потенциал энергетической инфраструктуры имеют 67 с.н.п., с населением 10,7 тыс. чел. – это сельские населенные пункты, расположенные на наиболее периферийных территориях республики, с дорогостоящим децентрализованным электроснабжением от дизельных электростанций, с теплоснабжением или без него, с высокими издержками на доставку топлива.

Следовательно, большая часть (70%) сельского населения проживает в с.н.п. с уровнем развития ЭИ не выше второго, при котором обеспечиваются минимально необходимые потребности, но энергетическая и экономическая эффективность энергоснабжения остается неудовлетворительно низкой.

К первоочередным задачам планирования модернизации энергетического хозяйства следует отнести выбор и реализацию оптимальных технологических решений для замещения неэффективного теплоснабжения и дорогостоящего децентрализованного электроснабжения. Перспективы развития ЭИ сельских территорий связаны с дальнейшей газификацией и электросетевым строительством, с масштабным обновлением локальных энергоисточников на базе современных технологий.

Газификация. Развитие газоснабжающей системы имеет ключевое значение в формировании энергетической инфра-

структуры, в обеспечении качественного, эффективного и экологичного энергоснабжения. Но в среднесрочной перспективе в сельской местности республики (согласно схемам, разрабатываемым ОАО «Газпром промгаз») не планируется существенного расширения зон сетевого газоснабжения. Этому препятствуют условия удаленности и низкой плотности энергетических нагрузок, из-за чего удельные затраты в распределительную систему становятся исключительно высокими. Реализуются в основном проекты наиболее полной газификации потребителей сельских населенных пунктов, которые уже частично подключены к системе сетевого газоснабжения и для которых предусматривается бюджетная финансовая поддержка.

Дальнейшее развитие газоснабжения в республике связано со строительством магистрального газопровода «Бованенково–Ухта–Торжок», ввод двух ниток которого планируется в 2016 г. В Республике Коми трасса МГ проходит по территории 7 муниципальных образований, из которых впервые – в Воркутинском и Интинском районах, тем самым создается возможность их последующей газификации. Для отдаленных поселений возможным вариантом развития качественного энергоснабжения является автономная газификация с использованием сжиженного природного газа (СПГ) или сжиженного углеводородного газа (СУГ).

В варианте СПГ газ сжимается на мини-заводе, расположенном рядом с газопроводом, затем специальным автотранспортом доставляется в места использования. Хранится газ в сжиженном виде в криогенных изотермических резервуарах, а перед использованием проходит через систему регазификации и по местным сетям направляется на промышленные объекты и в жилые дома. При газификации с ис-

пользованием СУГ топливо доставляется автотранспортом и хранится в специальных резервуарах под давлением (газгольдеры).

В настоящее время в населенных пунктах, не имеющих сетевого газоснабжения, потребителями используется привозной СУГ, в основном, в баллонах, как топливо бытового назначения. Для населения установлены нормативы потребления, цены регулируются предельными значениями, а для компенсации выпадающих доходов поставщикам выделяются бюджетные субсидии. Но даже при льготных для населения ценах на СУГ затраты потребителей значительно выше, чем при сетевом газоснабжении.

Широкое применение сжиженного газа как топлива для котельных ограничивается его высокой стоимостью. Цены на сжиженный газ (СПГ и СУГ) превышают стоимость сетевого природного газа в энергетически сопоставимом измерении не менее чем в 3 раза, и соответственно дороже топливная составляющая себестоимости производства тепловой энергии¹. Поэтому использование сжиженного газа в системах теплоснабжения с.н.п. следует рассматривать в первую очередь как дорогостоящую, но конкурентоспособную и более экологичную альтернативу котельным, сжигающим нефтяное топливо.

В сравнении с вариантом развития сетевого газоснабжения конкурентоспособность СПГ, согласно оценке [3], обеспечивается только при значительной удаленности населенных пунктов от источника поставок газа (более 0,5–1,2 тыс. км) и малых объемах его потребления (5–25 т/год), а при расстоянии до 200 км интегральные затраты на организацию автономной схемы на базе СПГ в несколько раз превышают издержки на строительство межпоселковой сети.

С учетом ценовых пропорций очевидно, что для внедрения технологий автономного газоснабжения в сельских районах республики потребуются государственная поддержка и субсидирование, так же как и для дальнейшей сетевой газификации с.н.п. республики. Конкурентные преимущества альтернативных вариантов должны оцениваться в рамках разработки схемы газоснабжения республики и схем комплексного энергоснабжения муниципалитетов.

Локальные энергоисточники. В суммарных показателях отопительных котельных в сельской местности доля неэффективных мощностей (с ценами производства, превышающими предельный уровень тарифа) достигает 61% (218) от общей численности и 46% (352 Гкал/ч) в суммарной установленной мощности. Первоочередной задачей в планировании модернизации теплового хозяйства является обоснованный выбор и реализация оптимальных технологических решений для замещения более 200 устаревших котельных в 134 с.н.п. республики [2].

В настоящее время, по данным ОАО «Коми тепловая компания»², в сельских районах республики планируются и реализуются проекты строительства новых модульных котельных, перевода ряда котельных с мазута на газ или уголь, замены устаревших котлов, закрытия мелких неэффективных котельных с переводом их потребителей на электрообогрев. Количество неэффективных котельных за минувшие 4 года сократилось на 47 единиц, в том числе закрыты 32 нерентабельные котельные [1].

Однако следует заметить, что замещение мелких котельных переводом потребителей на электроотопление не является экономически и энергетически эффективным решением. Теплоснабжающей организацией оно обосновывается

¹ См. <http://www.gazpromlpg.ru/index.php?id=184>.

² <http://komitk.ru>

снижением ущерба, но при этом фактическая стоимость отопления для потребителей (или потребность в бюджетных субсидиях) может возрасти. Электроэнергия – наиболее дорогой энергоресурс, с низким КПД производства и высокими потерями передачи, а использование её на цели отопления – самый энергорасточительный и дорогостоящий вариант теплоснабжения: при стоимости электроэнергии 5 руб./кВт ч. получение 1 Гкал полезного тепла обойдется в 6 тыс. руб. (это если КПД электронагревателей равен 98%, без учета дополнительных затрат на усиление электросетей и тепловых потерь в отапливаемых помещениях), а коэффициент полезного использования первичной энергии топлива составит не более 30%.

В целом темпы и объемы модернизации теплового хозяйства в сельских районах остаются невысокими и недостаточными для качественного изменения ситуации с эффективностью теплоснабжения. Причиной остается ограниченность инвестиционных ресурсов, формируемых за счет тарифных источников. Для значимого обновления систем теплоснабжения требуется замена большого объема устаревшего котельного оборудования и изношенных сетей современными аналогами или альтернативными технологиями.

В условиях множества однотипных объектов, нуждающихся в реконструкции, важна углубленная проработка тиражируемых решений для выбора действительно высокоэффективных проектов модернизации или замены теплоэнергетического оборудования. Необходимо сформировать принципиальную концепцию реконструкции на основе глубокого и всестороннего анализа состава и характеристик существующих котельных, способов сжигания твердого топлива и номенклатуры серийно выпускаемых отечественных котлоагрегатов [4].

Должное внимание при планировании модернизации теплоснабжающих систем необходимо уделять выявлению резервов энергоэффективности потребления и снижению чрезмерных потерь в сетях, которые в ряде с.н.п. достигают 50% выработки тепла (по данным отчетности филиалов ОАО «КТК»).

Учитывая масштабность задачи развития эффективного теплоснабжения в сельской местности, можно отметить, что рациональным подходом будет организация целевого программного управления процессом модернизации ЭИ для системного взаимодействия власти и бизнеса, согласования процессов планирования, финансирования, бюджетной поддержки и реализации проектов. Приоритетными направлениями модернизации теплогенерирующих установок в сельских районах республики должны стать технологии малых ТЭЦ (МТЭЦ), модульных котельных малой мощности, эффективных твердотопливных котлов, энергетического использования древесных отходов.

Малые и мини-ТЭЦ (МТЭЦ). С целью повышения энергоэффективности на строящихся и реконструируемых объектах тепловой мощностью более 5 Гкал/час должна обеспечиваться комбинированная выработка тепловой и электрической энергии (согласно Постановлению Правительства РФ от 31.12.2009 № 1221). Теплоисточники такой мощности в сельских местностях республики – это преимущественно газовые и мазутные котельные, расположенные в наиболее крупных селениях и имеющие производственных потребителей тепловой энергии. К основным направлениями развития МТЭЦ в сельских районах относятся: строительство МТЭЦ блоками 0,5–5 МВт с газотурбинными установками (ГТУ), МТЭЦ с двигателями внутреннего сгорания и утилизацией тепла, газогене-

раторных МТЭЦ; реконструкция газовых котельных с установкой газотурбинных или газопоршневых агрегатов; при реконструкции котельных с паровыми котлами установка паровых машин для выработки электроэнергии или привода механизмов собственных нужд [5].

Конкурентоспособность различных типов МТЭЦ зависит от технологических и местных условий. Так, МТЭЦ с ГТУ наиболее выгодны для крупных промышленных предприятий, которые имеют значительные (больше 8...10 МВт) электрические нагрузки, собственную производственную базу, высококвалифицированный персонал для эксплуатации установки, ввод газа высокого давления. При реконструкции котельных с установкой электрогенерирующего оборудования на базе ГТУ благоприятными предпосылками являются наличие круглогодичного потребления тепла, газопровода с давлением не ниже 2,5 МПа или возможности размещения на площадке котельной дожимной компрессорной станции; а ограничением может стать допустимость шумовых характеристик работы газовых турбоагрегатов при размещении котельной в зоне жилой застройки [5].

При оснащении электрогенерирующими установками существующих котельных наиболее экономичным вариантом будет выбор устанавливаемой мощности, соответствующей базовой тепловой нагрузке котлов.

При реконструкции котельных с выработкой пара эффективно применение паровых винтовых машин (ПВМ) для производства электроэнергии при срабатывании перепада давления теплоносителя. Если в котельных имеется неиспользуемый перепад давления пара 3–6 атм. с расходом 6–50 т/ч, применение ВРМ позволяет получить дополнительную электрическую мощность 200–1500 кВт [6].

Экономический эффект от внедрения ПВМ на существующих промышленно-отопительных котельных увеличивается с возрастанием установленной паропроизводительности котлов [7].

В качестве основного источника электрической и тепловой энергии для крупных сельскохозяйственных предприятий (в тепличных хозяйствах, на птицефабриках и животноводческих комплексах) перспективны мини-ТЭЦ на базе газопоршневых агрегатов (ГПА). В диапазоне мощностей (до 3,5 МВт) ГПА более эффективны по сравнению с газовыми турбинами – меньше удельная стоимость и эксплуатационные затраты [8].

К преимуществам новых мини-ТЭЦ с ГПА в сравнении с оснащением газотурбинными установками относятся: возможность работы на газе низкого и среднего давления без подвода газа высокого давления и без газодожимных компрессоров; более выгодное соотношение электрической и тепловой мощности, позволяющее выработать больше электроэнергии комбинированным способом; более длительные (в 2,5–3 раза) заявленный ресурс до капитального ремонта и общий срок эксплуатации; короткие сроки строительства и ввода в эксплуатацию, более экономичная работа на частичных нагрузках. Особенно важным для подобных объектов является отсутствие ограничений по давлению газа: для агрегатов мощностью 1–1,5 МВт достаточно давления бытового газа (менее 0,02 МПа), для более мощных агрегатов требуемое давление не превышает 0,6 МПа, которое имеется в любой отопительной котельной [8].

Положительный опыт по проектам реконструкции газовых котельных с внедрением когенерационных установок имеется в Ярославской области (ОАО «Ярославская генерирующая компания»).

На котельных мощностью до 3 Гкал/ч применяются ГПА мощностью до 300 кВт отечественных производителей. Агрегаты работают в теплофикационном режиме для покрытия круглогодичной потребности в горячем водоснабжении и вырабатывают электроэнергию для собственных нужд или выдачи в сеть [9]. В основном применяется энергоблок GTK 195, созданный на базе двигателя ЯМЗ-240 НМ2, модифицированного для работы на природном газе, электрическая мощность установки составляет 195 кВт и тепловая – 330 кВт, КПД модуля равен 87,3%. Проект осуществляется с участием российско-германского предприятия «Энерджи Волд – Ярославль». Реализация подобных проектов установки ГПА в действующих газовых котельных в сельской местности Республики Коми (18 объектов) позволила бы получить около 20 МВт дополнительной электрической мощности.

В Республике Коми актуальной остается проблема модернизации децентрализованного электроснабжения удаленных потребителей. При реконструкции действующих или сооружении новых ДЭС должна предусматриваться полная утилизация тепловой энергии, для того чтобы максимально эффективно использовать дорогое дизельное топливо. В дизельных МТЭЦ коэффициент использования теплоты сгорания топлива составляет 75–85%, выработка тепла – около 1 МВт на 1 МВт электрической мощности. На базе отечественных серийно выпускаемых дизель-генераторов могут быть созданы МТЭЦ с утилизацией тепла мощностью от 200 кВт до нескольких МВт, а также имеется обширный типоразмерный ряд зарубежного оборудования и опыт его внедрения в России.

Замена твердотопливных котлов. Не только для сельских территорий Республики Коми, но и России в целом характерно

наличие значительного парка угольных котельных малой мощности, подавляющая часть которых укомплектована чугунными секционными котлами и стальными сварными котлами единичной мощностью до 1 Гкал/ч с ручным обслуживанием. Работа таких котельных характеризуется низким эксплуатационным КПД (30–40%), неудовлетворительными экологическими показателями, тяжелыми условиями работы эксплуатационного персонала. Предлагаются следующие направления реконструкции в зависимости от мощности котельных [4]: до 1 МВт – замена существующих изношенных котлов устаревших конструкций на новые котлоагрегаты с ручными топками; 1–2 МВт – замена на новые котлы с механическими топками; более 2 МВт – предпочтительна установка котлоагрегатов с топками высокотемпературного «кипящего» слоя, технология которого позволяет использовать любой вид твердого топлива, в т.ч. низкосортный уголь и древесные отходы.

Использование древесного топлива. В республике реализуется подпрограмма «Использование низкосортной древесины и отходов лесопереработки в качестве топлива для производства горячей воды, тепловой и электрической энергии» (к региональной программе «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности на территории Республики Коми (2010–2020 годы)». Заявленные цели программного управления на период 2013–2016 гг.: развитие производств топливных гранул, топливных брикетов и топливной щепы; замена угля на древесные топливные брикеты в коммунальных котельных; строительство (реконструкция) энергоисточников, использующих древесное топливо.

В республике строятся малые ТЭЦ с утилизацией древесных отходов: ООО «СевЛесПил» заканчивает строительство

мини-ТЭЦ (2,3 МВт электрической, 11 МВт тепловой мощности), работающей на древесных отходах своего основного производства; ООО «Биоэнергетическая компания» приступила к реализации проекта малой теплоэлектростанции в Сыктывкаре (планируемой электрической мощностью 4,3 МВт, тепловой – 13–15 МВт), которая будет утилизировать отходы производства свалки Сыктывкарского ЛДК [1]. Для реализации проекта «Биоэнергетической компании» привлекаются средства внебюджетного фонда энергосбережения, который формируется за счет тарифных источников (911 млн. руб.) [10]. К сожалению, планируемая эффективность этих проектов не освещается, из опубликованных данных очевидно, что удельная стоимость таких мощностей весьма высокая. Вызывает сомнение экономическая целесообразность инвестирования в дорогостоящую когенерацию только с целью утилизации отходов, исключительно низкокачественных как топливо.

Перевод объектов теплогенерации на древесное биотопливо требует гарантированности образования и поставки необходимого количества топлива в течение года, его стабильного качества, ценовых параметров (фиксированную стоимость в течение пяти-десяти лет, минимальные затраты на транспортировку) [11, 12]. Для сжигания древесного топлива применяются топki с неподвижными решетками, с механическими решетками, с кипящим слоем, вихревые топki, оборудование для сжигания пеллет [12, 13]. В котельных малой мощности наиболее распространенной технологией является сжигание на неподвижных колосниковых решетках (дешевле оборудование, но выше трудоемкость обслуживания и невысокий КПД).

Хотя установки с подвижными и переталкивающими решетками дорогостоящие, но обеспечивают полноценное сгорание при переменной и высокой влажности древесных отходов, вихревые топki используют для мелкофракционного топлива [13, 14]. В крупных котлах рекомендуется применение технологии кипящего слоя, в особенности для влажных отходов [14, 15]. В целом чем ниже качество древесного топлива, тем выше стоимость оборудования и дороже производство тепла, а выбор технологии сжигания и комплектация оборудования котельной зависят от влажности, вида и состава древесных отходов, от планируемой мощности установки.

Задачи управления развитием

На региональном уровне осуществляется среднесрочное планирование и ключевое значение имеет предпроектное обоснование проектов развития ЭИ, подтверждающее их необходимость и эффективность, а также решение вопросов инвестиционного обеспечения и программного управления. Но, как правило, в утвержденных региональных и муниципальных документах (региональная схема и программа развития электроэнергетики, программы энергосбережения, схемы теплоснабжения, программы комплексного развития систем коммунальной инфраструктуры) отсутствует аргументация обоснованности планируемых проектов и меры поддержки их реализации. Именно отсутствие должной проработки проектных инициатив является одной из главных причин их многолетнего «замораживания» при неизменном декларировании в чередке программных документов. Только достоверная оценка значимости проектов развития, их эффектов и необходимых средств позволит установить приоритеты и определить механизм их реализации.

Для стимулирования процессов модернизации систем энергоснабжения на всех уровнях территориального управления требуется активизировать деятельность по энергоэкономическому прогнозированию и планированию. Основой принятия решений должно стать комплексное планирование с учетом территориальных и функциональных взаимосвязей системы энергоснабжения, а не формальный свод проектов и предложений энергетических компаний (которые демонстрируют действующие программные документы). Актуальна разработка перспективных схем развития энергоснабжения с.н.п. для выбора оптимального варианта из возможных альтернатив на основе передовых технологий.

Программное управление развитием энергетики исходя из инфраструктурной значимости должно осуществляться с опорой, в первую очередь, на общественные (государственные и муниципальные) инвестиции. В республике имеется сравнительно крупный источник внебюджетных

средств, который формируется за счет процентной надбавки в тарифах на энергию (фонд энергосбережения) и который следует с максимальной эффективностью использовать для финансовой поддержки проектов модернизации систем энергоснабжения, и прежде всего коммунального теплоснабжения.

Необходимо признать, что в условиях северных, малоосвоенных территорий создание и эксплуатация энергетических объектов объективно сопровождается повышенными издержками, при этом коммерческая эффективность энергоснабжающей деятельности ограничивается тарифным регулированием и изолированностью рынков сбыта. Такие условия не могут быть привлекательными для частного бизнеса. Поэтому требуется активное стимулирование частных инвестиций в развитие энергетической инфраструктуры районов такими мерами, как предоставление субсидий, заключение долгосрочных договоров, установление специальных ценовых условий, налоговых льгот и проч.

Литература

1. Доклад Главы Республики Коми Вячеслава Гайзера Государственному Совету Республики Коми «Об итогах деятельности Правительства в 2013 году, об основных направлениях работы на 2014 год и среднесрочную перспективу» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rkomi.ru/services/doklady/>
2. Чайка, Л.В. Энергетическая инфраструктура сельских поселений Республики Коми / Л.В. Чайка // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2014: Материалы IV Всероссийского семинара (г. Сыктывкар, 24–26 сентября 2014 г.): в 2 ч. – Сыктывкар, 2014. – Ч. 2. – С. 136-144.
3. Медведева, О.Н. Системы автономного газоснабжения / О.Н. Медведева, О.В. Фролов // Новые идеи нового века: материалы Международной научной конф. / ФАД ТОГУ. – 2013. – Т. 2. – С. 379-384.
4. Смирнов, А.В. Котлоагрегаты малой мощности с топками высокотемпературного кипящего слоя в коммунальной энергетике [Электронный ресурс] / А.В. Смирнов // Новости теплоснабжения. – 2009. – № 3 (103). – Режим доступа: <http://www.nts.ru>
5. Колобов, Ю.И. Малая энергетика в системе энергоснабжения Республики Коми / Ю.И. Колобов, Л.В. Чайка. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2000. – 140 с.
6. Березин, С.Р. Технология энергосбережения на базе паровой винтовой машины [Электронный ресурс] / С.Р. Березин, А.И. Богачева // Энергосовет. – 2010. – № 7 (12). – С. 33-38. – Режим доступа: http://www.energsovet.ru/bul_stat.php?num=12
7. Паровая винтовая машина (ПВМ) для комбинированной выработки тепловой и электрической энергии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.energsovet.ru/entech.php?idd=113>

8. Шаулов, В.Ю. Об опыте внедрения и эксплуатации газопоршневых мини-ТЭЦ / В.Ю. Шаулов // Труды конференции «Малые и средние ТЭЦ. Современные решения» / УМЦ «Голицино» (Моск. обл., 7–9 сентября 2005 г.). – С. 23–36.
9. Тамаров, В.В. Развитие когенерационной энергетики в Ярославской области [Электронный ресурс] / В.В. Тамаров // Энергосовет. – 2011. – № 4 (17). – С. 15–19. – Режим доступа: http://www.energsovet.ru/bul_stat.php?num=17
10. Об утверждении региональной программы «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности на территории Республики Коми (2010–2020 годы)»: Постановление Правительства Республики Коми от 30.07.2010 № 241 (ред. от 28.07.2014) // КонсультантПлюс.
11. Мариничева, О. Щепы и пеллеты вместо мазута и угля [Электронный ресурс] / О. Мариничева // Тепловая энергетика. – 2013. – № 03 (06). – С. 13. – № 04 (07). – С. 11. – Режим доступа: <http://www.eprussia.ru/teploenergetika/>
12. Котельное оборудование на биотопливе // ЛесПромИнформ. – 2008. – № 1 (50) – С. 120–127.
13. Рябов, Г.А. Водогрейные котлы для сжигания древесных отходов / Г.А. Рябов, Д.С. Литун // Новости теплоснабжения. – 2002. – № 11, 12. – С. 12–14, 16–18.
14. Трепов, М.В. Экономика использования биотоплива / М.В. Трепов, С.М. Шестаков // ЛесПромИнформ. – 2007. – № 8 (48). – С. 48–52.
15. Шемякин, В.Н. Внедрение технологии сжигания в кипящем слое как один из путей решения внедрения местных низкосортных топлив в энергетику страны [Электронный ресурс] / В.Н. Шемякин, А.Э. Карапетов // Новости теплоснабжения. – 2007. – № 9 (85). – Режим доступа: http://www.rosteplo.ru/Tech_stat/stat_shablon.php?id=1951

Chaika L.V.

The priorities of the energy infrastructure modernization in rural areas of the Komi Republic

Larisa Viktorovna Chaika – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Senior Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation, chayka@energy.komisc.ru)

Abstract. The article presents the problems of development and modernization of energy infrastructure priorities in rural areas of the Komi Republic. For the most part of rural population the achieved level of energy supply is the necessary minimum for the needs, and it has the low parameters of the energy and economy efficiency. The main directions of the rural energy supply modernization should be: the gas supply system development, the electric grid capacity growth and the construction of the modern small energy technologies (small central heating and power plants, modular boiler plants, efficient solid fuel boilers).

Key words: Komi Republic, rural settlements, integrated energy supply, energy infrastructure, level of development, efficiency, modernization.

References

1. *Doklad Glavy Respubliki Komi Vyacheslava Gaizera Gosudarstvennomu Sovetu Respubliki Komi "Ob itogakh deyatelnosti Pravitel'stva v 2013 godu, ob osnovnykh napravleniyakh raboty na 2014 god i srednesrochnuyu perspektivu"* [The Report of Vyacheslav Gaizer, Head of the Komi Republic, to the State Council of the Komi Republic "On the Results of Performance of the Government in 2013, on the Main Directions of Work for 2014 and for the Medium Term]. Available at: <http://rkomi.ru/services/doklady/>

2. Chaika L.V. Energeticheskaya infrastruktura sel'skikh poselenii Respubliki Komi [Energy Infrastructure in Rural Settlements of the Komi Republic]. *Aktual'nye problemy, napravleniya i mekhanizmy razvitiya proizvoditel'nykh sil Severa – 2014: Materialy IV Vserossiiskogo seminara (g. Syktyvkar, 24–26 sentyabrya 2014 g.): v 2 ch.* [Topical Issues, Directions and Mechanisms of Development of Productive Forces of the North in 2014: Materials of the 4th All-Russian Seminar (Syktyvkar, September 24–26, 2014): in 2 Parts]. Syktyvkar, 2014. Part. 2. Pp. 136-144.
3. Medvedeva O.N., Frolov O.V. Sistemy avtonomnogo gazosnabzheniya [Self-Contained Gas Supply Systems]. *Novye idei novogo veka: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konf.* [New Ideas for the New Century: Materials of International Scientific Conference]. FAD TOGU, 2013. Vol. 2. Pp. 379-384.
4. Smirnov A.V. Kotloagregaty maloi moshchnosti s topkami vysokotemperaturnogo kipiyashchego sloya v kommunal'noi energetike [Boilers of Small Capacity with Furnaces with High Temperature Fluidized Bed in the Utilities Sector]. *Novosti teplosnabzheniya* [News of Heat Supply], 2009, no. 3 (103). Available at: <http://www.nts.ru>
5. Kolobov Yu.I., Chaika L.V. *Malaya energetika v sisteme energosnabzheniya Respubliki Komi* [Small Energy in the Energy Supply System of the Komi Republic]. Syktyvkar: Komi NTs UrO RAN, 2000. 140 p.
6. Berezin S.R., Bogacheva A.I. Tekhnologiya energosberezheniya na baze parovoi vintovoi mashiny [Energy-Saving Technology on the Basis of a Screw-Type Steam Engine]. *Energosovet* [Energy Council], 2010, no. 7 (12), pp. 33-38. Available at: http://www.energosovet.ru/bul_stat.php?num=12
7. *Parovaya vintovaya mashina (PVM) dlya kombinirovannoi vyrabotki teplovoi i elektricheskoi energii* [A Screw-Type Steam Engine (STSE) for Combined Generation of Heat and Electric Power]. Available at: <http://www.energosovet.ru/entech.php?id=113>
8. Shchaulov V.Yu. Ob opyte vnedreniya i ekspluatatsii gazoporshnevnykh mini-TETs [About the Experience of Implementing and Operating Gas Piston Mini-CHPs]. *Trudy konferentsii "Malye i srednie TETs. Sovremennye resheniya" (Mosk. obl., 7–9 sentyabrya 2005 g.)* [Proceedings of the Conference "Small and Medium CHPs. Modern Solutions" (Moscow Oblast, September 7–9, 2005)]. Pp. 23-36.
9. Tamarov V.V. Razvitie kogeneratsionnoi energetiki v Yaroslavskoi oblasti [Development of Cogeneration Energy in the Yaroslavl Oblast]. *Energosovet* [Energy Council], 2011, no. 4 (17), pp. 15-19. Available at: http://www.energosovet.ru/bul_stat.php?num=17
10. Ob utverzhdenii regional'noi programmy "Energosberezhenie i povyshenie energeticheskoi effektivnosti na territorii Respubliki Komi (2010–2020 gody)": Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Komi ot 30.07.2010 № 241 (red. ot 28.07.2014) [On Approval of the Regional Program "Energy Saving and Enhancement of Energy Efficiency on the Territory of the Komi Republic (2010–2020)": the Decree of the Government of the Komi Republic dated July 30, 2010 No. 241 (as Amended on July 28, 2014)]. *Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus].
11. Marinicheva O. Shchepa i pellety vmesto mazuta i uglya [Wood Chips and Pellets instead of Fuel Oil and Coal]. *Teplovaya energetika* [Thermal Power], 2013, no. 03 (06), p. 13; no. 04 (07), p. 11. Available at: <http://www.eprussia.ru/teploenergetika/>
12. Kotel'noe oborudovanie na biotoplive [Biomass Boiler Equipment]. *LesPromInform* [LesPromInform], 2008, no. 1 (50), pp. 120-127.
13. Ryabov G.A., Litun D.S. Vodogreinye kotly dlya szhiganiya drevesnykh otkhodov [Hot Water Boilers for Burning Wood Waste]. *Novosti teplosnabzheniya* [News of Heat Supply], 2002, no. 11, 12, pp. 12-14, 16-18.
14. Trepov M.V., Shestakov S.M. Ekonomika ispol'zovaniya biotopliva [The Economics of Biomass]. *LesPromInform* [LesPromInform], 2007, no. 8 (48), pp. 48-52.
15. Shemyakin V.N., Karapetov A.E. Vnedrenie tekhnologii szhiganiya v kipiyashchem sloe kak odin iz putei resheniya vnedreniya mestnykh nizkosortnykh topliv v energetiku strany [Introduction of Fluidised Bed Technology as a Way to Solve the Problem of Introducing Local Low-Grade Fuels in the Energy Sector of the Country]. *Novosti teplosnabzheniya* [News of Heat Supply], 2007, no. 9 (85). Available at: http://www.rosteplo.ru/Tech_stat/stat_shablon.php?id=1951

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

От редакции. Данная публикация входит в серию статей, посвященных 25-летию основания ИСЭРТ РАН. В ней представлены итоги проводимого в Институте долговременного исследования по проблемам формирования детского здоровья. С самого начала это исследование, инициированное директором ИСЭРТ РАН д.э.н., профессором В.А. Ильным и продолжающееся под его руководством, приобрело пионерный характер в российской социологической науке. В ходе реализации мониторинга его материалы нашли отражение в диссертационных исследованиях А.А. Шабуновой (Изучение здоровья детей: метод мониторинга (на примере Вологодской области): дис. ... к.э.н. — М., 2003; Общественное и индивидуальное здоровье в современной России: состояние и динамика: дис. ... д.э.н. — М., 2011).

DOI: 10.15838/esc/2015.2.38.7

УДК 316.42, ББК 65.524.1

© Шабунова А.А.

Двадцать лет мониторинга детского здоровья: организация, результаты, выводы

**Александра Анатольевна
ШАБУНОВА**

доктор экономических наук, доцент, заместитель директора, заведующий отделом, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, aas@vscc.ac.ru)

Аннотация. Глубокое понимание воспроизводства человеческого потенциала, представление его как непрерывного цикла, отражающего преемственность поколений, предполагает особую значимость формирования здоровья и развития детей. Нынешние дети определяют будущее российского общества. Именно они через 10–15 лет будут составлять основную часть трудового и творческого населения, демографический базис страны. Исследование проблем детства сквозь призму социально-экономического развития позволяет определить целевые ориентиры многогранной политики государства. В статье представлены результаты многолетнего медико-социологического мониторинга по проблемам формирования детского здоровья, осуществляемого с 1995 г. Институтом социально-экономического развития территорий РАН при поддержке Департамента здравоохранения Вологодской области. Специальное мониторинговое исследование динамики здоровья в режиме реального времени является уникальным не только для Вологодской области, но и для России. Оно позволяет увидеть трансформацию личности и зависимости этих изменений от непосредственно и опосредованно влияющих на нее факторов.

Особенности представляемой работы состоят в том, что она позволяет нам ответить на чрезвычайно важный и широкий круг вопросов: рождается человек здоровым или нет, если он нездоров, то почему и почему он родился нездоровым; после рождения его здоровье ухудшается или улучшается; если здоровье меняется, то под влиянием каких факторов это происходит и т.д. За 15 лет наблюдений нам удалось проследить динамику детского здоровья в условиях трансформационных процессов, происходящих в стране. Если официальная статистика только фиксирует те или иные тенденции здоровья, то результаты мониторинга позволили говорить о них на качественно новом уровне. С их помощью мы увидели глубинные причины демографических процессов. Вывод, который мы можем сделать по этой части, с одной стороны, очевиден, с другой стороны, не может быть оставлен без внимания: стабильность экономики и планомерное развитие социальной сферы являются залогом семейного благополучия и детского здоровья. Обратная ситуация ведет к разрушению института семьи, уменьшению детской популяции и снижению ее качественных характеристик. Второй вывод по результатам исследования состоит в том, что мы эмпирическим путем выявили факторы риска детского здоровья. Полученные данные используются на законодательном уровне и вызывают огромный интерес в научном сообществе. На примере конкретных семей мы показали, как отражается на здоровье ребенка образ жизни его родителей, условия воспитания, материальное благополучие, медицинская активность, рацион питания, жилищные условия, экологическая обстановка. Все эти факторы на сегодняшний день требуют пристального внимания, причем не только органов власти, но и самих родителей.

Не менее важным результатом мониторинга детского здоровья стало дальнейшее развитие научного направления и формирование новых тематических блоков исследования, таких как «Мониторинг репродуктивного здоровья и поведения населения» и «Репродуктивный потенциал региона», а впоследствии «Воспроизводство населения: тенденции и резервы».

Ключевые слова: мониторинг; здоровье детей; государственная политика; факторы здоровья; человеческий потенциал.

История исследования

Сохранение и укрепление здоровья населения как национального богатства и фактора, определяющего состояние человеческого потенциала, является важнейшей задачей общества. Демографическая и социально-экономическая ситуация в России в конце XX — начале XXI в. характеризуется пересечением двух независимых процессов: с одной стороны, демографического, характеризующегося активным старением населения, а с другой — переходом с природоориентированных к инновационным технологиям. Успех реализации этого перехода зависит от доли молодых когорт в структуре рабочей силы, способных особенно эффективно осваивать технологии.

Между тем, «поле» детства, его человеческий и социальный потенциал сжимается, как «шагреновая кожа». За последние 15 лет численность детей в возрасте 0–17 лет уменьшилась почти на 12 млн., или примерно на треть, тем самым «урезая» масштабы молодежи (18–30 лет) на следующем возрастном этапе. Нынешние дети определяют будущее российского общества. Именно они через 10–15 лет будут составлять основную часть трудового и творческого населения, демографический базис страны. Исследование проблем детства сквозь призму социально-экономического развития позволяет определить целевые ориентиры многогранной политики государства.

Именно поэтому в 80-х гг. XX века в отечественной науке появилась идея о необходимости всестороннего мониторингового изучения детского здоровья и развития. **Наталья Михайловна Римашевская**, д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки РФ, высказала идею о необходимости проведения исследования, аналогичного английскому¹. Реализовать идею удалось только в мае 1995 г. на вологодской земле. ИСЭРТ РАН совместно с Институтом социально-экономических проблем народонаселения РАН, при поддержке Правительства Вологодской области начал лонгитюдное (длительное) панельное исследование социально-экономических и медицинских факторов, влияющих на здоровье и развитие детей, продолжающееся уже в течение 20 лет.

Основная идея исследования состояла в том, чтобы показать, каким образом условия среды влияют на здоровье и развитие ребенка. Этот вопрос мы рассматривали на двух уровнях: как изменяются качественные характеристики детского поколения в

зависимости от социально-экономической ситуации в стране и регионе и как изменяется здоровье детей в условиях динамики семейного образа жизни. Семья, как известно, не может не испытывать на себе тяготы преобразований, происходящих на государственном уровне. Поэтому мы убеждены, что реальную ситуацию можно оценить только учитывая комплексную информацию: результаты углубленного мониторинга и данные официальной статистики².

Для решения этой задачи был выбран метод лонгитюдного (многолетнего) мониторинга когорт, который позволяет отразить все нюансы изменений детского здоровья в различные периоды жизни. Выборку составили все семьи, в которых родились дети в мае 1995 г. в городах Вологде, Череповце и районных центрах — городах Великом Устюге, Кириллове и поселке городского типа Вожега (позже к ним присоединились семьи когорт 1998, 2001, 2004 и 2014 г.р.). Наблюдение позволило получать в режиме реального времени объективную и достоверную информацию о здоровье и развитии детей и факторах, их определяющих.

Большую заинтересованность в этом проекте с самых первых этапов его осуществления проявил Департамент здравоохранения Вологодской области. Тесное сотрудничество ученых и управленцев в данном проекте обогатило исследование и повлияло на принятие управленческих решений.

По мере осуществления мониторинга его результаты становились все более и более значимыми, требующими более глубокой интерпретации. Оглядываясь назад,

¹ Первый этап мониторинга в Великобритании был осуществлен в период с 3 по 9 марта 1958 г. и получил название «Национальная программа изучения развития детей» (NCDS). В качестве объекта исследования NCDS были отобраны 17 тысяч детей, рожденных с 3 по 9 марта 1958 г. Главная цель этого обследования состояла в том, чтобы получить достаточно точные сведения о количестве детей, рождающихся с отклонениями от нормы или умирающих в перинатальный период. Собиралась максимально доступная информация о матери, отце каждого новорожденного, а также о нем самом и его судьбе за первую неделю жизни. Результаты первого этапа позволили выработать общенациональную стратегию борьбы за снижение младенческой смертности. Второй этап обследования (NCDS — 2) включал в себя наблюдение всех членов когорты — до достижения ими семилетнего возраста. Результаты этого этапа выявили факторы, влияющие не только на здоровье, но и на разнообразные показатели развития детей. Наблюдение за детьми на третьем этапе обследования — до достижения ими 14-летнего возраста (NCDS — 3) — позволило оценить их интеллектуальный потенциал. В 1981 г., когда участники обследования достигли 23 лет, был осуществлен четвертый этап наблюдения, который отразил возможности их профессиональной квалификации и трудоустройства.

² Римашевская Н.М. Российский генофонд: качество будущих поколений // Народонаселение. — 2000. — № 4. — С. 100.

мы можем отметить, что тот потенциал, который изначально был заложен в мониторинге детского здоровья, спустя 20 лет проявил себя в полной мере. Сегодня для нас очевидно, что данные, выявленные в ходе исследования, оказались своевременными, востребованными и новаторскими. Они открыли широкие перспективы для сохранения и укрепления человеческого потенциала.

Мы искренне ценим поддержку тех, кто 20 лет назад увидел потенциал в только-только зарождающемся исследовании, поверил в наши силы и принял участие в мониторинге. Прежде всего, мы благодарны чл.-кор. РАН д.э.н. Наталье Михайловне Римашевской и всему научному коллективу Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук (ИСЭПН РАН) за саму идею мониторинга, ее продвижение и помощь, которую мы получаем на протяжении всего периода исследования; д.э.н., профессору Елене Борисовне Бреевой, которая долгое время осуществляла научное руководство темой в ИСЭПН РАН. Выражаем признательность директору Института социально-экономического развития территорий Российской академии наук (ИСЭРТ РАН) д.э.н., проф. Владимиру Александровичу Ильину, который взялся за организацию мониторинга на территории Вологодской области и по сей день способствует его реализации. Благодарим Правительство Вологодской области, Департамент здравоохранения и лично к.м.н. Александра Андреевича Колинко и к.м.н. Елену Леонидовну Вологдину, которые на протяжении всего периода курировали исследование и способствовали использованию его результатов на законодательном уровне. И конечно, выражаем огромную призна-

тельность врачам, медсестрам, родителям, которые приняли участие в исследовании, предоставили нам возможность наблюдения за их семьями и, надеемся, сами получили немалую пользу от участия в мониторинге.

Одним из важных достижений исследования мы считаем то, что сами родители, принявшие участие в исследовании, отмечают, что стали по-новому смотреть на формирование здоровья своего ребенка. Участие в мониторинге подвигло многих на переосмысление своей роли в воспитании детей, на изменение своего образа жизни. И, как следствие, мы получили немало слов благодарности от реальных людей, отметивших улучшение здоровья своих детей, нормализацию взаимоотношений с ними, более благоприятную психологическую атмосферу в семье.

Методы сбора информации

Лонгитюдное панельное исследование демографических, социально-экономических и медицинских факторов, влияющих на здоровье детей, в Вологодской области начато в мае 1995 года³. Пятая волна мониторинга осуществлена в 2014 г. К настоящему времени в исследовании участвуют пять когорт семей (дети 1995, 1998, 2001 и 2004, 2014 годов рождения), что расширяет возможности для выявления и анализа тенденций в здоровье и развитии детей, а также факторов, обуславливающих данные процессы (*табл. 1*).

³ В исследование включены все семьи, в которых в течение двух недель (с 15 по 30 мая 1995 года) родились дети. Обследование проводилось в городах Вологде, Череповце, районных центрах Кириллово, Великом Устюге, поселке городского типа Вожега. С 2004 г. в исследовании были задействованы уже четыре когорты семей, в которых родились дети в периоды с 15 по 30 мая 1995 г., с 1 по 25 марта 1998 г., в 2002 и 2004 г. в тех же населенных пунктах. Информация снималась четыре раза в год на протяжении первого года жизни (новорожденные дети, дети в возрасте 1 месяца, 6 месяцев и одного года), далее ежегодно.

Таблица 1. Этапы проведения мониторинга

Год начала исследования	Период начала исследования	Количество обследуемых семей
1995	15 мая – 30 мая	100
1998	1 марта – 25 марта	200
2001	1 марта – 25 марта	200
2004	1 марта – 25 марта	200
2014	1 марта – 21 марта	370

Мониторинг проводится посредством заполнения специально разработанных анкет. Организация исследования предполагает использование комплексного инструментария, который включает:

1. Анкеты, характеризующие особенности семьи и домохозяйства новорожденного (заполняются родителями). В вопросе представлены следующие основные информационные блоки: социально-демографический (пол, возраст ребенка, состав семьи, возраст родителей, социальная принадлежность); уровень жизни семьи, трудовая деятельность родителей ребенка (образование, профессия, должность, условия и характер труда в период перед рождением ребенка, величина душевого дохода, оценочные характеристики доходов семьи); жилищные условия (величина жилой площади, качественные характеристики жилья и имущества); оценка экологических условий, условия и качество питания матери во время беременности, а также ребенка; вредные привычки родителей (употребление алкогольных напитков, курение); медицинские факторы: самооценка здоровья родителей (наличие противопоказаний к рождению ребенка, наличие хронических заболеваний у родителей, планирование рождения ребенка, самочувствие во время беременности); характеристика протекания беременности и родов – заполняются медицинскими работниками, согласно документации (наличие отклонений в здоровье женщины во время беременности,

медицинская активность беременной, продолжительность и характер родов, наличие дополнительных родовспомогательных мероприятий); оценка неонатологом здоровья новорожденного ребенка (вес, рост, «апгар-тест», выявленные заболевания, группа здоровья – заполняются врачами акушерами-гинекологами на основе медицинской документации).

2. Анкеты, характеризующие состояние здоровья и развитие ребенка, условия его жизни в возрасте 1 месяца, 6 месяцев, 1, 2, 3 лет и так далее (анкеты имеют две части: первая, касающаяся оценки условий жизни и развития детей, заполнялась родителями; вторая, касающаяся характеристики и оценки здоровья ребенка, – участковыми врачами-педиатрами).

3. Очень важно иметь информацию об отношении самих детей к своему здоровью, определению ими жизненных ценностей. Поэтому с 2005 г. в рамках данного проекта в опросе участвуют дети. Анкеты позволяют обобщить информацию о самооценке здоровья и развития детей, их увлечений и интересов (заполняются самими детьми, начиная с десятилетнего возраста).

Вместе с нами мониторинг условий формирования здорового поколения осуществляли заведующие педиатрическими отделениями, врачи-педиатры, медсестры, учителя и родители. Осознание целесообразности данного исследования и энтузиазм, проявленный специалистами, во многом предопределили успешный исход эксперимента.

Проведенное мониторинговое исследование здоровья детей позволяет выделить общие структурные блоки и их взаимосвязи, которые могут быть использованы на других территориях страны с учетом региональных особенностей (рисунок). Предлагаемая система осуществления мониторинга служит методологической основой исследования прямого и косвенного взаимного влияния социально-экономического развития территории на здоровье детей и потенциала здоровья детской популяции — на экономическое развитие территории в ближайшей и отдаленной перспективе.

Основные итоги мониторинга

Анализ данных мониторинга свидетельствует о снижении потенциала здоровья детей, полученного при рождении, причем ухудшение здоровья происходит поэтапно, ступенчато. Установлены основные критические периоды детства: первый год жизни (среди новорожденных доля здоро-

вых детей и детей с минимальным риском потери здоровья составляет 60–40%, к одному году она снижается до 20–15%), 6–7 лет (удельный вес детей, имеющих хронические заболевания, увеличивается в среднем на 5–6%), что связано с наиболее ответственными моментами социальной адаптации. К 12 годам, в силу физиологических особенностей, укрепляется иммунная система детей, сокращается удельный вес часто болеющих простудными заболеваниями. Однако увеличивается заболеваемость опорно-двигательного аппарата, желудочно-кишечного тракта, снижается острота зрения, т.е. растет число хронических патологий. Особенно тревожным на этом фоне выглядит ослабление внимания медицинского персонала к категории детей, имеющих вторую группу здоровья. Часты случаи отнесения их к группе здоровых только на основании редкой обращаемости в медицинские учреждения.

Новый этап исследования в 2014 г. показал, что почти 15% новорожденных имели хорошее здоровье (отнесены к 1 группе здоровья), что на 5–10 п.п. выше, чем в предыдущие годы исследования. При этом сократился и удельный вес детей, имеющих функциональные и некоторые морфологические отклонения (группа 2Б, на 6 п.п. по сравнению с 2004 г.). Данные процессы связаны, с одной стороны, с улучшением социально-экономического положения населения, с другой стороны, с мероприятиями демографической политики, проводимыми в стране и регионе.

Гендерный анализ здоровья детей свидетельствует о том, что здоровье девочек лучше, чем здоровье мальчиков. В каждой из обследуемых когорт удельный вес девочек, имеющих 1 группу здоровья, больше, чем мальчиков, в течение всего наблюдаемого периода. В то же время доля мальчиков, имеющих хронические заболевания, выше соответствующей доли среди девочек.

Ярко заметны территориальные различия: здоровье детей в городах Череповце и Вологде по оценкам врачей хуже, чем в районах. Удельный вес детей с хроническими заболеваниями в городах больше в 2–4 раза, чем в районах. Но это может быть обусловлено не только лучшим здоровьем детей в сельской местности, но и меньшей выявляемостью заболеваний, чем в крупных городах. В сельской местности имеет место недоукомплектованность педиатрическими кадрами. Это приводит к более низкому качеству медицинских осмотров: отсутствие полного состава врачей-специалистов влечет за собой позднюю и неполную выявляемость хронических заболеваний у детей.

Проведенный анализ позволил выявить факторы, оказывающие статистически существенное влияние на здоровье детей. Установлено, что в различные возрастные

периоды их воздействие не одинаково. В раннем детстве наиболее значительное влияние на здоровье детей оказывают медико-биологические факторы и образ жизни матери:

– *Плохое здоровье родителей.* Так матери здоровых детей в 65% случаев имели хорошее и отличное здоровье, а у больных детей – только 51%; у больных детей матери имели лишь удовлетворительное здоровье (43%) чаще, чем у здоровых (35%).

– *Низкий уровень гемоглобина у женщин в период беременности.* У матерей, страдавших анемией во время беременности, всего 29% детей родились здоровыми, за год удельный вес детей с первой группой здоровья снизился до 8%, к 2 годам – до 7%, к 3 годам составил чуть больше 1%. В то же время среди заболеваний, предшествовавших беременности или возникших во время ее протекания, с 1995 по 2007 г. основную долю составляли анемии – 35%.

– *Курение матери* увеличивает риск рождения маловесных детей с ослабленным здоровьем; у курящих женщин удельный вес детей, родившихся с нормальным весом, составил всего 3–14%. По данным мониторинга, 27% женщин курили до беременности, во время беременности – 12%.

– *Условия труда будущей матери, не соответствующие санитарным нормам.* В когорте 1995 г. матери больных детей значительно чаще работали в условиях запыленности (12,5% против 8,8% у здоровых), повышенной температуры (12,5% против 2,9%), психического напряжения (37,5% против 29,4%), ночного времени (12,5% против 1,5%). Данный фактор широко распространен.

– *Характер вскармливания детей* влияет на их здоровье не только в раннем детстве, но и в последующие периоды. По данным мониторинга, дети, находившиеся на грудном вскармливании до 6 месяцев, в

2 раза реже болели по сравнению с детьми при искусственном питании. Однако распространенность грудного вскармливания в России невелика: в 2008 г. лишь 41% младенцев имели грудное молоко до 6 месяцев и 39% – до 1 года.

При формировании здоровья детей в дошкольном и школьном возрасте значимыми становятся несколько иные факторы. Увеличивается удельный вес рисков среды обитания, образа и уровня жизни семьи, снижается воздействие медико-биологических факторов. Наиболее существенное влияние оказывают следующие:

– *Ослабленное здоровье детей в первый год жизни* усиливает риск формирования хронических заболеваний в старшем возрасте. У детей, не болевших на втором году жизни, к пяти годам не было хронических заболеваний, в то время как среди детей, часто болевших в 2 года, к 5 годам 10% имели хронические заболевания, к восьми годам – 30%.

– *Низкие доходы семей* лимитируют возможность организации полноценного питания детей, а также вложения средств в профилактику и укрепление их здоровья. Данные обследования доказывают, что при недостаточном, несбалансированном питании дети чаще болеют, а финансовые ограничения затрудняют приобретение необходимых лекарственных препаратов. Факторы риска, ведущие к ухудшению здоровья детей, сконцентрированы в семьях с низкими доходами. Несмотря на то, что в период с 2000 по 2008 г. отмечался рост заработной платы, около 20% детей в возрасте до 16 лет в России проживают в условиях бедности.

– *Неблагоприятные жилищные условия*, дискомфорт микроклимата жилища (теснота, некомфортная температура, влажность, запыленность) приводят к сниже-

нию общей сопротивляемости организма воздействиям внешней среды, снижению иммунитета, что, в свою очередь, является предпосылкой возникновения частых респираторных и аллергических заболеваний. Более половины семей в исследовании оценили свои жилищные условия как удовлетворительные, однако 13–18% респондентов указывали, что проживают в плохих либо требующих капитального ремонта домах и квартирах. Оценка жилищных условий за период с 1995 по 2008 г. существенно не изменилась.

– *Неудовлетворительные экологические условия в районе проживания*. Так, в когорте 1998 г. хорошее здоровье имели 33% детей, проживающих в благоприятных экологических условиях, и 17% – в плохих. В среднем 28% детей (по оценке родителей) проживают в условиях плохих или очень плохих. Оценка экологических условий за период с 1995 по 2008 г. существенно не менялась.

– *Низкий уровень социально-гигиенической грамотности и здоровьесберегающей активности родителей*. Анализ данных мониторинга позволил сделать следующие выводы: а) активность родителей, направленная на сохранение здоровья детей по мере их взросления падает; б) родители часто неадекватно оценивают здоровье детей, не видят необходимости в организации диетпитания, консультаций у врачей-специалистов, что могло бы предотвратить развитие хронических заболеваний. По мнению медиков, диетпитание требуется 18–23% детей, родители же считают необходимым его соблюдение лишь в 2–5% семей.

Распространенность вышеперечисленных факторов риска довольно высока. Лишь 6% семей благополучны в этом отношении, в остальных эти факторы присутствуют в различных сочетаниях.

Таблица 2. Распространенность факторов риска в популяции

Факторы	Распространенность в популяции
<i>Неудовлетворительное здоровье матери</i>	В 2014 г. в Вологодской области 8% женщин в репродуктивном возрасте оценивают свое здоровье как плохое и очень плохое; 43% – как удовлетворительное (по данным мониторинга*)
<i>Низкий уровень гемоглобина у женщин в период беременности</i>	Анемии составляют 33% заболеваемости беременных женщин
<i>Курение матери</i>	Распространенность курения среди беременных женщин значительно возросла (с 3% в 1995 году до 10 в когорте 2014 г.). В Вологодской области в репродуктивном возрасте курит 29% женщин. Их доля увеличивается (см. там же)
<i>Условия труда будущей матери, не соответствующие санитарным нормам.</i>	В Вологодской области в 2006 г. 26% женщин трудились в не отвечающих санитарным нормам условиях, в то время как в 2000 г. этот показатель не превышал 7% (по данным Вологдастата).
<i>Низкие доходы семей</i>	Около 20% детей в возрасте до 16 лет в России проживают в условиях бедности. Выявлено и некоторое улучшение в данный период субъективных оценок покупательной способности семей, участвующих в мониторинге. Отмечено увеличение доли респондентов, которым денег хватает на все текущие расходы, с 27 до 38 % соответственно. Число семей, считающих, что денег им хватает только на ежедневные расходы, но покупка одежды и других вещей представляет трудности, уменьшилось соответственно с 53 до 37.
<i>Неблагоприятные жилищные условия</i>	13–18% семей, участвующих в мониторинге проживают в плохих либо требующих капитального ремонта домах и квартирах
<i>Неудовлетворительные экологические условия в районе проживания</i>	28% детей (по оценке родителей) проживают в плохих или очень плохих экологических условиях
* Мониторинг общественного здоровья проводится ИСЭРТ РАН ежегодно с 1999 г. Опросы проходят в городах Вологде и Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Объем выборки составляет 1500 человек.	

Более чем в трети семей отмечаются 2 каких-либо фактора риска, примерно в 20% семей – сочетаются три. Наибольшая доля здоровых детей выявлена в семьях, где негативные воздействия отсутствуют или минимальны (около 30%). Наиболее велика доля детей, имеющих хронические заболевания, в семьях, сочетающих четыре (25%) и пять (33%) факторов риска. При этом факторы риска сконцентрированы в семьях с низкими доходами.

Опираясь на данные мониторинга детского здоровья и других социологических исследований, мы оценили распространенность выявленных факторов риска в популяции (табл. 2).

Полученные данные свидетельствуют о формировании определенной закономер-

ности: широкая распространенность факторов риска в популяции ведет к ухудшению здоровья детей, а это, в свою очередь, определяет низкий уровень здоровья молодежи и в конечном счете отражается на здоровье взрослых. Плохое здоровье родителей становится причиной нездоровья детей. Формируется так называемая «социальная воронка»⁴, куда все активнее втягиваются молодые когорты: проблемы здоровья перемещаются из групп населения старшего возраста в группы детей и молодежи.

⁴ Римашевская Н.М. Социально-экономические и демографические проблемы современной России // Вестник Российской академии наук. – 2004. – Т. 74. – № 3. – С. 209-218.

Выводы

Вышеизложенное не дает основания для предположения о возможности существенного улучшения здоровья детей в России в ближайшей перспективе и диктует необходимость самых активных действий по сохранению и укреплению здоровья детей и подростков, которое является основой формирования репродуктивного и трудового потенциала и в целом человеческого капитала, — как со стороны государства, так и на уровне каждой семьи.

В Российской Федерации в последнее десятилетие предпринимаются определенные усилия, направленные на поддержание и укрепление здоровья населения, в том числе и детского (Национальный проект «Здоровье»; региональные целевые программы; Программа модернизации здравоохранения). Тем не менее анализ причин снижения здоровья детей и основных факторов риска показал, что существующие меры не являются достаточными. Необходимы продолжение и совершенствование имеющихся мероприятий и разработка новых.

Основными направлениями профилактической работы нам представляются:

1. Повышение ответственности бизнеса за соблюдение санитарных норм в организациях и на предприятиях; совершенствование законодательной базы в отношении улучшения условий труда, особенно для беременных женщин.

2. Повышение уровня жизни населения в целом, и в первую очередь семей, воспитывающих детей. Существующая в настоящее время государственная поддержка недостаточна. Важно увеличить пособие по уходу за ребенком до уровня среднемесячной заработной платы матери. Пособие может выплачиваться на паритет-

ных началах государством и предприятием (по месту работы матери либо отца).

3. Расширение возможностей молодых семей в приобретении жилья и улучшении жилищных условий. Через совершенствование механизмов ипотечного кредитования (современный механизм мало пригоден для большинства молодых семей, воспитывающих малолетних детей). Вовлечение бизнеса в строительство ведомственного, служебного жилья, возможно, на долевых условиях с последующим его выкупом работниками.

4. Снижение распространенности курения среди населения. Усиление контроля за выполнением законодательных актов, регулирующих табакокурение. Создание «свободных от табака зон» на территориях муниципальных образований, развитие волонтерского движения в подростковой среде. Формирование разъяснительных видеоматериалов о влиянии никотина на здоровье матери и ребенка и демонстрация их в женских консультациях, центрах планирования семьи, при беседах с подростками.

5. Ужесточение государственного контроля за соблюдением экологических норм деятельности предприятий. Снижение транспортной загруженности магистралей в крупных городах. Широкое распространение бытовых приборов, смягчающих воздействие агрессивной среды обитания: воздухоочистителей, водоочистителей.

Отдельные меры, принимаемые в рамках государственных программ и проектов, не системны и не дают должного результата. Для сохранения и улучшения здоровья россиян необходима разработка Национальной стратегии сохранения здоровья населения, предполагающей системный проблемно-ориентированный подход к решению данной задачи.

* * *

Не менее важным результатом мониторинга детского здоровья стало дальнейшее развитие научного направления. В 2004 г. по инициативе и при поддержке Департамента здравоохранения Вологодской области, было начато исследование *репродуктивного здоровья населения*, в основе которого лежал мониторинг условий формирования здоровья детей. Мониторинг выявил, что здоровье родителей, в частности репродуктивное, имеет значимое влияние на здоровье детей и своевременная диагностика и коррекция его состояния, а также профилактика позволят сократить потери потенциала общественного здоровья. Итоги данного этапа изложены в монографии «Репродуктивный потенциал населения региона: состояние, тенденции, перспективы» и диссертации *М.А. Ласточкиной*, основным научным результатом которых стала систематизация и обобщение накопленных данных мониторинга здоровья детей и построение эконометрической модели репродуктивного потенциала населения региона.

В 2005 г. был проведен массовый опрос населения с целью дополнения полученных данных и начато изучение репродуктивного поведения населения в гендерном разрезе.

В 2006–2014 гг. мониторинг репродуктивного здоровья и поведения *населения* продолжился. Его результаты позволили выявить факторы репродуктивного выбора и предложить организационный механизм регулирования репродуктивного поведения для формирования «новых» социальных норм детности и создания условий более полной реализации репродуктивных планов населения. В 2013 г. на базе данного мониторинга подготовлена и защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук *О.Н. Калачиковой*.

В период 2010–2015 гг. под руководством д.э.н. А.А. Шабуневой создана научная школа «Проблемы социально-демографического развития территорий», развитие которой способствовало усилению исследований общественного здоровья и демографической направленности проблематики.

Литература

1. Nowwtare – 50 / Key findings from the Elliott and Romesh Vaitilingam. – 2008. – URL: <http://www.cls.ioe.ac.uk/studies.asp?section=0001000200030003>
2. Влияние родителей на отношение подростков к курению (родительский фактор). – 2002. – URL: <http://www.youth-non-smoking.ru/Programs/Program4/ParentsStudy/#2>
3. Государственный доклад о состоянии здоровья населения и деятельности здравоохранения Вологодской области в 2007 году / под ред. к.м.н. А.А. Колинко. – Вологда: ДЗО, 2008. – 158 с.
4. Демографический ежегодник России 2009: стат. сб. / Росстат. – М., 2009. – 525 с.
5. Доходы, расходы и потребление в домашних хозяйствах Вологодской области в 1997–2008 гг. (по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств): стат. бюллетень / Вологдастат. – Вологда, 1998–2010.
6. Журавлёва, И.В. Здоровье подростков и окружающий мир / И.В. Журавлева. – М.: ИС РАН, 1997.
7. Кислицина, О.А. Жилищные условия и здоровье / О.А. Кислицина // Общественное здоровье и профилактика заболеваний: научно-практический журнал. – 2006. – № 6. – С. 39-45.
8. Мировая статистика здравоохранения. 2009 год. – Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2009. – 150 с.
9. Римашевская, Н.М. Российский генофонд: качество будущих поколений / Н.М. Римашевская // Народонаселение. – 2000. – № 4. – С. 100.
10. Римашевская, Н.М. Социально-экономические и демографические проблемы современной России / Н.М. Римашевская // Вестник Российской академии наук. – 2004. – Т. 74. – № 3. – С. 209-218.

11. Репродуктивный потенциал населения региона: состояние, тенденции, перспективы / коллектив авторов под руководством д.э.н., профессора В.А. Ильина. — Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2005. — 208 с.
12. Статистический ежегодник Вологодской области: стат. сб. / Вологдастат. — Вологда, 2010–2013.
13. Статистический ежегодник Российской Федерации / Росстат. — М., 2009–2013.

Shabunova A.A.

Twenty years of children's health monitoring: organization, results, conclusions

Aleksandra Anatol'evna Shabunova – Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director, Head of the Department of Living Standard and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of SocioEconomic Development of Territories of Russian Academy of Science. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: aas@vscc.ac.ru. Phone: 8(8172) 59-78-20.

Abstract. Deep understanding of human potential reproduction, presenting it as a continuous cycle and reflecting the continuity of generations, is significant for the formation of health and development of children. Today's children will determine the future of Russian society. It is they who in 10–15 years will be a major part of the labor and creative population, a demographic base of the country. The research into children's problems through the prism of socio-economic development helps identify targets of the state many-sided policy. The article presents results of the long-term medical sociological monitoring on the formation of child health carried out by the Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS with the support of the Vologda Oblast Healthcare Department since 1995. The special monitoring study of health dynamics in real time is unique not only for the Vologda Oblast, but for Russia as well. It reveals the transformation of a personality and the dependence of these changes on direct and indirect factors. The work's feature is that it addresses an extremely important and wide range of issues: whether man was born healthy or not, if he/she is unhealthy, then why and why he/she was born unhealthy; whether his/her health after the birth is improving or deteriorating; if health is changing, what causes the changes. The 15 year observations disclose the dynamics of child health in the conditions of transformation processes taking place in the country. If the official statistics only records certain health trends, the monitoring results allow us to talk about them at a qualitatively new level. They reveal the underlying causes of demographic processes. The conclusion is, on the one hand, obvious and, on the other hand, it can not be neglected: economic stability and orderly development of the social sphere are critical for family well-being and child health. The reverse situation leads to the destruction of the family institution, the decrease in child population and the reduction in its quality characteristics. The second conclusion, according to the study results, is that we identify risk factors for child health empirically. The obtained data are used at the legislative level and are of great interest in the scientific community. On the example of certain families we show how the child's health is affected by a lifestyle of his/her parents, conditions of education, welfare, medical activity, diet, housing conditions, environmental conditions. Nowadays all of these factors require careful attention of not only authorities, but also the parents.

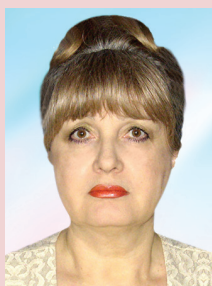
The child's health monitoring also results in the further development of scientific areas and the formation of new thematic research units, such as the "Monitoring of reproductive health and behavior of the population" and the "Reproductive potential of the region" and later the "Reproduction of the population: trends and reserves".

Key words: monitoring; children's health; public policy; health factors; human potential.

References

1. Elliott J., Vaitilingam R., Elliott J. *Now We Are 50: Key Findings from the National Child Development Study*. 2008. Available at: <http://www.cls.ioe.ac.uk/studies.asp?section=0001000200030003>
2. *Vliyanie roditeli na otmoshenie podrostkov k kureniyu (roditel'skii faktor)* [The Influence of Parents on Adolescent Attitudes to Smoking (Parental Factor)]. 2002. Available at: <http://www.youth-non-smoking.ru/Programs/Program4/ParentsStudy/#2>
3. *Gosudarstvennyi doklad o sostoyanii zdorov'ya naseleniya i deyatelnosti zdravookhraneniya Vologodskoi oblasti v 2007 godu* [Governmental Report on the State of Population's Health and Health Activities of the Vologda Oblast in 2007]. Under editorship of Ph.D. in Medicine A.A. Kolin'ko. Vologda: DZO, 2008. 158 p.
4. Demograficheskii ezhegodnik Rossii 2009: stat. sb. [Demographic Yearbook of Russia 2009: Statistics Digest]. *Rosstat* [Federal State Statistics Service of the Russian Federation], Moscow, 2009. 525 p.
5. Dokhody, raskhody i potreblenie v domashnikh khozyaistvakh Vologodskoi oblasti v 1997–2008 gg. (po materialam vyborochnogo obsledovaniya byudzhetrov domashnikh khozyaistv): stat. byulleten' [Revenues, Expenditures and Consumption of Households in the Vologda Oblast in 1997–2008 (Based on the Sample Survey of Households' Budgets): Statistics Newsletter]. *Vologdastat* [Territorial Body of the Federal State Statistics Service in the Vologda Oblast], Vologda, 1998–2010.
6. Zhuravleva I.V. *Zdorov'e podrostkov i okruzhayushchii mir* [Health of Adolescents and Surrounding World]. Moscow: IS RAN, 1997.
7. Kislitsina O.A. Zhilishchnye usloviya i zdorov'e [Housing Conditions and Health]. *Obshchestvennoe zdorov'e i profilaktika zabolevanii* [Public Health and Disease Prevention], 2006, no. 6, pp. 39-45.
8. *Mirovaya statistika zdravookhraneniya. 2009 god* [World Health Statistics. 2009]. Geneva: Vsemirnaya organizatsiya zdravookhraneniya, 2009. 150 p.
9. Rimashevskaya N.M. Rossiiskii genofond: kachestvo budushchikh pokolenii [The Russian Gene Pool: the Quality of Future Generations]. *Narodonaselenie* [Population], 2000, no. 4, p. 100.
10. Rimashevskaya N.M. Sotsial'no-ekonomicheskie i demograficheskie problemy sovremennoi Rossii [Socio-Economic and Demographic Problems of Modern Russia]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2004, vol. 74, no. 3, pp. 209-218.
11. *Reproduktivnyi potentsial naseleniya regiona: sostoyanie, tendentsii, perspektivy* [Reproductive Potential of the Population of the Region: State, Trends and Prospects]. Team of authors under the supervision of Doctor of Economics, Professor V.A. Ilyin. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2005. 208 p.
12. Statisticheskii ezhegodnik Vologodskoi oblasti: stat. sb. [Statistical Yearbook of the Vologda Oblast]. *Vologdastat* [Territorial Body of the Federal State Statistics Service in the Vologda Oblast], Vologda, 2010–2013.
13. Statisticheskii ezhegodnik Rossiiskoi Federatsii [Statistical Yearbook of the Vologda Oblast]. *Rosstat* [Federal State Statistics Service of the Russian Federation], Moscow, 2009–2013.

Возвышение потребностей: противоречивая трансформация

**Ирина Святославовна
ВАЖЕНИНА**

доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт
экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014,
г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, isvazhenina@mail.ru)

Аннотация. Феномен возвышения потребностей исследован в механизме диалектического развития производства и потребления и представлен как совокупность взаимосвязанных аспектов. Это рост количества потребностей и объема потребления; распространение потребностей в более широком кругу потребителей; качественные изменения потребностей; усложнение способа потребления; изменение формы потребления; развитие интеллектуальных и социальных потребностей. Показано, что в процессе возвышения потребностей происходит усложнение способа потребления, что приводит к формированию потребностей в услугах, а затем и к возникновению общественной формы потребления и сферы услуг. Определены особенности и последствия возвышения потребностей на современном этапе: широкое развитие потребностей, не являющихся жизненно необходимыми, появление качественно-количественного сверхпотребления, демонстративного потребления и погони за брендами; существование потребностей, имеющих асоциальный оттенок, превращающих возвышение потребностей в его противоположность; превышение потребительского спроса над доходами, активизирующего «жизнь в кредит» индивидов и целых стран; безудержный рост потребностей, потребления и соответственно производства, влекущие за собой беспрецедентное загрязнение окружающей среды; гедонистическая направленность потребления, нарушение диалектической связки потребности-способности, кризис культуры и нравственности; формирование полипотребностей, объединяющих в себе несколько составляющих (материальных и нематериальных); ускоренное развитие потребностей в общении, развлечениях и играх. Типологизированы потребности в развлечениях. С привлечением большого статистического материала рассмотрен рост потребностей в развлечениях и играх.

Ключевые слова: потребности, закон возвышения потребностей, потребление, способ потребления, потребности в развлечениях.

Современное общество кардинально изменило обобщенный «портрет» человеческих потребностей, их характеристики, сам процесс потребления, его результаты и последствия¹. Наряду с определенными позитивными моментами возникли и существенные негативные проявления, связанные с процессами формирования потребностей и непосредственно самого потребления, которые настоятельно требуют научного анализа с целью их учета, а при необходимости – выработки рецептов их нивелирования. В данной статье проводится анализ процесса возвышения потребностей, в частности, речь будет идти о трансформациях личных потребностей и особенностях их удовлетворения на современном этапе.

Возвышение потребностей

Исторически потребность в самом общем виде принято определять как необходимость, нужду в чем-нибудь, без удовлетворения которой невозможно обойтись [20]. Один из наиболее видных представителей европейской маркетинговой школы Ж.-Ж. Ламбен указывал, что «потребность есть необходимость, вызываемая природой или общественной жизнью» [7, с. 118]. Однако сегодня приведенные выше определения уже не отражают в полной мере сущность потребностей, более того, существуют целые «индустрии», деятельность которых направлена на реализацию потребностей, без удовлетворения которых не только можно, но и объективно показано обходиться.

¹ Тем не менее, производство по-прежнему имеет своей целью удовлетворение потребностей людей, которое происходит в процессе потребления произведенных благ. Как и раньше, производство и потребление существуют в диалектическом единстве: с одной стороны, потребление опосредуется производством, с другой – производство без потребления становится бессмысленным. В постоянно воспроизводящихся актах производства и потребления и происходит удовлетворение и развитие потребностей.

Более того, нерешенные проблемы общественных и личных потребностей, сформировавшиеся «тупики» потребления вложили свой вклад в формирование современной кризисной ситуации в мировой экономике. Поэтому, как нам думается, требуется переосмысление теории потребностей и потребления с учетом этого аспекта на основе имеющихся научных работ. В связи с этим очень актуальными становятся уже основательно подзабытые результаты анализа К. Марксом проблем диалектики потребностей и потребления, его классификация личных потребностей, которая, по сути, легла в основу всех последующих классификаций.

К. Маркс в I томе «Капитала» разделил личные потребности *по общественно-функциональному признаку* на физические, интеллектуальные и социальные. При этом, характеризуя диалектику развития потребностей, он указывал: «Во-первых, требуется количественное расширение существующего потребления; во-вторых, – создание новых потребностей путем распространения уже существующих потребностей в более широком кругу; в-третьих, – производство новых потребностей, открытие и создание новых потребительных стоимостей» [11, с. 385].

В. Ленин алгоритм развития потребностей, сформулированный К. Марксом, назвал «законом возвышения потребностей» [8, с. 101]. Возвышение потребностей осуществляется в процессе диалектического взаимодействия производства, потребления и самих потребностей. В ходе реализации потребностей происходит их развитие, «...сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям, и это порождение новых потребностей является первым историческим актом», – писал К. Маркс [13, с. 27].

Источником развития потребностей является диалектическое противоречие между производством и потребностями, которое разрешается и вновь воспроизводится с каждым новым шагом в развитии условий жизни общества.

Возвышение потребностей реализуется в процессе диалектического развития производства и потребления и, по нашему мнению, содержит ряд взаимосвязанных аспектов. А именно (рисунок):

- рост количества потребностей и объема потребления;
- распространение потребностей в более широком кругу потребителей;
- качественные изменения потребностей;
- усложнение способа потребления;
- изменение формы потребления;
- развитие интеллектуальных и социальных потребностей.

Упрощенное понимание возвышения потребностей зачастую формулируется как

рост количества потребностей, увеличение объема потребления, а также распространение потребностей в более широком кругу потребителей. Данные моменты являются очевидными, лежащими на поверхности. Это даже нашло курьезное подтверждение в художественном творчестве: американские ученые исследовали 52 художественных полотна, созданных за последнее тысячелетие, на предмет изменения размеров посуды и объемов еды. Выяснилось, что габариты тарелок увеличились на 66%, порции еды – на 69%, а куски хлеба – на 23% [14].

Диалектика способа и формы потребления в механизме возвышения потребностей

Ключевым моментом в действии экономического закона возвышения потребностей, на наш взгляд, являются изменения способа и формы потребления, которые влекут за собой кардинальные сдвиги в разделении общественного труда и распределении его по различным сферам.

Это особенно четко видно, когда речь идет, например, о возникновении и развитии услуг материального характера, которые «вырастают» из потребностей в материальных благах.

Способ потребления включает в себя предметы потребления (то, что потребляется) и средства потребления, включая орудия потребления (с помощью чего потребляется). Кроме того, способ потребления всегда отражает специфику подготовки к потреблению, сам характер удовлетворения потребностей, социальные и национальные особенности, традиции и т.д. Способ потребления зависит от того уровня, которого достигло производство, является отражением степени совершенства производительных сил и особенностей общественных отношений, а также неразрывно связан с изменением потребностей.

Материальные блага поступают в сферу потребления в различной степени готовности к непосредственному их использованию человеком для удовлетворения своих потребностей. Чем менее предмет готов к потреблению, тем больше необходимо затрат труда, времени, материальных и денежных средств для доведения его до готовности уже не в сфере производства, а в сфере потребления. Примерами такой деятельности могут быть приготовление пищи, изготовление и ремонт одежды, обуви или предметов культурно-бытового назначения собственными силами в домашних условиях.

Чем более развито общественное производство, тем более развиты потребности людей, тем сложнее способ их удовлетворения и путь от непосредственного производства до непосредственного потребления. Исторически на этом пути у потребителя возникают *потребности в услугах*, поскольку, во-первых, на каком-то этапе собственных умений и навыков уже недо-

статочно, а, во-вторых, требуются дополнительные условия и средства (например, оборудование) для доведения предметов потребления до готовности.

Если первоначально производство в сфере потребления осуществлялось в порядке самообслуживания или обслуживания с помощью членов семьи, то позднее появляется категория лиц, превращающихся в результате разделения труда в обслуживающий персонал. Позднее возникает категория профессионалов, целью деятельности которых становится оказание потребительских услуг. Таким образом, *возникновение потребностей в услугах и возможностей их удовлетворения ознаменовало изменение самого способа потребления.*

На способ потребления активно влияют *средства потребления* (материальные и нематериальные). Однако материальные средства (здания, сооружения, инструменты, приспособления, машины, механизмы и т.д.), используемые в процессе подготовки к потреблению и в ходе самого потребления, а также материальные условия, делающие потребление возможным, изменяют не только способ потребления, но могут вызывать трансформацию и самой удовлетворяемой потребности. По этому поводу К. Маркс писал: «Голод есть голод, однако голод, который утоляется вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки, это иной голод, чем тот, при котором проглатывают сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов» [9, с. 718].

В условиях индивидуально организованного удовлетворения личных потребностей коренным образом изменить способ потребления невозможно. Здесь вступает в действие необходимость «концентрации» процесса потребления, его превращение в общественно организованное потребление. При этом суть процесса не меняется: потребление остается

индивидуальным, оно направлено на поддержание физического существования человека, воспроизводство рабочей силы. Однако форма этого процесса претерпевает существенные изменения. Взамен индивидуальной формы удовлетворения потребностей появляется общественная форма потребления.

Применив этот подход к анализу, например, потребностей в пище, мы увидим, что со временем появляются потребности в услугах по приготовлению пищи, а затем и особая отрасль сферы услуг – общественное питание. Это происходит вследствие того, что усложнение и удорожание средств потребления, появление специальных машин и оборудования, требующих особых профессиональных навыков для работы на них, повышение требований к качеству пищи приводят к усложнению способа потребления и делают неизбежным возникновение общественной формы потребления, которая и реализуется в общественном питании.

На определенном этапе исторического развития в результате возвышения потребностей также возникают потребности в интеллектуальных и социальных услугах. Это услуги образования, культуры, искусства и т.д. Этот вид потребностей имеет двойственные характеристики.

С одной стороны, они вторичны по отношению к потребностям в материальных благах. «...Люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т.д.» [23, с. 350].

С другой стороны, эти потребности становятся относительно независимыми, когда достигнут «общественно нормальный» уровень удовлетворения жизненно важных потребностей. Чем полнее удовлетворяются насущные потребности в

материальных благах и услугах, тем больше возможностей для развития духовных потребностей, удовлетворяемых, в том числе, и посредством интеллектуальных и социальных услуг.

Тем не менее, алгоритм формирования и удовлетворения потребностей в интеллектуальных и социальных услугах таков же, как и в случае с потребительскими услугами. На определенном этапе для удовлетворения своих потребностей человек начинает прибегать к услугам других лиц. Дальнейшее развитие общественного разделения труда приводит к превращению обслуживания в особый вид деятельности и формирует сферу услуг, которая на современном этапе развивается опережающими темпами.

Таким образом, следует признать, что *ускоренное развитие сферы услуг является закономерностью процесса возвышения потребностей* [3].

Особенности проявления закона возвышения потребностей на современном этапе

На каждом этапе исторического развития закон возвышения потребностей реализовался по-разному. В настоящее время он характеризуется рядом особенностей. К сожалению, большинство из них носят негативный характер:

1. Широко развиваются потребности, которые не являются объективно необходимыми для поддержания жизнедеятельности и развития людей. Причем со временем таких потребностей становится все больше. Например, мода приводит к массовому развитию потребностей, которые далеко превышают уровень, необходимый для удовлетворения банальной нужды в одежде и обуви. С позиции удовлетворения исходной физической потребности в одежде и обуви в этом случае можно говорить о развитии своего рода «*качественно-количественного сверхпотребления*», которое

постепенно превращается в норму жизни и активно стимулируется производителями. Можно также говорить о развитии так называемого демонстративного потребления и погони за брендами [1].

2. Существуют потребности, имеющие асоциальный оттенок, не только не способствующие, а, напротив, препятствующие развитию человека, подрывающие его здоровье. К ним относятся, например, потребности в табаке, алкоголе, наркотиках. В этом случае возвышение потребностей переходит в свою противоположность.

3. Тяга к сверхпотреблению, превышение потребительского спроса над доходами стимулируют активизацию «жизни в кредит». Это относится как к целым странам, так и к отдельным потребителям. Сегодня закредитованность как отдельных потребителей, так и целых стран выступает реальной экономической угрозой [2]. Так, например, россияне сейчас тратят на покрытие кредитов 21% доходов — в 2–7 раз больше, чем в развитых странах [21].

4. Современное безудержное потребление и производство, которые наращиваются любой ценой, наносят огромный вред экосистеме планеты, становятся реальной угрозой самому существованию человечества. По мнению экспертов, возможности окружающей среды справляться с негативными последствиями деятельности человека превышены уже на 25–30%. 60 процентов всех экосистем сегодня используются чрезмерно [16, с. 28]. Рост производства и потребления непосредственным своим результатом имеет колоссальный объем отходов, который постоянно увеличивается. В 2009 году в России их образовалось 3505 млн. тонн (в 2000 году — 3036 млн. тонн) [17].

5. Сегодняшнее общество потребителей можно охарактеризовать как преимущественно гедонистическое, которое ори-

ентировано на максимизацию комфорта и удовольствий, что предполагает удовлетворение потребностей достаточно примитивного характера, т.е. не способствующих совершенствованию самого человека. Такая ориентация, по мнению ряда исследователей, свидетельствует о кризисе культуры и нравственности и проявляется в массовой погоне за удовольствиями без учета разумных пределов, социальных, экологических и других последствий. При этом нарушается диалектическая связка потребности-способности, в процессе реализации которой вместе с удовлетворением и совершенствованием рациональных потребностей индивида развиваются его способности.

6. Изменение способа потребления в настоящее время также находит свое воплощение в формировании *полипотребностей*, объединяющих в себе несколько составляющих (материальных и нематериальных). При этом может существовать основополагающая потребность, а вокруг нее формируется комплекс дополнительных потребностей, которые делают более эффективным, комфортным или приятным процесс удовлетворения основной потребности. Например, человек идет в торгово-развлекательный центр за конкретной покупкой, при этом он сочетает шопинг с отдыхом в кафе или ресторане, с посещением кинотеатра, детского мероприятия в этом же ТРЦ². Или поход в ресторан, который происходит не только ради вкусной еды, но и для удовлетворения

² Сегодня посещения ТРЦ стали своеобразным развлечением. Так, согласно результатам исследования Фонда «Общественное мнение» 21% москвичей ходят в торговые центры без определенной цели, просто чтобы скоротать свободное время. В торговых центрах жители столицы проводят досуг по-разному: 39% встречаются с друзьями, 52% ходят в кинотеатры, 56% посещают кафе, рестораны и бары, 65% покупают непродовольственные товары (одежду, обувь, бытовую технику), 47% покупают еду [22].

социальных и эмоциональных запросов. При этом важную роль играет благоприятное впечатление от оформления интерьера, комфортности обстановки, вежливости и профессионализма обслуживающего персонала, качественной концертной программы и т.д.

7. Ускоренными темпами развиваются потребности в общении, развлечениях и играх, в том числе тех, реализация которых осуществляется с использованием Интернета.

Что наша жизнь? – Игра! ...Общение и другие развлечения!

Потребности в развлечениях генетически заложены в природе человека. Еще древнегреческий сатирик Ювенал (1–2 вв.), описывая современные ему устремления римлян, писал: «Этот народ уж давно... все заботы забыл, и Рим... о двух лишь вещах беспокойно мечтает: хлеба и зрелищ!» [24]

Сегодня проблема «хлеба» для значительной части населения в целом решена (если оставить в стороне проблему сбалансированности питания по наиболее ценным продуктам). Добавим, что и другие насущные потребности, связанные с обеспечением физического существования, так или иначе удовлетворены. Одновременно рост производительности общественного труда приводит к сокращению рабочего времени и соответствующему увеличению вне рабочего и собственно свободного времени. Поэтому на повестку дня ставится вопрос о его наиболее рациональном использовании для отдыха, самообразования, развлечения и общения. Нам представляется, что в связи с вышеизложенным одним из наиболее ярких и весьма противоречивых проявлений возвышения потребностей на современном этапе является *существенный рост спроса на игры, зрелища и другие развлечения.*

Е. Петренко, например, справедливо указывает на повышение роли эмоциональной и ментальной составляющих потребительского опыта и появление потребительской ценности нового уровня – «впечатление» [15, с. 13-14], которое, как нам представляется, является главным побудительным мотивом стремления к развлечениям. Одновременно происходит быстрый рост индустрии развлечений.

Сами по себе развлечения с точки зрения их влияния на физическое и духовное развитие человека весьма разнородны. Их можно разбить на 3 группы.

Первая группа – развлечения, способствующие развитию человека, росту его духовности и интеллекта. Это, прежде всего, посещение учреждений культуры – музеев, театров, библиотек и т.д.; развлечения, направленные на поддержание здоровья и физическое совершенствование, например занятия физкультурой и спортом, активный отдых на природе и т.д.

Вторая группа – развлечения, однозначно наносящие вред нравственному и физическому здоровью (курение, прием наркотиков, больших доз алкоголя и т.д.).

Третья группа – развлечения, которые могут быть отнесены как к 1-й, так и ко 2-й группе в зависимости от их контента. Посещение кинотеатров, зрелищ, массовых мероприятий (в том числе спортивных), любительские занятия и игры, прослушивание радио, просмотр телепередач, чтение книг, чтение газет, пользование Интернетом и т.д., с одной стороны, могут «работать» на развитие человека, с другой стороны, могут формировать низменные чувства и устремления.

Динамика структуры использования свободного времени, включая различные развлечения, демонстрирует противоречивые тенденции (табл. 1).

Таблица 1. Динамика распределения свободного времени по занятиям у работающих горожан с 1986 по 2008 год, время на опрошенного в неделю, час.

Вид занятия	1986		2007–2008	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Учеба	0,8	0,9	2,3	1,0
Общественная и религиозная деятельность	1,2	0,8	0,1	0,3
Общение	2,6	2,5	9,8	8,4
Физкультура и спорт	0,9	0,6	1,1	1,0
Отдых на воздухе	1,9	0,9	1,6	0,5
Любительские занятия и игры	0,7	2,1	2,2	2,2
Прослушивание радио	0,2	0,1	0,5	0,3
Посещение учреждений культуры	0,9	0,6	0,7	0,1
Просмотр телепередач	14,5	10,6	7,6	6,8
Чтение	5,8	3,6	2,0	1,8
Пользование Интернетом	н.д.	н.д.	2,1	0,7
Пассивный отдых (ничегонеделание)	2,5	1,7	0,9	0,6
Передвижения	2,0	1,4	-	-
Свободное время – всего в неделю	34,0	25,7	30,9	23,5

Источник: Караханова Т.М. Свободное время городских жителей: прошлое и настоящее // Социологические исследования. – 2014. – № 1 [6, с. 77].

Так, в 1986 году лидирующие позиции среди всех развлечений занимали просмотр телепередач (14,5 часа в неделю у мужчин и 10,6 – у женщин), чтение (5,8 и 3,6 часа соответственно) и общение (2,6 и 2,5 часа). В 2007–2008 гг. сократилось время просмотра телепередач, составив 7,6 часа у мужчин и 6,8 у женщин. Лидерство перешло к общению, которое увеличилось до 9,8 часа в неделю у мужчин и 8,4 часа у женщин, что свидетельствует об ускоренном развитии этой разновидности социальных потребностей. Время, затрачиваемое на любительские занятия и игры, выросло у мужчин с 0,7 до 2,2 часа, а у женщин с 2,1 до 2,2 часа. Однако, как нам представляется, в действительности этот рост был более значительным, поскольку часть времени общения также была посвящена любительским занятиям и играм, которые проходили в компании. К сожалению, уменьшилось время, затрачиваемое на чтение и на посещения учреждений

культуры, что отнюдь не свидетельствует о росте интеллектуальных потребностей. Думается, что и в последующие годы данная тенденция сохранилась. Например, в исследовании ученых НИУ ВШЭ приведены такие данные: на сегодняшний день интересуются музеями и посещают их 16% россиян, 14% знают о музеях, но не посещают их, а 70% (!) не знают о музеях и не интересуются ими [19].

Ю. Свечникова на основе анализа данных социологического исследования, проведенного среди студентов Белгородского национального университета, делает неутешительный вывод: «Большинство студентов, а именно 90% девушек и 65% парней, в своё свободное время не занимаются ничем полезным ни для здоровья физического или духовного, ни для самообразования или самосовершенствования. Своё свободное время они проводят за просмотром телепередач, которые чаще всего направлены на разрушение психики молодого,

не до конца сформированного организма, или того хуже проводят время в весёлой компании за распитием спиртных напитков, которые губительны для физического здоровья». На посещения развлекательных и зрелищных заведений свое свободное время тратят 20% первокурсников. К пятому курсу эта цифра достигает 60% [18].

Таким образом, можно сделать вывод, что развитие потребностей и потребления на современном этапе отнюдь не означает истинного возвышения потребностей, понимаемого как стремление к потребностям более высокого порядка. Большинство людей не становятся более духовными и интеллектуальными. Самообразование и самосовершенствование, стремление превратиться в гармоничную, всесторонне развитую личность – это скорее исключение, чем правило. К сожалению, доминирует тенденция к максимизации сиюминутных удовольствий, получаемых преимущественно за счет удовлетворения потреб-

ностей, занимающих нижние позиции в иерархии – народ по-прежнему хочет хлеба и зрелищ. Если говорить применительно к современности – сытые требуют больше развлечений.

Индустрия развлечений сегодня и завтра

Ответом на развитие потребностей в развлечениях стало возникновение и бурное развитие соответствующей индустрии. И теперь уже эта сфера деятельности, в свою очередь, начинает активно влиять на потребителей, предлагая им все новые услуги, порождая, таким образом, все новые потребности в развлечениях.

Согласно исследованию PricewaterhouseCoopers³ в 2013 году объем мирового рынка индустрии развлечений и медиа составил 1,7 трлн. долл. США. При этом почти 34% приходилось на Соединенные Штаты Америки, у Японии – около 10%, Китай с 7,7% находится на 3-й позиции. Доля России составила немногим более 1,6% (табл. 2).

Таблица 2. Крупнейшие по объему рынки развлечений и медиа в 2013–2018 годах*

Рынок	Млн. долл. США		Место		Среднегодовой прирост, % прогноз
	2013	2018 прогноз	2013	2018 прогноз	
США	572 874	723 733	1	1	4,8
Япония	168 862	174 690	2	3	0,7
Китай	130 934	219 412	3	2	10,9
Германия	112 833	123 893	4	4	1,9
Великобритания	90 514	105 348	5	5	3,1
Италия	43 013	50 203	9	10	3,1
Бразилия	42 186	68 810	10	7	10,3
Австралия	36 883	43 366	11	12	3,3
Россия	27 701	44 307	12	11	9,8

* Рынки развлечений и СМИ указаны с учетом элементов двойного счета.

Составлено по: Исследование PricewaterhouseCoopers: Всемирная индустрия развлечений и медиа – прогноз на 2014–2018 годы. – URL: http://www.pwc.ru/ru_RU/ru/entertainment-media/publications/assets/entertainment-mediaoutlook-2014.pdf [5]

³ PricewaterhouseCoopers – международная сеть, объединяющая более 160 компаний в разных странах мира, оказывающих аудиторские и консалтинговые услуги. Обзор «Всемирная индустрия развлечений и медиа» выпускается ежегодно и содержит анализ, факторы и прогнозы развития рынка развлечений и медиа в 54 странах на предстоящие пять лет. Исследуются 13 основных медийных секторов, в том числе телевидение, радио, пресса, киноиндустрия, книгоиздательство и сеть Интернет.

Предполагается, что мировой рынок индустрии развлечений и медиа при среднегодовом темпе роста 5% к 2018 году достигнет объема 2,2 трлн. долл. США.

В Российской Федерации за 2013 год рынок развлечений и СМИ вырос на 10% и достиг 27,7 млрд. долл. США. Однако его объем был в 20,7 раза меньше, чем в США. Тем не менее, российский рынок остается одним из самых динамичных. Ожидается, что в прогнозном периоде его среднегодовой темп роста составит 9,8% и к 2018 году рынок вырастет до 44,3 млрд. долл. США. В уже упоминавшемся исследовании PricewaterhouseCoopers также представлены данные по итогам развития основных секторов индустрии развлечений в России в 2013 году и прогноз на 2018 год (табл. 3).

Предполагается, что быстрее всего будет увеличиваться доступ в Интернет (+96%), опережающими темпами будут развиваться киноиндустрия (+65%), платное ТВ (+63%), радио (+61%), видеоигры (+50%). Более скромный рост покажут музыкальная индустрия (+39%), журналы (+28%) и газеты (+11%). Отрицательная динамика ожидается в книгоиздательстве (-17%).

Очень быстрый рост доступа в Интернет влечет за собой развитие всех потребностей, удовлетворение которых связано с Интернетом. Однако его использование для развлечения растет опережающими темпами. Если в 2011 году развлекались с помощью Интернета 19% респондентов, то в 2014 их уже стало 31%. Если же сюда присовокупить прослушивание музыки, просмотр фильмов, чтение книг и общение (которые, по сути, в какой-то своей части тоже являются развлечениями), то мы увидим просто колоссальный рост (табл. 4).

Быстрый рост доступа в Интернет неизбежно влечет за собой развитие игрового сегмента, доходы которого существенно увеличиваются, что лишний раз подтверждает наш вывод о росте потребностей в развлечениях (табл. 5).

Начиная с 2008 года сектор онлайн-игр стабильно растет, и в 2013 году его доходы составили 340 млн. долл. США. Предполагалось, что в 2014 году доходность возрастет на 19,5%, достигнув 406 млн. долл. США. Вплоть до 2018 года прогнозируется среднегодовой темп роста на уровне 13,8%, а доходы от онлайн-игр достигнут 650 млн. долл. США.

Таблица 3. Основные сектора российской индустрии развлечений, радио и Интернет, млн. долл. США

	2013	2018 прогноз	2018 к 2013, %
Киноиндустрия	1631	2697	165
Платное ТВ	1621	2644	163
Видеоигры	1311	1972	150
Музыкальная индустрия	1327	1841	139
Журналы	1312	1684	128
Газеты	1224	1361	111
Книгоиздательство	1451	1207	83
Радио	532	856	161
Доступ в Интернет	6768	13281	196

Составлено по: Исследование PricewaterhouseCoopers: Всемирная индустрия развлечений и медиа – прогноз на 2014–2018 годы. – URL: http://www.pwc.ru/ru_RU/ru/entertainment-media/publications/assets/entertainment-mediaoutlook-2014.pdf [5]

Таблица 4. Пользуетесь ли Вы Интернетом, и если «да», то для каких целей?
(возможны несколько вариантов ответа), в % от общего числа опрошенных

Варианты ответа	Июнь 2011	Июнь 2012	Июнь 2013	Июнь 2014
Для того чтобы найти нужную мне информацию	33	36	41	44
Для общения	25	32	31	36
Для развлечения	19	24	27	31
Для того чтобы следить за последними новостями	20	23	27	30
Для того чтобы найти/послушать какую-либо музыку	16	18	21	26
Для того чтобы найти/посмотреть какие-либо фильмы	17	19	24	26
Для того чтобы найти/купить какие-либо товары или услуги	11	14	14	19
Для того чтобы разобраться, что происходит в стране и за рубежом	10	14	16	19
Для того чтобы найти/прочитать какие-либо книги	8	11	13	16
Другое	1	1	1	1
Не пользуюсь Интернетом	55	46	39	36
Источник: http://www.levada.ru/30-06-2014/ispolzovanie-interneta [4]				

Таблица 5. Доходы от онлайн-игр и мобильных игр в мире в 2013–2018 гг., млн. долл. США

	2013	2014 (прогноз)	2018 (прогноз)
Онлайн-игры	340	406	650
Мобильные игры	214	258	456
Источник: Исследование PricewaterhouseCoopers: Всемирная индустрия развлечений и медиа – прогноз на 2014–2018 годы. – URL: http://www.pwc.ru/ru_RU/ru/entertainment-media/publications/assets/entertainment-mediaoutlook-2014.pdf [5]			

Высокими темпами развивается *сегмент мобильных игр*, доходы от которых в 2013 году составили 214 млн. долл. США, а за 2014 год согласно прогнозам они вырастут на 20,6% – до 258 млн. долл. США. В 2018 году доходы от мобильных игр достигнут 456 млн. долл. США, при этом среднегодовые темпы роста в течение прогнозного периода составят 16,3% [5].

Усиливающееся желание определенной части общества «жить играючи» настораживает, поскольку оно является отражением общей инфантилизации и стремления уйти от реальности. При этом если для детей игра необходима, т.к. она является инструментом познания окружающей действительности и выработки навыков жизни

в социуме, то для взрослых игра выступает преимущественно в качестве развлечения и средства получения или выплеска эмоций. Такая игра зачастую отнимает огромное количество времени, которое могло быть потрачено гораздо более продуктивно. Более того, крайние проявления игровой зависимости, такие, например, как компьютерная игромания, просто угрожают здоровью и социальному благополучию индивида. С точки зрения общественной пользы такая игра является «бесплодной»: она не способствует развитию личности, не влечет за собой преобразования окружающей действительности, не создает общественного продукта, не увеличивает национального богатства.

Уместно вспомнить трактовку свободного времени, данную К. Марксом. Свободное время – это *«время, которым можно располагать, есть само богатство»⁴, время, необходимое человеку «...для образования, для интеллектуального развития, для выполнения социальных функций, для товарищеского общения, для свободной игры физических и*

интеллектуальных сил...» [10, с. 243–244]. Сегодня как никогда остро стоит вопрос об эффективном использовании свободного времени в целях формирования гармонично развитой личности. Именно в этом случае совершенствование физических и духовных запросов и будет означать истинное возвышение потребностей.

Литература

1. Белянская, О.Ю. Как бренды манипулируют нами / О.Ю. Белянская // Маркетинг в России и за рубежом. – 2013. – № 3. – С. 124–130.
2. Важенина, И.С. Возвышение потребностей и «тупики потребления» / И.С. Важенина // ЭКО. – 2012. – № 11. – С. 131–144.
3. Важенина И.С. Потребности в услугах в системе возвышения потребностей трудящихся / И.С. Важенина // Личное потребление в механизме воспроизводства населения: сб. статей. – Рига: Зинатне, 1983. – С. 38–48.
4. Использование Интернета: исследование Левада-центра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/30-06-2014/ispolzovanie-interneta>
5. Всемирная индустрия развлечений и медиа – прогноз на 2014–2018 годы: исследование PricewaterhouseCoopers [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pwc.ru/ru_RU/ru/entertainment-media/publications/assets/entertainment-mediaoutlook-2014.pdf
6. Караханова, Т.М. Свободное время городских жителей: прошлое и настоящее / Т.М. Караханова // Социологические исследования. – 2014. – № 1. – С. 66–79.
7. Ламбен, Ж.-Ж. Менеджмент, ориентированный на рынок / Ж.-Ж. Ламбен. – СПб.: Питер, 2005. – 797 с.
8. Ленин, В.И. По поводу так называемого вопроса о рынках / В.И. Ленин // Ленин В.И. полн. собр. соч. – 5-е изд. – Т. 1.
9. Маркс, К. Введение (Из экономических рукописей 1857–1858 гг.) / К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. – 2-е изд. – Т. 12.
10. Маркс, К. Капитал. – Т. 1 / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 23.
11. Маркс, К. Критика политической экономии / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 46. – Ч. 1.
12. Маркс, К. Теории прибавочной стоимости. Ч. III / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 26. – Ч. 3.
13. Маркс, К. Экономические рукописи 1857–1859 годов / Маркс К. // Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 3.
14. Новоселова, Е. Свобода или смерть духа. Два взгляда на общество потребления [Электронный ресурс] / Е. Новоселова. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/07/28/potreblenie-site.html>
15. Петренко, Е.С. Теоретико-методологическая концепция развития потребительских сетей на региональных рынках / Е.С. Петренко: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук / Е.С. Петренко. – Екатеринбург, 2014. – 41 с.
16. Пискулова, Н. Развитие мировой экономики: экологический вектор / Н. Пискулова // МЭ и МО. – 2010. – № 12. – С. 28–37.
17. Росстат: официальный сайт. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_54/IssWWW.exe/Stg/09-01.htm
18. Свечникова, Ю.А. Свободное время в жизни студента [Электронный ресурс] / Ю.А. Свечникова // Молодой ученый. – 2012. – № 2. – С. 227–231. – Режим доступа: <http://www.moluch.ru/archive/37/4249/>

⁴ Маркс К. Теории прибавочной стоимости. Часть третья // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 26. – Ч. 3. – С. 265.

19. Семидесяти процентам россиян музеи не интересны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.opes.ru/1735130.html>
20. Толковый словарь русского языка Ушакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru>
21. Финансы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://finance.rambler.ru/news/analytics/150600957.html>
22. Фонд «Общественное Мнение»: официальный сайт. – Режим доступа: <http://fom.ru/Gorodskie-proekty/11366>
23. Энгельс, Ф. Похороны Карла Маркса / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 19.
24. [Электронный ресурс] Ювенал. Сатира 10 / Ювенал // Сатиры. – Книга IV. [пер. С.А. Петровского]. – Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlitr/juvenal/juvenal10.html>

Vazhenina I.S.

Rising necessities: controversial transformation

Irina Svyatoslavovna Vazhenina – Doctor of Economics, Leading Research Associate, Associate Professor, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation, isvazhenina@mail.ru)

Abstract. The phenomenon of rising necessities is studied in the mechanism of the dialectical development of production and consumption and is represented as a set of interrelated aspects. This is an increase in the number of needs and consumption; distribution of needs in the broader circle of consumers; changed quality of needs; complication of the consumption method; changed forms of consumption; development of intellectual and social needs. The article shows that the process of rising necessities includes the complication of the consumption method, which leads to the formation of needs in services, and then to the emergence of social forms of consumption and services. It reveals the features and effects of this process: broad development of non-vital needs, emergence of quality and quantity hyper-consumption, demonstrative consumption and pursuit of brands; existence of antisocial needs that turns the rise in needs in its opposite; prevalence of consumer demand over income that results in “life on credit” of individuals and entire countries; unrestrained growth of needs, consumption and production respectively that give rise to unprecedented environmental pollution; hedonistic orientation of consumption, violation of dialectical connection of needs-abilities, crisis of culture and morality; formation of poly-needs that combine several components (material and non-material); accelerated development of needs in communication, entertainment and games. There are typologies of needs in entertainment. The article describes growing need in entertainment and games with the help of the broad statistics.

Key words: necessities, law of rising necessities, consumption, method of consumption, needs in entertainment.

References

1. Belyanskaya O.Yu. Kak brendy manipuliruyut nami [How do Brands Manipulate Us]. *Marketing v Rossii i za rubezhom* [Journal of Marketing in Russia and Abroad], 2013, no. 3, pp. 124-130.
2. Vazhenina I.S. Vozvyshenie potrebnostei i “tupiki potrebleniya” [Rising Necessities and “Consumption Stubs”], *EKO* [Eco], 2012, no. 11, pp. 131-144.

3. Vazhenina I.S. Potrebnosti v uslugakh v sisteme vozvysheniya potrebnosti trudyashchikhsya [Needs in Services in the System of Rising Necessities of Workers]. *Lichnoe potreblenie v mekhanizme vosproizvodstva naseleniya: sb. Statei* [Personal Consumption in the Mechanism of Population Reproduction: Collection of Articles]. Riga: Zinatne, 1983. Pp. 38-48.
4. *Ispol'zovanie Interneta: issledovanie Levada-tsentra* [Internet Use: Levada-Center Study]. Available at: <http://www.levada.ru/30-06-2014/ispolzovanie-interneta>
5. *Vsemirnaya industriya razvlechenii i media – prognoz na 2014–2018 gody: issledovanie PricewaterhouseCoopers* [Global Entertainment and Media – Forecast for 2014–2018: PricewaterhouseCoopers Research]. Available at: http://www.pwc.ru/ru_RU/ru/entertainment-media/publications/assets/entertainment-mediaoutlook-2014.pdf
6. Karakhanova T.M. Svobodnoe vremya gorodskikh zhitelei: proshloe i nastoyashchee [Free Time of Urban Residents: Past and Present]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2014, no. 1, pp. 66-79.
7. Lambin J.J. *Menedzhment, orientirovannyi na rynek* [Market-Driven Management]. Saint Petersburg: Piter, 2005. 797 p.
8. Lenin V.I. *Po povodu tak nazyvaemogo voprosa o ryinkakh* [On the So-Called Market Question]. Edition 5. Vol. 1.
9. Marx K. Vvedenie (Iz ekonomicheskikh rukopisei 1857–1858 gg.) [Introduction. Economic Manuscripts of 1857–1858]. *K. Marks, F. Engel's Soch.* [Collected Works of Karl Marx and Friedrich Engels], edition 2, vol. 12.
10. Marx K. Kapital [Capital]. *K. Marks, F. Engel's Soch* [Collected Works of Karl Marx and Friedrich Engels], edition 2, vol. 23.
11. Marx K. Kritika politicheskoi ekonomii [Critique of Political Economy]. *K. Marks, F. Engel's Soch.* [Collected Works of Karl Marx and Frederick Engels], edition 2, vol. 46, part 1.
12. Marx K. *Teorii pribavochnoi stoimosti* [Theories of Surplus Value]. *K. Marks, F. Engel's Soch.* [Collected Works of Karl Marx and Friedrich Engels], edition 2, vol. 26, part 3.
13. Marx K. Ekonomicheskie rukopisi 1857–1859 godov [Economic Manuscripts of 1857–1859]. *K. Marks, F. Engel's Soch.* [Collected Works of Karl Marx and Friedrich Engels], edition 2, vol. 3.
14. Novoselova E. *Svoboda ili smert' dukha. Dva vzglyada na obshchestvo potrebleniya* [Freedom or Death of the Spirit. Two Views on the Consumer Society]. Available at: <http://www.rg.ru/2013/07/28/potreblenie-site.html>
15. Petrenko E.S. *Teoretiko-metodologicheskaya kontseptsiya razvitiya potrebitel'skikh setei na regional'nykh ryinkakh: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni doktora ekonomicheskikh nauk* [Theoretical and Methodological Concept of the Consumer Networks Development on Regional Markets: Doctor of Economics Dissertations Abstract]. Yekaterinburg, 2014. 41 p.
16. Piskulova N. Razvitie mirovoi ekonomiki: ekologicheskii vektor [Development of the World Economy: Ecological Vector]. *ME i MO* [World Economy and International Relations], 2010, no. 12, pp. 28-37.
17. *Rosstat: ofitsial'nyi sait* [Federal State Statistics Service of the Russian Federation: Official Website]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_54/IssWWW.exe/Stg/09-01.htm
18. Svechnikova Yu.A. Svobodnoe vremya v zhizni studenta [Free Time in Student Life]. *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2012, no. 2, pp. 227-231. Available at: <http://www.moluch.ru/archive/37/4249/>
19. *Semidesyati protsentam rossiyan muzei ne interesny* [Seventy Percent of the Russians Museums are not Interesting]. Available at: <http://www.opec.ru/1735130.html>
20. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka Ushakova* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Available at: <http://slovari.yandex.ru>
21. *Finansy* [Finances]. Available at: <http://finance.rambler.ru/news/analytics/150600957.html>
22. *Fond "Obshchestvennoe Mnenie": ofitsial'nyi sait* ["Public Opinion" Fund: Official Website]. Available at: <http://fom.ru/Gorodskie-proekty/11366>
23. Engels F. Pokhorony Karla Marksa [Karl Marx's Funeral] *K. Marks, F. Engel's Soch.* [Collected Works of Karl Marx and Friedrich Engels], vol. 19.
24. Juvenal. Satira 10. Kniga IV [Satire 10. Book IV]. *Satiry* [Satires]. Translated by S.A. Petrovskii. Available at: <http://ancientrome.ru/antlitr/juvenal/juvenal10.html>

Риски бедности населения в современных российских условиях*

**Юлия Михайловна
ПАСОВЕЦ**

кандидат социологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Курский государственный университет (305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 33, yulia_pasovets@mail.ru)

Аннотация. Бедность выступает как показатель недостаточности и дефицита экономических ресурсов населения, ее границы становятся демаркационной линией между адаптацией населения к социально-экономическим изменениям и дезадаптацией. Построение социально-демографического портрета бедного населения, отражающего его динамику за последние годы и состояние на настоящий момент, позволяет выявить ключевые риски бедности населения и их устойчивость в современных российских условиях, что дает возможность говорить о трудностях адаптации для определенных социальных категорий.

Специфика социально-экономической дифференциации населения в современном российском обществе связана с сохранением профиля стратификации, определенного углублением неравенства в распределении денежных доходов между группами населения, произошедшим за пореформенное время. Повышение уровня жизни основной части населения в 2000-е годы привело к масштабному сокращению абсолютной бедности, определяемой границами денежных доходов ниже величины прожиточного минимума. Однако в настоящее время по объективным параметрам величины дохода к бедному населению относится десятая часть россиян, остается непреодоленным дефицит денежного дохода населения, что свидетельствует о сохранении в современных российских условиях рисков бедности для определенной части населения.

Как показывает анализ динамики и состояния объективных источников бедности, высокие риски бедности имеются у россиян, проживающих в малых городах (с численностью от 50 тысяч до 100 тысяч жителей и до 50 тысяч человек), сельских поселениях, детей и молодежи в возрасте

* Работа подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Адаптационный потенциал населения в условиях трансформации российского общества» № 13-33-01208 а2.

до 30 лет, категории безработных и в целом экономически неактивного населения. При этом сохраняет свою значимость проблема работающих бедных, занятых в отраслях экономики с невысоким уровнем оплаты труда.

Ключевые слова: бедность, риск бедности, безработные, работающие бедные, социально-экономическая адаптация, социальная трансформация.

Специфика жизнедеятельности населения в современном российском обществе связана с необходимостью осуществления социальной адаптации к экономическим и институциональным изменениям, обусловленным процессом трансформации социальных институтов и общественного устройства в целом. Динамичность и нестабильность рыночной экономики оказывает ключевое воздействие на сферу труда и занятости населения, его уровень и качество жизни, делая первостепенной социально-экономическую адаптацию населения. В этих условиях особую роль приобретает возможность субъекта адаптации (конкретного индивида, социальной группы или общности) использовать имеющиеся экономические ресурсы для реализации собственных потребностей и интересов. При этом объем этих ресурсов обеспечивает разный уровень адаптированности к меняющимся условиям жизни. В такой ситуации возникает необходимость рассмотрения бедности как показателя недостаточности и дефицита экономических ресурсов определенной части населения, границы которой становятся демаркационной линией между его адаптацией к социально-экономическим изменениям и дезадаптацией. В этом плане следует уделять внимание не только традиционным категориям бедных, но и таким категориям бедных, как безработные и работающие бедные, относящимся к экономически активному населению.

В первый период трансформации российского общества (1990-е годы) социаль-

но-экономические преобразования привели к резкому усилению имущественной дифференциации населения и значительному расширению масштабов бедности. В это время падение уровня жизни населения выразилось в снижении уровня доходов и потребления, обесценивании сбережений, росте безработицы, увеличении задолженности по всем видам выплат и других негативных проявлениях. Начиная с 2000 г. социально-экономическая ситуация в стране постепенно улучшается: наблюдается устойчивый рост доходов населения, сокращение безработицы, снижение масштабов бедности и т.д. Данные тенденции позволяют говорить о наступлении второго этапа структурной трансформации российского общества, связанного с социальной стабилизацией. Вместе с тем наступление в 2008 г. экономического кризиса имело неблагоприятные последствия для динамики занятости, уровня и качества жизни населения: снизился средний размер заработной платы работников организаций и предприятий, увеличились объемы задолженностей по ее выплате и т.д. Это привело к определенным затруднениям в адаптации части населения к изменяющимся социальным условиям, однако не имело столь глубокого характера, как воздействие кризиса 1998 г., что позволило сохранить тенденцию к снижению бедности.

Несмотря на значительное сокращение масштабов бедности в 2000-е гг., для российского общества проблема преодоления бедности до естественного для рыночной экономики уровня и снижения рисков

бедности для отдельных категорий населения сохраняет свою актуальность. Данная проблема относится к числу наиболее значимых для развития современного российского общества. Как отмечают А.А. Шабунова и М.А. Ласточкина, в настоящее время социальное неравенство и низкий уровень жизни населения оказываются одними из главных факторов, сдерживающих социокультурную модернизацию в стране¹. Ее преодоление позволит выйти на более высокие стандарты уровня и качества жизни населения.

Более того, сегодня эта проблематика приобретает особую остроту, поскольку российское общество вновь сталкивается с нестабильностью рыночной экономики, приведшей к ухудшению экономической ситуации в стране со второй половины 2014 г. и наступлению экономического кризиса, выразившегося в росте инфляции, сокращении реальных доходов населения и др. В этих условиях возможно повышение рисков бедности как для всего населения страны, так и для определенных категорий граждан.

В связи с этим следует осуществлять мониторинг уровня, профиля и структуры бедности, ее рисков и использовать результаты научных исследований в практике социального управления. В новых социально-экономических условиях на первый план выходит проблема определения основных источников бедности, их объективного или субъективного характера, устойчивости и соответственно ключевых рисков бедности населения. Выявление и характеристика рисков бедности населения в современных российских условиях будут

способствовать научному осмыслению сложившейся в стране социально-экономической ситуации, определению на этой основе конкретных мер по снижению бедности и соответственно повышению эффективности социальной политики. Эти обстоятельства определяют актуальность темы данного исследования

Объектом исследования выступает бедность населения, предметом — риски бедности россиян в современных условиях. Цель настоящей работы состоит в выявлении и характеристике ключевых рисков бедности населения в сегодняшних российских условиях. Исходя из этого ставятся задачи определения теоретико-методологических оснований исследования бедности населения, описания социально-демографического состава бедного населения, его динамики за последние годы, рассмотрения основных рисков бедности россиян в современной ситуации, связанных с их социальными и демографическими характеристиками.

Теоретико-методологическая основа исследования представлена абсолютной концепцией бедности, в соответствии с которой бедность характеризуется минимальным перечнем потребностей и ресурсов для их удовлетворения. Такое понимание бедности позволяет нам рассматривать ее как показатель дефицита экономических ресурсов, социально-экономической дезадаптации населения. Эмпирической базой исследования выступают данные государственной статистики о численности и составе бедного населения в России за период с 2000 по 2013 г., что и определило использование анализа статистических данных в качестве основного метода исследования.

Следует отметить, что в социально-экономическом знании до настоящего времени не выработано четкого понимания сущностных характеристик бедности и

¹ Шабунова А.А., Ласточкина М.А. Преодоление социального неравенства как импульс к социокультурной модернизации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2014. — № 3 (33). — С. 69.

однозначного подхода к ее измерению, обеспечивающего адекватность процедуры данному явлению. В связи с этим возникает необходимость выяснить сущность бедности, основные подходы к ее пониманию, ключевые факторы, влияющие на ее характер и особенности.

Многомерность бедности как социального явления обуславливает неоднозначность определения этого понятия в социологической науке. На наш взгляд, все многообразие трактовок сущности бедности можно свести к двум подходам.

Первый подход предполагает узкое понимание термина бедности, так как акцентирует внимание на одном признаке бедности – низком материальном (имущественном) статусе, ограничивающем уровень потребления его обладателей. С позиции этого подхода принято считать, что люди являются «бедными, если их благосостояние оказывается ниже определенного уровня»². Данный подход к пониманию сущности бедности достаточно распространен в социологии, экономике, социальной географии и других социальных науках.

Второй подход широко трактует категорию бедности, связывая ее сущность с социальной изоляцией. В таком представлении бедность характеризуется как низким уровнем дохода домохозяйства или отдельного индивида, так и их ограниченными возможностями на рынке труда, в здравоохранении и образовании, недостаточной защищенностью от различного рода социально-экономических потрясений³ и т.д. Такая трактовка бедности является новой для социально-экономического знания.

² Цит. по: Литвинов В.А. Прожиточный минимум: история, методика, анализ. – М.: КомКнига, 2006. – С. 202.

³ Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. – 2-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – С. 161.

Независимо от широты понимания бедности выделяют два основных методологических подхода к ее измерению: объективный и субъективный. Объективный подход к диагностике бедности основывается на анализе статистических показателей уровня жизни населения, установлении черты бедности (то есть пороговой величины минимальных денежных доходов/расходов, потребления населения) и представлен концепциями относительной и абсолютной бедности.

С позиции абсолютной концепции бедности черта бедности определяется недостаточностью собственных ресурсов для удовлетворения минимальных потребностей. Доход ниже стоимостного выражения минимальных потребностей не позволяет их удовлетворить, поэтому считается абсолютной линией бедности. Понятие абсолютной бедности предполагает, что правительство страны утверждает минимальный набор товаров и услуг, куда входят только самые необходимые для потребления; стоимость данного набора составляет пороговое значение или черту бедности. В свою очередь, статистические органы ведут наблюдение за ресурсами домохозяйств, что позволяет оценить долю бедного населения⁴.

Абсолютная концепция бедности, сформировавшаяся в начале XX в. в контексте идеи о минимальной оплате труда, получила развитие в работах Ч. Бута, В. Рунтри, М. Оршански и др. В настоящее время она широко используется во многих странах мира (Россия, большинстве стран СНГ, США и др.) для определения национальной черты бедности, необходимой для осуществления социальной политики.

⁴ Овчарова Л.Н. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. – М.: М-Студио, 2009. – С. 14.

Основными направлениями использования абсолютной линии бедности в практике социального управления выступают мониторинг уровня бедности и определение условий включения в адресные программы для бедных. На сегодняшний день этот порог бедности может не применяться для регулирования минимальной оплаты труда, как, например, в США, где размер минимальной оплаты труда превысил эту границу. Вместе с тем абсолютные национальные линии бедности не используются при межстрановых сопоставлениях, поскольку в таком случае они становятся относительными. Для таких задач применяется абсолютная межстрановая черта бедности Всемирного банка⁵.

В Российской Федерации граница абсолютной бедности фиксируется величиной прожиточного минимума. Согласно Федеральному закону «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» от 24.10.1997 г. (с изм.), прожиточный минимум понимается как стоимостная оценка потребительской корзины, обязательные платежи и сборы. Потребительская корзина определяется как необходимый для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности минимальный набор продуктов питания, а также непродовольственные товары и услуги, стоимость которых определяется в соотношении со стоимостью минимального набора продуктов питания. К числу основных функций использования прожиточного минимума закон относит оценку уровня жизни населения Российской Федерации при разработке и реализации социальной политики и федеральных социальных программ и обоснование устанавливаемого на

федеральном уровне минимального размера оплаты труда, а также для определения устанавливаемых на федеральном уровне размеров стипендий, пособий и других социальных выплат⁶.

Достоинства применения абсолютной линии бедности определяются возможностями осуществить мониторинг изменений масштабов и профиля бедности, происходящих со временем, на основе статистических данных. Наличие проработанной методологии и стандартизированной методики, систематический учет показателей, возможность однозначной интерпретации результатов обследований позволяют преодолеть расхождения в оценках бедности, которые могут возникнуть в результате применения других подходов. Трудности данного подхода, которые и становятся предметом критики, связаны с необходимостью корректировки минимального набора товаров и услуг по мере расширения состава минимального стандарта потребления, недоучетом скрытых доходов и неденежных поступлений в бюджет домохозяйств, обеспечением репрезентативности результатов обследований домохозяйств и др.

В русле объективного подхода в относительной концепции бедности черта бедности связывается с преобладающим в конкретной стране (отдельном регионе) уровнем материальной обеспеченности населения. Относительная черта бедности фиксируется по отношению к некоторому показателю благосостояния для населения в целом и определяется недостаточностью ресурсов для поддержания потребления на общепринятом в данном обществе уровне.

⁵ Партисипаторный подход в повышении качества жизни населения [Текст]: монография / под общ. ред. Н.М. Римашевской, Н.Н. Ивашиненко. — Н. Новгород. — М.: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2013. — С. 122.

⁶ Федеральный закон «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» от 24.10.1997 г. (с изм.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.

Относительная концепция бедности как альтернатива ее абсолютной концепции была развита в послевоенный период, активно разрабатывается с 70-х гг. XX в., ее идеи отражены в трудах П. Таунсенда, А. Аткинсона, А. Сена, Дж. Мака, С. Лансли и др. В настоящее время данный подход используется в двух вариантах: «депривационном» и «медианном»⁷.

В первом варианте, традиция которого берет начало в идеях П. Таунсенда, порог лишений, ниже которого становится невозможно поддержать общепринятый стандарт жизни, определяется посредством совокупности лишений, выраженных в «натуральной форме». Для определения преобладающего стандарта жизни и отклонения от него используются экспертные и социологические методы так, что выявляются список лишений и наличие или отсутствие данных лишений. Черта бедности обозначается как определенная концентрация этих лишений.

Во второй разновидности рассматриваемого подхода порог лишений рассчитывается исходя из соотношения среднедушевых доходов респондентов с медианными их показателями. Сложности практической реализации депривационного подхода привели к тому, что чаще стал применяться медианный подход, предполагающий установление черты бедности на уровне 40–60% медианного дохода населения. В европейских странах исследования бедности в рамках относительного подхода проводятся на достаточно регулярной основе и используются для построения национальных линий бедности. В России не ведется статистического наблюдения за динамикой лишений населения, вместе

с тем исследования в русле этого подхода представлены исследовательскими работами Л.Н. Овчаровой, Н.Е. Тихоновой, А.Ю. Шевякова и других⁸.

К преимуществам этого подхода к измерению бедности можно отнести контроль изменений минимального стандарта потребления, принятого в конкретном обществе, доступности для населения товаров и услуг, отслеживание неравенства в обществе, социально-демографического состава бедных и др. Последнее оказывается значимым для реализации адресной социальной помощи. В процессе такого измерения возникают трудности, связанные с разработкой перечня лишений и критериев линии бедности, что обусловлено возможностью нерационального потребления.

Субъективный подход к измерению бедности базируется на самооценках населением своего материального положения и характеристик бедности. В рамках этого подхода своеобразная черта бедности устанавливается на основе суждений людей о минимальном жизненном стандарте, приемлемом для конкретного общества. Основным измерительным инструментом в рамках этой методологии исследования бедности выступает опрос. Субъективная концепция бедности, разработанная экономистами и статистиками Лейденского университета в Нидерландах в 1970-х гг., в настоящее время получила широкое распространение в социологии, выступив теоретико-методологической основой для исследований по выяснению мнения населения о бедности и ее критериях. К достоинствам этого подхода следует отнести возможность выявления и учета представ-

⁷ Слободенюк Е.Д., Тихонова Н.Е. Эвристические возможности абсолютного и относительного подходов к изучению бедности в российских условиях // Социология: 4М. – 2011. – № 33. – С. 7.

⁸ Овчарова Л.Н. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. – М.: М-Студио, 2009. – 268 с.; Тихонова Н.Е. Феномен бедности в современной России // Социологические исследования. – 2014. – № 1. – С. 7-19 и др.

лений о минимальном объеме ресурсов, необходимых для удовлетворения потребностей, рассматриваемых индивидом как жизненно важные в данных условиях, мнения самих бедных о ключевых ограничениях, влияющих на качество их жизни, а также динамики этих представлений под воздействием социально-экономических и социокультурных изменений. В этом плане субъективная линия бедности должна сопоставляться и дополнять черту бедности, установленную с учетом статистических показателей с позиции объективного подхода.

В рамках субъективного подхода на основе результатов репрезентативных опросов общественного мнения строятся монетарные и немонетарные линии бедности. Построение монетарной линии бедности основывается на ответах людей об уровне минимально необходимого для домохозяйства дохода, немонетарной — на самооценках своего материального положения. Примерами систематического применения монетарного метода для построения субъективной черты бедности являются опросы института Гэллага в США, опросы «Евробарометр общественного мнения» в странах ЕС и др. В России большее распространение получил немонетарный метод конструирования субъективной линии бедности, предполагающий построение определенной стратификационной шкалы. Так, в проводимых в рамках программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» опросах населения по типовой программе и методике «Социокультурный портрет региона России» используется такая стратификационная шкала⁹.

⁹ Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация — 2010) / Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М.: ИФРАН, 2010. — 111 с.

Л.А. Беляева предлагает определять статус респондента по уровню потребления, когда он относит себя (свою семью) к одной из шести условно выделенных страт: «нищие» (вариант ответа — «Денег не хватает на повседневные затраты»), «бедные» («На повседневные затраты уходит вся зарплата»), «необеспеченные» («На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна»), «обеспеченные» («В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг»), «зажиточные» («Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи»), «богатые» («Практически ни в чем себе не отказываем»)¹⁰. На наш взгляд, в рамках данной шкалы к бедным можно отнести две группы с низкими доходами и ограниченным потреблением: «нищих» и «бедных»¹¹. Как свидетельствуют результаты зарубежных и российских исследований, субъективная линия бедности оказывается выше официально установленной черты бедности¹², а доля бедных по стратификационной шкале, построенной по уровню потребления, выше, чем уровень абсолютной бедности¹³.

Ограничения измерения бедности в рамках субъективного подхода во многом связаны с неоднозначным пониманием и интерпретацией людьми самого феномена бедности. Одним индивидом бедность

¹⁰ Беляева Л.А. Социальная стратификация и бедность в регионах России (к составлению социокультурного портрета регионов) // Социологические исследования. — 2006. — № 9. — С. 52-63.

¹¹ Пасовец Ю.М. Социальные ресурсы и ограничения развития региона в контексте общероссийских изменений // Курский гос. ун-т. — Курск, 2010. — С. 139.

¹² Бедность и бедные в современной России / под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. — М.: Весь Мир, 2014. — С. 21; Овчарова Л.Н. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. — М.: М-Студио, 2009. — С. 44.

¹³ Пасовец Ю.М. Имущественная стратификация населения России и ее регионов // Регионология. — 2011. — Т. 77. — № 4. — С. 206-208.

может истолковываться как низкий доход, обеспечивающий уровень потребления ниже официально установленной черты бедности; другим респондентом она может пониматься как отсутствие свободы действий и выбора, когда в экономическом контексте данная свобода отождествляется с достаточно высоким стандартом потребления товаров и услуг и необходимостью для его обеспечения соответствующих средств.

Практика опросов населения показывает, что последняя трактовка бедности встречается у представителей обеспеченных слоев населения, которые могут считать себя субъективно бедными. В то же время некоторые объективно бедные могут не идентифицировать себя с бедными слоями, если связывают бедность с уровнем доходов и потребления ниже их собственного, стремясь тем самым компенсировать свой психологический дискомфорт от осознания своего низкого материального статуса посредством идентификации с более высокими слоями населения.

В этом контексте следует отметить вывод Н.Е. Тихоновой, сделанный по результатам общероссийского опроса 2013 г., о том, что в настоящее время «бедные россияне стараются сейчас, скорее, приукрасить свое положение, чем преувеличить собственную бедность ...постепенно в России становится стыдно быть бедным»¹⁴. В конкретных социологических исследованиях стремятся нивелировать ограничения субъективного измерения по пути теоретической и эмпирической интерпретации понятия бедности и стандартизации методического инструментария.

Следует отметить, что более надежные оценки бедности позволяет получить ком-

бинирование разных подходов к оценке бедности, когда происходит измерение и сопоставление бедности по доходам, по лишениям и субъективной бедности. Однако применение такой стратегии в практике социального управления встречается не часто (например, в Великобритании для ликвидации детской бедности), хотя ее практическая значимость стимулирует интерес исследователей, побуждая проводить научные разработки с учетом национальных особенностей.

Анализ теоретико-методологических подходов к пониманию и измерению бедности показывает, что каждый из них имеет свои преимущества и ограничения и, соответственно, использование конкретного подхода обуславливается теми задачами, которые он позволяет решить.

Полагаем, что для построения социально-демографического портрета бедного населения, отражающего его динамику за последние годы и состояние на настоящий момент, выявления ключевых рисков бедности населения и их устойчивости в современных российских условиях возможно использовать абсолютную концепцию бедности, в русле которой осуществляется официальное статистическое обследование бедности населения в России. Как отмечает Л.А. Беляева, несмотря на ряд недостатков, к достоинствам официальной статистики следует отнести повсеместный охват всей территории страны и единообразную методологию и методику получения данных¹⁵. К преимуществам этой информации мы можем добавить и систематический характер сбора данных, что, наряду с обеспечением сопоставимости данных, позволяет измерить и изменения картины бедности в динамике.

¹⁴ Бедность и бедные в современной России / под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. — М.: Весь Мир, 2014. — С. 34.

¹⁵ Беляева Л.А. Материальное неравенство в России. Реальность и тенденции // Социологические исследования. — 2007. — № 11. — С. 30.

В российской государственной статистике ведется наблюдение по параметрам бедности, позволяющим оценить ее уровень, профиль и структуру. Помимо этого, в последние годы методология исследования бедности в рамках государственной статистики расширилась и включила измерение не только доходов и расходов бедного населения, но и располагаемых ресурсов бедных домохозяйств, что дало возможность учитывать денежные и неденежные поступления в домохозяйства. Однако в данной работе, вследствие ограниченности ее объема для рассмотрения рисков бедности, мы остановимся на анализе блока показателей, отражающих доходы населения, относимого к бедному.

Как отмечалось ранее, в абсолютной концепции бедности черта бедности определяется минимальным перечнем основных потребностей и размером ресурсов, необходимых для удовлетворения этих потребностей (прожиточным минимумом). В России граница абсолютной бедности обозначается как величина прожиточного минимума.

Прожиточный минимум устанавливает размеры дохода, обеспечивающего удовлетворение основных потребностей на минимальном уровне. В этом аспекте можно говорить о том, что прожиточный минимум определяет ограниченный объем экономического ресурса, использование которого позволяет обеспечить низкий уровень адаптированности.

В то время как уровень доходов ниже величины прожиточного минимума, выступая своеобразной границей абсолютной бедности, оказывается показателем дезадаптации.

Исходя из такого содержания прожиточного минимума, население с доходами ниже величины прожиточного минимума считается бедным. В официальной статистике эта категория россиян получила название малоимущего населения, а население с доходами ниже величины прожиточного минимума в два и более раз обозначается как крайне бедное население.

Как показывают данные *таблицы 1*, за период с 1995 по 2013 г. в России масштабы бедности, измеряемой долей населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, сократились в 2,3 раза. При этом только экономический кризис 1998 г. неблагоприятным образом повлиял на эту динамику, когда доля бедных россиян увеличилась на 4,2%; в последующие годы тенденция к сокращению масштабов абсолютной бедности сохранялась.

Между тем в настоящее время по объективным параметрам величины дохода к бедному населению относится десятая часть россиян (см. табл. 1). Это свидетельствует о необходимости выявления основных источников бедности, их характера в современных российских условиях. В свою очередь, конкретный источник бедности (например, проживание в определенных социальных условиях или нежелание инди-

Таблица 1. Численность населения России с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (в % от общей численности населения)

1995 г.	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
24,8	29,0	17,8	15,2	13,3	13,4	13,0	12,5	12,7	10,7	11,0

Источники: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2007: стат. сб. / Росстат. – М., 2007. – С. 144; Социальное положение и уровень жизни населения России. 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – С. 92; ЦБСД [Электронный ресурс] / Росстат. – Режим доступа: <http://cbstd.gks.ru/>.

вида прилагать усилия для поддержания и улучшения своего социального положения) напрямую определяет риск бедности, то есть наступление неблагоприятного исхода для этого субъекта адаптации (адаптанта).

Для определения рисков бедности целесообразно обратиться к анализу динамики и состояния основных социальных и демографических характеристик бедного населения. Полагаем, что рассмотрение социально-демографического портрета малоимущего и крайне бедного населения в динамике позволит ответить на вопрос об устойчивости того или иного риска бедности в современных российских условиях. В свою очередь, характеристика особенностей такого портрета по состоянию на настоящий момент на 2012 г. позволяет выявить ключевые риски бедности. Для оценки риска бедности используем соответствующий индекс, применяемый в официальной статистике. Значение индекса риска бедности выше 1 показывает, во сколько раз риск бедности для населения, сгруппированного по определенному признаку, превышает риск бедности для населения в целом. Значение индекса риска бедности ниже 1 свидетельствует о более низком риске бедности, чем риск бедности для населения в целом.

Как видно из *таблицы 2*, структура малоимущего населения по месту проживания не претерпела существенных изменений: среди данной категории россиян доля городского населения сравнительно выше, чем удельный вес сельского населения.

В городах проживает 59,6% бедного населения проживает в городах, 40,4% – в сельских поселениях. Причём наибольшая часть городского населения этой категории (28,7% от всей численности малоимущего населения) живет в малых городах с численностью населения до 50 тысяч человек¹⁶.

Что касается динамики состава крайне бедного населения (с доходами в два и более раз ниже величины прожиточного минимума) по месту проживания, то к 2012 г. соотношение между городским и сельским населением изменяется в сторону увеличения доли проживающих в городах, хотя крайне бедных среди городского населения было сравнительно меньше. В 2012 г. среди горожан из числа крайне бедных наиболее массовыми были доли тех, кто проживает в малых (с численностью от 50 до 100 тысяч жителей и до 50 тысяч человек) и средних (с численностью от 100 до 250 тысяч жителей) городах¹⁷.

Таблица 2. Состав бедного населения по месту проживания (по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, в %)

Место проживания	Малоимущее население								
	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Город	66,0	61,4	60,8	59,6	58,0	58,1	59,8	61,2	59,6
Сельское поселение	34,0	38,6	39,2	40,4	42,0	41,9	40,2	38,8	40,4
	Крайне бедное население								
	...	48,8	46,9	45,1	44,2	42,3	45,0	49,2	55,1
Город	...	51,2	53,1	54,9	55,8	57,7	55,0	50,8	44,9
Сельское поселение	...	51,2	53,1	54,9	55,8	57,7	55,0	50,8	44,9

¹⁶ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – С. 109.

¹⁷ Там же. – С. 109.

Значения индекса риска бедности по населенным пунктам с различной численностью населения показывают, что данный риск возрастает по мере изменения типа поселения (с сельского на городское) и уменьшения количества его жителей. Так, для населения малых городов (с численностью от 50 до 100 тысяч жителей и до 50 тысяч человек), сельских поселений всех типов индекс риска бедности превышает 1, что означает более высокий уровень риска бедности для жителей этих типов поселений, чем для всего населения в целом.

Для жителей сельских населенных пунктов с численностью менее 200 человек риск бедности составляет¹⁸ 3,07.

Изменения в составе бедного населения по половозрастным группам связаны с увеличением доли детей в возрасте до 16 лет и некоторым сокращением удельного веса лиц трудоспособного и старше трудоспособного возраста. При этом данная тенденция затрагивает как малоимущее население в целом, так и крайне бедных (табл. 3).

Обращает на себя внимание тот факт, что среди бедного населения внутри возрастной категории старше трудоспособного возраста

Таблица 3. Состав бедного населения по половозрастным группам (по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, в %)

Возрастная группа	Малоимущее население							
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Дети в возрасте до 16 лет	21,8	21,2	21,4	22,6	23,8	25,5	26,3	27,3
Население трудоспособного возраста, в том числе:	65,5	65,7	65,2	64,8	64,6	64,4	63,5	62,4
молодежь в возрасте 16–30 лет	25,6	25,6	25,3	25,6	25,6	24,9	24,2	23,4
мужчины в возрасте 31–59 лет	18,7	19,0	18,9	18,6	18,7	19,2	19,0	19,0
женщины в возрасте 31–54 года	21,2	21,1	21,0	20,6	20,3	20,3	20,3	20,1
Население старше трудоспособного возраста, в том числе:	12,7	13,1	13,3	12,6	11,6	10,0	10,2	10,3
мужчины в возрасте 60 лет и более	3,5	3,6	3,8	3,5	3,1	2,5	2,7	2,7
женщины в возрасте 55 лет и более	9,1	9,5	9,6	9,1	8,6	7,5	7,5	7,6
	Крайне бедное население							
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Дети в возрасте до 16 лет	26,7	26,4	26,4	27,5	28,6	30,4	31,2	30,6
Население трудоспособного возраста, в том числе:	64,9	64,8	64,5	63,9	63,7	62,8	61,2	61,8
молодежь в возрасте 16–30 лет	27,3	26,9	25,9	26,2	26,6	26,3	25,3	24,9
мужчины в возрасте 31–59 лет	17,6	18,0	18,3	18,0	17,9	17,8	17,4	18,4
женщины в возрасте 31–54 года	20,0	19,9	20,2	19,7	19,1	18,7	18,5	18,5
Население старше трудоспособного возраста, в том числе:	8,4	8,8	9,1	8,6	7,7	6,8	7,6	7,6
мужчины в возрасте 60 лет и более	2,3	2,4	2,5	2,1	2,1	1,8	2,0	2,0
женщины в возрасте 55 лет и более	6,1	6,3	6,6	6,5	5,6	5,0	5,6	5,6

Источники: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2009: стат. сб. / Росстат. – М., 2009. – С. 146; Социальное положение и уровень жизни населения России. 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – С. 110.

¹⁸ Там же. – С. 110.

наблюдается существенное гендерное различие: женщин пенсионного возраста больше, чем мужчин, и это во многом связано с усилением диспропорции между численностью мужчин и женщин в старших возрастах (см. табл. 3). Также в составе крайне бедных доля данной возрастной категории несколько меньше, чем в структуре малоимущего населения, что обусловлено выравниванием назначенных пенсий до уровня прожиточного минимума и выше.

Как показывают значения индекса риска бедности населения в зависимости от пола и возраста за 2012 г., более высокий уровень риска бедности по отношению к населению в целом характерен для детей до 16 лет (1,48) и молодежи в возрасте 16–30 лет (для молодых мужчин – 1,14; для женщин этого возраста – 1,13)¹⁹. Одним из факторов такой ситуации выступает нахождение детей и основной части молодежи

на иждивении, при этом с учетом роста численности учащихся и студентов профессиональных образовательных учреждений для большинства молодежи возможности включения в трудовую деятельность и перехода на самостоятельное обеспечение себя средствами к существованию оказываются снижены.

Динамика состава бедного населения по отношению к экономической активности в последние годы показывает рост доли экономически активного населения, включая занятых в экономике и безработных. К 2012 г. по сравнению с 2005 г. в числе малоимущих оказалось сравнительно больше занятых в экономике (на 4,8% от общей численности малоимущего населения) и безработных (на 0,4%). Данная тенденция оказывается свойственна как малоимущему, так и крайне бедному населению (табл. 4).

Таблица 4. Состав бедного населения по отношению к экономической активности (для лиц в возрасте 15 лет и более, по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, в %)

	Малоимущее население							
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Экономически активное население, в том числе:	60,2	60,5	61,1	61,4	63,3	64,9	65,6	65,5
- занятые в экономике, из них	58,4	58,7	59,4	59,7	60,7	61,0	63,1	63,2
работающие пенсионеры	3,5	3,8	4,1	4,2	4,3	3,7	4,0	4,2
- безработные	1,9	1,8	1,7	1,7	2,5	3,9	2,5	2,3
Экономически неактивное население, из него	39,8	39,5	38,9	38,6	36,7	35,1	34,4	34,5
неработающие пенсионеры	15,0	15,1	15,1	14,3	12,7	11,9	11,6	11,7
	Крайне бедное население							
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Экономически активное население, в том числе:	57,9	58,3	57,5	57,4	59,5	61,8	61,4	63,3
- занятые в экономике, из них	54,8	55,1	54,5	54,3	54,9	56,4	58,1	60,3
работающие пенсионеры	2,5	2,6	2,7	2,6	3,3	2,8	3,4	3,3
- безработные	3,2	3,2	3,1	3,1	4,6	5,4	3,3	3,0
Экономически неактивное население, из него	42,1	41,7	42,5	42,6	40,5	38,2	38,6	36,7
неработающие пенсионеры	11,2	11,4	11,7	11,4	9,2	8,5	9,2	9,1
Источники: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2009: стат. сб. / Росстат. – М., 2009. – С. 146; Социальное положение и уровень жизни населения России. 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – С. 110.								

¹⁹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – С. 110.

По значениям индекса риска бедности в зависимости от экономической активности населения в 2012 г., высокий риск бедности по сравнению со всем населением в целом наблюдается в отношении безработных (2,05) и экономически неактивного населения в целом²⁰ (1,09). Между тем для неработающих пенсионеров риск бедности ниже (0,72), чем для остального населения, что говорит о социальной защищенности данной категории государственным гарантиями материального обеспечения на базовом уровне. В отношении пенсионеров ведется мониторинг, разрабатываются и реализуются меры государственного регулирования долгосрочной политики преодоления бедности²¹, что в итоге снижает риск бедности для данной социальной категории.

Значение индекса риска бедности для занятых в экономике на 2012 г. составляет²² 0,8, что хотя и означает более низкий уровень риска бедности по отношению к остальному населению, но небольшой интервал, отделяющий данный показатель от единичного значения, актуализирует проблему работающих бедных. Иными словами, с позиции социально-экономической адаптации населения к современным российским условиям сами по себе занятость и трудоспособный возраст не выступают самодостаточными ресурсами адаптации. В этом плане необходимо обратить внимание на другие характеристики занятого населения, определяющие успешность адаптации к социально-экономическим изменениям, прежде всего на зависимость уровня доходов занятых в экономике от

вида экономической деятельности, формы собственности организации и уровня образования.

По данным выборочного обследования организаций, в 2013 г. наибольшая доля работников с низкой заработной платой (до 7400 рублей) сосредоточена в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве (19,3% от числа занятых в этой сфере). При этом численность занятых данным видом экономической деятельности с уровнем оплаты труда до 5000 рублей составляет 3,1% от всех занятых в этой сфере экономики, в диапазоне 5000–5800 рублей – 6,2%, 5800–7400 рублей – 10%. Близкая по уровню заработной платы работников ситуация наблюдается также в сферах образования и здравоохранения и предоставления социальных услуг²³.

По данным этого же обследования, в 2013 г. в организациях государственной и муниципальной форм собственности занято сравнительно больше работников с оплатой труда до 5000 рублей (1,3% от всех занятых в организациях этих форм собственности), чем в организациях негосударственных форм собственности (0,7%). Всего низкую зарплату (до 7400 рублей) получают около 1/10 численности работников государственных и муниципальных организаций (10,8%). Работников с этим уровнем зарплаты в организациях негосударственных форм собственности в два раза меньше²⁴ (4,7%).

Как видно из *таблицы 5*, среди занятых в экономике, относящихся к категории бедных, более половины имеют профессиональное образование: 21,8% – высшее, 36,3% – среднее. С учетом вышеизложенных фактов это обстоятельство позволяет говорить о большей зависимости уровня заработной платы работников от вида

²⁰ Там же. – С. 112.

²¹ Соловьёв А.К. Проблема преодоления бедности пенсионеров – ключевая задача государства и общества современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 5 (35). – С. 153–155.

²² Социальное положение и уровень жизни населения России. 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – С. 112.

²³ Там же. – С. 99.

²⁴ Там же. – С. 101.

Таблица 5. Состав бедного населения по отношению к экономической активности и по уровню образования в 2012 г. (для лиц в возрасте 15 лет и более, по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, в %)

	Все маломощнее население	Уровень профобразования					Уровень общего образования			
		Послевузовское	Высшее	Неполное высшее	Среднее	Среднее (полное)	Общее	Основное	Начальное	Не имеют начального
Экономически активное население, в том числе:	100	0,1	21,4	2,4	36,0	15,8	19,8	4,3	0,2	0,0
занятые в экономике	100	0,1	21,8	2,4	36,3	15,8	19,3	4,0	0,2	0,0
безработные	100	0,0	11,3	0,7	25,2	16,2	34,7	10,8	1,0	0,0
Экономически неактивное население	100	0,0	6,9	2,6	18,5	9,5	28,7	24,1	8,5	1,2

Источники: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – С. 111.

экономической деятельности и формы собственности организации, чем от уровня их образования.

Вместе с тем среди безработных и экономически неактивного населения, включенных в категорию бедного населения, значительно меньше лиц с профессиональным образованием.

Если судить по значению индекса риска бедности в зависимости от уровня образования в 2012 г., то для лиц со средним профессиональным и более высоким уровнем образования риск бедности оказывается ниже, чем для населения в целом. При этом по мере повышения уровня профессионального образования риск бедности снижается: для лиц со средним профессиональным образованием он составляет 0,87; с неполным высшим – 0,82; с высшим – 0,48; с послевузовским профессиональным образованием – 0,31. В то же время для населения с основным общим образованием (1,51), начальным общим образованием (1,44) и без образования (1,47) риск бедности практически наполовину выше, чем для всего населения²⁵.

²⁵ Там же. – С. 112.

Таким образом, как показывает анализ динамики и состояния объективных источников бедности, высокие риски бедности имеются у россиян, проживающих в малых городах (с численностью от 50 до 100 тысяч жителей и до 50 тысяч человек), сельских поселениях, детей и молодежи в возрасте до 30 лет, категории безработных и в целом экономически неактивного населения. При этом сохраняет свою значимость проблема работающих бедных, занятых в отраслях экономики с невысоким уровнем оплаты труда.

Научно-практическая значимость исследования связана с тем, что, с одной стороны, результаты проведенного анализа позволяют сформировать научные представления о динамике и состоянии основных характеристик бедности в современных российских условиях: уровне и социально-демографическом составе бедных, о ключевых рисках бедности социально-демографического характера. В последующем предпринятый анализ статистических показателей бедности может быть дополнен их сопоставлением с результатами субъективного измерения бедности, что позволит сделать картину рисков бедности

в современных российских условиях более ёмкой. С другой стороны, полученные выводы могут быть использованы для определения основных направлений и мер по снижению бедности и её рисков в рамках разработки и реализации социальной политики. Как отмечает Н.М. Римашевская, для выбора эффективных мероприятий по снижению бедности оказывается необходимой информация о социально-демографическом составе бедных и о его динамике. Показатели, характеризующие изменение структуры бедного населения, на самом деле отражают пути и конкретные методы решения проблемы бедности²⁶.

На наш взгляд, проблематика риска бедности позволяет иначе посмотреть на определение основных направлений по снижению бедности в современном российском обществе и включить в фокус внимания, наряду с мероприятиями по сокращению масштабов бедности, и работу по предупреждению бедности, ориентированную на повышение адаптационных возможностей категорий населения, подверженных высоким рискам бедности. Исходя из этого приоритеты политики в области снижения бедности должны определяться с учетом необходимости уменьшения риска бедности и усиления адаптационного потенциала у населения, проживающего в малых городах и сельских поселениях, детей и молодежи, безработных и в целом экономически неактивного населения, низкооплачиваемых работников. При этом следует учитывать взаимосвязь между ключевыми областями концентрации рисков бедности: бедностью населения малых городов и в сельской местности и безработицей, детской бедностью и бедностью трудоспособных. Так, в большинстве случаев бедность детей во многом представляет следствие проблемы

работающих бедных и, по сути, является проблемой семей с детьми, родители которых имеют невысокие трудовые доходы. Поэтому сокращение бедности детей будет зависеть как от решения проблем на рынке труда — уменьшения распространенности низкодоходной занятости, снижения безработицы, так и от повышения эффективности социальных программ по адресной поддержке семей с детьми (пособия, материнский капитал и др.).

Учитывая взаимосвязь источников бедности, можно констатировать, что механизм осуществления политики по снижению рисков бедности населения должен включать последовательную реализацию комплекса мер:

1. В направлении перераспределения рабочей силы и содействия занятости населения:

— реструктуризация экономики и занятости, развитие институциональной среды для использования рыночных стимулов для повышения занятости на региональных рынках труда, создание условий для расширения самозанятости и предпринимательской инициативы (совершенствование системы кредитования, доступа к материальной инфраструктуре и др.);

— выявление отраслевых и региональных приоритетов в развитии и сохранении перспективных рабочих мест, содействие перераспределению рабочей силы и оптимизации использования трудового потенциала, стимулирование социальной мобильности, в том числе посредством межрегиональной и внутрирегиональной миграции населения;

— определение потребности сфер экономики в кадрах определенной квалификации, совершенствование системы профессиональной подготовки и переподготовки работников и безработных, повышение конкурентоспособности профессионального образования.

²⁶ Римашевская Н.М. Бедность и маргинализация населения // Социологические исследования. — 2004. — № 4. — С. 36-38.

2. В направлении снижения численности низкооплачиваемых работников:

– повышение эффективности труда и расширение возможностей дополнительной занятости населения;

– рост минимальной заработной платы и введение механизма плавной индексации оплаты труда.

3. В направлении совершенствования системы социальной защиты социально незащищенных слоев населения:

– усиление адресности выплаты социальных пособий и предоставления льгот бедному населению, исключение из адресатов такой помощи небедного населения и увеличение размера социальных выплат и льгот для действительно бедных;

– повышение контроля над получением социальной помощи.

В условиях экономического кризиса, когда возрастают риски безработицы, неполной занятости, сокращения уровня доходов и потребления и др. и появляется опасность перерастания текущей бедности в хроническую, сопровождающуюся из-

менениями трудовой мотивации, распространением иждивенческих настроений, в систему антикризисных мер следует включить мероприятия, направленные на снижение рисков бедности и активизацию ресурсов населения, использование которых позволит преодолеть этот вызов.

В этом плане целесообразным будет применение и развитие практики индивидуальных программ адаптации для трудоспособного населения, в рамках которых следует предусмотреть исключение возможности для индивида совмещать неформальную занятость и получение социальных пособий, а также обеспечить стимулирование безработных к трудоустройству, задействовать возможности трудоспособного населения для использования и наращивания своего трудового, образовательно-профессионального потенциала (получение образования, профессиональная подготовка и переподготовка). Разработка и осуществление таких программ могут быть реализованы службами занятости населения.

Литература

1. Бедность и бедные в современной России [Текст] / под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. – М.: Весь Мир, 2014. – 304 с.
2. Беляева, Л.А. Материальное неравенство в России. Реальность и тенденции [Текст] / Л.А. Беляева // Социологические исследования. – 2007. – № 11. – С. 29-41.
3. Беляева, Л.А. Социальная стратификация и бедность в регионах России (к составлению социокультурного портрета регионов) [Текст] / Л.А. Беляева // Социологические исследования. – 2006. – № 9. – С. 52-63.
4. Зубаревич, Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода [Текст] / Н.В. Зубаревич. – 2-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2005.
5. Лапин, Н.И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) [Текст] / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2010. – 111 с.
6. Литвинов, В.А. Прожиточный минимум: история, методика, анализ [Текст] / В.А. Литвинов. – М.: КомКнига, 2006. – 280 с.
7. Овчарова, Л.Н. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт [Текст] / Л.Н. Овчарова. – М.: М-Студио, 2009. – 268 с.
8. Партисипаторный подход в повышении качества жизни населения [Текст]: монография / под общ. ред. Н.М. Римашевской, Н.Н. Иващенко. – Нижний Новгород – Москва: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2013. – 268 с.
9. Пасовец, Ю.М. Имущественная стратификация населения России и ее регионов [Текст] / Ю.М. Пасовец // Регионоведение. – 2011. – Т. 77. – № 4. – С. 202-210.

10. Пасовец, Ю.М. Социальные ресурсы и ограничения развития региона в контексте общероссийских изменений / Ю.М. Пасовец. – Курск: Курский гос. ун-т., 2010. – 151 с.
11. Римашевская, Н.М. Бедность и маргинализация населения [Текст] / Н.М. Римашевская // Социологические исследования. – 2004. – № 4. – С. 33-43.
12. Слободенюк, Е.Д. Эвристические возможности абсолютного и относительного подходов к изучению бедности в российских условиях [Текст] / Е.Д. Слободенюк, Н.Е. Тихонова // Социология: 4М. – 2011. – № 33. – С. 5-27.
13. Соловьёв, А.К. Проблема преодоления бедности пенсионеров – ключевая задача государства и общества современной России [Текст] / А.К. Соловьёв // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 5 (35). – С. 143-155.
14. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2002 [Текст]: стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2002.
15. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2007 [Текст]: стат. сб. / Росстат. – М., 2007.
16. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2009 [Текст]: стат. сб. / Росстат. – М., 2009.
17. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2013 [Текст]: стат. сб. / Росстат. – М., 2013.
18. Тихонова, Н.Е. Феномен бедности в современной России [Текст] / Н.Е. Тихонова // Социологические исследования. – 2014. – № 1. – С. 7-19.
19. Федеральный закон «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: от 24.10.1997 г. (с изм.) // КонсультантПлюс.
20. ЦБСД [Электронный ресурс] / Росстат. – Режим доступа: <http://cbsd.gks.ru/>.
21. Шабунова, А.А. Преодоление социального неравенства как импульс к социокультурной модернизации [Текст] / А.А. Шабунова, М.А. Ласточкина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 3 (33). – С. 69-83. – DOI: 10.15838/esc/2014.3.33.6

Pasovets Yu.M.

Risks of poverty in the modern Russian conditions

Yuliya Mikhailovna Pasovets – Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education Kursk State University (33, Radishchev Street, Kursk, 305000, Russian Federation, yulia_pasovets@mail.ru)

Abstract. Poverty acts as an indicator of insufficiency and deficit of economic resources of the population; its boundaries serve as a demarcation line between people's adaptation to social and economic changes and their maladjustment. The construction of a socio-demographic portrait of the poor, reflecting its recent dynamics and the current state helps identify the key risks of poverty and their stability in the modern Russian conditions. It is difficult for certain social categories to adapt. The specificity of socio-economic differentiation of the population in the modern Russian society is connected with the persistence of the stratification profile defined by the unequal distribution of money income among the population groups during the period of reforms. Raised standards of living of most population in the 2000s led to the drastic reduction in absolute poverty, defined by the boundaries of income below the subsistence minimum. However, nowadays, according to the objective indicators of the income amount, the tenth part of the Russians is considered as the poor. The population's income is still insufficient; it testifies the presence of poverty risks for some categories of the population in the modern Russian conditions. The analysis of the dynamics and state of the objective sources of poverty shows that the high poverty rates are observed in small towns (with the population being equal to 50–100 thousand inhabitants and up to 50 thousand people) and rural settlements and refer to children and youth under 30, the unemployed and economically inactive population. Besides, the working poor employed in industries get low wages.

Key words: poverty, risk of poverty, the unemployed, the working poor, socio-economic adaptation, social transformation.

References

1. *Bednost' i bednye v sovremennoi Rossii* [Poverty and the Poor in Modern Russia]. Under editorship of M.K. Gorshkov i N.E. Tikhonova. Moscow: Ves' Mir, 2014. 304 p.
2. Belyaeva L.A. Material'noe neravenstvo v Rossii. Real'nost' i tendentsii [Material Inequality in Russia. Current Situation and Trends]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2007, no. 11, pp. 29-41.
3. Belyaeva L.A. Sotsial'naya stratifikatsiya i bednost' v regionakh Rossii (k sostavleniyu sotsiokul'turnogo portreta regionov) [Social Stratification and Poverty in the Regions of Russia (to Build a Socio-Cultural Portrait of the Regions)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2006, no. 9, pp. 52-63.
4. Zubarevich N.V. *Sotsial'noe razvitie regionov Rossii: problemy i tendentsii perekhodnogo perioda* [Social Development of Russian Regions: Problems and Tendencies of the Transition Period]. Second edition. Moscow: Editorial URSS, 2005.
5. Lapin N.I., Belyaeva L.A. *Programma i tipovoi instrumentarii "Sotsiokul'turnyi portret regiona Rossii" (Modifikatsiya – 2010)* [Program and Standard Tool "Socio-Cultural Portrait of the Region of Russia" (Modification – 2010)]. Ros. akad. nauk, In-t filosofii. Moscow: IFRAN, 2010. 111 p.
6. Litvinov V.A. *Prozhitochnyi minimum: istoriya, metodika, analiz* [Minimum Wage: History, Method, Analysis]. Moscow: KomKniga, 2006. 280 p.
7. Ovcharova L.N. *Teoreticheskie i prakticheskie podkhody k otsenke urovnya, profilya i faktorov bednosti: rossiiskii i mezhdunarodnyi opyt* [Theoretical and Practical Approaches to the Assessment of the Level, Profile and Determinants of Poverty: Russian and International Experience]. Moscow: M-Studio, 2009. 268 p.
8. *Partisipatornyi podkhod v povyshenii kachestva zhizni naseleniya: monografiya* [Participatory Approach to Improving the Quality of Life of the Population: Monograph]. Under general editorship of N.M. Rimashevskaya, N.N. Ivashinenko. Nizhny Novgorod – Moscow: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2013. 268 p.
9. Pasovets Yu.M. Imushchestvennaya stratifikatsiya naseleniya Rossii i ee regionov [Property Stratification of the Population of Russia and Its Regions]. *Regionologiya* [Regionology], 2011, vol. 77, no. 4, pp. 202-210.
10. Pasovets Yu.M. *Sotsial'nye resursy i ogranicheniya razvitiya regiona v kontekste obshcherossiiskikh izmenenii* [Social Resources and Limitations of the Region's Development in the Context of Nationwide Changes]. Kursk: Kurskii gos. un-t., 2010. 151 p.
11. Rimashevskaya, N.M. Bednost' i marginalizatsiya naseleniya [Poverty and Marginalization of the Population]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2004, no. 4, pp. 33-43.
12. Slobodenyuk E.D., Tikhonova N.E. Evristicheskie vozmozhnosti absolyutnogo i otnositel'nogo podkhodov k izucheniyu bednosti v rossiiskikh usloviyakh [Heuristic Possibilities of Absolute and Relative Approaches to the Study of Poverty in Russia]. *Sotsiologiya: 4M* [Sociology: 4M], 2011, no. 33, pp. 5-27.
13. Solov'ev A.K. Problema preodoleniya bednosti pensionerov – klyuchevaya zadacha gosudarstva i obshchestva sovremennoi Rossii [Alleviation of Pensioners' Poverty – a Key Task for the State and Society in Contemporary Russia]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2014, no. 5 (35), pp. 143-155.
14. Sotsial'noe polozhenie i uroven' zhizni naseleniya Rossii. 2002: stat. sb. [Social Status and Standard of Living of the Russian Population. 2002: Statistics Digest]. *Goskomstat Rossii* [Federal State Statistics Service], Moscow, 2002.
15. Sotsial'noe polozhenie i uroven' zhizni naseleniya Rossii. 2007: stat. sb. [Social Status and Standard of Living of the Russian Population. 2007: Statistics Digest]. *Rosstat* [Federal State Statistics Service], Moscow, 2007.
16. Sotsial'noe polozhenie i uroven' zhizni naseleniya Rossii. 2009: stat. sb. [Social Status and Standard of Living of the Russian Population. 2009: Statistics Digest]. *Rosstat* [Federal State Statistics Service], Moscow, 2009.
17. Sotsial'noe polozhenie i uroven' zhizni naseleniya Rossii. 2013: stat. sb. [Social Status and Standard of Living of the Russian Population. 2013: Statistics Digest]. *Rosstat* [Federal State Statistics Service], Moscow, 2013.
18. Tikhonova, N.E. Fenomen bednosti v sovremennoi Rossii [Phenomenon of Poverty in Modern Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2014, no. 1, pp. 7-19.
19. Federal'nyi zakon "O prozhitochnom minimume v Rossiiskoi Federatsii": ot 24.10.1997 g. (s izm.) [Federal Law "On Subsistence Minimum in the Russian Federation of October 24, 1997 (with Amendments)]. *Konsul'tantPlyus* [Reference-Legal System KonsultantPlus].
20. TsBSD [Central Database of Statistical Data]. *Rosstat* [Federal State Statistics Service]. Available at: <http://cbsd.gks.ru/>.
21. Shabunova A.A., Lastochkina M.A. Preodolenie sotsial'nogo neravenstva kak impul's k sotsiokul'turnoi modernizatsii [Overcoming Social Inequality as an Impetus to Socio-Cultural Modernization]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2014, no. 3 (33), pp. 69-83. – DOI: 10.15838/esc/2014.3.33.6

О нормативной модели здорового образа жизни

**Риза Ахмедзакиевич
КАСИМОВ**

кандидат педагогических наук, директор, главный специалист по медицинской профилактике, Бюджетное учреждение здравоохранения Вологодской области Вологодский областной центр медицинской профилактики (160001, г. Вологда, ул. Мира, д. 9, vocmp-vologda@yandex.ru)

Аннотация. Одной из основных функций здоровьесберегающего образовательного пространства является формирование здорового образа жизни у субъектов образовательного процесса. Данная функция может быть реализована эффективно только при активном участии в этом процессе органов исполнительной власти в сфере образования, с привлечением других ведомств, ответственности и самих субъектов образовательного процесса. Такое сотрудничество требует для всех участников данного педагогического процесса общих понятий в вопросах формирования здоровья, однако до настоящего времени не разработан единый взгляд на понятие «здоровый образ жизни» и не определены оптимизированные и эффективные педагогические модели его формирования на межсекторальном принципе. В статье анализируются разные взгляды ученых на данную проблему. Здоровый образ жизни рассматривается как комплексная педагогическая технология формирования культуры здоровья. На основе анализа взгляда ученых на понятие «здоровый образ жизни» выявлены три основных компонента здорового образа жизни: культура здоровья, здоровьесберегающие активности и условия, обеспечивающие здоровый стиль жизни. Аргументируется, что здоровьесберегающие потребности человека диктуют его здоровьесберегающие активности. Выявляются основные системообразующие подкомпоненты здорового образа жизни: физическая, экологическая, медицинская, психологическая и духовно-нравственная активности. Представлена нормативная модель здорового образа жизни и его структура. Дается определение здорового образа жизни как образцовой здоровьесберегающей модели поведения. Обосновано, что предложенная нормативная модель здорового образа жизни может быть успешно использована для формирования здоровьесберегающего образовательного пространства на принципах межсекторального сотрудничества.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, здоровый стиль жизни, культура здоровья, здоровьесберегающие потребности, физическая активность, экологическая активность, медицинская активность, психологическая активность, духовно-нравственная активность, здоровьесберегающее образовательное пространство.

Введение

На современном этапе разное толкование понятия «здоровый образ жизни» не позволяет достичь желаемой эффективности формирования здоровьесберегающего образовательного пространства. Необходимо определиться с ключевым понятием «здоровый образ жизни», которое объединяло бы участников педагогического процесса формирования здоровьесберегающего образовательного пространства не только как общий целевой показатель, но и как единый понятийный аппарат, консолидирующий педагогический потенциал всех участников этого процесса. От многообразия взглядов на понятие «здоровый образ жизни» необходимо перейти к его единому нормативному понятию, что предполагает приведение данного понятия к типовой (образцовой) норме, принятой всеми субъектами здоровьесберегающего образовательного пространства в его единой трактовке.

Раскрытию социальной сущности образа жизни и его влияния на здоровье посвящены работы многих ученых нашего времени. Однако их взгляды на данную проблему как междисциплинарную в мире науки различаются.

Исследуя сущность понятия «здоровый образ жизни», одна группа ученых представляет его как отказ от вредных для здоровья факторов и принятие факторов, благоприятствующих здоровью (Ю.А. Андреева, Е.Ф. Солопов, Б.Н. Чумаков и др.). Другая группа ученых видит сущность данного понятия в социальной компетентности, определенной культуре здоровьесберегающего поведения человека (В. Касаткин, Ю.П. Лисицын, В.М. Басова и др.). Третья группа ученых считает, что здоровый образ жизни – это определенный образец, идеал здоровьесберегающего поведения (Л.Н. Волошина, И.Ю. Кокаева, И.А. Коробейников, Е.Е. Чепурных и др.).

Четвертая группа ученых предполагает, что здоровый образ жизни не может быть одинаковым для всех, и приходит к выводу о том, что здоровый образ жизни на индивидуальном уровне следует определять как здоровый стиль жизни (С.О. Авчинникова, М.Я. Виленский, Л.Г. Татарникова и др.). Однако во всех вышеизложенных взглядах на понятие «здоровый образ жизни» есть объединяющие компоненты, которые могут стать связующими элементами для конструирования нормативной модели «здорового образа жизни».

Основная часть

Ведущей целевой функцией здоровьесберегающего образовательного пространства любого уровня является формирование здорового образа жизни субъектов образовательного процесса, который реализуется на принципе взаимодействия специалистов разных профилей. Необходимо, чтобы все участники здоровьесберегающей деятельности в сфере образования имели единое понятийное представление о здоровом образе жизни.

На наш взгляд, здоровый образ жизни необходимо рассматривать как комплексную технологию здоровой жизнедеятельности человека, включающую множество взаимосвязанных здоровьесберегающих подкомпонентов, которые могут быть таковыми только при условии приложения усилий для их реализации, то есть активности. Наиболее значимые из этого множества подкомпонентов для сохранения и укрепления здоровья человека следует выявить. Это позволит упростить приведение к единой норме исследуемого понятия «здоровый образ жизни».

Л.Н. Волошина утверждает, что «здоровый образ жизни – это, прежде всего, культурный образ жизни, цивилизованный, гуманистический», она выделяет зависимость здорового образа жизни человека от его культуры [5, с. 42].

Культура в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля определяется как «образование, умственное и нравственное» [6, с. 217]. «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова трактует культуру как «совокупность достижений человека в производственном, общественном и умственном отношении» [12, с. 274]. Из этих толкований понятия культуры можно сделать заключение о том, что культурный — значит образованный, достигший определенных совокупных знаний, умений и навыков в какой-либо области, которые реализуются на основе нравственных и духовных норм жизнедеятельности. Данное заключение дает основание рассматривать культуру здоровья как совокупность знаний, умений и навыков в области здоровой жизнедеятельности, которые реализуются в социуме как здоровый образ жизни. Народный комиссар здравоохранения Н.А. Семашко писал: «...Без санитарной культуры не может быть культуры вообще; без санитарного просвещения не может быть здорового населения...» Санитарное просвещение он понимал как «совокупность образовательных, воспитательных, агитационных и пропагандистских мер, направленных на сохранение, укрепление и скорейшее восстановление здоровья и трудоспособности человека, на продление активной его жизни» [13, с. 199]. Основные составляющие, формирующие здоровый образ жизни, представлены в этих взглядах Н.А. Семашко на санитарное просвещение, конечным продуктом которого он считал санитарную культуру или, в нашем понимании, культуру здоровья, без которой не может быть культуры вообще.

В работах В.М. Басовой, Л.Н. Волошиной, В.Н. Касаткина, В.В. Сокорева и др. культура здоровья человека представлена как его социальная компетентность в вопросах сохранения и укрепления здоровья.

Исходя из вышеизложенного, мы выделяем один из основных компонентов, определяющих здоровый образ жизни человека, — его культуру здоровья.

В.З. Коган подчеркивает, что отношение к здоровью конкретно проявляется в действиях и поступках, мнениях и суждениях людей относительно факторов, влияющих на их физическое и психическое здоровье. Отношение к здоровью, считает он, в силу своей значимости для жизнедеятельности личности, являясь интегральным компонентом системы отношений человека к действительности в целом, может быть адекватным и неадекватным. Исходя из этого В.З. Коган выдвигает новый подход к формированию здорового образа жизни, предлагая обратиться к внутреннему миру личности, ее целостной структуре. Он рассматривает человека в качестве субъекта здоровья, активно создающего свое физическое, психическое и социальное благополучие, свою продуктивную жизнедеятельность и творческое долголетие [8, с. 31]. Обращаясь к внутреннему миру личности, с одной стороны, и предлагая проявлять активность в вопросах своего физического, психического и социального благополучия — с другой, В.З. Коган отмечает прямую взаимосвязь этих явлений и акцентирует внимание на том, что главный ресурс активности человека — в его внутренних ресурсах. Суть включения внутреннего потенциала человека в целях формирования здорового образа жизни, изложенная во взгляде В.З. Коган на эту проблему, представляется нам важным для развития мотивации к здоровьесберегающей деятельности личности.

Основываясь на вышеизложенном, мы делаем вывод о том, что, увязывая потребности человека с его активностью и здоровьем, можно успешно включить его внутренний ресурс для достижения целей

формирования здорового образа жизни. Ссылаясь на данный вывод, мы можем также заключить, что здоровье человека зависит от самого человека — от его желания и активности быть здоровым и что в основе включенности самого человека в процесс здорового образа жизни находятся его **потребности**. Это один из важных компонентов здорового образа жизни человека, побуждающий его к их удовлетворению через определенную активность.

Ю.П. Лисицын здоровым образом жизни называет «активную деятельность человека, направленную на сохранение и укрепление своего здоровья». Из данного определения следует: человек сам ответствен за свое физическое, психическое и социальное благополучие; человек должен обладать определенными знаниями, умениями и навыками сохранения и укрепления своего здоровья; человек обязан для достижения цели сохранения и укрепления своего здоровья проявлять определенную активность. Таким образом, **активность** является ещё одним из компонентов здорового образа жизни.

По мнению В.К. Бальсевича, физическая активность человека должна рассматриваться «как главная сфера формирования физической культуры личности». «Физическая культура — первый, самый естественный мостик, соединяющий в единое целое социальное и биологическое в человеке», — подчеркивает он [2, с. 22]. Взаимосвязь активности и формирования культуры личности может быть рассмотрена применительно к другим видам активности человека, которые, как мозаика, создают его общую культуру. Из данного научного взгляда мы выделяем методологию, которая, как аналогия, может быть применена в процессе формирования здорового образа жизни субъектов образовательного процесса путем воспитания и обучения их различным видам активностей.

А.И. Федоров, С.Б. Шарманова под «здоровым образом жизни» понимают «типичную совокупность форм и способов жизнедеятельности, способствующую полноценному выполнению учебно-трудовых, социальных и биологических функций, которая является важной задачей школьного физического воспитания» [17, с. 12]. Особо выделяется ими составная часть здорового образа жизни — физическая активность, которую они трактуют как «деятельность индивидуума, направленную на достижение физического совершенства».

По нашему мнению, для достижения целей физического здоровья индивидуума необходимо вести такой образ жизни, в котором системно обеспечивается полезная для его здоровья физическая активность.

Физическое совершенство — это цель, которая больше соответствует тем, кто занят в профессиональном спорте. Оптимальные физические нагрузки в целях сохранения и укрепления здоровья являются той полезной **физической активностью** человека, которую можно отнести к одному из подкомпонентов его здорового образа жизни. Исходя из этого физическую активность человека следует рассматривать как оптимизированные физические нагрузки, обеспечивающие сохранение и укрепление его здоровья.

Желание расстаться с вредными привычками также зависит от активности человека. Мы считаем, что процесс отказа от нездоровых привычек входит в структуру экологической активности человека, которая нацелена, в том числе и за счет отказа от этих привычек, на защиту им своей биосистемы от внешних вредных для здоровья экологических факторов. К примеру, от большого количества алкоголя, продуктов курения, наркотиков и т.п.

В толковом словаре Г.Я. Солганик «Язык газеты, радио, телевидения» дается определение экологии «как науки об отношениях растительных и животных организмов и образуемых ими сообществ между собой и окружающей средой. Например, экология человека, экология культуры и др.» [14, с. 637]. Признаки отношения человека с внешней средой заложены в самом определении.

Экологическую активность человека можно трактовать как его деятельность, направленную на предупреждение и борьбу с вредными для здоровья экологическими и поведенческими факторами, в интересах защиты биосистемы своей и других субъектов сообщества людей, с целью сохранения укрепления их здоровья.

Ю.П. Лисицын определяет здоровый образ жизни как деятельность, наиболее характерную, типичную для конкретных социально-экономических, политических, экологических и прочих условий, направленных на сохранение и укрепление здоровья людей. Он уточняет, что пути формирования здорового образа жизни вытекают из понимания его функциональной структуры. Ключом к ним он считает медицинскую активность, т.е. деятельность людей, связанную со своим и общественным здоровьем и направленную на охрану, укрепление, воспроизводство здоровья, т.е. положительную медицинскую активность [11, с. 57], которая должна воспитываться в человеке с самого раннего детства. Медицинскую активность он разделяет на самостоятельные элементы. Это санитарная грамотность, гигиенические и антигигиенические привычки, обращаемость в медицинские учреждения за советами, в том числе профилактическими, выполнение медицинских рекомендаций. Он подчеркивает, что проявление медицинской активности во многом зависит от общего

уровня культуры, образования, психологической установки, условий жизни, состояния здравоохранения и др. К медицинской активности он также относит соблюдение режима питания, занятия физической культурой и спортом, отношение к курению, употреблению алкоголя, соблюдение техники безопасности и др. По нашему мнению, данные факторы, определяющие образ жизни человека, можно отнести к медицинской активности лишь в части реализации рекомендаций медицинского работника по их коррекции.

Медицинскую активность человека, на наш взгляд, следует рассматривать как его активную деятельность по сохранению и укреплению своего и общественного здоровья во взаимодействии с медицинскими службами и как один из подкомпонентов здорового образа жизни. Наиболее важным в научных взглядах Ю.П. Лисицына представляется выделение составляющих здорового образа жизни: медицинской и других видов активности, зависимости активности от общей культуры человека и ряда других условий.

Ещё одно определение здорового образа жизни дает А.А. Коробейников: «Результат разумно-нравственного поведения человека, гармоническое единство духа и тела, существующих в согласии с законами природы и общества. Этот образ жизни характеризуют интеллектуальная развитость, духовно-нравственное благополучие, физическая крепость, психологическая адекватность, неприятие антисоциальных привычек, осознание значения физического и нравственного совершенства, способность к гармонизации межличностных и общественных отношений и на этой основе — максимальная реализация личностного потенциала в основных сферах деятельности» [10, с. 69]. В данном определении выделена духовно-нравственная и психологическая

составляющая образа жизни человека, что, на наш взгляд, очень важно для изучения сущности исследуемого понятия. Чтобы реализовать свой духовно-нравственный и психологический потенциал в целях сохранения и укрепления здоровья, человек должен проявлять определенную активность. Данное действие может побуждать мотив, который исходит, соответственно, из духовно-нравственных и психологических потребностей. Обобщая вышеизложенное, следует выделить два важнейших здоровьесберегающих подкомпонента здорового образа жизни — **духовно-нравственную и психологическую активности**.

Духовно-нравственную активность человека можно определить как соответствующие высоконравственные действия, удовлетворяющие его духовные потребности и способствующие сохранению и укреплению его здоровья.

Под психологической активностью человека, на наш взгляд, следует понимать его способность осуществлять действия, направленные на преодоление и предупреждение стрессовых ситуаций, обеспечивающие сохранение и укрепление его здоровья, а также гармонизацию межличностных и общественных отношений.

Важнейшей из составляющих здорового образа жизни человека, выделенной А.А. Коробейниковым, является **психологическая адекватность**. Она зависит от психического здоровья человека и по-разному влияет на его поступки и различные виды активностей. Для сохранения и укрепления здоровья человека только психологическая адекватность может оптимизировать любые виды активностей. Нами выявлено, что между потребностями человека и соответствующими им активностями должна существовать психологическая адекватность, которая обеспечивает оптимизацию данной активности и, как следствие,

эффективность сохранения и укрепления здоровья. Данное заключение является значимым для приведения понятия «здоровый образ жизни» к единому нормативному определению.

На основе анализа работ В.К. Бальсевича, В.З. Коган, А.А. Коробейникова, Ю.П. Лисицына, А.И. Федорова и других выявлены основные подкомпоненты здорового образа жизни: физическая активность, медицинская активность, психологическая и духовно-нравственная активности.

Л.Г. Татарникова заключает, что «здоровый образ жизни не может быть одинаковым для всех, так как люди исходно различны; следовательно, чтобы достичь определенного эффекта, вести они должны себя по-разному». Отсюда она делает вывод: «Здоровым считается такой стиль поведения (образ жизни), который приводит человека к желаемой продолжительности и требуемому качеству жизни» [16, с. 23]. Стиль поведения здесь можно рассматривать как индивидуальную совокупность активностей человека, которая дает желаемые результаты.

В связи с тем, что появилось понятие «стиль поведения» как аналог «образа жизни», следует разобраться в различиях понятий «здоровый образ жизни» и «здоровый стиль жизни». По мнению М.Я. Виленского и С.О. Авчинниковой, является неудовлетворительным как полное отождествление понятий «образ жизни» и «стиль жизни», так и полное их противопоставление. Решение данного вопроса, как им кажется, кроется в определении субъектов рассматриваемых феноменов. Субъектом образа жизни выступает создатель тех или иных форм жизнедеятельности, которые имеют социально типичный характер. Носителем социально типичных черт жизнедеятельности является отдельная личность, ко-

торая вместе с тем выступает как субъект собственного стиля жизни. Из этого они заключают, что стиль жизни — не составная часть образа жизни, а воплощение последнего на уровне личности. Далее они делают вывод, что здоровый стиль жизни может трактоваться как индивидуализированный вариант здорового образа жизни, включающий в себя мировоззренческий, поведенческий и деятельностный аспекты. В контексте вышеизложенного ими дается определение здорового стиля жизни как личностного новообразования, продукта духовных и физических усилий человека, целостной системы жизненных проявлений личности, способствующей гармонизации своей индивидуальности с условиями жизнедеятельности и являющейся средством самоактуализации личности в ней [4, с. 2-7].

Исходя из того, что данный взгляд на понятие «здоровый стиль жизни» совпадает с нашим взглядом, в процессе поиска подходов к нормативному понятию «здоровый образ жизни» мы будем придерживаться его. По заключению М.Я. Виленского и С.О. Авчинниковой, чтобы реализовать здоровый стиль жизни, человеку необходимо проявить усилия, то есть определенную активность, а жизненные проявления, сочетающиеся с индивидуальностью личности, выражают прежде всего его жизненные потребности. В целостной системе реализации личностью жизненных потребностей, способствующих здоровому стилю его жизни, как нам видится, отображается его культура. Из этого следует, что от культуры человека, которая выражает его потребности и определяет поступки, то есть виды активностей, зависит его стиль жизни. Этот алгоритм развития культуры в здоровый стиль жизни может быть положен в основу реализации индивидом нормативного здорового образа жизни в социуме.

В результате анализа взглядов некоторых ученых на понятие «здоровый образ жизни» с позиций педагогики, психологии и культурологии, изучения ряда технологий его формирования выявлено:

— для всех определений понятия «здоровый образ жизни» есть одно общее — необходимость активных действий, обеспечивающих сохранение и укрепление здоровья, выраженных медицинским, физическим, экологическим или каким-либо другим видом активности человека;

— в основе активностей человека, обеспечивающих сохранение и укрепление здоровья, его потребности, наиболее эффективно активность индивида формируется тогда, когда она соответствует его потребностям;

— оптимизация здоровьесберегающей активности человека зависит от состояния его психического здоровья и степени потребности в этом виде активности;

— наличие у данного понятия «цементирующей» основы, объединяющей все здоровьесберегающие компоненты, характеризующейся как культура здоровья, принадлежит конкретному субъекту и проявляется в социуме через различные виды активностей в виде его здорового стиля жизни.

На основе этих заключений нами сделан вывод, что здоровый образ жизни индивида включает три компонента: 1) базовый — культура здоровья (продолгованные потребности к здоровьесберегающим активностям); 2) здоровьесберегающие активности (подкомпоненты) — физическая, медицинская, экологическая, социальная, духовно-нравственная и др., реализуемые им и тесно связанные с его психическим здоровьем; 3) условия, обеспечивающие реализацию культуры здоровья индивида в здоровый стиль жизни. Данные компоненты здорового образа жизни взаимосвязаны и взаимозависимы.

Культуру здоровья индивида можно характеризовать как его социальную компетентность в вопросах здоровья, сформировавшиеся устойчивые потребности в здоровом образе жизни, умения и навыки их удовлетворять на основе здоровьесберегающих активностей.

Выявленные нами компоненты и подкомпоненты здорового образа жизни дают возможность продуктивно их использовать при моделировании образцовой здоровьесберегающей жизнедеятельности человека или, иначе, разработке модели здорового образа жизни. Задача создания такой модели предполагает приведение понятия «здоровый образ жизни» к нормативной структуре его формирования и трактовке и его синтез в процесс формирования здоровьесберегающего образовательного пространства (рисунок).

Нормативная (образцовая) модель здорового образа жизни с точки зрения образца (идеала) поведения – статична, является комплексным здоровьесберегающим инструментом для индивида. Эта модель отражает оптимизированную структуру здорового образа жизни, которая в повседневной жизни человека реализуется в виде его индивидуального здорового стиля жизни. По предложенной модели предлагается обучать и воспитывать подрастающее поколение здоровой жизнедеятельности (здоровому образу жизни), объединив усилия всех секторов общества.

Ведущей из характеристик здоровой личности ребенка Л.Н. Волошина выделяет активность. Она утверждает, что «именно активность, в конечном счете, определяет здоровьесообразное поведение и состояние здоровья и обеспечивает превращение

детей из безответственных и пассивных объектов в субъекты процесса здоровьесбережения с чувством ответственности, наделенных правами и обязанностями» [5, с. 40].

Когда мы говорим об обучении здоровому образу жизни и воспитании, мы имеем в виду прежде всего обучение активностям: физической, медицинской, экологической, психологической, духовно-нравственной, которые мы определяем как базовые.

В результате целенаправленного педагогического процесса эти активности, каждая в отдельности, превращаются в устойчивые потребности обучаемого, которые реализуются в социуме в его здоровый стиль жизни. Этот алгоритм развития здоровьесберегающего поведения человека можно характеризовать как процесс формирования его культуры здоровья. Так как данные активности обеспечивают сохранение и укрепление здоровья человека, их также можно назвать здоровьесберегающими активностями, а приобретенные потребности – здоровьесберегающими потребностями. Данные потребности вполне обоснованно можно характеризовать как сформированные подкомпоненты общей культуры здоровья: физическую культуру, экологическую культуру, медицинскую культуру, психологическую культуру, духовно-нравственную культуру и др.

Исходя из вышеизложенного можно вывести общее определение: **здоровый образ жизни – это образцовая здоровьесберегающая модель поведения, которая реализуется человеком в социуме на основе удовлетворения им своих здоровьесберегающих потребностей, через соответствующие оптимизированные виды здоровьесберегающих активностей, которые психологически адекватны и обеспечивают сохранение, укрепление его здоровья. Данный образ жизни на**

его индивидуальном уровне характеризуется как здоровый стиль жизни и выражает его культуру здоровья.

Это определение понятия здорового образа жизни может претендовать на то, чтобы стать единым нормативным для всех **секторов общества**, участвующих в процессе формирования ЗОП.

Основанием для данного вывода служит следующее:

- данное определение учитывает в своем содержании совокупно все рассмотренные в нашем анализе взгляды ученых на понятие «здоровый образ жизни»;

- отвечает на педагогические вопросы: чему учить человека, чтобы он мог реализовать здоровьесберегающую жизнедеятельность и какое качество человек приобретет в результате системного педагогического воздействия, которое обеспечит ему здоровьесберегающую жизнедеятельность, то есть здоровый образ жизни;

- позволяет включиться в процесс формирования здорового образа жизни посредством обучения здоровьесберегающим активностям: физической, экологической, медицинской, психологической, духовно-нравственной и другим – всем заинтересованным секторам общества, отвечающим за здоровье населения;

- может стать, с точки зрения синергетического подхода, топологией для начального воздействия, быть аттрактором для развития здоровьесберегающей деятельности и играть решающую роль в достижении целей формирования здоровьесберегающего образовательного пространства.

Применительно к определению понятия «здоровье», данному ВОЗ, для достижения полного физического, духовного и социального благополучия, предупреждения болезней и физических недостатков человеку необходимо, обладая определен-

ными знаниями о здоровой жизнедеятельности, системно проявлять физическую, медицинскую, духовную, экологическую, социальную и другие виды активности. В совокупности такой человек обладает «культурой здоровья», а процесс его жиз-

недеятельности соответствует здоровому образу жизни. Развитие пролонгированных устойчивых потребностей личности к здоровьесберегающим видам активностей следует рассматривать как формирование его культуры здоровья.

Литература

1. Андреев, Ю.А. Три кита здоровья / Ю.А. Андреев. – М.: Физкультура и спорт, 1991. – 332 с.
2. Бальсевич, В.К. Физическая подготовка в системе воспитания культуры здорового образа жизни человека (методологический, экологический и организационный аспекты) / В.К. Бальсевич // Теория и практика физической культуры. – 1990. – № 1.
3. Басова, В.М. Формирование социальной компетентности сельских школьников: автореф. дис. ... док. пед. наук / В.М. Басова. – Ярославль, 2004.
4. Виленский, М.Я. Методологический анализ общего и особенного в понятиях «здоровый образ жизни» и «здоровый стиль жизни»: вопросы теории / М.Я. Виленский, С.О. Авчинникова // Теория и практика физической культуры. – 2004. – № 11. – С. 2-7.
5. Волошина, Л.Н. Развитие здоровьесберегающего образовательного пространства дошкольных учреждений: методология, теория, практика : дис. ... док. пед. наук / Л.Н. Волошина. – Екатеринбург, 2006. – 434 с.
6. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – М.: Рус. яз., 1978. – Т. 4.
7. Касаткин, В. Болезнь как недостаток культуры / В. Касаткин // Частная школа. – 1995. – № 4. – С. 106-112.
8. Коган, В.З. Отношение к здоровью и пути его адекватного формирования как проблема общественного здоровья / В.З. Коган // Общественное здоровье и профилактика заболеваний. – 2006. – № 4. – С. 31-34.
9. Кокаева, И.Ю. Развитие регионального образовательного пространства как фактор сохранения и укрепления здоровья младших школьников: дис. ... док. пед. наук / И.Ю. Кокаева. – Владикавказ, 2011.
10. Коробейников, А.А. Актуальная европейская проблема: внедрение здоровьесберегающей педагогики / А.А. Коробейников. – М., 2009. – 264 с.
11. Лисицын, Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение / Ю.П. Лисицын. – М., 2002. – 508 с.
12. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1987. – 795 с.
13. Семашко, Н.А. Избранные произведения / Н.А. Семашко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Медицина, 1967. – 379 с.
14. Солганик, Г.Я. Стилистический словарь публициста: около 6000 слов и выражений / Г.Я. Солганик. – М.: Русский словарь, 1959. – 650 с.
15. Солопов, Е.Ф. Концепции современного естествознания: учебное пособие для студентов вузов / Е.Ф. Солопов. – М.: ВЛАДОС, 1998. – 231 с.
16. Татарникова, Л.Г. Педагогическая валеология / Л.Г. Татарникова. – СПб., 1997. – 356 с.
17. Федоров, А.И. Здоровье и поведение школьников: Социально-педагогический мониторинг здоровья, физической активности и образа жизни школьников / А.И. Федоров, С.Б. Шарманов. – М.: ЧГНОЦ УО РАО, 2004. – 88 с.
18. Чепурных, Е.Е. Национальная концепция охраны здоровья в системе образования / Е.Е. Чепурных // Магистр. – 1999. – № 3. – С. 3-13.
19. Чумаков, Б.Н. Валеология: курс лекций / Б.Н. Чумаков. – М.: Пед. общество России, 1999. – 407 с.

Kasimov R.A.

On the normative model of a healthy lifestyle

Riza Akhmedzakievich Kasimov – Ph.D. in Pedagogy, Director, State Healthcare Institution “Vologda Oblast Center for Medical Prophylaxis” (9, Mira Street, Vologda, 160001, Russian Federation, vocmp-vologda@yandex.ru)

Abstract. The formation of a healthy lifestyle among the educational process subjects is one of the main functions of health-saving educational space. This function can be implemented effectively only if the executive bodies in the sphere of education, other agencies, the public and the subjects of the educational process take active part in this process. Such cooperation requires a common understanding in the issues to promote health of all pedagogical process participants, but to date the concept “healthy lifestyle” has not been clearly defined and the effective and optimized pedagogical models for its formation, according to the cross-cutting principle, have not been elaborated. The article analyzes different points of view on this issue. A healthy lifestyle is considered as a complex pedagogical technology to create health culture. Taking into account the scholars’ attitudes to the concept “healthy lifestyle” the author identifies three main components of a healthy lifestyle: health culture, health-saving activity and conditions that ensure a healthy lifestyle. The article argues that health saving needs of a person predetermine his/her health-saving activities. It reveals the main strategic sub-components of a healthy lifestyle: physical, environmental, medical, psychological and spiritual-moral activities. The work presents the normative model of a healthy lifestyle and its structure. It defines a healthy lifestyle as a model of health-saving behavior model. The author proves that the proposed normative model of a healthy lifestyle can be successfully used for the formation of health-saving educational space on the principles of inter-sectoral collaboration.

Key words: healthy way of life, healthy lifestyle, health culture, health-saving needs, physical activity, environmental activity, medical activity, mental activity, spiritual-moral, health-saving educational space.

References

1. Andreev Yu.A. *Tri kita zdorov'ya* [Three Pillars of Health]. Moscow: Fizkul'tura i sport, 1991. 332 p.
2. Bal'sevich V.K. *Fizicheskaya podgotovka v sisteme vospitaniya kul'tury zdorovogo obraza zhizni cheloveka (metodologicheskii, ekologicheskii i organizatsionnyi aspekty)* [Physical Training in the Education System of the Healthy Lifestyle Culture (Methodological, Environmental and Organizational Aspects)]. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury* [Theory and Practice of Physical Culture], 1990, no. 1.
3. Basova V.M. *Formirovanie sotsial'noi kompetentnosti sel'skikh shkol'nikov: avtoref. dis. ... dok. ped. nauk* [Formation of the Social Competence of Rural Students: Doctor of Pedagogy Dissertation Abstract]. Yaroslavl, 2004.
4. Vilenskii M.Ya., Avchinnikova S.O. *Metodologicheskii analiz obshchego i osobennogo v ponyatiyakh "zdorovyi obraz zhizni" i "zdorovyi stil' zhizni": voprosy teorii* [Methodological Analysis of the Differences and Similarities in the Concepts of “Healthy Way of Life” and “Healthy Style of Life”: Theoretical Issues]. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury* [Theory and Practice of Physical Culture], 2004, no. 11, pp. 2-7.
5. Voloshina L.N. *Razvitie zdorov'esberegayushchego obrazovatel'nogo prostranstva doshkol'nykh uchrezhdenii: metodologiya, teoriya, praktika: dis. ... dok. ped. nauk* [The Development of Health Saving Educational Space of Preschool Institutions: Methodology, Theory, Practice: Doctor of Pedagogy Dissertation]. Yekaterinburg, 2006. 434 p.
6. Dahl V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t.* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 Volumes]. Moscow: Rus. yaz., 1978, vol. 4.
7. Kasatkin V. *Bolezn' kak nedostatok kul'tury* [Disease as a Lack of Culture]. *Chastnaya shkola* [Private School], 1995, no. 4, pp. 106-112.

8. Kogan V.Z. Otnoshenie k zdorov'yu i puti ego adekvatnogo formirovaniya kak problema obshchestvennogo zdorov'ya [Attitude to Health and Ways of its Formation as a Problem of Public Health]. *Obshchestvennoe zdorov'e i profilaktika zabolevanii* [Public Health and Disease Prevention], 2006, no. 4, pp. 31-34.
9. Kokaeva I.Yu. *Razvitiye regional'nogo obrazovatel'nogo prostranstva kak faktor sokhraneniya i ukrepleniya zdorov'ya mladshikh shkol'nikov: dis. ... dok. ped. nauk* [Development of Regional Educational Space as a Factor to Preserve and Strengthen Health of Junior Schoolchildren: Doctor of Pedagogics Dissertation]. Vladikavkaz, 2011.
10. Korobeinikov A.A. *Aktual'naya evropeiskaya problema: vnedrenie zdorov'esberegayushchei pedagogiki* [Topical European Issue: Implementation of Health-Saving Pedagogics]. Moscow, 2009. 264 p.
11. Lisitsyn Yu.P. *Obshchestvennoe zdorov'e i zdravookhranenie* [Public Health and Health Care]. Moscow, 2002. 508 p.
12. Ozhegov S.I. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkii yazyk, 1987. 795 p.
13. Semashko N.A. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Second edition, revised and supplemented. Moscow: Meditsina, 1967. 379 p.
14. Solganik G.Ya. *Stilisticheskii slovar' publitsista: okolo 6000 slov i vyrazhenii* [Stylistic Dictionary of a Publicist: About 6000 Words and Expressions]. Moscow: Russkii slovar', 1959. 650 p.
15. Solopov E.F. *Kontseptsii sovremennogo estestvoznaniya: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov* [Concept for Modern Science: Textbook for University Students]. Moscow: VLADOS, 1998. 231 p.
16. Tatarnikova L.G. *Pedagogicheskaya valeologiya* [Pedagogical Valeology]. Saint Petersburg, 1997. 356 p.
17. Fedorov A.I., Sharmanov S.B. *Zdorov'e i povedenie shkol'nikov: Sotsial'no-pedagogicheskii monitoring zdorov'ya, fizicheskoi aktivnosti i obraza zhizni shkol'nikov* [Health and Behavior of Schoolchildren: Socio-Pedagogical Monitoring of Health, Physical Activity and Lifestyle of Schoolchildren]. Moscow: ChGNOTs UO RAO, 2004. 88 p.
18. Chepurnykh E.E. Natsional'naya kontseptsiya okhrany zdorov'ya v sisteme obrazovaniya [National Health Concept in Education]. *Magistr* [Magister], 1999, no. 3, pp. 3-13.
19. Chumakov B.N. *Valeologiya: kurs lektsii* [Valeology: Course of Lectures]. Moscow: Ped. obshchestvo Rossii, 1999. 407 p.

ЭКОНОМИКА АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

DOI: 10.15838/esc/2015.2.38.11

УДК 338.431.2, ББК 65.32-18

© Семяшкин Г.М., Поздеев Д.В., Семяшкин Е.Г.

Рациональное размещение сельскохозяйственного производства на территории региона

**Григорий Михайлович
СЕМЯШКИН**

доктор экономических наук, профессор, ректор, Федеральное государственное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования специалистов Институт переподготовки и повышения квалификации работников агропромышленного комплекса Республики Коми (167003, г. Сыктывкар, ул. Ручейная, д. 31, insapk@mail.ru)

**Дмитрий Викторович
ПОЗДЕЕВ**

кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры, Федеральное государственное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования специалистов Институт переподготовки и повышения квалификации работников агропромышленного комплекса Республики Коми (167003, г. Сыктывкар, ул. Ручейная, д. 31, insapk@mail.ru)

**Ефим Григорьевич
СЕМЯШКИН**

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (insapk@mail.ru)

Аннотация. В работе предложен авторский подход к определению оптимального размещения сельскохозяйственного производства на территории региона, включающий в себя методологическое обоснование необходимости дифференциации потребителей при решении проблемы продовольственной безопасности региона. Для этого было предложено выделить 3 уровня: 1 уровень – обеспечение продовольствием социально незащищенных слоев, 2 уровень – обеспечение продовольствием на уровне прожиточного минимума и 3 уровень – обеспечение всего

населения региона. Предварительно по каждому муниципальному образованию был сделан прогноз изменения численности категории социально незащищенных до 2020 года и в соответствии с медицинскими нормами и нормами прожиточного минимума рассчитаны требуемые объемы продукции, которые, в свою очередь, сопоставлялись с фактическим объемом производства. Разница между фактическим объемом и величиной обоснованной потребности представляла тот прирост производства, для достижения которого требуются определенные объемы инвестиций исходя из фондоёмкости. Далее региональный рынок был поделен на 3 субрегиональных рынка в зависимости от расстояния, количества потребителей и поставщиков. Это разделение позволило произвести расчеты величины транспортных издержек исходя из вида и размера партии перевозимого продукта с учетом расстояния перевозки до каждого субрегионального рынка. В качестве критерия целесообразности перевозки учитывалась доля транспортных издержек в цене продукта не выше 30%. В противном случае требуется концентрация производства для увеличения перевозимой партии или более глубокая переработка продукта. Предложенная методика была положена в основу выбора рационального варианта территориального размещения сельскохозяйственного производства.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, сельское хозяйство, Крайний Север, экологическая продукция, развитие села, эффективность производства, аграрная политика, оптимальное размещение, региональный рынок.

Рациональное размещение сельскохозяйственного производства предполагает организацию его функционирования на конкретной территории с учетом сложившихся агроклиматических условий, а также величины транспортных издержек по доставке продукта до ближайшего рынка сбыта с целью наиболее эффективного использования земельных, трудовых, материально-технических и финансовых ресурсов. При этом основной экономический интерес предприятия заключается в большей прибыли, а интересы общества относительно аграрного производства состоят в решении проблемы продовольственной безопасности.

Производить необходимо тот продукт, который в соответствии с агроклиматическими условиями производится при наименьшей себестоимости. Транспортные издержки по доставке продукта до рынка сбыта входят в состав полных издержек. Учитывается и оптимальное соотношение отраслей для более равномерного исполь-

зования ресурсного потенциала, и прежде всего трудовых ресурсов, в течение годового периода. Например, в практике советской экономики северных территорий сельскохозяйственные рабочие, занятые летом на полевых работах и сенозаготовках, зимой, как правило, были заняты заготовкой и обработкой древесины, использовавшейся для хозяйственных нужд предприятия.

Кроме того, рациональное размещение аграрного производства зависит от динамики численности населения в территориальных рынках сбыта, крупных поселках и городах. На нее влияет развитие промышленности и других отраслей хозяйства, количество действующих и создание новых рабочих мест. Так, в Республике Коми в настоящее время создаются новые промышленные объекты по переработке нефти и титана, древесины, в отдаленной перспективе – по разработке никелевых руд. Увеличение количества новых рабочих мест предполагает и увеличение объемов

потребляемого продовольствия, часть из которого, а именно экологически чистая продукция, может быть произведена только в определенном радиусе от пункта потребления.

Существенным фактором, учитываемым при территориальном размещении производства, является необходимость недопущения обезлюдивания местности. Для этого требуется особая поддержка территорий с неблагоприятными агроклиматическими условиями, улучшения условий проживания на селе, предотвращения оттока занятых в сельском хозяйстве в город, улучшение половозрастной структуры проживающих в сельской местности.

Цель настоящего исследования состояла в том, чтобы определить основные критерии, применимые для обоснования рационального размещения сельскохозяйственного производства в регионе. Новизна работы заключается в том, что это обоснование было сделано применительно к конкретному региону – Республике Коми.

В этих целях сделан анализ основных тенденций развития регионального рынка продовольствия, рассмотрены его источники, объемы потребления, в том числе их изменение в расчете на душу населения.

Оптимизация размещения сельскохозяйственного производства на территории республики должна учитывать значительные транспортные издержки, связанные с большими расстояниями (протяженность территории республики с севера на юг составляет 785 км, с юго-запада на северо-восток – 1275 км, с запада на восток – 695 км), а также низкую плотность населения и другие факторы, ограничивающие развитие сельского хозяйства региона – детей и больных, в том числе находящихся в учреждениях здравоохранения и образования (детские сады, больницы, школы).

Особое внимание в условиях республики должно быть уделено обеспечению качественным продовольствием социально незащищенных слоев населения.

По каждому административному району был сделан прогноз изменения численности этой категории населения до 2020 года [8]. Далее, на основе прогнозных данных, медицинских норм питания и норм питания на уровне прожиточного минимума были рассчитаны необходимые размеры производства продукции сегодняшнего дня, прежде всего молока и парного мяса [5, 6]. Сопоставление фактических объемов производства и минимальных размеров позволило рассчитать по каждому району требуемые объемы производства. В дальнейших расчетах, исходя из продуктивности, было обосновано увеличение поголовья скота и, с учетом инвестиционной цены одного скотоместа, рассчитаны размеры инвестиционных вложений, необходимых для привлечения в аграрное производство в период с 2015 по 2017 г. Именно в этот период предполагается решить задачу обеспечения социально незащищенных слоев населения республики качественным продовольствием за счет местного производства. На основе прогнозных данных были обоснованы также максимально возможные объемы производства и объемы производства на уровне прожиточного минимума. На их основе рассчитаны требуемые объемы инвестиций в сельское хозяйство региона на 2018–2020 гг., т.е. на тот период, когда можно будет решить задачи обеспечения продовольственной безопасности всего населения республики по основным продуктам, производимым в её сельском хозяйстве.

В ходе исследования выявлена специфика формирования в Республике Коми трех субрегиональных рынков: Сыктывкарского (свыше 300 000 потребителей),

Ухтинско-Сосногорского (около 200 000 потребителей) и рынка северных городов (около 200 000 потребителей).

Исходя из транспортных издержек осуществлена привязка товаропроизводителей к каждому субрынку и предложена перспективная специализация товаропроизводителей по производимым продуктам.

Общий объем регионального рынка продовольствия в современных ценах составляет свыше 55 млрд. рублей, из них более половины приходится на продукцию животноводства. За 2000–2012 гг., несмотря на уменьшение общего количества потребителей, рынок возрос на 26%. За этот период численность жителей республики уменьшилась на 21% – с 1 136,3 до 889,9 тыс. чел., тем не менее рост платежеспособного спроса населения привел к увеличению потребления на душу населения: по молоку и молокопродуктам – на 40%, по мясу и

мясопродуктам – на 65%, яйца – на 12%, овощам – на 14% (табл. 1). Однако рост потребления происходил прежде всего за счет ввоза продовольствия извне, что привело к увеличению удельного веса внешних источников.

В представленной таблице приведен перечень тех продуктов, которые завозятся на республиканский рынок и одновременно являются объектами специализации большинства местных товаропроизводителей.

По данным за 2012 г. в республике было произведено 112 тыс. т картофеля, из них на долю товарных хозяйств приходилось всего 4,6 тыс. тонн (4%), на долю крестьянских фермерских хозяйств (КФХ) – примерно 3 тыс. тонн (2,6%). Производство овощей составило 22,5 тыс. тонн. На долю товарных хозяйств приходилось 4,8 тыс. тонн (22%), КФХ – 2,5%.

Таблица 1. Динамика внешних и внутренних источников продовольственного рынка Республики Коми за 2000–2012 гг.

Продукты	2000 год				2012 год				Потреблено на душу населения, кг	
	Ввоз	Местное производство	Всего*	Удельный вес местного производства, %	Ввоз	Местное производство	Всего*	Удельный вес местного производства, %	2000 год	2012 год
Молоко и молокопродукты, тыс. т	133,4	105,9	239,3	44	188	61,7	270,5	23	196	276
Скот и птица, тыс. т	41,6	14,5	56,1	26	57	20,4	71,1	27	49	81
Яйцо, млн. шт	115,3	172,8	288,1	60	120	133,3	261,3	51	241	271
Картофель, тыс. т	0,5	268,2	268,7	99,8	2,4	112	114	98	118	56
Овощи, тыс. т	60,6	38,6	99,2	39	64,5	22,5	87	26	84	96
Объем регионального рынка в сопоставимых ценах, млн. руб.**	18161,200	12208,600	34280,300	40	36408,000	19147,000	55 555	35		

* Включает неполный перечень продуктов.
 ** С учетом запасов на начало года.

Следует отметить, что за 2009–2013 гг. последние увеличили производство картофеля почти в 2,5 раза, овощей – в 5 раз. Учитывая их слабую техническую оснащенность, можно предположить, что для закрепления положительной тенденции требуется кооперация, в первую очередь, в хранении и первичной обработке картофеля и овощей.

Общая тенденция показывает снижение удельного веса и уменьшение значимости местных товаропроизводителей в обеспечении населения республики сельскохозяйственной продукцией, особенно молоком. За исследуемый период объемы производства этой продукции местные товаропроизводители уменьшили на 42%. Их доля на республиканском рынке молока и молокопродуктов сократилась с 44% в 2000 г. до 23% в 2012 г. Сокращение происходило главным образом за счет спада производства в личных подсобных хозяйствах граждан.

Вместе с тем наблюдается сохранение позиций местных товаропроизводителей в производстве мяса. Удельный вес собственного производства достигает 27%. Это существенная доля, позволяющая регулировать цены на региональном рынке, однако не решающая проблему продовольственной безопасности, и в частности – обеспечения качественным продовольствием незащищенных слоев населения. К тому же показатель потребления мяса на душу населения, составляющий 81 кг, еще не достигает медицинской нормы для условий Севера. Более того, это средний уровень потребления, следовательно, имеются группы населения, где этот показатель существенно ниже.

Почти 80% производимого в республике мяса приходится на одно предприятие – ОАО «Птицефабрика «Зеленецкая», которое специализируется на производстве мяса птицы и свинины. Такая концентрация

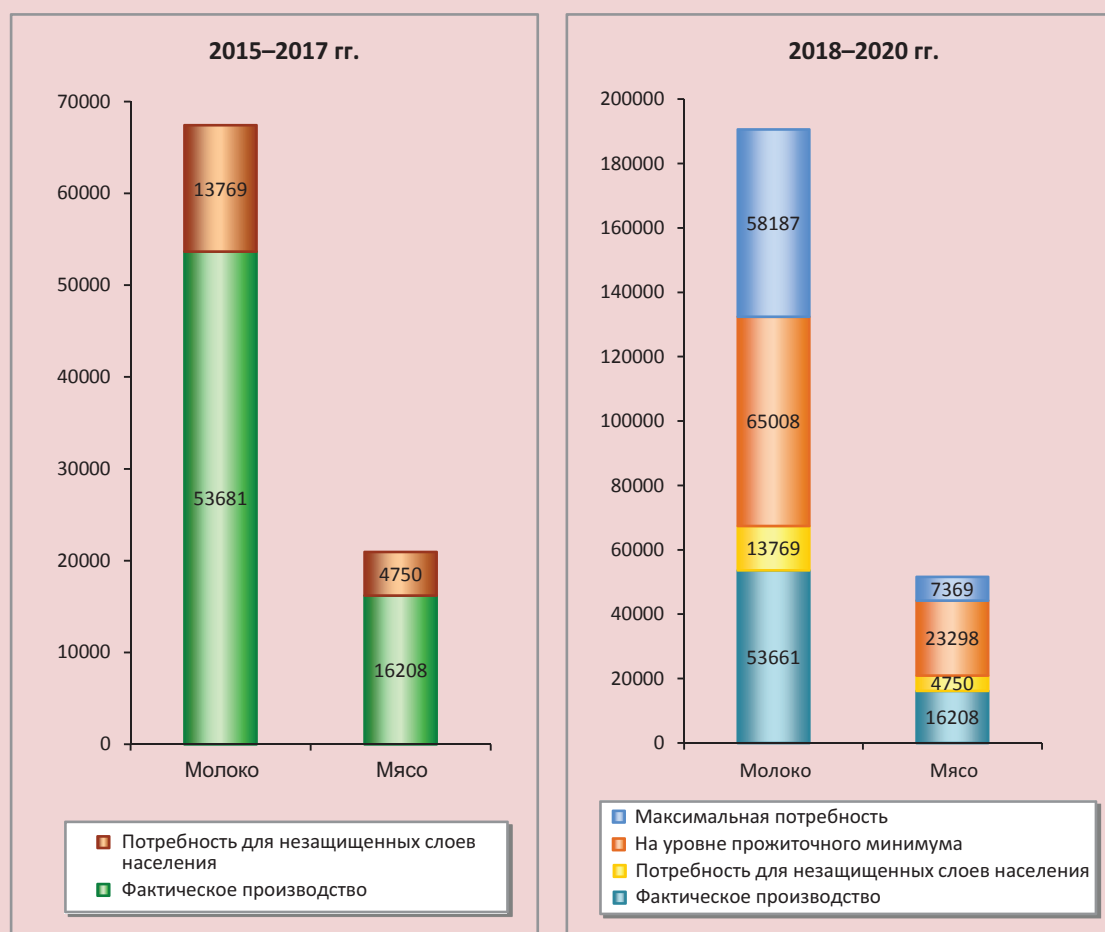
существенно повышает риск чрезмерной зависимости от изменения конъюнктуры рынка. В то время как за счет КФХ, специализирующихся в основном на производстве свинины и говядины, осуществляется диверсификация в производстве мяса, появляется мясо коз, овец, кроликов, гусей и т.д.

Анализ тенденций показывает сокращение производства говядины и рост доли мяса птицы в структуре потребления. В расчете на 1 потребителя в РК производится 2–3 кг говядины на 1 человека, а по нормам потребления должно быть 25 кг (даже с учетом доли местного производства надо производить 5–6 кг). Относительный дефицит говядины создает опережающий рост цен на нее. В перспективе она может стать инвестиционно привлекательным продуктом. Однако на данный момент развитие отрасли сдерживается из-за отсутствия и современной материально-технической базы, и текущей финансовой поддержки отрасли. Свыше 95% мяса говядины, производимого в республике, – это скот, выбывающий из воспроизводственного цикла в молочном скотоводстве. В республике не выращиваются мясные породы скота.

Сопоставление фактических объемов производства и различных уровней потребности позволило рассчитать по каждому району требуемые объемы производства и инвестиций.

В целом по республике (*рисунок*) для удовлетворения минимальных потребностей в молоке требуется дополнительное производство 13 769 тонн молока. При оптимальной молочной продуктивности коровы в 5 тонн требуется ввести дополнительно скотомест на 2754 головы. Дополнительно требуется также увеличить производство мяса на 4750 тонн, а поголовье мясного скота на 12 500 голов.

Обеспечение населения Республики Коми молоком и мясом
для удовлетворения всех уровней потребности

Авторы считают, что задача обеспечения молоком и мясом социально незащищенных слоев населения должна быть решена за 2015–2017 гг. В 2018–2020 гг. должна быть решена задача обеспечения молоком и мясом на уровне прожиточного минимума и на уровне медицинских норм потребления для всего населения. На I этапе (2015–2017 гг.) для удовлетворения потребности социально незащищенных слоев населения в молоке потребуется 385 млн. рублей инвестиций, а для удовлетворения потребности в мясе – 1,132 млрд. рублей. На 2 этапе, для выполнения задач обеспечения потребности на уровне прожиточного минимума, потребуется дополнительно

2,191 млрд. рублей на увеличение производства молока и 6,729 млрд. рублей – для удовлетворения потребности в мясе. Для удовлетворения максимальной потребности необходимы инвестиции в молочное и мясное направление – 3,833 млрд. рублей и 8,205 млрд. рублей соответственно. Следует отметить, что суммы инвестиций, указанные выше, представлены в нижнем диапазоне цен, т.е. исходя из данных отдельных реализованных инвестиционных проектов, общая сумма которых при удовлетворении максимальной потребности составит 12,038 млрд. рублей, а по данным МСХиП Республики Коми, т.е. при верхнем диапазоне цен эта сумма инвестиций

составит 22,451 млрд. рублей. Как видим, второй этап предполагает значительные финансовые вложения, которые вряд ли осуществляются, однако эти показатели являются ориентиром развития отрасли.

С учетом сложившейся специализации и перспектив развития сельского хозяйства регионов мы предлагаем осуществлять специализацию в виде кластерного подхода, предполагающего удовлетворение потребностей в первую очередь местных рынков, во вторую – субрегиональных, в третью – межрегионального рынка.

Выделены следующие субрегиональные рынки:

- Первый рынок (г. Сыктывкар): г. Сыктывкар, Прилузский, Сысольский, Койгородский, Усть-Куломский, Удорский, Корткеросский, Сыктывдинский, Усть-Вымский, Княжпогостский районы.

- Второй рынок (г. Ухта, г. Сосногорск): г. Ухта, г. Сосногорск, Вуктыльский, Ижемский, Усть-Цилемский, Троицко-Печорский районы.

- Третий рынок (северные города): Печора, Усинск, Инта, Воркута.

Для каждого субрегионального рынка были обоснованы минимальные потребности в молоке и мясе. Конечно, уровень полного удовлетворения недостижим, но он показывает границы возможного роста. Обоснование объемов производства для удовлетворения минимальных потребностей, потребностей на уровне прожиточного минимума и максимальных потребностей в разрезе субрегиональных рынков приведено в *таблице 2* (с учетом внутреннего распределения по субрегиональным рынкам между муниципальными образованиями).

Таблица 2. Расчет минимальных, прожиточных и максимальных потребностей по молоку и мясу в разрезе субрегиональных рынков Республики Коми

Субрегиональные рынки	Фактическое производство 2013 г.	Минимальная потребность*		Прожиточный минимум**		Максимальная потребность***	
		Требуется по рекомендуемой норме, т	+ сверх нормы, – ниже нормы	Требуется по рекомендуемой норме, т	+ сверх нормы, – ниже нормы	Требуется по рекомендуемой норме, т	+ сверх нормы, – ниже нормы
<i>Первый субрегиональный рынок</i>							
Молоко	34817	15618	+19239	45868	-11051	68981	-34164
Мясо	14025,9	3436	+10589	12349	+1676	15173	-1148
<i>Второй субрегиональный рынок</i>							
Молоко	14885	14469	-4838	45872	-31265	68984	-54099
Мясо	1214,9	3152	-1938	12349	-11135	15173	-13959
<i>Третий субрегиональный рынок</i>							
Молоко	3959	11281	-7322	34066	-30107	51231	-47272
Мясо	967,6	2481	-1514	9167	-8200	11268	-10301

* Минимальная потребность рассчитана на основании Приказа Министерства здравоохранения и социального развития РФ «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания» от 2 августа 2010 г. № 593н и демографического прогноза численности не защищенных слоев населения.
 ** Расчет потребности по прожиточному уровню рассчитывался на основе Постановления Правительства РФ «Об утверждении методических рекомендаций по определению потребительской корзины для основных социально-демографических групп населения в субъектах Российской Федерации» от 28 января 2013 г. № 54 и демографического прогноза общей численности населения.
 *** Максимальная потребность рассчитана на основании Приказа Министерства здравоохранения и социального развития РФ «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания» от 2 августа 2010 г. № 593н и демографического прогноза общей численности населения.

Как показывают приведенные данные, по субрегиональному рынку г. Сыктывкара минимальные потребности в молоке уже достигнуты, превышение составляет почти 19 тыс. тонн. Конечно, часть продукта пойдет на удовлетворение потребностей всего населения, но для достижения уровня прожиточного минимума на этом рынке не хватает почти 11 тыс. тонн.

Для второго и третьего субрегиональных рынков дефицит составляет еще большую величину. В первом субрегиональном рынке потребность мяса покрывается за счет упомянутой выше птицефабрики «Зеленецкая», дефицит наблюдается только в потребности максимального уровня в размере 1148 тонн. При этом минимальная потребность по региону в мясе удовлетворена в полном объеме. Во втором и третьем субрегиональных рынках потребность всех уровней не удовлетворяется.

Разделение на субрегиональные рынки позволило проанализировать тенденцию изменения стоимостных показателей на производство и реализацию молока в разрезе хозяйств, относящихся к тому или иному субрегиональному рынку, а также провести анализ транспортных издержек в разрезе представленных рынков (табл. 3).

Исследования показали разницу в стоимостных показателях по субрегиональным рынкам: чем рынки севернее, тем выше стоимость. Например, цена реализации молока (сырье) в третьем субрегиональном рынке на 38% выше, чем в первом; по производственной себестоимости разница различается в 1,5 раза.

Исходя из анализа фактических данных авторами был осуществлен расчет транспортных издержек при перевозке сельскохозяйственной продукции и расчет доли затрат на транспортировку в цене реализации продукции в зависимости от расстояния до субрегионального рынка.

Доля затрат субрегиональных рынков в цене молока на его перевозку (табл. 4) была рассчитана следующим образом. Авторы умножили нормализованные транспортные расходы в разрезе субрегиональных рынков (см. табл. 4) на выбранные средние диапазоны расстояний, а затем разделили их на среднюю цену реализации (сырье) молока по соответствующим группам рынков. Как видно, транспортировка молока оказывается целесообразной при перевозке партиями до 20 тонн на расстояние не более 300 км. Производители, которые находятся дальше этого расстояния, должны осуществлять более глубокую переработку для поставки ее на субрегиональный рынок.

Таблица 3. Цены субрегиональных рынков на молочное сырье и транспортные издержки в Республике Коми за 2013 г.

Субрегиональный рынок	Сырье, цена реализации, руб./л	Себестоимость реализации, руб./л	Производственная себестоимость, руб./л	Транспортные издержки, руб./л*	Расстояние от производителя до субрегионального рынка, км	Нормализованные транспортные расходы, руб./км
Первый субрегиональный рынок (г. Сыктывкар)	19,21	28,01	22,60	5,2	256	0,02
Второй субрегиональный рынок (г. Ухта, г. Сосногорск)	24,35	33,45	25,18	6,16	165	0,04
Третий субрегиональный рынок (северные города)	26,58	42,67	33,90	10,43	200	0,05

* Транспортные издержки включают в себя также затраты на реализацию.

Таблица 4. Доля затрат на перевозку в цене продукта в первом субрегиональном рынке по сравнению с другими субрегиональными рынками

Показатель	Расстояние			
	До 100 км	101–150 км	151–300 км	Свыше 300 км
<i>г. Сыктывкар (молоко)</i>				
Затраты на 1 кг, руб.	2	2,52	4,52	6
Цена, руб.	19,21	19,21	19,21	19,21
Доля затрат на перевозку в цене, %	10,4	13,1	23,5	31,2
<i>г. Ухта, г. Сосногорск (молоко)</i>				
Затраты на 1 кг, руб.	4	5,04	9,04	12
Цена, руб.	24,35	24,35	24,35	24,35
Доля затрат на перевозку в цене, %	16,4	20,7	37,1	49,3
<i>Северные города (молоко)</i>				
Затраты на 1 кг, руб.	5	6,3	11,3	15
Цена, руб.	26,58	26,58	26,58	26,58
Доля затрат на перевозку в цене, %	19	24	42	56

Аналогичные расчеты проведены по второму субрегиональному рынку. Здесь, в отличие от первого, эффективность перевозок достигается при транспортировке продукции на расстояние менее 200 км.

Рассчитана также эффективность перевозок молока северных городов (третий субрегиональный рынок). Установлена целесообразность перевозки на расстояние до 150 км (автомобильным транспортом), это не исключает использования иных видов транспорта, например железнодорожного.

В рекомендациях по транспортировке авторы предположили, что при увеличении объемов перевозимых партий молока транспортные издержки (в т.ч. с затратами на реализацию) уменьшатся на процент увеличения объема перевозок. Например, при увеличении перевозимой партии с 15 до 20 тонн в первом субрегиональном рынке (г. Сыктывкар) прирост ее объема составит 33%. Соответственно, транспортные издержки (в т.ч. с затратами на реализацию) в третьем диапазоне уменьшатся на эту вели-

чину – до $(4,52 \text{ руб.} \times (1-33)) = 3,03 \text{ руб./кг}$, а доля затрат на перевозку в цене составит уже 15,8% вместо 23,5%. Следовательно, наблюдается обратная зависимость между увеличением объемов перевозимых партий молока и транспортными издержками в расчете на единицу продукта.

Как предполагают авторы, транспортировка продукта первичной переработки целесообразна при доле затрат на транспорт в цене продукта не выше 30%. В противном случае требуется более глубокая переработка продукции на месте либо перевозка более крупными партиями. Для поставок на субрегиональный рынок возникает необходимость концентрации производства и сбыта за счет использования механизма кооперации производителей или на базе существующих товарных хозяйств, уже имеющих переработку.

Это позволит не только снизить транспортные издержки за счет поставки молока крупными партиями, но и превратит местных товаропроизводителей в более надежных поставщиков регионального рынка,

партнеров крупных торговых сетей, способных соблюдать ритмичность поставок в соответствии с графиком.

Такая кооперация возможна и на базе товарных хозяйств с привлечением ряда фермерских хозяйств и установлением контроля государства над ценообразованием через участие его представителей в качестве учредителей при создании объектов переработки за счет государственных инвестиций.

В перспективе два фактора будут оказывать наиболее существенное влияние на решение проблемы продовольственной безопасности в регионе – это динамика местного производства и сокращение численности населения республики.

В случае сохранения текущего уровня и форм господдержки неизменными по нашим прогнозам ситуация с внутренними источниками продовольствия в республике ухудшится (табл. 5).

По этому прогнозу численность населения в Республике Коми к 2020 г. сократится примерно на 7%, производство молока – на 12%, яиц – на 32%. Опережающие темпы сокращения производства приведут к усугублению ситуации с продовольственным обеспечением населения республики в целом. К 2020 г. в расчете на душу населения производство молока сократится на 5%,

яиц – на 16%, а в разрезе ряда муниципальных образований сокращение будет еще более существенным. Судя по прогнозным данным, производство мяса, картофеля и овощей будет возрастать стабильными темпами. Тем не менее нельзя не учитывать, что свыше 90% объема картофеля и примерно 80% – овощей производится в личных подсобных хозяйствах населения, и в этом случае высок риск резкого спада производства, т.к. ЛПХ не имеют существенной материально-технической базы, отлаженной системы заготовки и сбыта продукции. Всё это диктует необходимость усиления агросектора республики, более полного использования его внутренних резервов.

В представленной работе предложены основные методологические подходы к рациональному размещению сельскохозяйственного производства в регионе. В частности, они предусматривали анализ потребности населения республики в разрезе муниципальных образований по основным продуктам питания исходя из уровня продовольственной безопасности, а именно уровня социально незащищенных слоев населения, для которых государство обязано обеспечить доступность качественного продовольствия и уровень прожиточного минимума, т.е. обеспечить

Таблица 5. Динамика потребления на душу населения сельскохозяйственной продукции, произведенной в Республике Коми, при инерционном развитии агросектора

Показатель	Всего		Потребление на душу населения, кг (шт.)/год/чел.	
	2013 г.	2020 г.	2013 г.	2020 г.
Численность населения, чел.	880639	820812	-	-
Молоко, т	53661	47515	61	58
Скот и птица на убой (в живом весе), т	29464	33186	33	40
Картофель, т	104220	243534	118	297*
Овощи, т	12721	19933	14	24
Яйцо, тыс. шт.	117149	80053	133	98

* Произведено в регионе на душу населения, но потребление будет сохраняться на уровне медицинских норм.

население продовольствием по приемлемым ценам, гарантирующим экономически приемлемые условия для проживания в данной местности. Авторами рассмотрены критерии транспортировки молока в разрезе муниципальных образований и субрегиональных рынков. В частности, были учтены транспортные издержки в расчете на единицу продукта, которые определили оптимальные размеры перевозимых партий, а те, в свою очередь, — необходимые размеры концентрации производства.

Кроме того, обоснованы необходимые размеры инвестиционных вложений для удовлетворения потребности населения республики в молоке и в мясе. В работе указано также на необходимость равномерного распределения производства по территории республики.

Рациональное размещение производства — важнейший фактор повышения конкурентоспособности продукции, производимой местными товаропроизводи-

телями. Оно зависит от многих условий, в том числе от агроклиматических, экономических и политических, но определяющим фактором является демографический — потребность в питании различных групп потребителей. В предлагаемой работе эта потребность дифференцирована на два уровня. Первый уровень потребности — для социально незащищенных слоев населения (детей и больных), для которых государство обязано обеспечить доступ к продуктам высокого качества. Второй уровень — потребность на уровне прожиточного минимума. В этом случае необходимо обеспечить защиту экономических интересов потребителя за счет поддержания конкурентной среды. При этом доступность продовольствия по приемлемым ценам является одним из важных условий проживания населения на данной территории, что крайне важно для Республики Коми, характеризующейся значительным оттоком населения за пределы региона.

Литература

1. Алтухов, А.И. Продовольственная безопасность как фактор социально-экономического развития страны / А.И. Алтухов // Экономист. — 2008. — № 5.
2. Алтухов, А.И. Продовольственная безопасность России в условиях зарубежных санкций / А.И. Алтухов // АПК: экономика и управление. — 2014. — № 12.
3. Гешель, В.П. Проблемы организации рационального размещения аграрного производства / В.П. Гешель // АПК: экономика и управление. — 2014. — № 1.
4. Григорьева, М.А. Сущность и содержание процесса обеспечения продовольственной безопасности России / М.А. Григорьева // Молодой ученый. — 2012. — № 2.
5. Гумеров, Р.Р. К разработке методолого-теоретических проблем исследования продовольственной безопасности России / Р.Р. Гумеров // Российский экономический журнал. — 2003. — № 7.
6. Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания: Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 2 августа 2010 г. № 593н // Справочная информационная система «Консультант плюс».
7. Об утверждении методических рекомендаций по определению потребительской корзины для основных социально-демографических групп населения в субъектах Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 28 января 2013 г. № 54 // Справочная информационная система «Консультант плюс».
8. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120.
9. Официальная статистика. Население [Электронный ресурс] / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми. — Режим доступа: http://komi.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/komi/ru/statistics/population/

10. Основные показатели здоровья населения и состояния здравоохранения (по материалам Республики Коми за 2008–2012 годы): статистический сборник / Н.Г. Иваненко и др. – Сыктывкар, 2012. – 200 с.
11. Поздеев, Д.В. Развитие рынка молока и молочной продукции в условиях Крайнего Севера (по материалам Республики Коми) / Д.В. Поздеев: автореферат. – 2012. – 24 с.
12. Поздеев, Д.В. Развитие молочного направления в сельском хозяйстве Республики Коми / Д.В. Поздеев // Экономика и предпринимательство. – 2011. – № 6 (23).
13. Проблемы обеспечения национальной и коллективной продовольственной безопасности в ЕАЭС / И.Г. Ушачев, А. Серков, А. Папцов, В. Тарасов, В. Чекалин // АПК: экономика и управление. – 2014. – № 10.
14. Прогнозируемый уровень конкурентоспособности продукции сельского хозяйства и разработка мероприятий по его повышению в Республике Коми [Текст] / Г.М. Семяшкин, С.И. Семенчин, Н.Д. Найденов, О.П. Канева, С.С. Никитинская, Д.В. Поздеев. – М.: ФГОУ РосАКО АПК, 2009. – 96 с.
15. Семяшкин, Г.М. Аграрная политика государства – основа решения социальных проблем села и развития внутреннего рынка / Г.М. Семяшкин // Экономика и управление. – 2009. – № 6.
16. Семяшкин, Г.М. Развитие АПК региона как один из основных факторов устойчивости региональной экономики / Г.М. Семяшкин // Научно-информационный журнал «Экономические науки». – 2008. – № 1 (38).
17. Ушачев, И.Г. Государственная программа развития сельского хозяйства как механизм достижения продовольственной безопасности России / И.Г. Ушачев // АПК: экономика и управление. – 2013. – № 11.
18. Чекавинский, А.Н. Моделирование продовольственной безопасности региона / А.Н. Чекавинский, Р.Ю. Селименков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 4 (34). – DOI: 10.15838/esc/2014.4.34.20
19. Шелепа, А.С. Формирование регионального рынка продовольствия / А.С. Шелепа, Н. Глаз, Т. Четвертных // АПК: экономика и управление. – 2014. – № 8.
20. Karl William Viehe Russia can and should modernize their infrastructure / Karl William Viehe // Journal «Economy and Entrepreneurship». – 2011. – № 3 (20).

Semyashkin G.M., Pozdeev D.V., Semyashkin E.G.

Rational allocation of agricultural production in the region

Grigorii Mikhailovich Semyashkin – Doctor of Economics, Professor, Rector, Federal State-Financed Educational Institution of Continuing Professional Education of Specialists the Institute of Retraining and Advanced Training of Workers of the Agro-Industrial Complex of the Komi Republic (31, Rucheynaya Street, Syktyvkar, 167003, Russian Federation, insapk@mail.ru)

Dmitrii Viktorovich Pozdeev – Ph.D. in Economics, Senior Lecturer, Federal State-Financed Educational Institution of Continuing Professional Education of Specialists the Institute of Retraining and Advanced Training of Workers of the Agro-Industrial Complex of the Komi Republic (31, Rucheynaya Street, Syktyvkar, 167003, Russian Federation, insapk@mail.ru)

Efim Grigor'evich Semyashkin – Financial University under the Government of the Russian Federation (insapk@mail.ru)

Abstract. The paper proposes an original approach to determining the optimal allocation of agricultural production in the region; the approach includes the methodological substantiation of the necessity to differentiate consumers when addressing food security issues in the region. It was proposed to allocate three levels: level 1 – the provision of food to socially vulnerable layers, level 2 – the provision with food at the subsistence level, and level 3 – the provision of the total population of the region with food.

A preliminary forecast was made for each municipality; it analyzed possible changes in the number of the socially vulnerable up to 2020; in accordance with medical standards and norms of the subsistence level the volumes of food were calculated, which in turn were compared with the actual production output. The difference between the actual volume and the volume of evidence-based requirements represented the very increase in the volume of production, the achievement of which requires certain investments on the basis of capital-output ratio. After that the regional market was divided into three sub-regional markets depending on distance, number of consumers and suppliers. This allowed us to calculate the amount of transport costs based on the type and lot size of the transported product, taking into account the distance to each sub-market. As a criterion of transportation expediency we took into account the share of transport costs in the price of the product not exceeding 30%. Otherwise, it is required to concentrate the production in order to increase the lot transported or to carry out a deeper processing of the product. The proposed methodology served as the basis for choosing the most effective option of spatial location of agricultural production.

Key words: food security, agriculture, Far North, ecological production, rural development, production efficiency, agricultural policy, optimal allocation, regional market.

References

1. Altukhov A.I. Prodovol'stvennaya bezopasnost' kak faktor sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya strany [Food Security as a Factor in Socio-Economic Development]. *Ekonomist* [Economist], 2008, no. 5.
2. Altukhov A.I. Prodovol'stvennaya bezopasnost' Rossii v usloviyakh zarubezhnykh sanktsii [Food Security in Russia in the Conditions of International Sanctions]. *APK: ekonomika i upravlenie* [Agro-Industrial Complex: Economics and Management], 2014, no. 12.
3. Geshel' V.P. Problemy organizatsii ratsional'nogo razmeshcheniya agrarnogo proizvodstva [Problems of Organization of Rational Location of Agricultural Production]. *APK: ekonomika i upravlenie* [Agro-Industrial Complex: Economics and Management], 2014, no. 1.
4. Grigor'eva M.A. Sushchnost' i sodержanie protsessa obespecheniya prodovol'stvennoi bezopasnosti Rossii [Essence and Content of the Process of Ensuring Food Security in Russia]. *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2012, no. 2.
5. Gumerov R.R. K razrabotke metodologo-teoreticheskikh problem issledovaniya prodovol'stvennoi bezopasnosti Rossii [About the Development of Methodological and Theoretical Issues of the Study of Food Security in Russia]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal* [Russian Economic Journal], 2003, no. 7.
6. Ob utverzhdenii rekomendatsii po ratsional'nym normam potrebleniya pishchevykh produktov, otvechayushchim sovremennym trebovaniyam zdorovogo pitaniya: Prikaz Ministerstva zdravookhraneniya i sotsial'nogo razvitiya RF ot 2 avgusta 2010 g. № 593n [On the Approval of Recommendations for the Rational Norms of Consumption of Food Products that Meet Modern Requirements of a Healthy Nutrition: the Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation of August 2, 2010 No. 293n]. *Spravochnaya informatsionnaya sistema "Konsul'tant plus"* [Reference and Information System "ConsultantPlus"].
7. Ob utverzhdenii metodicheskikh rekomendatsii po opredeleniyu potrebitel'skoi korziny dlya osnovnykh sotsial'no-demograficheskikh grupp naseleniya v sub'ektakh Rossiiskoi Federatsii: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 28 yanvarya 2013 g. № 54 [On the Approval of Methodological Recommendations for Determination of the Consumer Basket for the Main Socio-Demographic Groups of the Population in the Russian Federation: the Decree of the RF Government of January 28, 2013 No. 54]. *Spravochnaya informatsionnaya sistema "Konsul'tant plus"* [Reference and Information System "ConsultantPlus"].
8. Ob utverzhdenii Doktriny prodovol'stvennoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii: Ukaz Prezidenta RF ot 30 yanvarya 2010 g. № 120 [On the Approval of the Food Security Doctrine of the Russian Federation: the Decree of the President of the Russian Federation of January 30, 2010 No. 120].
9. Ofitsial'naya statistika. Naselenie [The Official Statistics. Population]. *Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Respublike Komi* [Regional Office of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation in the Komi Republic]. Available at: http://komi.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/komi/ru/statistics/population/

10. Ivanenko N.G. et al. *Osnovnye pokazateli zdorov'ya naseleniya i sostoyaniya zdravookhraneniya (po materialam Respubliki Komi za 2008–2012 gody): statisticheskii sbornik* [Main Indicators of Population Health and Status of Healthcare (on the Materials of the Komi Republic for 2008–2012): Statistics Collection]. Syktyvkar, 2012. 200 p.
11. Pozdeev D.V. *Razvitie rynka moloka i molochnoi produktsii v usloviyakh Krainego Severa (po materialam Respubliki Komi): avtoreferat* [Development of the Market of Milk and Dairy Products in the Far North (on the Materials of the Komi Republic): Author's Abstract]. 2012. 24 p.
12. Pozdeev D.V. Razvitie molochnogo napravleniya v sel'skom khozyaistve Respubliki Komi [Development of a Dairy Direction in Agriculture Komi Republic]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economy and Entrepreneurship], 2011, no. 6 (23).
13. Ushachev I.G., Serkov A., Paptsov A., Chekalin V., Tarasov V. Problemy obespecheniya natsional'noi i kollektivnoi prodovol'stvennoi bezopasnosti v EAES [Ensuring National and Collective Food Security in the EEU]. *APK: ekonomika i upravlenie* [Agro-Industrial Complex: Economics and Management], 2014, no. 10.
14. Semyashkin G.M., Semenchin S.I., Naidenov N.D., Kaneva O.P., Nikitinskaya S.S., Pozdeev D.V. *Prognoziruemyi uroven' konkurentosposobnosti produktsii sel'skogo khozyaistva i razrabotka meropriyatiy po ego povysheniyu v Respublike Komi* [Forecasted Level of Competitiveness of Agricultural Products and the Development of Activities for Its Enhancement in the Komi Republic]. Moscow: FGOU RosAKO APK, 2009. 96 p.
15. Semyashkin G.M. Agrarnaya politika gosudarstva – osnova resheniya sotsial'nykh problem sela i razvitiya vnutrennego rynka [Agricultural policy of the State – the Basis for Solving Social Problems of the Village and Developing the Internal Market]. *Ekonomika i upravlenie* [Economics and Management], 2009, no. 6.
16. Semyashkin G.M. Razvitie APK regiona kak odin iz osnovnykh faktorov ustoichivosti regional'noi ekonomiki [Development of the Agro-Industrial Complex of the Region as a Main Factors in the Sustainability of the Regional Economy]. *Nauchno-informatsionnyi zhurnal "Ekonomicheskie nauki"* [Economic Sciences], 2008, no. 1 (38).
17. Ushachev I.G. Gosudarstvennaya programma razvitiya sel'skogo khozyaistva kak mekhanizm dostizheniya prodovol'stvennoi bezopasnosti Rossii [State Program for the Development of Agriculture as a Mechanism for Achieving Food Security in Russia]. *APK: ekonomika i upravlenie* [Agro-Industrial Complex: Economics and Management], 2013, no. 11.
18. Chekavinskii A.N., Selimenkov R.Yu. Modelirovanie prodovol'stvennoi bezopasnosti regiona [Modelling of Food Security in the Region]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2014, no. 4 (34). – DOI: 10.15838/esc/2014.4.34.20
19. Shelepa A.S., Glaz N., Chetvertnykh T. Formirovanie regional'nogo rynka prodovol'stviya [Formation of a Regional Food Market]. *APK: ekonomika i upravlenie* [Agro-Industrial Complex: Economics and Management], 2014, no. 8.
20. Viehe K.W. Russia can and should modernize their infrastructure. *Journal "Economy and Entrepreneurship"*, 2011, no. 3 (20).

Исполнение территориальных бюджетов в 2014 году: напряжение не спадает

Анна Ивановна

ПОВАРОВА

старший научный сотрудник, зав. сектором исследования проблем общественных финансов, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, aip150663@yandex.ru)

Аннотация. «Майские указы» В. Путина окончательно закрепились в статусе национальной цели. На фоне затухающей экономической динамики, усугубляемой внешними шоками, реализация этих указов легла тяжким бременем на региональные бюджеты без адекватного финансового подкрепления из федерального бюджета. В результате по итогам 2014 г. в Российской Федерации практически не осталось безубыточных регионов.

Ошибочность проводимого курса бюджетной политики давно стала предметом не просто критики многих ведущих учёных и экспертов, а критики конструктивной, включающей позитивные рекомендации по формированию альтернативной политики. К сожалению, итоги 2014 г. убедительно показали, что Правительство РФ не отошло от линии бюджетной консолидации. Напротив, безвозмездная финансовая помощь регионам активно трансформируется в долговое финансирование в форме бюджетных кредитов. Однако и на эту квазиподдержку, являющуюся временным фактором, региональные власти могут рассчитывать только при условии бездефицитности бюджета ценой отказа от расходов на экономическое развитие и повышение благосостояния населения.

Результаты анализа фактических данных свидетельствуют о том, что бюджетные проблемы регионов, во многом рукотворно созданные неэффективной бюджетной политикой центра, достигли критического уровня. В преддефолтном состоянии оказалась четверть субъектов с преобладающей долей рыночной задолженности. Расстройство общественных финансов затронуло уже самые сильные территории, что противоречит парадигме устойчивого регионального развития.

В отличие от финансово-экономического кризиса 2009 г., регионы вступили в кризис 2014 г. с огромными долгами и бюджетным дефицитом. В условиях готовящегося 10% секвестра расходов федерального бюджета [5] субъектам РФ вряд ли стоит ожидать увеличения финансовой помощи.

Очевидно, что им придётся адаптировать свои бюджеты к изменившейся экономической ситуации, но в условиях исчерпания возможностей сокращения инвестиций, расходов на ЖКХ и экономику балансирующими источниками будут выступать бюджетный сектор и оставшиеся меры социальной поддержки населения, что повлечёт сжатие внутреннего спроса, создав не только экономические, но и политические риски для региональных властей.

В статье на основе результатов анализа исполнения бюджетов субъектов РФ за 2014 г. обоснованы практические рекомендации по стабилизации территориальных бюджетных систем и их выходу из кризиса.

Информационной базой исследования послужили официальные данные Министерства финансов РФ [7], Федерального казначейства [8], Федеральной налоговой службы [9], Федеральной службы государственной статистики [10].

Ключевые слова: регион, территориальный бюджет, дефицит, кредиты, государственный долг, корректировка бюджетной политики.

На первый взгляд исполнение субфедеральных бюджетов в 2014 г. было благополучным: совокупные и собственные доходы¹ увеличились на 7–9%. Однако доходобразующими стали регионы, получающие нефтегазовую ренту, и федеральные мегаполисы². В большинстве же субъектов РФ (в 61 из 83) темпы прироста собственных доходных источников оказались ниже, чем в среднем по стране.

Несмотря на ускорение динамики, на которую во многом повлиял эффект низкой базы, темпы роста бюджетных доходов оказались ниже темпов инфляции³. В реальном выражении как совокупные, так и собственные доходы не достигли уровня 2008 г. (*табл. 1*).

Основными факторами снижения темпов роста доходов стали следующие.

Во-первых, обусловленное общей рецессией российской экономики⁴ сниже-

ние темпов роста промышленного производства и инвестиций (*табл. 2*).

В 2014 г. объём промышленного производства увеличился на 1,7% против 5% в 2011 г. При этом все федеральные округа, за исключением Дальневосточного, демонстрировали понижающую динамику начиная с 2012 г. Ряд регионов всё ещё не преодолел кризисного спада промышленности в 2008–2009 гг. Среди них такие крупные индустриальные центры, как Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Челябинская, Нижегородская, Архангельская области, федеральные города, что указывает на долгосрочные негативные тенденции в экономике.

Инвестиции в основной капитал перешли в минусовую зону ещё в 2013 г., а в 2014 г. темпы спада ускорились с 0,3 до 2,7%. При этом сжатие инвестиционной активности произошло в половине субъектов РФ, то есть инвестиционный кризис сохраняется.

Во-вторых, прогрессирующее снижение прибыли и соответственно налога на прибыль организаций. За 2011–2014 гг. объём прибыли хозяйствующих субъектов уменьшился на 33%, а поступления налога на прибыль – на 15% (*рис. 1*).

¹ К собственным относятся доходы бюджетов субъектов РФ без учёта безвозмездных поступлений.

² Из общего объёма прироста собственных доходов, составившего 555 млрд. руб., на долю федеральных городов, Ханты-Мансийского АО, Сахалинской, Тюменской, Московской и Ленинградской областей пришлось 318 млрд. руб.

³ По данным Росстата, в 2014 г. индекс потребительских цен на товары и услуги в РФ составил 111,4%.

⁴ В 2014 г. прирост ВВП РФ оказался минимальным после 2009 г. и составил 0,6%.

Таблица 1. Доходы бюджетов субъектов РФ* в 2008–2014 гг., млрд. руб.

Показатели	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2014 к 2008, %
Доходы, всего	6196	5924	6537	7644	8064	8165	8747	141,2
Темп роста, %	128,0	95,6	110,3	116,9	105,5	101,2	107,1	-20,9 п.п.
В реальном выражении**	9301	8104	8367	9112	9121	8695	8747	94,0
Темп роста, %	118,6	87,1	103,2	108,9	100,1	95,3	100,6	-18 п.п.
Собственные доходы	4912	4243	4980	5827	6385	6588	7143	145,4
Темп роста, %	120,3	86,4	117,4	117,0	109,6	103,2	108,4	-11,9 п.п.
В реальном выражении**	7374	5805	6374	6946	7221	7016	7143	96,9
Темп роста, %	111,4	78,7	109,8	109,0	104,0	97,2	101,7	-9,6 п.п.

* В целях сопоставимости динамики все показатели приводятся без учёта Крымского федерального округа.

** Цены 2014 г.

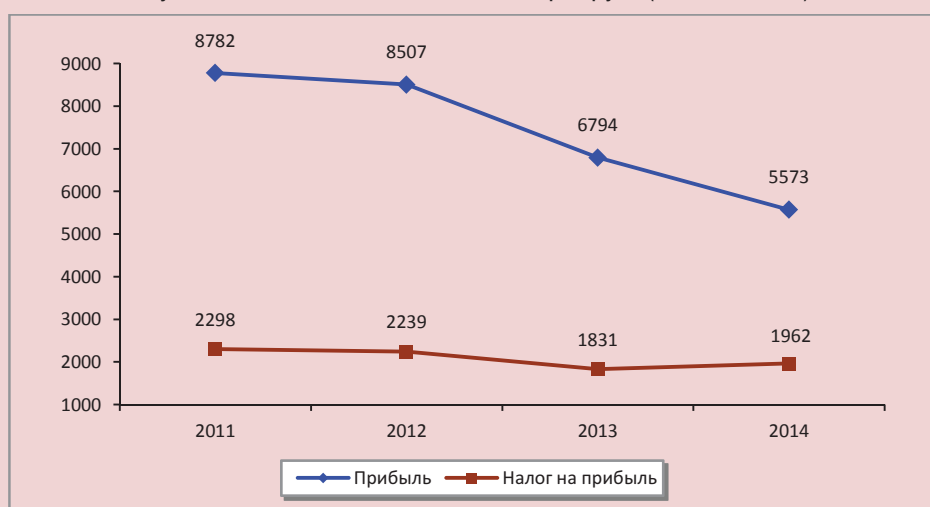
Источники: данные Федерального казначейства России; Росстата; расчёты автора.

Таблица 2. Индекс промышленного производства и физического объёма инвестиций в основной капитал в 2011–2014 гг., % к предыдущему году

Федеральный округ	Промышленное производство				Инвестиции в основной капитал			
	2011	2012	2013	2014	2011	2012	2013	2014
Северо-Кавказский	109,8	106,3	106,2	98,9	103,3	112,2	102,9	109,1
Уральский	101,9	101,6	101,1	100,1	114,2	106,4	98,2	101,3
Центральный	106,9	105,7	101,4	101,3	107,2	112,9	105,0	98,9
Приволжский	109,4	104,5	101,8	102,0	110,1	109,5	104,6	98,9
Сибирский	106,4	107,2	104,7	101,8	116,2	111,8	90,5	96,0
Дальневосточный	109,1	103,0	103,3	105,3	126,5	88,1	80,5	94,8
Северо-Западный	107,7	102,6	99,8	97,6	110,0	104,0	77,1	92,4
Южный	109,5	107,8	104,4	102,7	110,3	107,4	108,7	83,2
Российская Федерация	105,0	103,4	100,4	101,7	110,8	106,6	99,7	97,3

Источник: данные Росстата.

Рисунок 1. Динамика прибыли и поступлений налога на прибыль в бюджеты субъектов РФ в 2011–2014 гг., млрд. руб. (цены 2014 г.)

Источники: данные Федерального казначейства; Росстата; расчёты автора.

В 37 субъектах РФ, преимущественно экономически развитых, поступления налога на прибыль не достигли объёмов 2011 г. даже без поправок на инфляцию, что ещё раз подтверждает сохранение проблем в региональной экономике (табл. 3). Самые негативные тренды сложились в регионах, имеющих крупные металлургические предприятия (Белгородская, Кемеровская, Вологодская, Мурманская области, Красноярский край). В 2014 г. осталось всего 8 субъектов с преобладающей долей налога на прибыль в структуре собственных доходов (в 2008 г. таковых было 18).

Общий прирост налога на прибыль, поступившего в территориальные бюджеты в 2014 г., составил 242 млрд. руб., более 70% этой суммы обеспечили всего 6 регионов (Сахалинская, Тюменская, Ленинградская области, Республика Саха, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа).

Тяжёлое финансовое положение предприятий и организаций усугубила жёсткая кредитная политика. За 2014 г. при средней рентабельности по экономике РФ 8,7% средневзвешенные процентные ставки по коммерческим кредитам повысились в два раза – с 9,2 до 18,3%, а задолженность реального сектора экономики по займам увеличилась в полтора раза и достигла более 8 трлн. руб. (рис. 2), что сопоставимо с годовым объёмом доходов субфедеральных бюджетов.

В-третьих, замедление реальных темпов роста налога на доходы физических лиц (НДФЛ) до 0,7% против 4,1% в 2013 г. (рис. 3), обусловленное обвальным падением реальных доходов населения и заработной платы под воздействием снижения цен на нефть, девальвации рубля и внешних санкций во второй половине 2014 г.

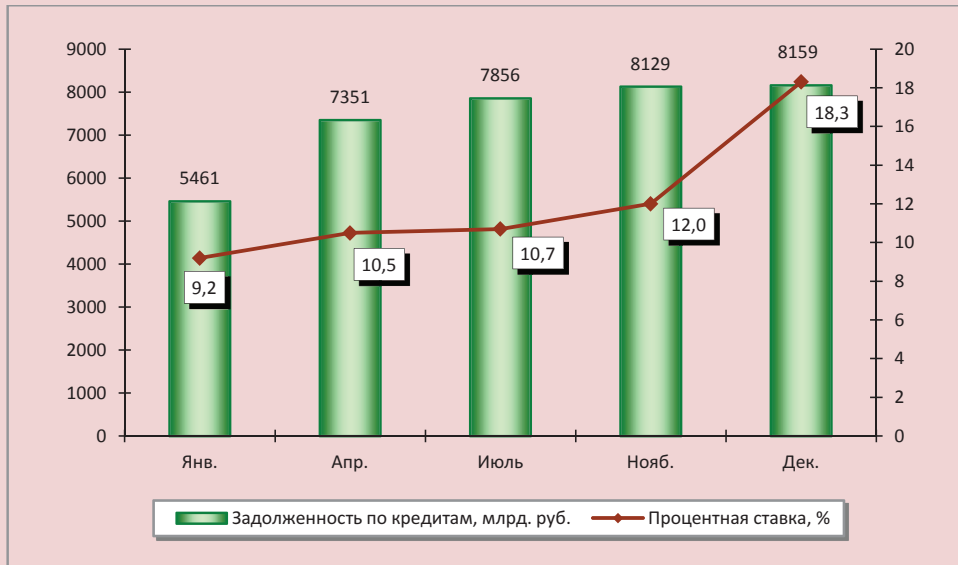
При этом большинство (60%) территориальных бюджетов показали отрицательную динамику сборов НДФЛ.

Таблица 3. Поступление налога на прибыль в бюджеты субъектов РФ в 2011–2014 гг., млрд. руб.

Субъект	2011	2012	2013	2014	2014, %	
					к 2013	к 2011
Иркутская область	30,06	39,96	29,13	29,72	102,0	98,9
Самарская область	36,17	45,32	39,45	35,57	90,2	98,3
Нижегородская область	25,51	24,15	24,18	24,21	100,1	94,9
Тюменская область	108,62	105,95	65,96	102,4	155,3	94,3
Свердловская область	47,25	55,57	46,36	43,74	94,4	92,6
г. Москва	566,95	545,85	485,72	485,43	99,9	85,6
Пермский край	33,99	35,48	33,06	28,52	86,3	83,9
Ямало-Ненецкий АО	47,08	46,29	27,28	37,81	138,6	80,3
Хабаровский край	12,75	15,36	11,37	9,77	85,9	76,6
Красноярский край	68,98	52,54	42,59	49,7	116,7	72,1
Мурманская область	16,3	10,96	11,17	11,63	104,2	71,4
Вологодская область	12,01	10,93	5,96	7,58	127,3	63,1
Кемеровская область	35,94	24,57	15,14	19,21	126,9	53,4
Белгородская область	25,6	19,2	13,58	11,22	82,6	43,8
Российская Федерация	1927,94	1979,89	1719,67	1961,67	114,1	101,7

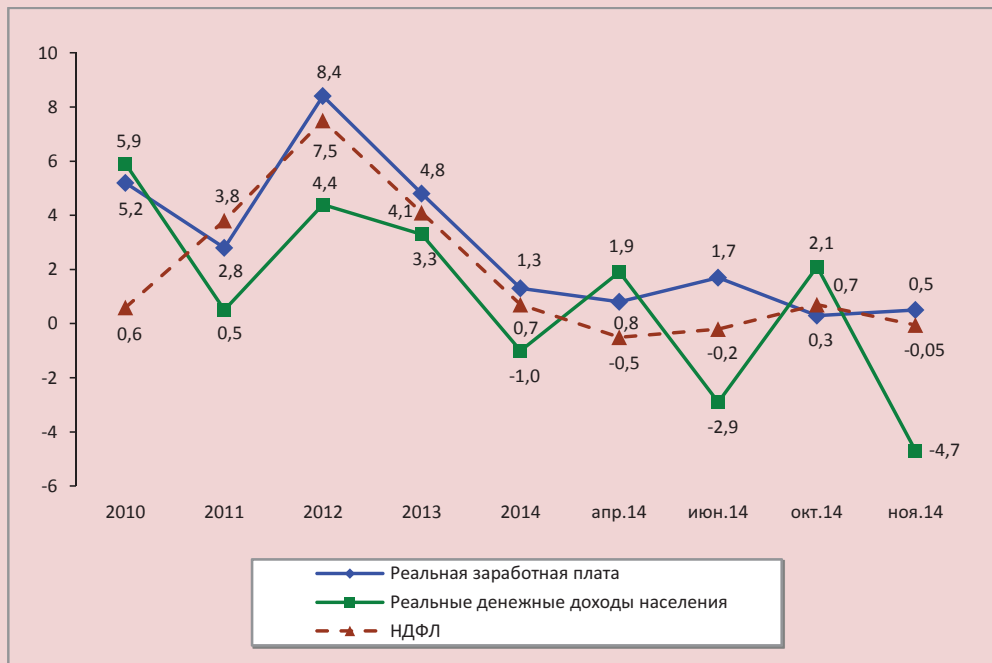
Источники: данные Федерального казначейства; расчёты автора.

Рисунок 2. Задолженность реального сектора экономики РФ по банковским кредитам и средневзвешенные процентные ставки в 2014 г.

Источник: данные Банка России [6].

Рисунок 3. Динамика реальной заработной платы, реальных денежных доходов населения и поступлений НДФЛ* в 2010–2014 гг., % к предыдущему году

* Цены 2014 г.

Источники: данные Федерального казначейства; Росстата; расчёты автора.

Это значит, что не только налог на прибыль, но и подоходный налог утратил роль стабильного источника прибавки региональной казны.

Немаловажную роль в снижении поступлений НДС сыграла оптимизация сети учреждений социального комплекса, которую региональные власти чаще всего выбирают в качестве способа решения задачи по повышению оплаты труда работников бюджетного сектора, поставленной в указах Президента РФ от 7 мая 2012.

За последние три года численность работающих в учреждениях образования, здравоохранения и культуры сократилась на 500 тыс. человек, в то время как темпы прироста поступлений НДС в бюджет от этих отраслей уменьшились с 12,7 до 4,3% (рис. 4).

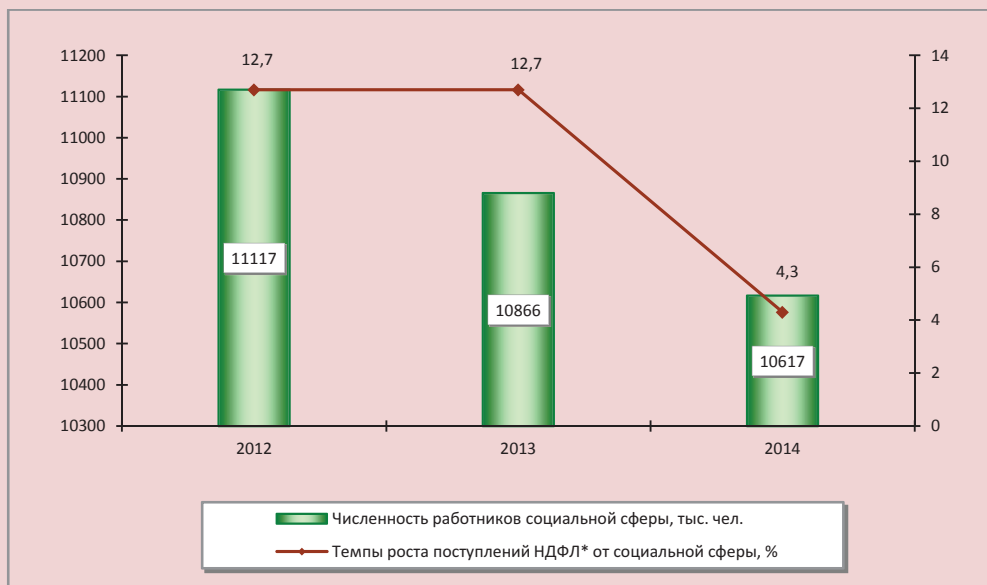
В-четвёртых, уменьшение по сравнению с уровнем 2013 г. темпов роста посту-

плений акцизов на 10% в сопоставимых ценах (рис. 5), вызванное снижением сборов акцизов на дизельное топливо.

В-пятых, постепенное снижение субсидий и субвенций из федерального бюджета, в результате чего объём межбюджетных трансфертов в реальном выражении уменьшился на 414 млрд. руб. или на 21% по сравнению с уровнем 2011 г., а доля доходов субфедеральных бюджетов, формируемых за счёт безвозмездной финансовой помощи, снизилась с 21,5 до 17,7% (рис. 6).

За последние годы не произошло изменений в трансфертной политике центра, которая по-прежнему ориентирована на максимальную поддержку регионов Дальневосточного федерального округа, депрессивных республик Северо-Кавказского, Сибирского федеральных округов. Размеры межбюджетных трансфертов территориям различались в пять раз (рис. 7).

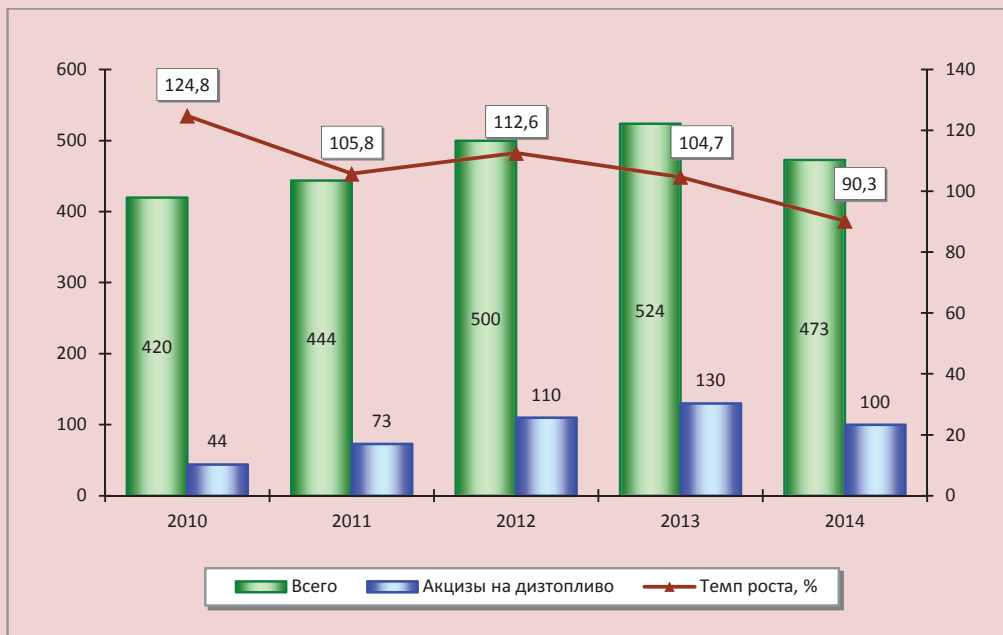
Рисунок 4. Численность работников социальной сферы и темпы роста поступлений НДС в бюджеты субъектов РФ в 2012–2014 гг.

* Цены 2014 г.

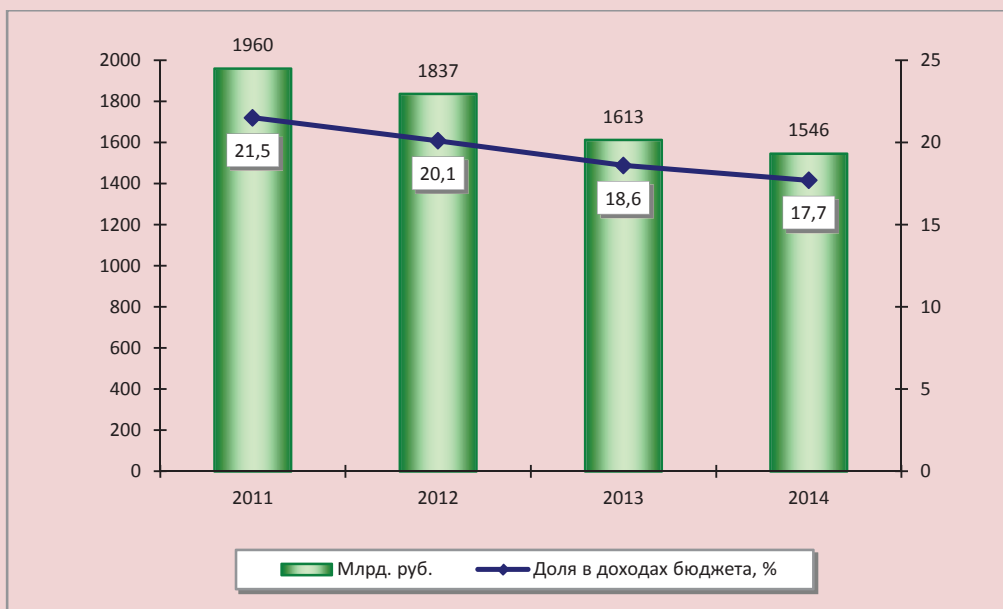
Источники: данные ФНС; Росстата; расчёты автора.

Рисунок 5. Поступление акцизов в бюджеты субъектов РФ в 2010–2014 гг., млрд. руб. (цены 2014 г.)

Источники: данные Федерального казначейства; Росстата; расчёты автора.

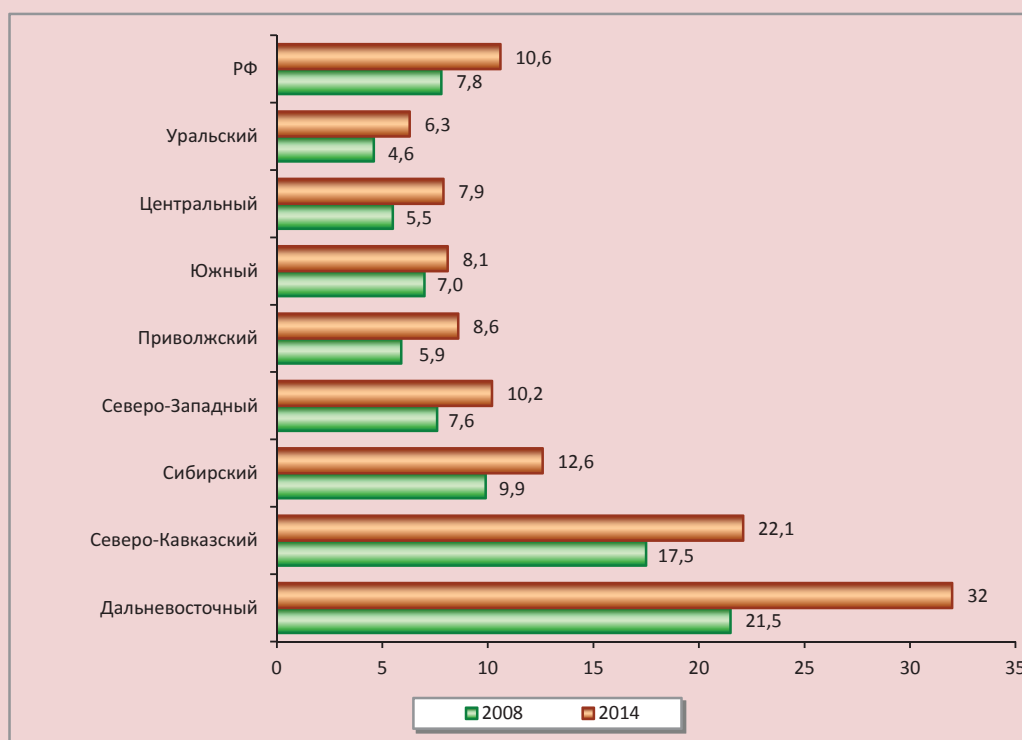
Рисунок 6. Динамика межбюджетных трансфертов, поступивших в бюджеты субъектов РФ из федерального бюджета в 2011–2014 гг.* (цены 2014 г.)

* В связи с изменением бюджетной функциональной классификации данные до 2011 г. не приводятся.

Источники: данные Федерального казначейства; Росстата; расчёты автора.

Рисунок 7. Межбюджетные трансферты федеральным округам РФ в 2008 и 2014 гг., тыс. руб. на душу населения

Источники: данные Федерального казначейства; расчёты автора

Политика выравнивания, как часть межбюджетной политики, проводимой центром, так и не привела к заметному снижению региональной поляризации. В 2014 г. лишь 18 регионов являлись самодостаточными, а 63 региона и после распределения дотаций имели подушевую обеспеченность бюджетными доходами ниже среднего уровня (рис. 8).

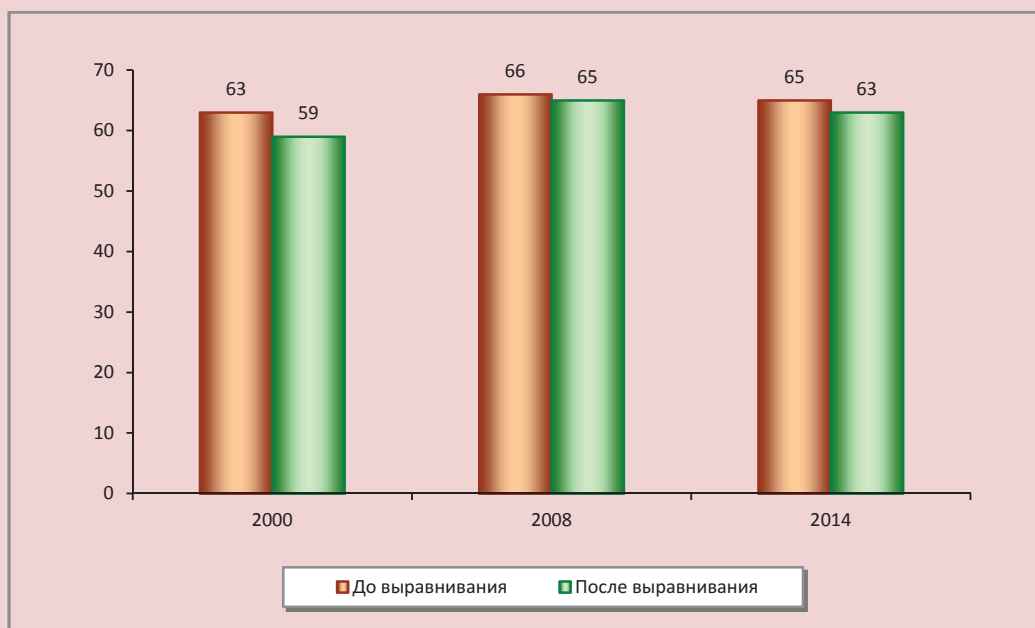
Более того, в 2011–2014 гг. уровень зависимости от трансфертов субъектов большинства федеральных округов был выше среднего по стране (табл. 4). Добавим, что долю трансфертов в бюджетах регионов Центрального федерального округа, равную 10,5%, можно считать условной, поскольку без учёта московской агломерации доходные источники осталь-

ных субъектов этого округа в среднем на 25% обеспечивались за счёт федеральных средств.

Особую тревогу вызывает постепенное сворачивание финансовой помощи в виде субсидий на реализацию федеральных целевых программ и софинансирование капитальных вложений (рис. 9).

За 2008–2014 гг. объём вышеуказанных субсидий уменьшился на 93 млрд. руб., или на 42%, что в свою очередь повлекло сокращение капитальных расходов территориальных бюджетов на 360 млрд. руб., или на 26%. Безусловно, такое снижение бюджетных инвестиций создаст долгосрочные риски для устойчивого роста налогового потенциала. Заметим, что половину трансфертов на капиталовложения

Рисунок 8. Количество субъектов РФ, имеющих уровень обеспеченности доходами бюджета ниже среднего

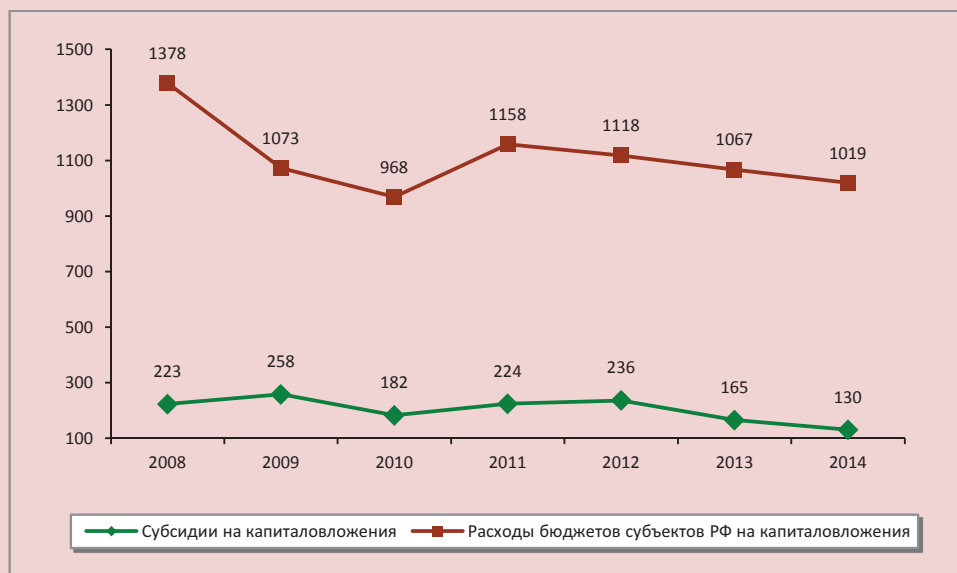
Источник: расчёты автора по данным Федерального казначейства и Росстата.

Таблица 4. Межбюджетные трансферты, перечисленные из федерального бюджета в территориальные бюджеты в 2011–2014 гг., в разрезе федеральных округов

Федеральный округ	2011		2012		2013		2014	
	Млрд. руб.	%*	Млрд. руб.	%*	Млрд. руб.	%*	Млрд. руб.	%*
Северо-Кавказский	203	65,4	212	63,9	204	60,8	213	60,8
Дальневосточный	195	37,3	181	32,0	233	36,0	199	28,2
Сибирский	224	25,2	213	23,3	216	23,4	242	24,7
Южный	145	29,9	146	26,8	105	20,1	113	20,2
Приволжский	285	25,3	264	21,8	241	19,4	256	19,5
Северо-Западный	149	17,1	145	16,7	135	14,9	141	14,3
Центральный	335	13,0	370	13,5	305	11,1	306	10,5
Уральский	107	12,4	92	10,3	76	9,1	77	8,0
Российская Федерация	1644	21,5	1624	20,1	1515	18,6	1546	17,7

* Доля межбюджетных трансфертов в доходах территориальных бюджетов.
 Источники: данные Федерального казначейства; расчёты автора.

Рисунок 9. Субсидии на софинансирование федеральных целевых программ и капитальных вложений, полученные бюджетами субъектов РФ из федерального бюджета в 2008–2014 гг., млрд. руб.

Источник: данные Федерального казначейства.

получили всего 7 регионов⁵, что лишний раз подчёркивает непрозрачность межбюджетного взаимодействия.

Одним из направлений бюджетной политики, проводившейся региональными властями в 2013–2014 гг., была заявлена оптимизация, следствием которой стало снижение темпов роста расходов на 0,6% в 2013 г. и на 1,7% в 2014 г. (табл. 5).

Необходимо отметить, что за 2008–2014 гг. доля расходов территориальных бюджетов, несущих основную нагрузку по удовлетворению жизненных потребностей подавляющей части жителей страны⁶, в консолидированном бюджете РФ уменьшилась с 45 до 38%. За этот же период рост расходов федерального бюджета был

⁵ Московская, Калининградская, Самарская, Омская, Амурская области, Хабаровский край и Республика Ингушетия.

⁶ Доля бюджетов субъектов РФ в расходах консолидированного бюджета РФ на ЖКХ составляет 88%, образование – 80%, здравоохранение – 71%, культуру – 77%.

вдвое выше, чем региональных бюджетов (табл. 6). Очевидно, что роль субъектов РФ в экономике страны становится всё менее значимой.

Проведённый нами анализ динамики и структуры расходной части территориальных бюджетов позволил выделить следующие основные тенденции:

1. Преломление роста совокупных расходов на социальную сферу, обусловленное снижением бюджетного обеспечения образования и здравоохранения. В 2014 г. темпы роста финансирования образовательной деятельности впервые показали отрицательный тренд. Уменьшение второй год подряд расходов на здравоохранение вызвано передачей части их финансирования в территориальные фонды обязательного медицинского страхования⁷.

⁷ Справедливости ради отметим, что консолидированные расходы на здравоохранение за 2014 г. увеличились на 4,5%.

Таблица 5. Динамика и структура расходов бюджетов субъектов РФ в 2012–2014 гг. (цены 2014 г.)

Расходы	2012			2013			2014		
	Млрд. руб.	Уд. вес, %	К 2011, %	Млрд. руб.	Уд. вес, %	К 2012, %	Млрд. руб.	Уд. вес, %	К 2013, %
Расходы, всего	9436	100,0	103,1	9379	100,0	99,4	9216	100,0	98,3
Общегосударственные вопросы	577	6,1	103,3	582	6,2	106,5	578	6,3	99,3
Национальная экономика	1816	19,2	115,7	1843	19,6	101,5	1759	19,1	95,4
ЖКХ	997	10,6	86,3	960	10,2	96,4	901	9,6	93,9
Социальная сфера, всего	5760	61,0	107,6	5704	60,8	99,0	5673	61,7	99,5
образование	2315	24,5	112,4	2485	26,5	107,3	2452	26,6	98,7
культура	291	3,1	103,9	307	3,3	105,5	319	3,5	103,8
здравоохранение	1536	16,3	108,0	1332	14,2	86,7	1297	14,1	97,3
социальная политика	1441	15,3	101,4	1398	14,9	97,0	1415	15,4	101,2
Обслуживание государственного и муниципального долга	84	0,9	93,4	97	1,0	115,1	122	1,3	125,3

Источники: данные Федерального казначейства; Росстата; расчёты автора.

Таблица 6. Доля расходов бюджетов субъектов РФ в консолидированном бюджете РФ, темпы роста расходов по уровням бюджетной системы в 2008–2014 гг., %

Показатели	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2014 к 2008, %
Доля расходов бюджетов субъектов РФ в расходах консолидированного бюджета РФ	45,2	39,3	39,6	41,3	39,3	39,8	38,3	-6,9 п.п.
Расходы федерального бюджета	126,5	127,6	104,7	108,0	118,0	103,5	111,1	195,8
Расходы бюджетов субъектов РФ	130,5	100,0	106,1	115,7	108,6	105,6	104,6	147,3

Источник: расчёт автора по данным Федерального казначейства.

Незначительный рост расходов на социальную политику и культуру связан с более поздним, чем в образовании и здравоохранении, повышением оплаты труда в соответствии с указами Президента РФ, а также с индексацией пособий по социальной поддержке населения.

2. Сокращение поддержки отраслей национальной экономики, темпы роста которой перешли в минусовую зону и составили 95,4%, в то время как ещё в 2012 г. они прирастали на 15,7%.

3. Устойчивый понижающий тренд расходов на жилищно-коммунальное хозяйство. Именно сворачивание затрат на эту отрасль наряду с масштабным

сокращением бюджетных инвестиций региональные власти использовали в качестве источника погашения дефицита бюджетных ресурсов, необходимых для выполнения президентских указов. За последние три года финансирование ЖКХ сократилось почти на 100 млрд. рублей, или на 10%.

4. Динамичный рост наиболее непродуктивных расходов бюджета – процентных платежей по обслуживанию государственного долга, – составивший 45%.

Замедление темпов роста социальных расходов не способствовало снижению уровня социализации территориальных бюджетов. Хотя после 2011 г. доля расходов

на содержание социальной сферы увеличилась незначительно (с 58,5 до 62%), что следует увязывать с оптимизацией сети бюджетных учреждений, но в 60 субъектах РФ она была выше среднего показателя.

Вместе с тем в условиях острых долговых проблем власти 17 регионов изыскали возможность направить более 30% бюджетных ресурсов на поддержку отраслей национальной экономики и жилищно-коммунальное хозяйство, причём это в основном регионы, имеющие некрупные бюджеты. Так, к примеру, в Республике Мордовия на финансовое обеспечение указанных отраслей использовано 30,6% расходной части бюджета, чего нельзя сказать о Вологодской области, затратившей на эти цели 21,4% расходов. При этом бюджет Вологодской области на треть превышал бюджет Республики Мордовия, а долговая нагрузка составила 82% по отношению к собственным бюджетным доходам, в то время как в Мордовии – 108,8%. Сюда же

можно отнести Псковскую и Амурскую области, бюджеты которых меньше бюджета Вологодской области, но долговая нагрузка высокая (табл. 7).

Социальная модель бюджетов российских регионов обусловила заметный рост расходов, не подкреплённых собственными доходными источниками. По сравнению с докризисным уровнем собственные доходы в реальном выражении в 2014 г. увеличились на 8%, расходы – на 19% (рис. 10).

В результате опережающего роста расходных обязательств 74 субъекта РФ исполнили бюджет с дефицитом, который в 2014 г. достиг 469 млрд. руб., вдвое превысив плановый объём. Без учёта 9 регионов, имевших положительный бюджетный баланс, чистый дефицит составил 524 млрд. руб. (табл. 8).

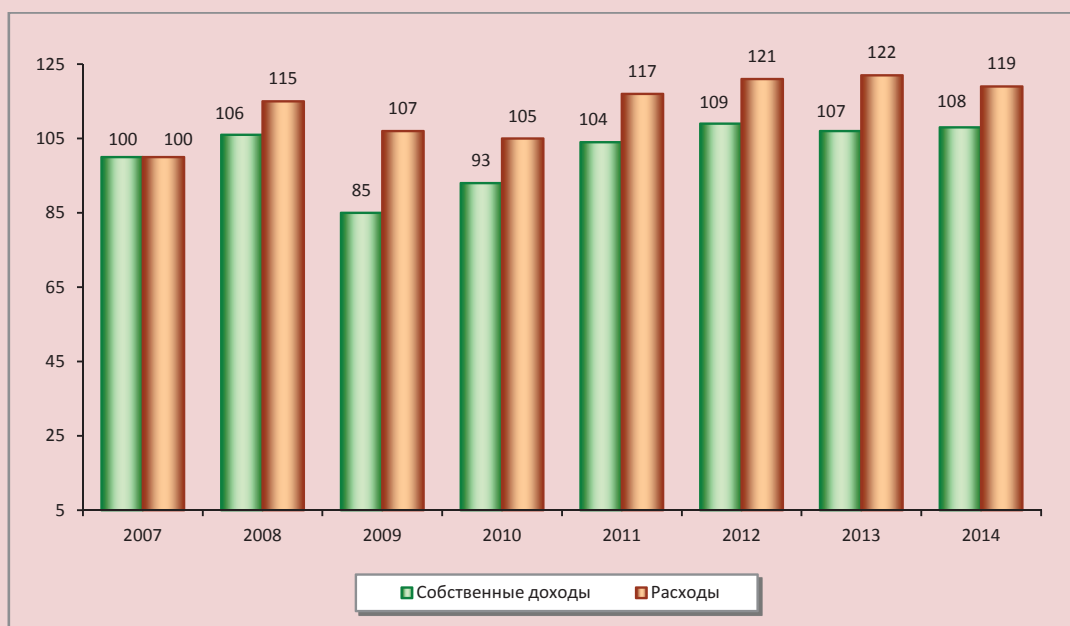
Без финансовой помощи из федерального бюджета дисбаланс региональных бюджетов ещё более усиливается. Так, в 2014 г. для финансирования текущих

Таблица 7. Расходы бюджетов субъектов РФ на национальную экономику и ЖКХ в 2011 и 2014 гг.

Субъект	Расходы				Справочно: государственный долг			
	2011		2014		2011		2014	
	Млрд. руб.	Уд. вес, %	Млрд. руб.	Уд. вес, %	Млрд. руб.	%*	Млрд. руб.	%*
Российская Федерация	2285,1	29,8	2659,3	28,9	1387,3	23,8	2402,3	33,5
Чукотский АО	8,5	44,9	10,4	46,5	2,3	18,9	13,5	125,1
Ямало-Ненецкий АО	61,1	42,0	65,9	41,3	3,4	2,9	36,1	26,9
Калининградская область	20,5	42,1	24,7	40,0	21,6	73,0	28,2	69,5
Камчатский край	18,9	35,2	22,6	35,6	6,8	37,9	7,8	33,9
Белгородская область	36,9	44,1	27,1	34,2	21,4	35,5	45,3	82,9
Псковская область	7,0	24,7	10,1	31,3	5,3	34,5	12,9	72,4
Калужская область	14,1	29,5	17,9	30,8	17,4	50,7	29,0	65,5
Тамбовская область	11,7	30,5	15,9	31,9	7,4	36,6	12,6	50,8
Республика Мордовия	13,8	33,2	13,9	30,6	21,0	133,8	30,4	108,8
Амурская область	15,2	27,9	19,6	30,0	12,5	40,3	30,0	81,4
Вологодская область	12,6	21,6	13,0	21,4	26,9	67,0	38,0	82,0

* Доля государственного долга в объёме собственных доходов бюджета.
Источники: данные Федерального казначейства; Минфина РФ; расчёты автора.

Рисунок 10. Темпы роста собственных доходов и расходов бюджетов субъектов РФ в 2008–2014 гг., % к 2007 г.

Источники: данные Федерального казначейства России; Росстата; расчёты автора.

Таблица 8. Дефицит бюджетов субъектов РФ в 2008–2014 гг., млрд. руб.

Показатели	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014, план	2014, факт
Сальдированный дефицит	-55	-329	-100	-35	-279	-642	-222	-469
В % к собственным доходам бюджета	1,1	7,8	2,0	0,6	4,4	9,7	2,5	6,6
Чистый дефицит	-135	-379	-202	-203	-355	-669	х	-524
В % к собственным доходам бюджета	2,8	10,5	7,7	6,5	6,4	11,6	х	7,3
Количество субъектов РФ, имеющих дефицит	45	60	62	57	67	77	х	74

Источники: данные Федерального казначейства России; расчёты автора.

расходов⁸ регионам не хватало собственных доходных источников в размере 845 млрд. руб., или 12% (рис. 11).

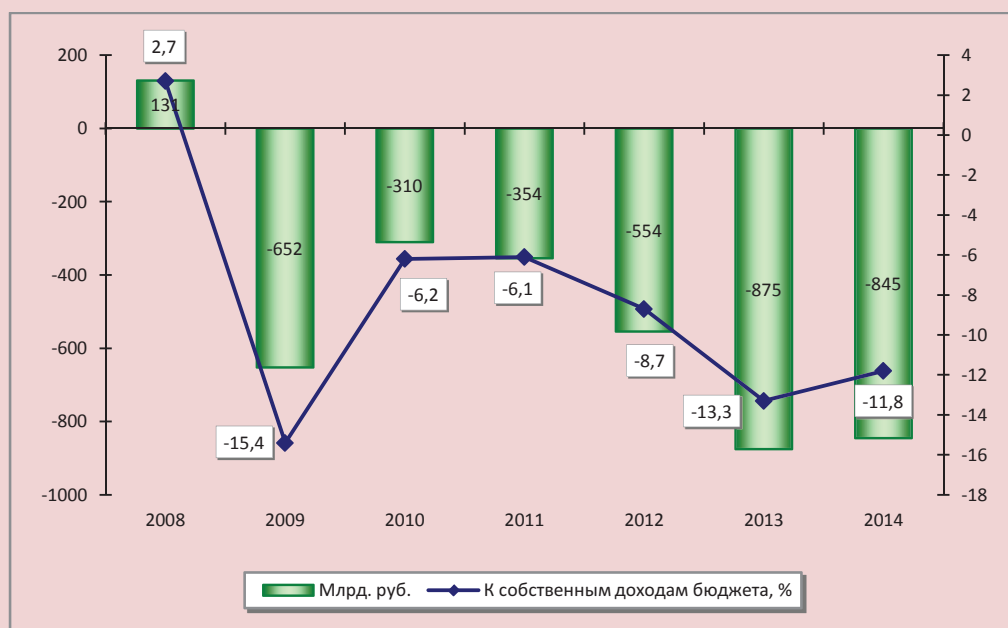
По нашим расчётам, в 2014 г. только четыре субъекта РФ (Сахалинская, Ленинградская, Тюменская области и Ханты-Мансийский АО) смогли профинансиро-

⁸ К текущим расходам территориальных бюджетов относятся все расходы, за исключением капитальных.

вать расходы, не включая субвенции на исполнение полномочий центра, за счёт собственных доходов. Из этого списка выпали даже богатые федеральные города и Ямало-Ненецкий АО.

Существенный уровень дефицита текущего финансирования, наблюдаемый с 2009 г., свидетельствует о том, что у регионов остаётся всё меньше ресурсов, не

Рисунок 11. Дефицит (-), профицит (+) текущего финансирования бюджетов субъектов РФ в 2008–2014 гг.

Источник: рассчитано автором по данным Федерального казначейства.

только стимулирующих экономическое развитие, но и обеспечивающих первоочередные потребности. Тем самым нарушается фундаментальный принцип бюджетной системы РФ – принцип сбалансированности. Аргументом в пользу этого вывода может служить и действующий механизм разграничения расходных полномочий, основным принципом которого стало постоянное внесение изменений в бюджетное законодательство с целью переноса центра тяжести исполнения государственных обязательств на региональный уровень без адекватного финансового обеспечения.

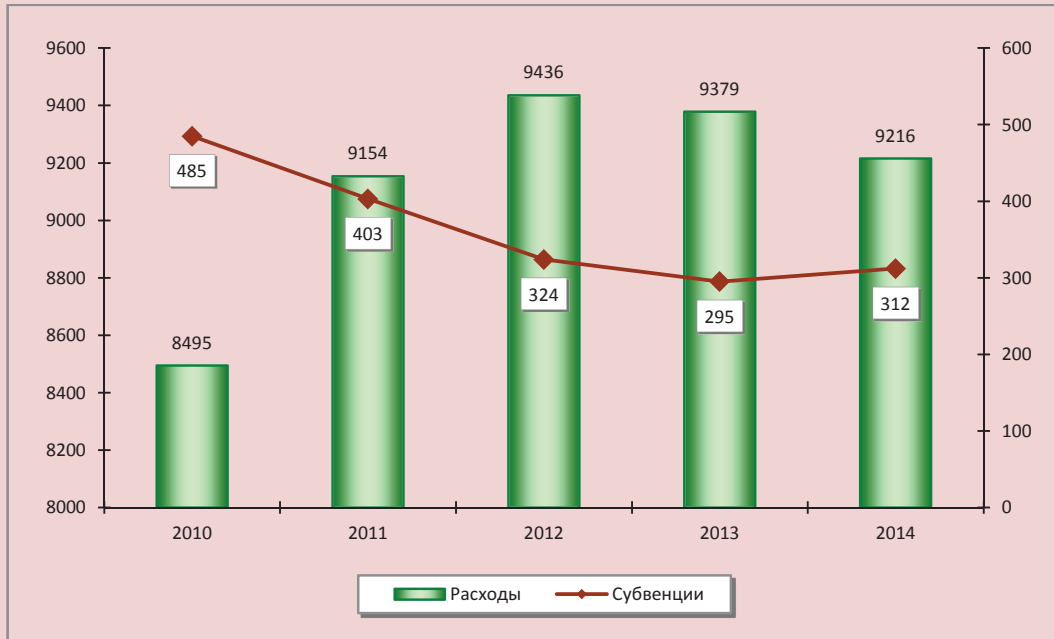
За 2010–2014 гг. в результате принятых Правительством решений (реализация указов Президента РФ от 7 мая 2012 г., формирование региональных дорожных фондов, передача отдельных функций в сфере лесного хозяйства и т.д.) расходы территориальных бюджетов увеличились

на 8,5%, а субвенции, переданные из федерального бюджета на выполнение полномочий РФ, уменьшились на 36% (рис. 12).

Новацией 2014 г. стал стремительный рост кредитов, полученных регионами из федерального бюджета. По сравнению с 2013 г., при увеличении межбюджетных трансфертов лишь на 2%, объём бюджетных кредитов вырос в шесть раз, а их доля в структуре финансовой помощи повысилась с 8 до 33% (рис. 13).

Масштабные заимствования из федерального бюджета послужили ключевым фактором роста общей закредитованности территориальных бюджетов. Темпы роста варьировались от 107% в Кемеровской области до 356% в Приморском крае. В 11 регионах банковские и бюджетные кредиты превысили объём собственных доходов (табл. 9), и ещё в 9 регионах займы достигли 72–97% этого объёма.

Рисунок 12. Динамика расходов бюджетов субъектов РФ и субвенций, полученных из федерального бюджета в 2010–2014 гг., млрд. руб. (цены 2014 г.)

Источники: данные Федерального казначейства; Росстата; расчёты автора.

Рисунок 13. Структура финансовой помощи, полученной субъектами РФ из федерального бюджета в 2008–2014 гг., млрд. руб.

* В скобках указана доля кредитов в объёме финансовой помощи.

Источники: данные Федерального казначейства; расчёты автора.

Таблица 9. Кредиты, привлечённые субъектами РФ в 2013–2014 гг., млрд. руб.

Субъект	2013				2014				
	Банков-ские	Бюд-жетные	Всего	К доходам бюджета*, %	Банков-ские	Бюджет-ные	Всего	К 2013, раз	К доходам бюджета*, %
Омская область	68,6	0,9	69,5		87,4	43,2	130,6	1,9	203,7
Республика Мордовия	8,3	2,9	11,2	54,9	35,9	20,1	56,0	5,0	200,1
Ивановская область	8,8	0	8,8	39,1	22,3	15,2	37,5	4,3	164,2
Архангельская область	28,8	2,1	30,9	56,3	53,6	39,9	93,5	3,0	160,6
Кабардино-Балкарская Республика	2,5	0,7	3,2	27,2	11,2	9,5	20,7	6,5	159,9
Нижегородская область	61,0	4,3	65,3	54,9	114,0	55,6	169,6	2,6	136,7
Кировская область	15,2	1,1	16,3	47,6	19,4	17,0	36,4	2,2	101,6
Томская область	14,4	0,1	14,5	33,6	33,3	19,1	52,4	3,6	110,8
Республика Карелия	8,8	1,9	10,7	48,3	12,5	12,0	24,5	2,3	109,2
Тамбовская область	8,0	0,8	8,8	37,9	7,5	17,8	25,3	2,9	101,8
Тверская область	21,5	0	21,5	46,0	25,0	23,5	48,5	2,3	100,4
Российская Федерация	906,0	132,3	1038,3	22,3	1225,3	769,4	1994,7	1,9	30,3

* К собственным доходам.
Источники: данные Федерального казначейства; расчёты автора.

В 2014 г. только три субъекта РФ (г. Санкт-Петербург, Ненецкий АО и Тюменская область) не привлекали кредитные ресурсы для финансирования бюджетного дефицита.

За прошедший год удалось снизить темпы роста наиболее обременительных для бюджета коммерческих кредитов, однако их номинальный объём впервые превысил отметку в один триллион рублей (рис. 14).

Обращает на себя внимание тот факт, что быстрее других банковские займы наращивались в сильных регионах. К примеру, в Свердловской, Иркутской, Томской областях, Ханты-Мансийском АО привлечение коммерческих кредитов увеличилось в 3–7 раз. Таким образом, имеются явные риски обострения долговых проблем у доноров бюджетной системы уже в ближайшей перспективе РФ⁹.

⁹ По данным ФНС, в 2014 г. Ханты-Мансийский АО перечислил в федеральный бюджет 88% налогов, собранных на его территории, Томская область – более 70%, Иркутская и Свердловская области – соответственно 42 и 30%.

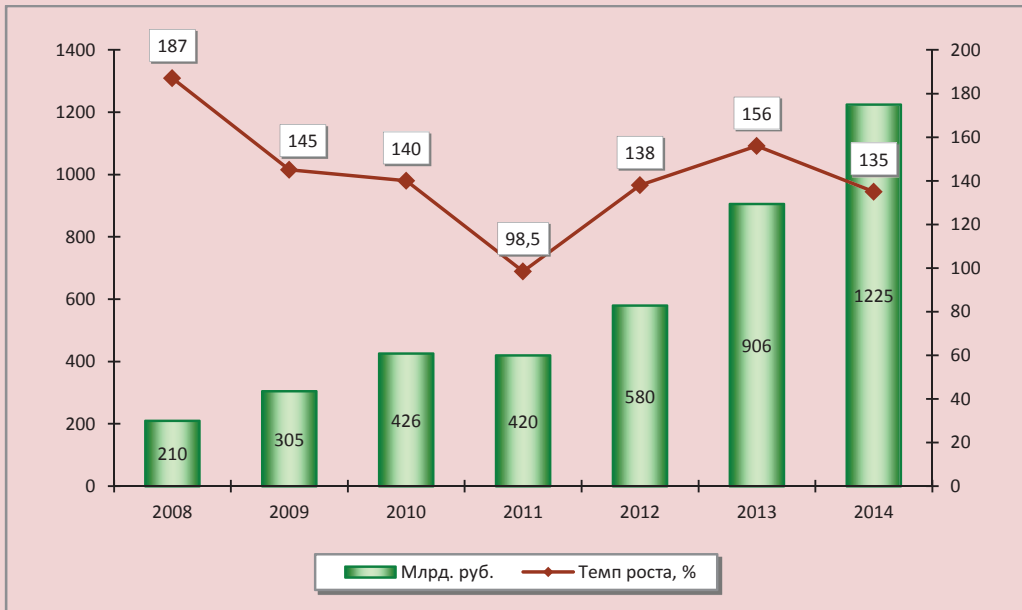
В 2014 г. только 13 российских регионов не оказались в кабале у банков. В половине территорий доля коммерческих займов превысила 50% объёма государственного долга. На начало 2015 г. регионы задолжали банкам 1,1 трлн. руб., что равнозначно сумме социальных трансфертов, полученных из субфедеральных бюджетов отдельными категориями россиян.

Разрастание закредитованности не позволило смягчить долговой кризис субфедеральных бюджетов. К началу 2015 г. объём консолидированного долга субъектов РФ увеличился на 380 млрд. руб., или на 19%, на его погашение уйдёт 33,6% собственных доходов (рис. 15).

По мировым пороговым значениям такой уровень долговой нагрузки не является высоким¹⁰, однако структура долга российских регионов почти на 80% пред-

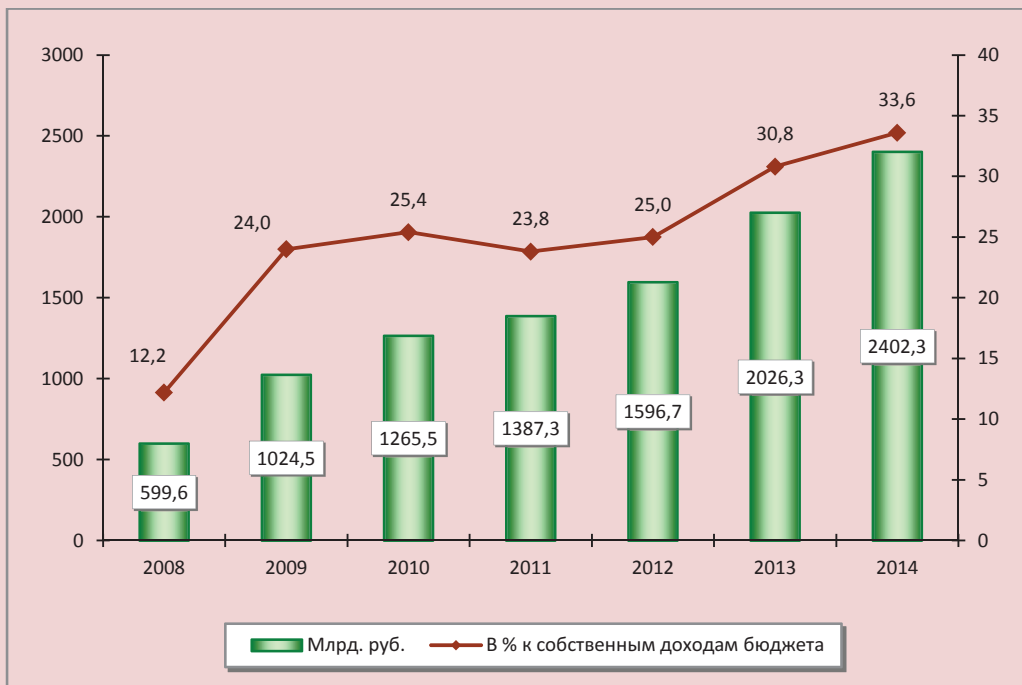
¹⁰ Например, в отдельных территориях Германии и Италии долговая нагрузка составляет 200–300%, однако структура долга представлена преимущественно ценными бумагами с долгосрочными сроками их погашения.

Рисунок 14. Динамика кредитов коммерческих банков, привлечённых субъектами РФ в 2008–2014 гг.

Источники: данные Федерального казначейства; расчёты автора.

Рисунок 15. Динамика государственного и муниципального долга субъектов РФ в 2008–2014 гг.

Источники: данные Минфина РФ; Федерального казначейства; расчёты автора.

ставлена кредитами, значительная часть которых должна гаситься ежегодно, причём, как правило, ценой новых заимствований.

Региональные контрасты темпов роста долговых обязательств довольно существенные, хотя можно отметить, что прослеживается отчётливая тенденция их быстрого прироста в крупных промышленных регионах – Пермском, Красноярском краях, Иркутской, Свердловской, Новосибирской областях и т.д. Это означает, что ухудшение ситуации с долговой нагрузкой может стать серьёзной угрозой экономическому развитию наиболее приоритетных российских территорий.

По итогам 2014 г. количество субъектов РФ, имеющих уровень долговой нагрузки свыше 50%, увеличилось с 36 до 45. Впервые в этот список попали Воронежская, Липецкая, Кемеровская области, Республика Коми, ранее отличавшиеся минимальными долговыми обязательствами.

В 14 регионах (в 2013 г. – в восьми) накопившийся объём долгов превысил 80% собственных доходов бюджета (табл. 10).

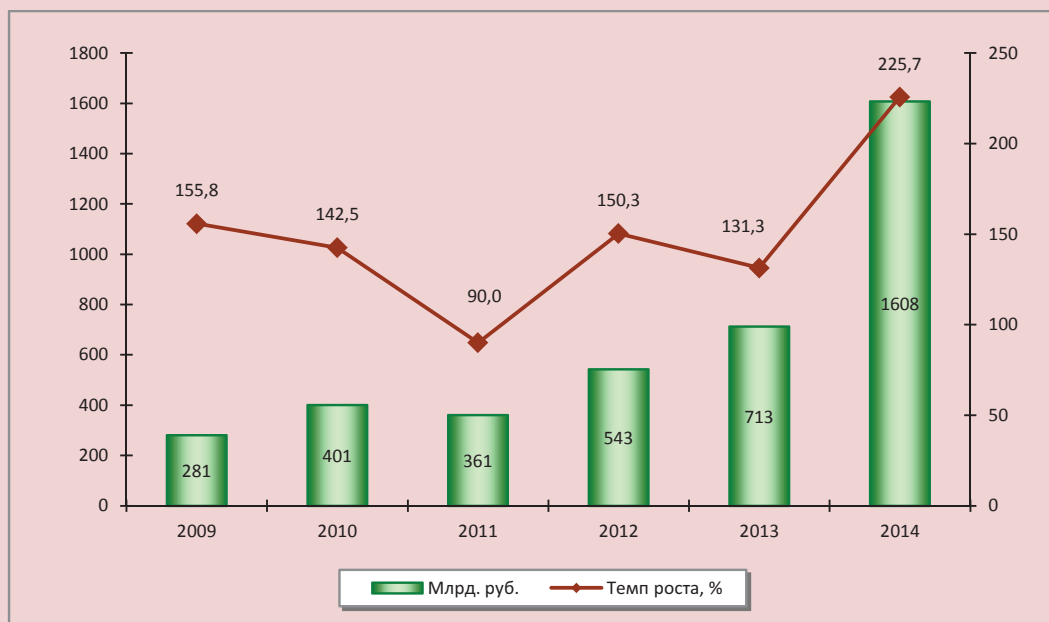
Ещё одна проблема в сфере долговой политики, требующая, на наш взгляд, незамедлительного решения, лежит в нормативно-правовой плоскости. Дело в том, что расходы на возврат кредитов, которые в 2014 г. выросли в 2,3 раза (рис. 16), финансируются за счёт собственных доходных источников, но включаются, согласно Бюджетному кодексу РФ, не в расходную часть бюджета, а в состав источников погашения дефицита [1], что девальвирует его реальный размер.

По нашим расчётам, если учесть расходы на возврат кредитов, реальный дефицит территориальных бюджетов за 2014 г. увеличится на 1,6 трлн. руб. и будет соответствовать почти трети собственных доходов. При этом в 27 субъектах РФ дефицит превысит половину объёма собственных доходов, а в 11 субъектах – и весь объём (табл. 11). Ещё в 2013 г. таковых регионов было соответственно 17 и 2.

Таблица 10. Субъекты РФ с критическим уровнем государственного долга

Субъект	2012		2013		2014		2014 к 2012, %
	Млрд. руб.	%*	Млрд. руб.	%*	Млрд. руб.	%*	
<i>Субъекты с уровнем долга свыше 100%</i>							
Чукотский АО	5,2	48,2	13,8	107,0	13,5	125,1	259,3
Костромская область	12,9	77,8	15,2	84,5	18,6	101,4	144,5
Смоленская область	18,5	69,1	24,3	85,4	29,7	105,1	160,4
Республика Мордовия	25,4	139,9	28,1	138,2	30,4	108,8	119,7
<i>Субъекты РФ с уровнем долга свыше 80%</i>							
Белгородская область	36,6	65,4	45,8	84,6	45,3	82,9	123,7
Республика Карелия	12,5	52,1	16,0	72,1	21,6	96,3	173,1
Вологодская область	30,9	70,7	34,9	81,1	38,0	82,0	122,9
Астраханская область	18,7	64,4	21,7	63,7	27,3	84,7	145,9
Республика Ингушетия	0,9	33,7	2,4	78,2	2,7	80,6	282,0
Республика Северная Осетия	7,5	81,7	8,5	79,5	9,8	89,3	130,4
Удмуртская Республика	21,1	48,5	33,7	70,3	45,1	88,0	213,1
Пензенская область	18,1	65,7	24,1	80,3	27,2	84,7	149,9
Саратовская область	43,4	73,0	51,0	85,4	55,5	88,7	127,8
Амурская область	16,3	47,1	24,3	68,3	30,0	81,4	184,0
* К собственным доходам бюджета (долговая нагрузка). Источники: данные Минфина РФ; Федерального казначейства; расчёты автора.							

Рисунок 16. Динамика расходов бюджетов субъектов РФ на возврат кредитов в 2009–2014 гг.

Источники: данные Федерального казначейства; расчёты автора.

Таблица 11. Фактический и реальный дефицит бюджетов субъектов РФ в 2013–2014 гг.

Субъект	2013					2014				
	Фактический дефицит		Возврат кредитов	Реальный дефицит		Фактический дефицит		Возврат кредитов	Реальный дефицит	
	Млрд. руб.	% *		Млрд. руб.	% *	Млрд. руб.	% *		Млрд. руб.	% *
Республика Мордовия	4,1	20,2	10,8	14,9	73,5	5,7	20,6	53,1	58,8	210,3
Омская область	9,3	15,2	66,9	76,2	125	5,8	9,0	123,6	129,4	202,0
Ивановская область	3,0	13,6	5,7	8,7	39,0	3,5	15,2	35,4	38,9	170,2
Архангельская область	5,8	10,5	23,8	29,6	54,0	7,4	12,6	88,6	96,0	164,9
Кабардино-Балкарская Республика	1,0	8,7	2,5	3,5	30,1	2,0	15,4	19,0	21,0	162,2
Нижегородская область	10,7	9,0	59,4	70,1	59,0	11,7	9,4	153,5	165,2	133,3
Амурская область	2,8	7,9	13,8	16,6	46,5	11,6	31,6	29,2	40,8	110,8
Томская область	6,8	15,8	14,0	20,8	48,2	6,0	12,7	45,4	51,4	108,7
Республика Карелия	5,9	26,6	8,2	14,1	63,7	3,7	16,6	20,0	23,7	105,5
Тамбовская область	5,0	21,5	6,8	11,8	50,6	2,5	10,0	22,6	25,1	100,9
Кировская область	6,6	19,4	11,5	18,1	53,1	4,5	12,6	31,6	36,1	100,8
Российская Федерация	642	9,7	712,6	1355	20,6	469,0	6,6	1608	2077	29,1

* Удельный вес дефицита в объёме собственных доходов бюджета.
 Источник: расчёты автора по данным Федерального казначейства.

Таким образом, динамика долговой нагрузки российских регионов сигнализирует о том, что большинство из них в предстоящем бюджетном цикле (2015–2017 гг.) не смогут получать новые кредиты для финансирования задач экономического развития, что, безусловно, снизит их конкурентоспособность.

Активизация усилий центра по выделению бюджетных кредитов регионам в краткосрочном периоде позволит в какой-то степени погасить коммерческую задолженность, однако эти меры не решат проблему рисков рефинансирования, а лишь отсрочат её до 2017 г., когда наступит срок возврата кредитов в федеральный бюджет. В конечном итоге, по мнению экспертов, бюджетные кредиты не смогут решить финансовые проблемы регионов [4]. Поэтому рано или поздно Федерации предстоит найти ресурсы для оказания субъектам безвозмездной финансовой помощи, в противном случае ситуация растущих заимствований будет воспроизводиться.

Прогнозы на 2015 г. не содержат каких-либо признаков оздоровления региональных финансов. По оценкам экспертов ВШЭ, дефицит бюджетов российских регионов может достичь 1,3 трлн. руб. [2] В условиях слабой генерации собственных доходов и отрицательной динамики федеральных трансфертов профинансировать такую сумму дефицита не представляется возможным.

Итоги бюджетного процесса начала текущего года подтверждают неутешительные прогнозы экспертов. За январь–февраль 2015 г. по сравнению с тем же периодом 2014 г. поступления налога на прибыль в территориальные бюджеты обрушились на 51,3%, что продуцировало отрицательный вектор совокупных налоговых

платежей. Не лучшим образом сложилось исполнение федерального бюджета, доходы которого сократились на 4%, главным образом за счёт падения на треть сборов от внешнеэкономической деятельности.

Российские власти пока не могут найти выход из бюджетного кризиса регионов, хотя, на наш взгляд, ключевой причиной его возникновения и углубления стала передача на региональный уровень дисбаланса федерального бюджета путём делегирования основной части государственных социальных обязательств.

Задача центра заключается в таком перераспределении бюджетных потоков, которое было бы нацелено на достижение финансовой достаточности субъектов РФ. «Закрепление за регионами явно недостаточной доли в общих доходах консолидированного бюджета¹¹, — отмечает д.э.н. А.З. Селезнёв, — практически исключает их активную роль в осуществлении новой индустриализации на собственной финансовой базе» [15].

На наш взгляд, ссылки на дефицитность федеральной казны не могут служить оправданием для ежегодного секвестра трансфертов регионам, тем более что их доля в расходах федерального бюджета составляет в среднем 11%, что намного меньше, чем в странах ОЭСР (30–40%).

Результаты исследований ИСЭРТ РАН [3, 11, 12, 13, 14] доказывают, что в стране имеются дополнительные резервы для увеличения наполняемости бюджетной системы. Ключевые из них касаются законодательной корректировки Налогового и Бюджетного кодексов, в частности: пересмотра порядка администрирования прибыли

¹¹ По нашим расчётам, за 2000–2014 гг. доля доходов, оставаемых в бюджетах регионов, уменьшилась с 51 до 37,6%.

крупных корпораций с отменой ряда необоснованных налоговых привилегий; введения прогрессивного налогообложения доходов физических лиц; восстановления государственного регулирования валютной деятельности с введением налога на трансграничные операции; отмены масштабных льгот и освобождений по НДС, противопоставляющих крупных сырьевых экспортёров и финансовых посредников остальным хозяйствующим субъектам; проведения инвентаризации полномочий регионов и оценки их доходного потенциала и т.д.

Наши расчёты показали, что в ходе реализации этих мер можно было бы достичь дополнительного ежегодного поступления доходных источников в национальную казну порядка 18 трлн. руб. Это позволило бы перераспределить в пользу регионов существенную часть средств в виде регулирующих налогов или межбюджетных трансфертов и в конечном итоге ускорить решение стратегических задач социально-экономического развития страны.

В условиях кризисных явлений региональные власти должны задействовать немногие оставшиеся источники стабилизации своих бюджетов.

Во-первых, необходима более активная работа с неформальным сектором и должниками по уплате налоговых платежей. По данным ФНС, ежегодно более 30% зарегистрированных в налоговых органах организаций не представляют отчётность. За 2014 г. задолженность налогоплательщиков перед бюджетами регионов увеличилась на 111 млрд. руб. по сравнению с 2013 г. и составила 570 млрд. рублей¹². Из этой суммы

¹² По нашим расчётам, основанным на данных ФНС, в 2014 г. только четверти регионов удалось сократить дебиторскую задолженность по платежам в бюджет, при этом почти 80% погашенных долгов пришлось на г. Москву, Новосибирскую и Тюменскую области.

35% составляют долги по региональным и местным платежам, что указывает на недостаточный уровень активности региональных властей по работе с налогоплательщиками.

Во-вторых, требуется повышение фискальной функции имущественных налогов, администрирование которых является компетенцией субфедеральных органов власти. По данным ФНС, в государственном кадастре не зарегистрировано около 40% владельцев объектов недвижимого имущества, в результате чего территориальные бюджеты недополучают ежегодно по 45 млрд. руб.

В-третьих, не должны оставаться в стороне вопросы жёсткой бюджетной дисциплины. При остром дефиците бюджетных ресурсов регионы ежегодно не осваивают более 800 млрд. выделенных им ассигнований. Повышающий вектор приобрела дебиторская задолженность бюджетов, которая на начало 2014 г. составляла почти 500 млрд. руб. В основном это обязательства по авансам и кредитам, выданным из бюджетов регионов.

В-четвёртых, несмотря на многочисленные разговоры об оптимизации расходов на управление, добиться их радикального снижения так и не удалось. По нашим расчётам, в 2014 г. рост управленческих затрат был отмечен в 62 регионах, и это указывает на имеющиеся резервы их сокращения, в первую очередь за счёт более скромного материального обеспечения чиновников¹³.

¹³ В 2014 г. средняя зарплата работников органов исполнительной власти субъектов РФ составила 47,6 тыс. руб., что в 1,5 раза выше среднего уровня по экономике, а средняя зарплата работников, замещающих государственные должности, достигла 180,3 тыс. руб., превысив среднюю зарплату по экономике регионов почти в 6 раз.

Конечно, использование явных источников прибавки территориальных бюджетов ослабит риски дисбаланса. В то же время нежелание центральных властей изменить подходы к бюджетной политике, переориентировать её в сторону интересов регионального развития настоятельно требует повышения роли ключевых источников питания бюджетных систем регионов — налога на прибыль и налога на имущество

организаций. А для этого необходимо формирование диверсифицированной базы налогоплательщиков путём создания новых производственных и инфраструктурных проектов, восстановления предприятий по выпуску строительных материалов. Только достижение финансовой самостоятельности способно обеспечить выполнение миссии российских регионов в социально-экономическом развитии страны.

Литература

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации [Текст]. — М.: Эксмо, 2013. — 448 с.
2. Базанова, Е. Высшая школа экономики: дефицит регионов может составить 1,8% ВВП / Е. Базанова // Ведомости. — 2015. — № 3783.
3. Ильин, В.А. Проблемы эффективности государственного управления. Бюджетный кризис регионов [Текст]: монография / В.А. Ильин, А.И. Поварова. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. — 128 с.
4. Обухова, Е. На плаву продержатся, но взлететь не смогут [Электронный ресурс] / Е. Обухова // Эксперт. — 2015. — № 11. — Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2015/11>.
5. О внесении изменений в Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов»: Заключение Счётной палаты РФ на проект Федерального закона № 744090-6 // Официальный сайт Счётной палаты РФ. — Режим доступа: <http://audit.gov.ru/activities/audit-of-the-federal-budget/21096/>
6. Официальный сайт Банка России. — Режим доступа: <http://www.cbr.ru/statistics/>
7. Официальный сайт Министерства финансов РФ. — Режим доступа: <http://www.minfin.ru/ru/>
8. Официальный сайт Федерального казначейства России. — Режим доступа: <http://www.roskazna.ru/>
9. Официальный сайт Федеральной налоговой службы России. — Режим доступа: <http://www.nalog.ru/>
10. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. — Режим доступа: <http://www.gks.ru/>
11. Печенская, М.А. Межбюджетные отношения: состояние, регулирование, оценка результативности [Текст] / М.А. Печенская: монография. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. — 161 с.
12. Поварова, А.И. Об условиях и мерах повышения эффективности общественных финансов (критические заметки) / А.И. Поварова // Экономист. — 2014. — № 3. — С. 68-71.
13. Поварова, А.И. Неэффективное администрирование НДС как угроза экономической безопасности России / А.И. Поварова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2013. — № 2. — С. 126-140.
14. Поварова, А.И. Снижение фискальной функции налога на прибыль: факторы и пути повышения / А.И. Поварова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2014. — № 3. — С. 180-195. — DOI: 10.15838/esc/2014.3.33.14
15. Селезнёв, А.З. Стартовые условия и проблемы бюджетной трёхлетки (2015–2017 гг.) / А.З. Селезнёв // Экономист. — 2015. — № 2. — С. 3-16.

Povarova A.I.

Execution of local budgets in 2014: tension is not decreasing

Anna Ivanovna Povarova – Senior Research Associate, Head of the Sector for Studying the Issues of Public Finances, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of SocioEconomic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, aip150663@yandex.ru)

Abstract. Vladimir Putin’s “May decrees” have received the status of a national goal. On the background of decreasing economic performance exacerbated by external shocks, the implementation of these decrees has become a heavy burden for regional budgets without an adequate financial support from the federal budget. As a result, almost every Russian region has suffered losses by the end of 2014.

The fallacy of the ongoing course of budget policy has long been criticized by many leading scholars and experts; moreover, they proposed positive recommendations on the development of alternative policies. Unfortunately, the results of 2014 prove that the RF Government has not abandoned the policy of budget consolidation. On the contrary, gratuitous financial assistance to the regions is actively transformed into debt financing in the form of budget loans. However, the regional authorities can rely on this quasi-support, which is a temporary factor, only provided that the budget is deficit-free and at the expense of abandonment of spending on economic development and on the improvement of welfare of the population.

The results of the analysis of the facts indicate that the budget-related problems of the regions, arising largely from the inefficient federal budget policy, have reached the critical level. One fourth of the subjects that had a predominant share of market debt turned out to be in a pre-default state. The breakdown of public finances has affected the most prosperous regions, which is contrary to the paradigm of sustainable regional development.

The regions entered the crisis of 2014 with huge debt and budget deficit; the situation was not so grave during the financial and economic crisis of 2009. In terms of the upcoming 10% cut of federal budget expenditures [5], the subjects of the Russian Federation can hardly expect an increase in financial support. They will obviously have to adapt their budgets to the changing economic situation. But in such conditions, when there are no opportunities to reduce investments, spending on housing and utilities and on the economy, the compensational sources can be found only in the budget sector and the existing measures of social support; such a situation will cause the reduction of domestic demand, creating not only economic but also political risks for the regional authorities.

The article analyses the execution of budgets of the RF subjects for 2014, substantiates practical recommendations for the stabilization of territorial budgetary systems and proposes measures to lead them out of the crisis.

The study is based on the official data of the Ministry of Finance of the Russian Federation [7], the Federal Treasury [8], the Federal Tax Service [9], and the Federal State Statistics Service [10].

Key words: region, territorial budget, deficit, loans, public debt, adjustment of budgetary policy.

References

1. *Byudzhetnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii* [The Budget Code of the Russian Federation]. Moscow: Eksmo, 2013. 448 p.
2. Bazanova E. Vysshaya shkola ekonomiki: defitsit regionov mozhet sostavit' 1,8% VVP [Higher School of Economics: Regional Deficit Could Reach 1.8% of GDP]. *Vedomosti* [News], 2015, no. 3783.

3. Il'in V.A., Povarova A.I. *Problemy effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya. Byudzhetniy krizis regionov: monografiya* [Problems of Public Administration Efficiency. Budget Crisis in the Regions: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2013. 128 p.
4. Obukhova E. Na plavu proderzhatsya, no vzletet' ne smogut [They will Manage to Stay Afloat, but will not be Able to Take Off]. *Ekspert* [Expert], 2015, no. 11. Available at: <http://expert.ru/expert/2015/11>.
5. O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon "O federal'nom byudzhetе na 2015 god i na planovyi period 2016 i 2017 godov": Zaklyuchenie Schetnoi palaty RF na proekt Federal'nogo zakona № 744090-6 [On Amendments to the Federal Law "On the Federal Budget for 2015 and for the Planning Period of 2016 and 2017": the Conclusion of the Accounts Chamber of the Russian Federation on the Draft Federal Law No. 744090-6]. *Ofitsial'nyi sait Schetnoi palaty RF* [Official Website of the Accounts Chamber of the Russian Federation]. Available at: <http://audit.gov.ru/activities/audit-of-the-federal-budget/21096/>
6. *Ofitsial'nyi sait Banka Rossii* [Official Website of the Bank of Russia]. Available at: <http://www.cbr.ru/statistics/>
7. *Ofitsial'nyi sait Ministerstva finansov RF* [Official Website of the Ministry of Finance of the Russian Federation]. Available at: <http://www.minfin.ru/ru/>
8. *Ofitsial'nyi sait Federal'nogo kaznacheistva Rossii* [Official Website of the Federal Treasury of Russia]. Available at: <http://www.roskazna.ru/>
9. *Ofitsial'nyi sait Federal'noi nalogovoi sluzhby Rossii* [Official Website of the Federal Tax Service of Russia]. Available at: <http://www.nalog.ru/>
10. *Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki* [Official Website of the Federal State Statistics Service]. Available at: <http://www.gks.ru/>
11. Pechenskaya M.A. *Mezhbyudzhetye otnosheniya: sostoyanie, regulirovanie, otsenka rezul'tativnosti: monografiya* [Inter-Budgetary Relations: Current State, Regulation, Assessment of Performance: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2015. 161 p.
12. Povarova A.I. Ob usloviyakh i merakh povysheniya effektivnosti obshchestvennykh finansov (kriticheskie zametki) [About the Conditions and Measures for Improving the Effectiveness of Public Finance (Critical Notes)]. *Ekonomist* [Economist], 2014, no. 3, pp. 68-71.
13. Povarova A.I. Neeffektivnoe administrirovanie NDS kak ugroza ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii [Inefficient VAT Administration as a Threat to Russia's Economic Security]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2013, no. 2, pp. 126-140.
14. Povarova A.I. Snizhenie fiskal'noi funktsii naloga na pribyl': faktory i puti povysheniya [Reduction of the Fiscal Function of Corporate Tax: the Factors and Ways of Increase]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2014, no. 3, pp. 180-195. – DOI: 10.15838/esc/2014.3.33.14
15. Seleznev A.Z. Startovye usloviya i problemy byudzhetnoi trekhletki (2015–2017 gg.) [Starting Conditions and Problems of the Three-Year Period Budget (2015–2017)]. *Ekonomist* [Economist], 2015, no. 2, pp. 3-16.

Модернизация сельского хозяйства и устойчивое развитие в условиях ресурсных ограничений и необходимости охраны окружающей среды

Мао Чжиюн

научный сотрудник, вице-президент Академии общественных наук провинции Цзянси

Аннотация. Модернизация сельского хозяйства любой страны должна проводиться с учетом природных условий, населения, ресурсов, экономических и социальных условий. Правительство Китая четко выражает стремление содействовать модернизации сельского хозяйства и углубленному развитию индустриализации, информационных технологий и урбанизации, что является одной из основных задач в построении процветающего общества и достижении целей модернизации. Вследствие возрастающих ресурсных и экологических ограничений, содействие модернизации сельского хозяйства должно встать на путь достижения его устойчивого развития на основе защиты окружающей среды и основных национальных условий.

Ключевые слова: сельскохозяйственное производство, модернизация сельского хозяйства, индустриализация и урбанизация, устойчивое развитие, защита окружающей среды, ресурсные ограничения.

I. Меры, направленные на поддержку модернизации и достижений сельского хозяйства Китая

Сельское хозяйство — это основа страны или региона, поскольку их экономическое развитие зависит от быстрого и стабильного роста сельскохозяйственного производства, в то время как традиционное сельское хозяйство не в состоянии стабильно и быстро развиваться; поэтому

фундаментальный выход для традиционного сельского хозяйства заключается в его трансформации, а именно в его модернизации. Основные особенности Китая — большая численность населения и ограниченность земель, пригодных для возделывания. Таким образом, модернизация сельского хозяйства может быть достигнута только при устойчивом и современном развитии.

1. Правительство Китая увеличило инвестиции в сельское хозяйство. Реформы в сельской местности начались в 1980-х годах с выделения сельскохозяйственных земель фермерам. В 2004 году Правительство Китая отменило сельскохозяйственные налоги, покончив с 2000-летней историей сбора налогов с крестьян. Вместе с тем был увеличен размер субсидий сельскому хозяйству, и главным образом за счет прямых субсидий фермерам на закупку зерна, разнообразных сельскохозяйственных субсидий, субсидий на приобретение улучшенных сортов сельскохозяйственных культур и техники. Кроме того, постепенно увеличивались другие субсидии – с 11,67 млрд. юаней в 2004 году до 167,05 млрд. юаней в 2013 году (рис. 1). В то же время уделяется большое внимание инвестициям в сельское хозяйство, лесной комплекс и ирригацию: объем инвестиций в данные сферы увеличился в четыре

раза – с 304,07 млрд. юаней в 2007 году до 1,322791 трлн. юаней в 2013 году (рис. 2).

2. Значительно улучшен общий потенциал производства зерна. После проведения реформы и принятия политики открытости общее производство зерна увеличилось вдвое, что позволило решить проблему обеспечения питанием и одеждой 1,3 миллиарда жителей Китая. Объем выпуска продукции вырос с 304,765 млн. тонн в 1978 году до 601,9384 млн. тонн в 2013 году (рис. 3). С 2004 года производство зерна увеличивалось в течение десяти лет подряд. Повышение урожайности на единицу площади (с 2527,3 кг/га в 1978 г. до 5301,76 кг/га в 2012 году, т.е. более чем на 100%) является главным фактором увеличения производства зерна в Китае (рис. 4). В результате сформировалась целостная система, включающая производство, переработку и реализацию зерна, способствующая повышению производительности данной отрасли.

Рисунок 1. Субсидии, выделяемые на развитие сельского хозяйства в Китае (единица – 100 млн. юаней)

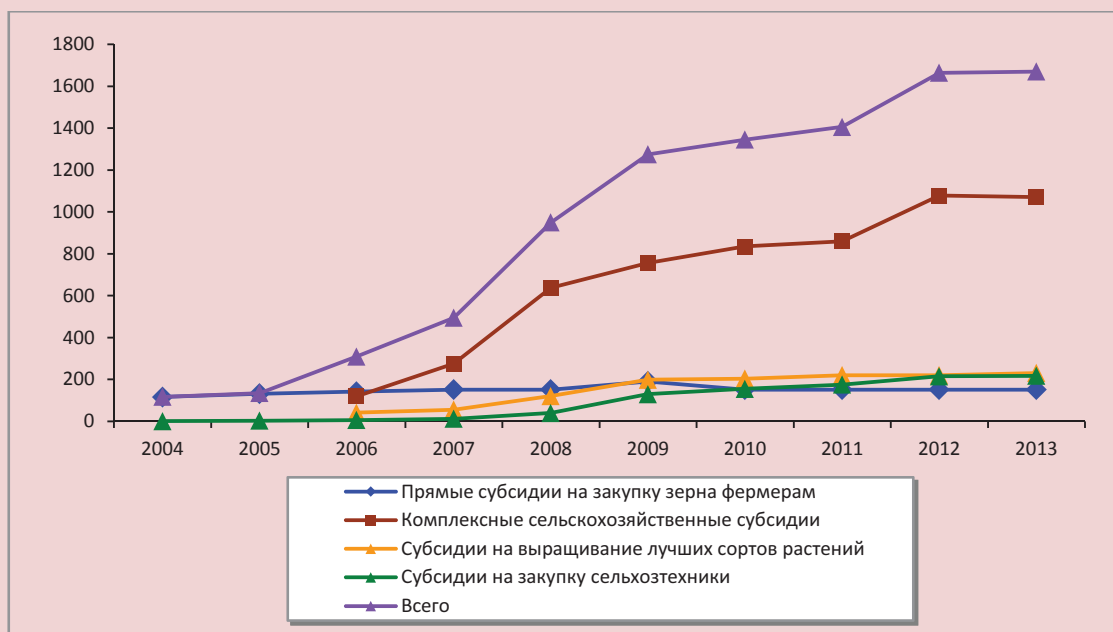

Рисунок 2. Изменение объемов инвестиций Китая в сельское хозяйство, лесной комплекс и ирригацию в период с 2007 по 2013 г.

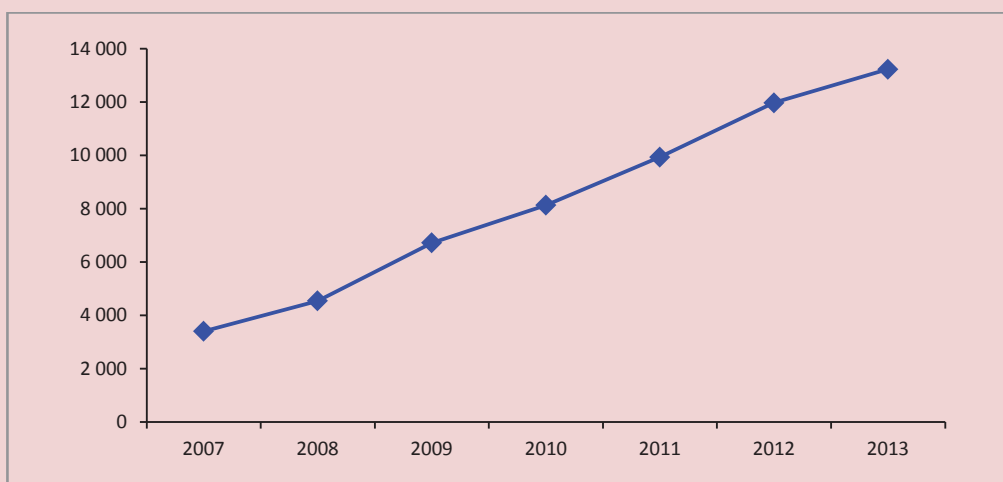

Рисунок 3. Динамика общего производства зерна в Китае (10 тыс. тонн)

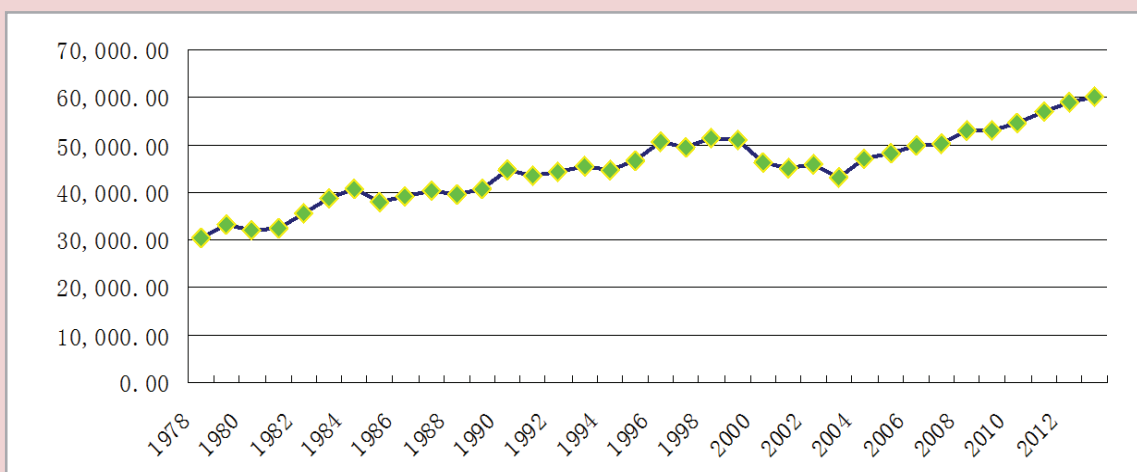
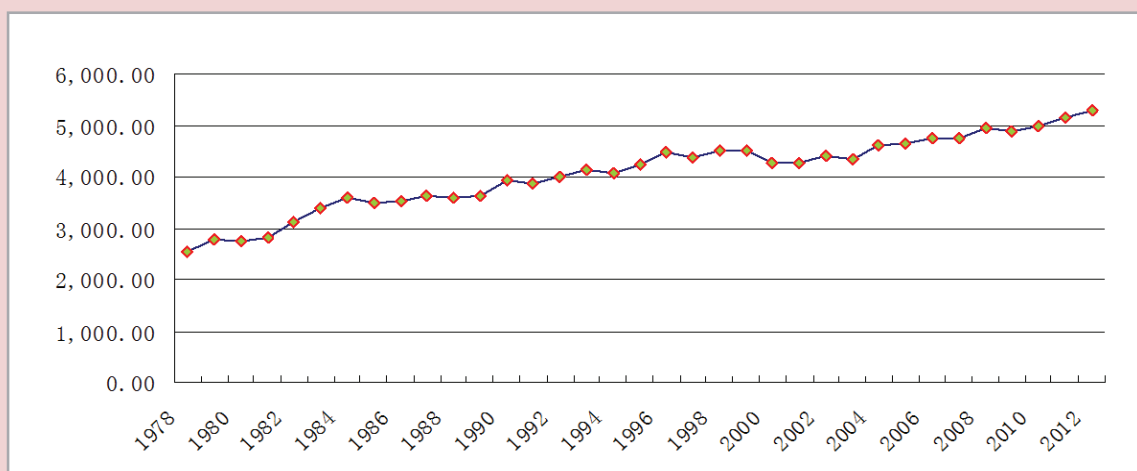

Рисунок 4. Динамика урожайности зерна на единицу площади в Китае, кг/га

3. Достижения в технологии сельскохозяйственного производства вносят большой вклад в развитие сельского хозяйства. После реформы и принятия политики открытости Китай стабильно развивает и внедряет сельскохозяйственные технологии. Была основана современная система внедрения

новых технологий селекции растений, в частности технология селекции гибридных сортов риса, разработанная Юань Лунпин и представляющая собой выдающийся вклад в увеличение производства продуктов питания в Китае, в разрешение проблемы с продовольствием и одеждой

Рисунок 5. Темпы внедрения передовых сельскохозяйственных технологий в Китае, %

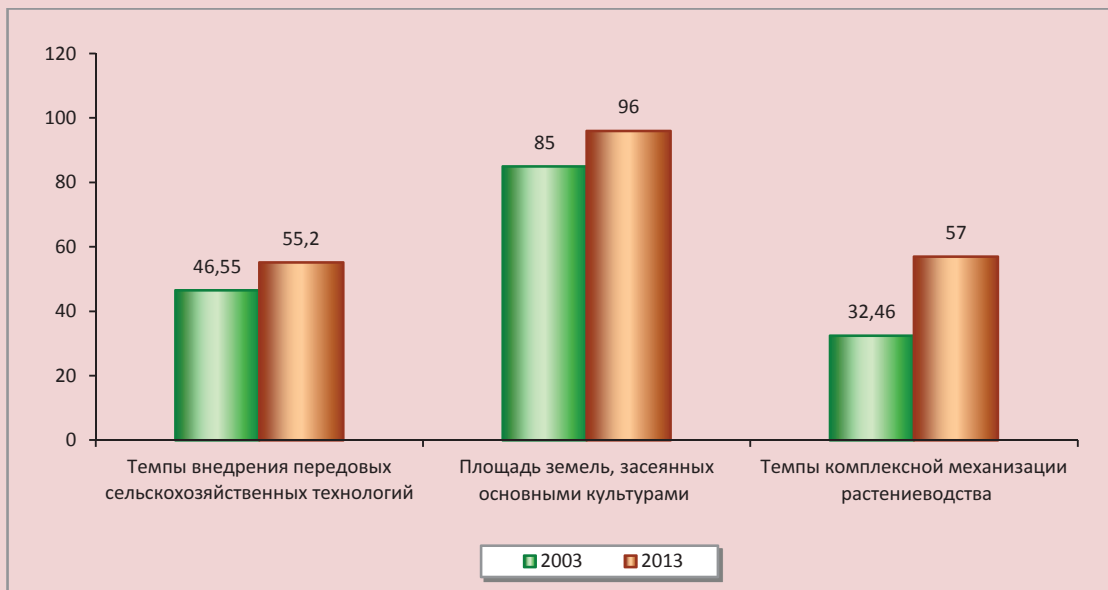
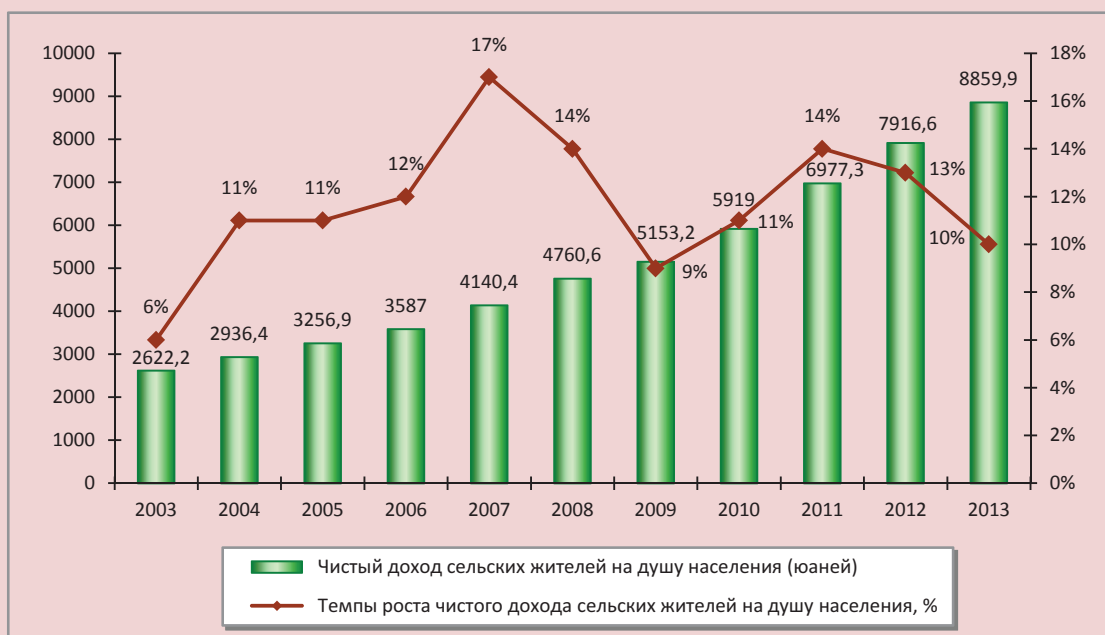

Рисунок 6. Чистый доход сельского жителя в расчете на душу населения и его прирост

в Китае и даже во всем мире. Например, сорт риса «4-й супер» в настоящее время может повысить урожайность до 1000 кг/му¹. Кроме того, инвестиции в сельское хозяйство, лесной комплекс и ирригацию способствовали широкому применению современной сельскохозяйственной техники и оборудования, GPS, дистанционных исследований, сельскохозяйственной биотехнологии и других технологий. Внедрение передовых сельскохозяйственных технологий увеличилось с 46,55% в 2003 году до 55,2% в 2013 году, а площадь земель, засеянных основными культурами, — с 85 до 96% соответственно. Темпы комплексной механизации растениеводства возросли с 32,46 до 57% (рис. 5).

4. Быстрый рост доходов фермеров. Конечной целью модернизации сельского хозяйства является повышение уровня жизни фермеров. Начиная с 2004 года их чистый доход в расчёте на душу населения увеличился с 2936,4 юаня в 2004 году до 8859,9 юаня в 2013 году, т.е. в три раза. В течение данного периода, за исключением нескольких лет, попавших под влияние финансового кризиса, чистый доход фермеров на душу населения в основном вырос, причем темпы роста выражаются двузначными числами (рис. 6).

II. Рост ограничений для модернизации сельского хозяйства Китая, связанных с ресурсной обеспеченностью и состоянием окружающей среды

По мере развития экономики Китая и стремительного прогресса урбанизации и индустриализации значительно усиливается конкуренция за сельскохозяйственные земли, водные ресурсы и рабочую силу между сельским хозяйством и другими отраслями, а также между деревней и городом.

¹ Му — единица измерения земельных площадей в Китае, равная 0,067 га.

Таким образом, устойчивое развитие модернизации сельского хозяйства сталкивается с возрастающими «жесткими ограничениями» в плане ресурсов и окружающей среды.

А. Проблемы, связанные с ограниченностью площади обрабатываемых земель

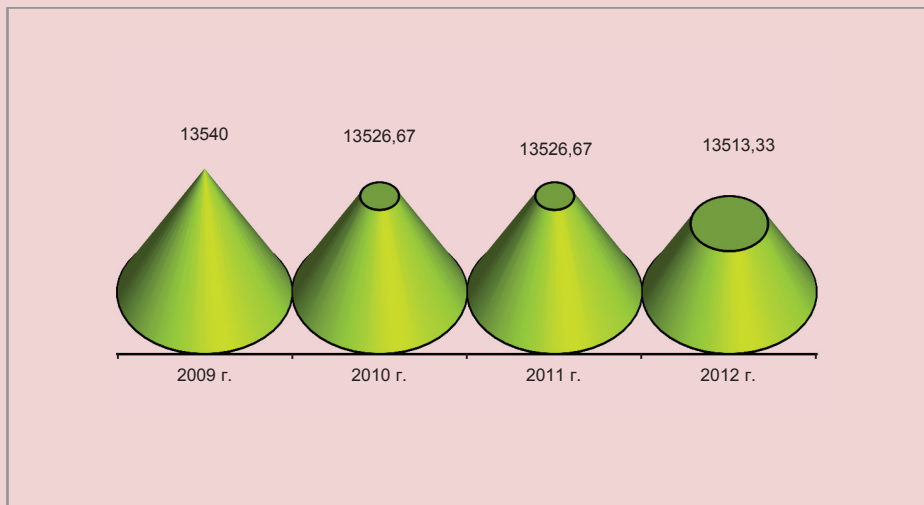
Фактором, ограничивающим устойчивое развитие модернизации сельского хозяйства в Китае, является все более заметная нехватка обрабатываемых земель. Согласно «Отчету об использовании земель и ресурсов Китая за 2013 год» (*China's Land and Resources Report 2013*), к концу 2012 года по площади обрабатываемых земель, составлявшей 13513,33 млн. га, Китай занимал четвертое место в мире после США, Индии и России. Хотя ресурс обрабатываемых земель в Китае значительный, их площадь сократилась, поскольку всё больше земель требуют индустриализация и урбанизация (рис. 7). Кроме того, на душу населения приходится всего лишь 0,08 га обрабатываемых земель, т.е. 40% среднемирового уровня, а это гораздо меньше, чем в России, США, Франции и других развитых странах. Причём в провинции Цзянси этот показатель ниже среднего уровня по стране (рис. 8).

В ближайшей перспективе Китай продолжит ускорение индустриализации и урбанизации, для которых потребуются все большая площадь обрабатываемых земель, необходимых для устойчивого развития современного сельского хозяйства. Следовательно, «жесткие ограничения» в отношении обрабатываемых земель усиливаются.

Б. Рост дефицита водных ресурсов для сельского хозяйства

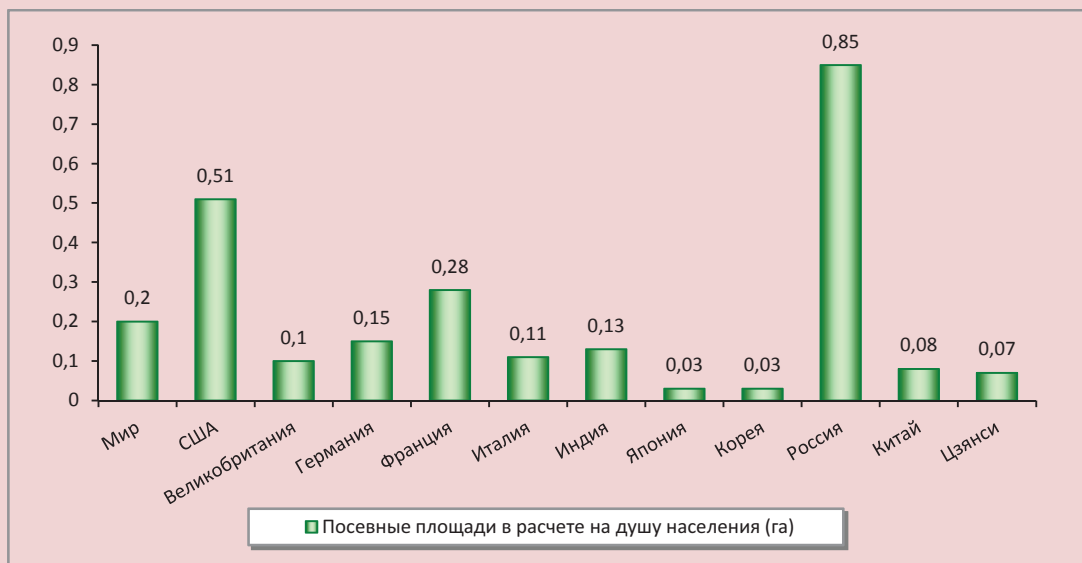
Китай занимает шестое место в мире по объему пресноводных ресурсов, но в расчете на душу населения этот показатель очень низкий — только 2,093 м³ (согласно данным шестой переписи населения 2011 г.),

Рисунок 7. Динамика площади обрабатываемых земель Китая в 2009–2012 гг., млн. га

Источник: Отчет об использовании земель и ресурсов Китая за 2013 год.

Рисунок 8. Сравнение площади обрабатываемых земель на душу населения в Китае и в мире

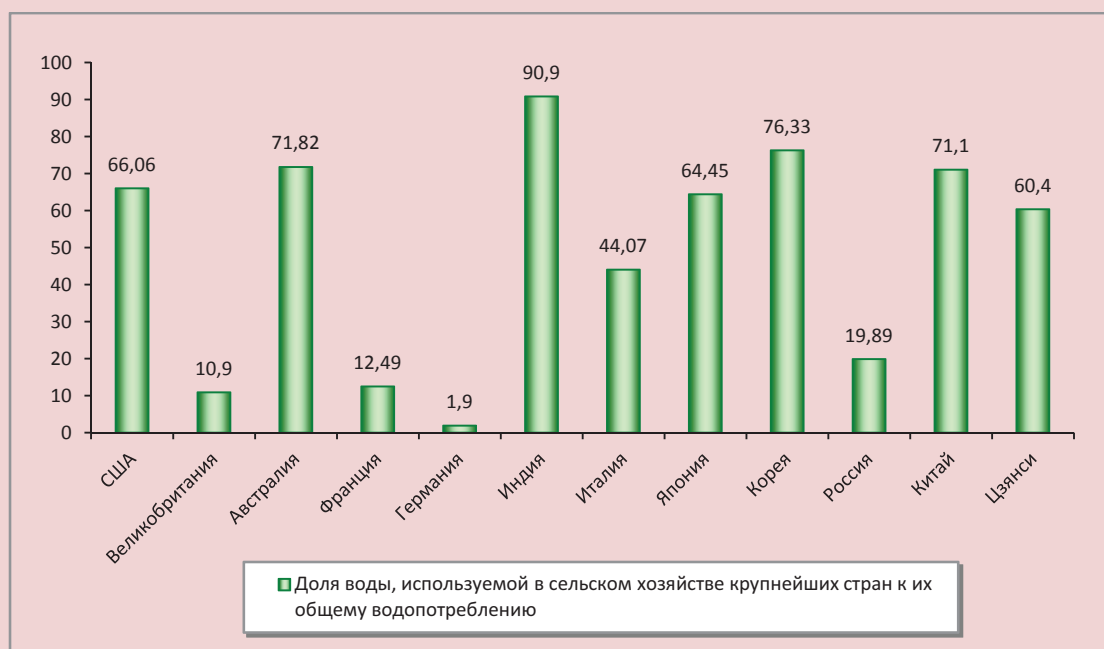

Источник: база данных Всемирного банка.

а это составляет менее трети среднего показателя. В результате Китай находится в числе 13 стран с самыми бедными водными ресурсами по данным Организации Объединенных Наций. В современных условиях острой нехватки воды в сельском хозяйстве Китая до сих пор используется режим орошения

затоплением и вода для сельскохозяйственных нужд занимает высокую долю в общем объеме используемой воды. С 1992 по 2012 год доля воды, используемой в сельском хозяйстве Китая, составляла в среднем 71,1% общего объема потребляемой воды. При этом доля провинции Цзянси, несколько более низкая, чем

Рисунок 9. Доля воды, используемой в сельском хозяйстве крупнейших стран, к их общему водопотреблению, %

Примечание. Данные по странам являются среднегодовыми значениями за 1994–2012 гг. (источник: данные Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (faostat.fao.org)); данные по провинции Цзянси – за 2012 год (источник: «Вестник водных ресурсов Китая 2012» (Jiangxi Water Resources Bulletin 2012)).

средний уровень по стране, была сопоставима с уровнем Соединенных Штатов Америки, Австралии, Японии, Южной Кореи, но значительно превышала аналогичный показатель Великобритании, Франции, Германии и России (рис. 9).

Вода в сельском хозяйстве Китая используется в основном для орошения сельскохозяйственных угодий, отличающихся низким коэффициентом использования и значительным разрывом между предложением и спросом. В настоящее время коэффициент использования воды составляет всего 0,5 по сравнению с 0,7–0,9 в развитых странах, водопотребление в которых достигает более чем 30 млрд. кубометров. Учитывая нехватку воды в Китае и развитие индустриализации и урбанизации, можно прогнозировать возрастание потребности в воде для промышленных и бытовых нужд.

В сочетании с ростом численности населения проблема обеспеченности водными ресурсами станет для сельского хозяйства довольно острой.

С. Всё более очевидной становится тенденция оттока молодых кадров из деревни в город

Китай находится в середине и в конце периода индустриализации, следовательно, она будет продолжаться и все больше работников будут уезжать на заработки в города. По данным Национального бюро статистики (National Bureau of Statistics), в 2008 году число сельских жителей Китая, уезжающих на работу в города, составило 225,4 млн., в конце 2013 года данный показатель увеличился до 268,9 млн. Среднегодовой прирост составляет 8–9 млн. человек, в основном за счет молодежи (таблица).

Количество сельских рабочих-мигрантов в Китае и их возрастная структура
в период с 2008 по 2013 г. (единица измерения: 10 000; %)

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Возраст сельских работников-мигрантов	22542	22978	24223	25278	26261	26894
16–20 лет	10,7	8,5	6,5	6,3	4,9	–
21–30 лет	35,3	35,8	35,9	32,7	31,9	–
31–40 лет	24,0	23,6	23,5	22,7	22,5	–
41–50 лет	18,6	19,9	21,2	24,0	25,6	–
Старше 50 лет	11,4	12,2	12,9	14,3	15,1	–

Между тем большинство сельских жителей имеют неполное среднее образование. Такой отток приведет к опустошению и обнищанию сельских районов, а также к старению и низкому уровню образования сельского населения. Вопрос о том, кто будет трудиться в сельском хозяйстве, станет главным на пути Китая к устойчивому развитию модернизации сельского хозяйства.

Д. Рост агроэкологических ограничений и ограничений, связанных с необходимостью защиты окружающей среды

Рост сельскохозяйственных неточечных источников загрязнения: согласно первому национальному исследованию загрязнения, на рассредоточенное загрязнение в сельском хозяйстве Китая приходится около половины суммарного загрязнения. Коэффициент использования сельскохозяйственных удобрений составляет только 40%, а пестицидов, которыми загрязнены почти 1,4 миллиона гектаров обрабатываемых земель, – около 30%. Между тем все более серьезной проблемой становится загрязнение остатками сельскохозяйственной пленки и навозом.

III. Путь к устойчивому развитию модернизации сельского хозяйства Китая

Для достижения устойчивого развития сельскохозяйственной модернизации Правительство Китая должно изменить режим развития сельского хозяйства, решить проблему ресурсных и экологических

ограничений, а также предпринять усилия для того, чтобы открыть новые пути модернизации сельского хозяйства с использованием новейших технологий производства, эффективных управленческих схем, рыночной конкурентоспособности, устойчивой экологии и охраны окружающей среды в условиях ограниченности таких природных ресурсов, как обрабатываемые земли, пресная вода и др.

А. Развитие интенсивного и экономного использования водных и земельных ресурсов

Земельные и водные ресурсы являются наиболее важными факторами сельскохозяйственного производства. Для достижения устойчивого развития модернизации сельского хозяйства Китая оно должно проходить по пути интенсивного и экономного использования земель и водных ресурсов, чтобы гарантировать две «линии жизни» для сельскохозяйственного производства. Во-первых, необходимо укрепить управление, контроль и реализацию «Уведомления об усилении контроля, управления и реализации наиболее строгой системы защиты сельскохозяйственных угодий» (*Notice of Strengthening the Control, Management, and Implementation of the Most Stringent Farmland Protection System*). Кроме того, следует строго определить и установить постоянную защиту основных сельскохозяйственных угодий, развивать экономное использование земельных

ресурсов и добиваться того, чтобы площадь обрабатываемых земель составляла не менее 1,8 млрд. му, а площадь основных сельскохозяйственных угодий — не менее 1,56 млрд. му. Требуется также ускорить передачу земли крестьянам, активно поощрять умеренную эксплуатацию земель, строго контролировать земли, занимаемые в процессе индустриализации и урбанизации, и развивать интенсивное использование земель. Во-вторых, необходимо неукоснительно выполнять «Рекомендации по внедрению строгой системы управления водными ресурсами» (*Opinion on the Implementation of the Most Stringent Water Management System*), создать систему для реализации эффективного использования в сельском хозяйстве водных ресурсов, для продвижения новых ирригационных водо- и энергосберегающих технологий, способствовать переходу от экстенсивного использования воды к её интенсивному использованию.

Б. Развитие инноваций в сельскохозяйственных технологиях

Мы должны активно содействовать использованию сельскохозяйственных технологий и улучшать комплексное использование сельскохозяйственных ресурсов следующим образом. Во-первых, за счет продвижения эффективных сельскохозяйственных технологий способствовать популяризации и использованию комплексных сельскохозяйственных информационных технологий. Во-вторых, за счет внедрения автоматизации, использования современного оборудования и технологий обеспечить внедрение и использование машин в ходе всего процесса сельскохозяйственного производства. В-третьих, для обеспечения качества и безопасности сельскохозяйственной продукции и сельскохозяйственных технологий ускорить распространение и внедрение технологий,

направленных на безопасность пищевых продуктов. В-четвертых, с использованием технологий очистки сельскохозяйственных угодий от загрязнений следует ускорить распространение и использование экологических сельскохозяйственных технологий. В то же время необходимо улучшить условия для внедрения инноваций в сельскохозяйственные технологии, привлекать квалифицированных специалистов для разработки технологий, расширять возможности развития и внедрения новых технологий в сельское хозяйство, обеспечить достойные условия жизни и труда для фермеров и рабочих, развивать систему социального обслуживания сельского хозяйства.

В. Развитие новых хозяйствующих субъектов в сельском хозяйстве

Исследования многих китайских ученых и специалистов показывают, что развитие новых форм хозяйствующих субъектов в сельском хозяйстве, таких как крупные предприятия, семейные фермы, фермерские кооперативы, — это основной способ достижения устойчивого развития модернизации сельского хозяйства Китая. Во-первых, необходимо создавать благоприятные условия для деятельности профессиональных крупных фермеров, семейных ферм, операторов, руководителей кооперативов, фермерских брокеров, водителей сельскохозяйственной техники, агрономов и т.д. Во-вторых, требуется выделить дополнительные субсидии на поддержку развития новых и основных хозяйствующих субъектов в сельском хозяйстве. В-третьих, целесообразно продемонстрировать это на примерах. Кроме того, нужно сформулировать стандарты и условия для новых сельскохозяйственных хозяйствующих субъектов, таких как крупные предприятия, семейные фермы, фермерские кооперативы, и составить список примеров.

Г. Усиление агроэкологической защиты и охраны окружающей среды

Необходимо усилить агроэкологическую защиту и охрану окружающей среды. Для этого нужно решить ряд следующих задач: ускорить развитие экологически чистых источников энергии в сельских районах; применять комплексную очистку, переработку и утилизацию бытовых и сельскохозяйственных отходов и улучшить

условия сельскохозяйственного производства; развивать новые отрасли сельского хозяйства, активно применять новые эффективные удобрения и пестициды с низкой токсичностью; использовать многофункциональную сельскохозяйственную технику и биоразлагаемые пленки сельскохозяйственного назначения, а также иные новые достижения в области сельского хозяйства.

Mao Zhiyong

Agricultural modernization and sustainable development under resource and environmental constraints

Mao Zhiyong – Research Associate, Vice President, Jiangxi Academy of Social Sciences

Abstract. The agricultural modernization of any country must be considered in the light of its national conditions, its population, resources and economic and social conditions. China's government clearly expresses the desire to promote agricultural modernization at the same pace with the in-depth development of industrialization, information technology, and urbanization, which is a major task for the construction of a moderately prosperous society and for the achievement of modernization. Due to the growing resource and environmental constraints, promoting the agricultural modernization must take the way of achieving its sustainable development based on the status quo of the environment and basic national conditions.

Key words: agricultural production, modernization of agriculture, industrialization and urbanization, sustainable development, environmental protection, resource constraints.

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

DOI: 10.15838/esc/2015.2.38.14

УДК 331.5(470.12), ББК 65.240(2Рос-4Вол)

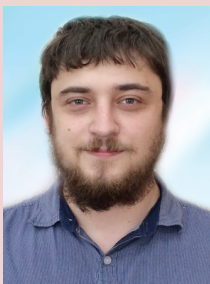
© Чекмарева Е.А., Панов М.М.

Проблема оценки трудового потенциала сельских территорий

**Елена Андреевна
ЧЕКМАРЕВА**

кандидат экономических наук, научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, miteneva@inbox.ru)

**Михаил Михайлович
ПАНОВ**

младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, mm_panov@mail.ru)

Аннотация. В статье предлагается научно обоснованная авторская методика оценки и анализа трудового потенциала сельских территорий. Внимание акцентируется на роли человеческого фактора в решении задачи обеспечения устойчивого развития сельских территорий. Поднимается проблема необходимости применения специальных инструментов исследования трудового потенциала сельских территорий для обоснования принимаемых управленцами решений по распределению бюджетных средств, направляемых на обеспечение устойчивого развития. Подробно описан алгоритм расчёта интегрального индекса трудового потенциала сельских территорий, приведены формулы расчёта и источники необходимых данных. В качестве основных оцениваемых характеристик трудового потенциала выбраны здоровье, образование и активность населения. Они оцениваются авторами путём расчёта частных индексов по четырём статистическим показателям: смертность в трудоспособном возрасте, число лиц с высшим образованием, число индивидуальных предпринимателей и миграционный приток. Разработанная методика апробирована на статистических данных по районам Вологодской области. В статье приведены результаты расчёта частных и интегрального индексов, а также на специально составленной карте наглядно показаны основные проблемы и особенности распределения трудового потенциала по районам

области, в частности: повышение значений индекса трудового потенциала на территориях близ крупных городов и по направлению трассы Вологда – Великий Устюг, снижение трудового потенциала по мере удаления от областного центра и крупных автодорог. Проведена группировка районов по значениям индекса трудового потенциала сельских территорий, определён рейтинг районов по уровню его развития. В группу лидеров попали Шекснинский, Вологодский и Кадуйский районы области; самым низким уровнем развития трудового потенциала отличаются Бабушкинский, Вытегорский и Кичменгско-Городецкий. Авторами предложены рекомендации по использованию рассматриваемого индекса в качестве инструмента исследования трудового потенциала сельских территорий.

Ключевые слова: трудовой потенциал, сельские территории, оценка трудового потенциала, методика оценки.

Не первый год многочисленные нормативно-правовые акты, принимаемые на федеральном и региональном уровнях, ставят перед российской глубинкой задачу устойчивого развития сельских территорий и обеспечения продовольственной безопасности страны.

Так, Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства», принятый почти десятилетие назад, называет обеспечение устойчивого развития сельских территорий одной из основных целей государственной аграрной политики [8, п. 2, ст. 5].

Та же цель на долгосрочную перспективу указана и в Концепции социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утверждённой в 2008 г. [4]. Кроме того, Концепцией предусмотрено создание предпосылок для устойчивого развития сельских территорий в качестве второго приоритетного направления государственной политики в области поддержки аграрного и рыбохозяйственного комплексов страны (см. пункт 8 раздела V). В пункте 14 Доктрины продовольственной безопасности, утверждённой двумя годами позже, прописаны направления устойчивого развития сельских территорий [3]. А в июле 2013 года Правительством РФ принята обширная целевая программа «Устойчивое развитие

сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года». И это далеко не полный перечень документов, которые говорят о необходимости обеспечения устойчивого развития сельских территорий России и её регионов. Причём, как гласит Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства», под устойчивым развитием сельских территорий понимается их стабильное социально-экономическое развитие, увеличение объема производства сельскохозяйственной продукции, повышение эффективности сельского хозяйства, достижение полной занятости сельского населения и повышение уровня его жизни, рациональное использование земель [8].

Возникает закономерный вопрос: кто должен обеспечивать это устойчивое развитие? Естественно, люди, то есть трудоспособное население сельских территорий. В частности, в указанной целевой программе подчёркивается, что эффективное развитие производственного потенциала аграрной сферы требует «активизации человеческого фактора экономического роста» [12, с. 5], а «повышение роли и конкурентоспособности отечественного аграрного сектора экономики во многом зависит от улучшения качественных характеристик трудовых ресурсов в сельской местности...

более полного использования имеющихся трудовых ресурсов, привлечения и закрепления высококвалифицированных кадров» [12, с. 6].

На практике это означает, что, воплощая подобные программы в жизнь в регионах страны и их муниципальных образованиях, управленцы вынуждены искать ответ на вопрос: какие сельские территории обладают наибольшим трудовым потенциалом и куда эффективнее вкладывать бюджетные деньги и привлекать квалифицированные кадры? Ответить на этот вопрос непросто без применения специальных инструментов исследования трудового потенциала, призванных помочь в принятии обоснованных и грамотных управленческих решений. Одним из таких инструментов может служить предлагаемая в настоящей статье специальная методика анализа и оценки трудового потенциала сельских территорий, разработанная нами для Департамента сельского хозяйства и продовольственных ресурсов Вологодской области и апробированная на статистических данных муниципальных районов.

Итак, в соответствии с вышесказанным, целью представляемого исследования являлась разработка и обоснование методики анализа и оценки трудового потенциала сельских территорий. Для достижения поставленной цели нами были решены следующие задачи: 1) теоретически обоснованы методологические подходы к анализу и оценке трудового потенциала сельских территорий; 2) структурированы факторы, влияющие на формирование трудового потенциала сельских территорий региона; 3) разработана и апробирована методика анализа и оценки трудового потенциала сельской местности. Решение первых двух задач описано ранее [10], поэтому здесь подробно рассмотрим методику.

Информационной базой исследования послужили отечественные и зарубежные литературные источники (монографии, научные периодические издания), нормативно-правовые акты, методология официальной отчетности, статистические данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат) и Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области (Вологдастат), а также Медицинского информационно-аналитического центра при Департаменте здравоохранения Вологодской области.

Прежде всего, уточним терминологию и кратко остановимся на понятиях «сельские территории» и «трудовой потенциал». В «Концепции развития сельских территорий Российской Федерации до 2020 года» даётся следующая трактовка: сельские территории – это территории за пределами городов. По сути, данный подход отождествляет друг с другом сельские территории в рамках региона [5, с. 59-61], что лишает смысла их дифференцированную оценку. Организация по экономическому сотрудничеству и развитию широко использует определение: «территории с долей сельского населения свыше 50%» [15].

Исходя из данного подхода целесообразным, на наш взгляд, будет приравнивание муниципальных районов области, соответствующих названному параметру, к сельским территориям. В пользу такого подхода говорит то, что территория по определению имеет строго установленные границы. Кроме того, муниципальный район является единицей государственного статистического учёта, которая в наибольшей степени соответствует задачам исследования.

В своём исследовании мы использовали комплексный подход к пониманию сущности и структуры трудового потенциала

и придерживались определения И.С. Масловой, согласно которому трудовой потенциал — это «обобщающая характеристика меры и качества совокупности способностей к общественно полезной деятельности, которыми определяются возможности отдельного человека, групп людей, всего трудоспособного населения по их участию в труде» [6, с. 32].

Выбор данного определения обусловлен целями проводимого исследования и нашей позицией. Вместе с тем, несмотря на многообразие существующих подходов к исследованию трудового потенциала, одним из основных является рассмотрение его как комплексной характеристики, состоящей из разнородных компонентов. Как установлено в [10], многими учёными подчеркивается важность количественной и качественной составляющих трудового потенциала и в той или иной форме основными качественными характеристиками признаются здоровье, образование и активность населения. Именно эти характеристики были выбраны нами в качестве оцениваемых компонентов трудового потенциала сельских территорий.

Как показал критический анализ методик, используемых для оценки трудового потенциала, в число наиболее используемых приёмов входит расчёт интегрального индекса. Он производится по формуле:

$$I_{xi} = \frac{X_i - X_{\min}}{X_{\max} - X_{\min}}, \quad (1)$$

где I_{xi} — значение частного индекса по показателю, x — оцениваемый показатель, i — объект анализа (в данном случае наименование либо условный номер района), X_i — значение оцениваемого показателя в районе i , X_{\min} — минимальное возможное значение оцениваемого показателя, X_{\max} — максимальное возможное значение оцениваемого показателя.

Так называемая «обратная формула» используется при негативной природе отражаемого явления и имеет вид:

$$I_{xi} = \frac{X_{\max} - X_i}{X_{\max} - X_{\min}}. \quad (2)$$

Наиболее целесообразным, на наш взгляд, способом объединения частных индексов является расчёт их среднего арифметического. Это позволит получить равновзвешенное сопоставление характеристик трудового потенциала, а также даст возможность сопоставлять значения интегрального индекса в динамике за различные годы.

Важным вопросом представляется и принцип определения минимальных и максимальных значений, используемых при расчёте индекса. При этом необходимо решить сразу две задачи: обеспечить сопоставимость значений индекса и ориентироваться на реальные условия региона. Для этого в качестве предельных величин для расчёта индекса мы будем использовать реально наблюдаемые в Вологодской области значения. Поскольку они могут меняться из года в год, логично будет выбрать их из массива статистики за несколько лет. В данном случае мы будем ориентироваться на период 2000–2012 гг.

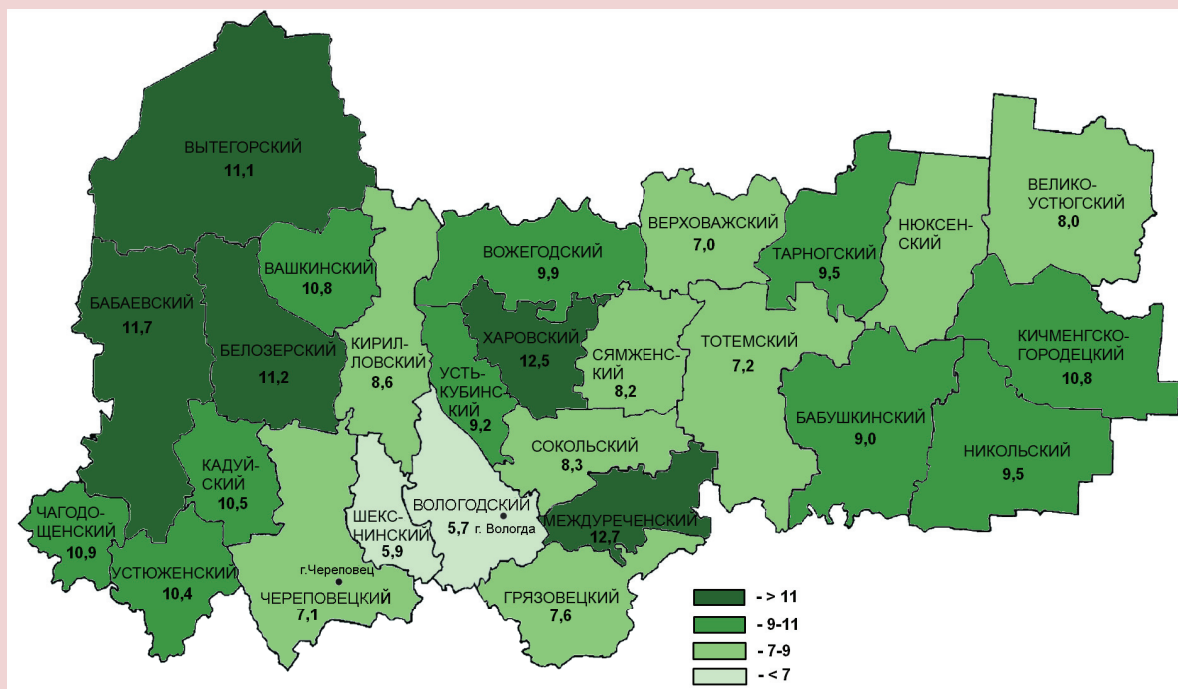
Как уже отмечалось, выбор показателей остаётся одним из дискуссионных вопросов в методологии оценки трудового потенциала. Это обусловлено в первую очередь особенностями объекта исследования. В случае с сельскими территориями Вологодской области мы посчитали рациональным отталкиваться от основных выявленных ранее проблем, а также от реального воздействия показателей на экономику районов. Кроме того, показатели отбирались на основании анализа факторов, т.е. оценки их влияния на некий выходной

экономический показатель, отражающий эффект от реализации трудового потенциала. В качестве основного инструмента при этом использовался коэффициент корреляции Пирсона, значения которого варьируются между -1 (обратная пропорциональность) и 1 (прямая пропорциональность), нейтральным значением является 0 (отсутствие взаимосвязи). За сравнительный показатель была взята суммарная прибыль организаций в расчёте на среднесписочную численность работников, в абсолютном выражении частично отражающая производительность труда.

Таким образом, для выявления взаимосвязи ряды значений потенциальных показателей состояния трудового потенциала были сопоставлены со значениями прибыли организаций посредством корреляционно-регрессионного анализа.

Как индикатор, косвенно отражающий здоровье населения, нами была выбрана смертность в трудоспособном возрасте (рис. 1). Во-первых, само по себе явление повышенной смертности населения негативно сказывается на трудовом потенциале территории, отражает фактическую потерю трудовых ресурсов, косвенно указывает на заболеваемость населения. Во-вторых, значения данного показателя в разрезе районов рассчитываются Федеральной службой государственной статистики, в отличие от показателя ожидаемой продолжительности жизни при рождении, который активно используется для оценки здоровья населения отдельных стран и регионов, но для муниципальных образований не рассчитывается. Вместе с тем показатель ожидаемой продолжительности жизни представляется нам чересчур широким, охватывающим

Рисунок 1. Смертность в трудоспособном возрасте в районах Вологодской области в 2012 году, на 1000 чел. трудоспособного возраста

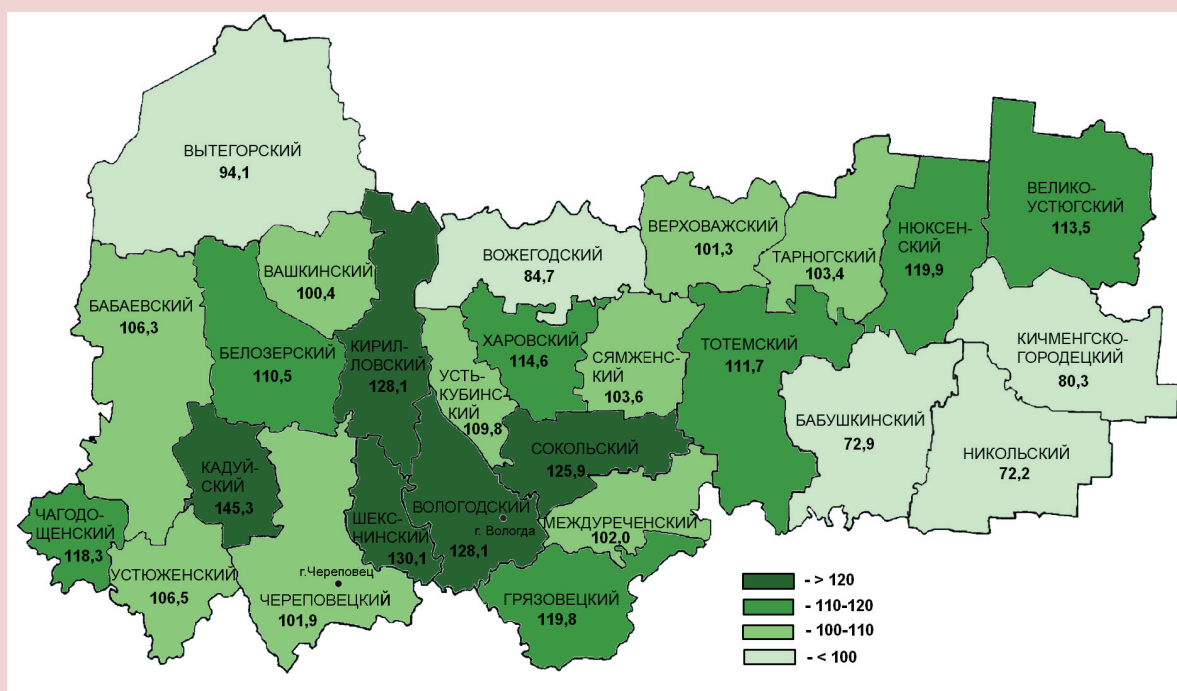
Источник: Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения за 2012 год: стат. сб. / МИАЦ при Департаменте здравоохранения Вологодской области. – Вологда, 2013. – 133 с.

спектр явлений, выходящих за рамки категории «трудоустройство»: специфику рождаемости и смертности, особенности государственной политики здравоохранения, специфику этноса и традиций, климат, экологию и пр. [14]. В-третьих, по результатам корреляционного анализа смертность в трудоспособном возрасте и прибыль организаций на одного работника (точнее, её натуральный логарифм, поскольку мы придерживались гипотезы логарифмически-нормального распределения) имеют значимую статистическую взаимосвязь средней силы (коэффициент корреляции Пирсона по модулю больше 0,5).

Рассмотрим другую важную характеристику трудового потенциала – образование. Наиболее широко используемым в данном случае является показатель уровня обра-

зования населения, рассчитываемый как число завершивших ту или иную ступень общего или профессионального обучения на 1000 жителей старше 15 лет. В методиках оценки человеческого потенциала применяется, как правило, показатель охвата начальным образованием. Однако, как видно в [10], дифференциация районов по базовой грамотности (числу закончивших 3 класса начальной школы) незначительна, во всех районах начальную школу окончило почти 100% населения. Более актуален для оценки трудового потенциала показатель уровня высшего образования, широко используемый в методиках со схожими задачами (рис. 2). Данный показатель отражает в первую очередь численность высококвалифицированных кадров – ключевого ресурса инновационной экономики.

Рисунок 2. Число лиц с высшим образованием в районах Вологодской области в 2010 году, на 1000 чел. старше 15 лет

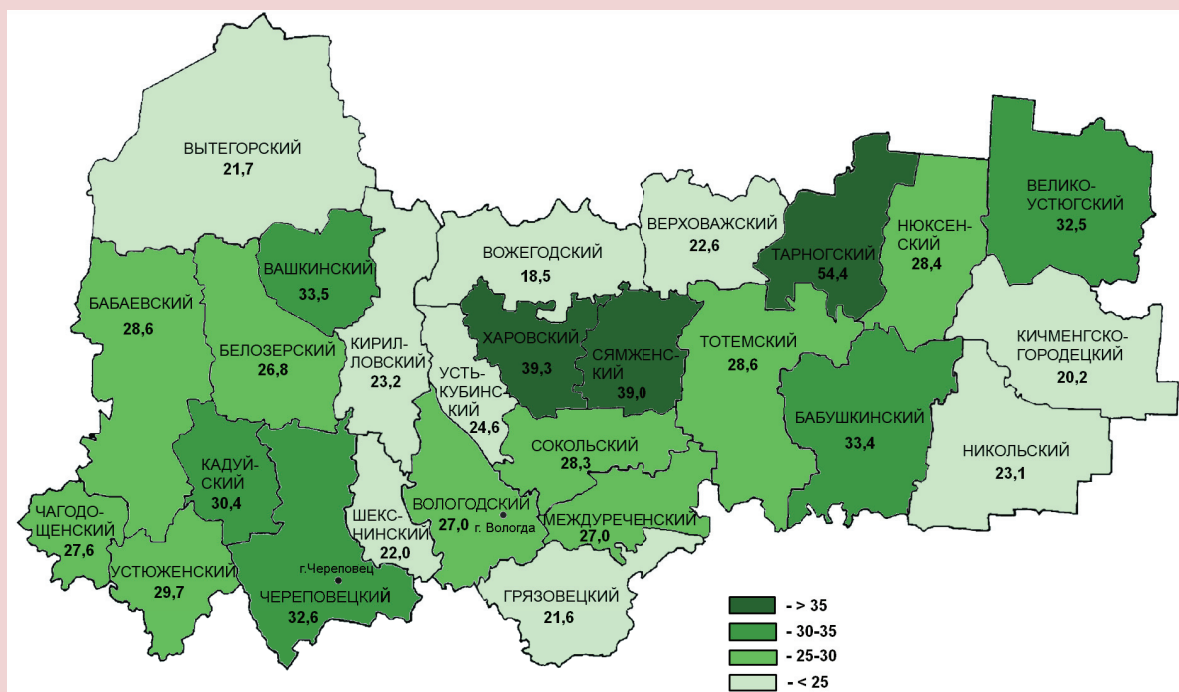
Источник: Уровень образования населения Вологодской области: итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2012. – 238 с.

Рассматриваемый показатель обладает рядом известных ограничений. Во-первых, на основании статистики мы не можем определить качество полученного образования. Во-вторых, нам неизвестно, трудоустроен ли выпускник вуза, и если да, то работает ли он по специальности. Тем не менее мы полагаем, что, даже с определённой долей погрешности, данный показатель в большей степени, нежели другие возможные, отражает образовательную характеристику трудового потенциала в разрезе районов области. Это частично подтверждается и в корреляционном анализе: коэффициент корреляции Пирсона составил 0,786 при сопоставлении данных по высшему образованию и прибыли в абсолютном выражении. В то же время следует отметить значимое ограничение

показателя: данные об уровне образования публикуются только по результатам переписи населения. За неимением подходящего альтернативного индикатора образовательной характеристики, лишённого подобного недостатка, значение числа лиц с высшим образованием в промежуток между переписями населения следует считать неизменным.

Третья характеристика, выбранная нами для оценки трудового потенциала сельских территорий Вологодской области, – активность населения. Данное качество может проявляться по-разному. В контексте анализа рынка труда интерес представляют прежде всего экономическая и предпринимательская активность. Причем последняя особо значима для данного исследования, поскольку показывает не только вовлечён-

Рисунок 3. Число индивидуальных предпринимателей в районах Вологодской области в 2012 году, на 1000 чел. населения

Источник: Муниципальные районы и городские округа Вологодской области: социально-экономические показатели, 2012: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2013. – 324 с.

ность в экономические процессы, но и инициативность населения, способность к трудовой самореализации. Рост и развитие частного предпринимательства оказывает благотворное действие и на экономику территории в целом, способствуя диверсификации занятости, повышению дохода населения, развитию сферы услуг и частной торговли [13]. Кроме того, как показал анализ статистики, численность индивидуальных предпринимателей (*рис. 3*) имеет значимую статистическую взаимосвязь ($r = 0,765$) с размером совокупной прибыли организаций при сопоставлении массивов данных за период с 2000 по 2012 год.

Помимо предпринимательской активности, учитывая актуальные для районов Вологодской области проблемы, по нашему мнению, имеет смысл оценивать также миграционную активность. Миграция, будучи комплексным явлением, способна отражать целый ряд различных свойств территории: условия проживания (социальные, экономические, политические, климатические и т.д.), привлекательность рынка труда, доступ к определённым услугам (образовательным, здравоохранительным и пр.).

Как отмечалось ранее, в рамках исследования территорий региона миграция представлена в основном активными группами населения: амбициозной молодёжью и людьми с высшим образованием. Поэтому можно сказать, что из-за оттока населения большинство районов области находятся в невыгодном положении. Однако сам по себе коэффициент миграции не вполне подходит для целей данного исследования. Прежде всего, ограничения накладываются в связи с его композитной природой, т.е., основываясь лишь на его значении, мы не можем чётко описать происходящие на территории явления. К примеру, нейтральное (близкое к нулю)

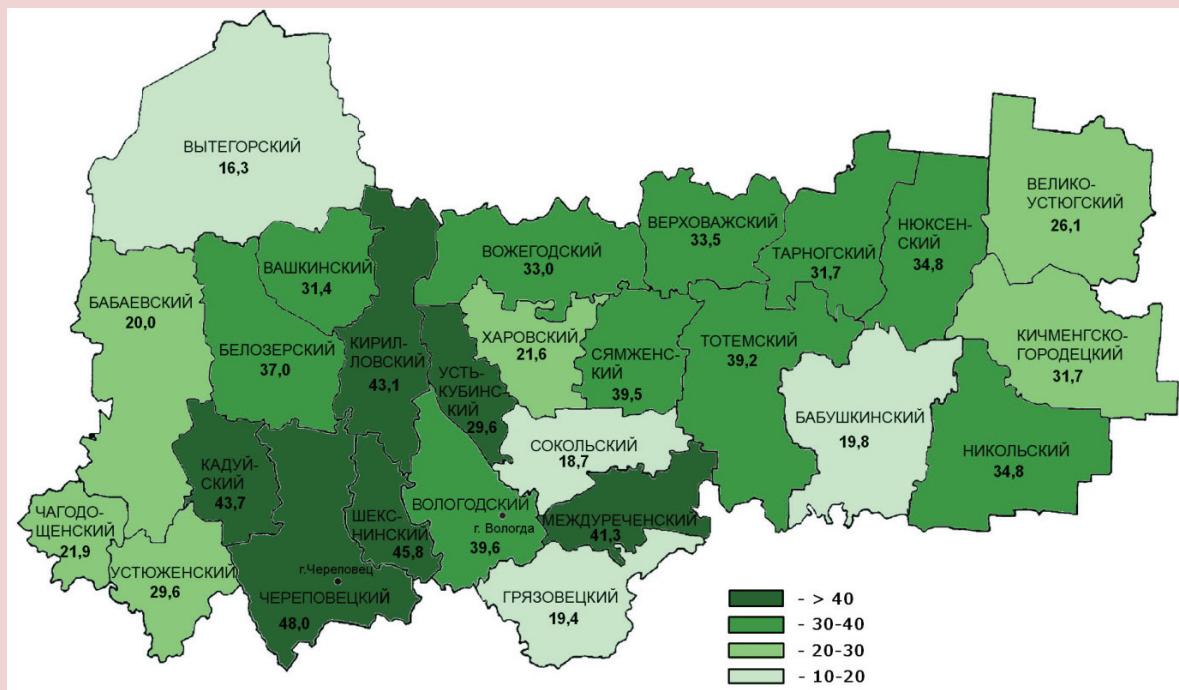
значение может быть вызвано как низкой, так и высокой миграционной активностью при условии, что отток компенсируется притоком. К тому же значение коэффициента может быть как положительным, так и отрицательным числом, что существенно затрудняет его использование в рамках выбранной методики.

В связи с этим целесообразно рассматривать один из компонентов коэффициента — отток или приток населения. Отток населения в большей степени свидетельствует об определённых характеристиках территории в сравнении с «пунктом назначения» миграции. Однако конкретную причину миграции, равно как и некие, например профессиональные, качества мигрантов на основании одного лишь показателя не установить. Помимо того, миграционный отток всегда зависит от численности населения.

Иными словами, в условиях районов Вологодской области, в которых в исследуемый период наблюдался существенный отток населения, покидать место жительства либо уже попросту некому, либо остались лишь те, кто не имеет такого желания или возможности.

Следовательно, для целей данного исследования лучше всего подходит показатель миграционного притока (*рис. 4*). Хотя, как и в случае с оттоком, установить действительную причину приезда весьма проблематично. Это в данном случае не столь актуально: приехавшие, вероятнее всего, будут вовлечены в экономику территории, так или иначе «оживят» рынок труда, т.е. создадут дополнительное предложение рабочей силы. Показатель актуален и в долгосрочной перспективе: рост притока населения способствует улучшению демографической ситуации, т.е. потенциально увеличивает численность трудовых ресурсов.

Рисунок 4. Миграционный приток в районах Вологодской области в 2012 году, на 1000 чел. населения

Источник: Демографический ежегодник Вологодской области. 2012: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2013. – 80 с.

Добавим к этому, что коэффициент корреляции миграционного притока с экономической прибылью организаций составил 0,734, что свидетельствует о сильной взаимосвязи значений этих показателей.

Таким образом, для оценки трудового потенциала сельских территорий Вологодской области отобраны 4 основных показателя, которые не только отражают интересующие нас характеристики, но и имеют значимые статистические связи с таким показателем экономического развития, как прибыль организаций. В таблице 1 приведен их перечень с формулами для расчёта соответствующих им частных индексов, а также минимальные (min) и максимальные (max) значения статистических показателей, используемых в методике.

Представленные в таблице формулы являются вариациями формул 1 и 2. В качестве предельных значений мы выбрали реальные максимальные и минимальные значения, наблюдаемые в районах области с 2000 по 2012 год, что позволяет, с одной стороны, достичь сопоставимости значений интегрального индекса в разные годы, с другой – учитывать реалии Вологодской области.

Поскольку характеристика активности населения представлена двумя показателями, частный индекс активности (I_{Ai}) рассчитывался как среднее арифметическое его составляющих:

$$I_{Ai} = \frac{I_{Bi} + I_{Mi}}{2} \tag{7}$$

Таблица 1. Методика оценки отдельных характеристик трудового потенциала сельских территорий Вологодской области

Характеристика трудового потенциала	Статистический показатель	Предельные значения		Формула расчёта частного индекса
		min	max	
Здоровье	Смертность в трудоспособном возрасте, случаев на 1000 чел. (H_i)	2,0	19,0	$I_{Hi} = \frac{H_{\max} - H_i}{H_{\max} - H_{\min}}$ (3)
Образование	Лиц с высшим образованием на 1000 чел. старше 15 лет (E_i)	51	145,0	$I_{Ei} = \frac{E_i - E_{\min}}{E_{\max} - E_{\min}}$ (4)
Активность	Число индивидуальных предпринимателей, на 1000 чел. населения (B_i)	2,2	68,1	$I_{Bi} = \frac{B_i - B_{\min}}{B_{\max} - B_{\min}}$ (5)
	Миграционный приток, чел. на 1000 чел. (M_i)	0,9	48,0	$I_{Mi} = \frac{M_i - M_{\min}}{M_{\max} - M_{\min}}$ (6)
Примечание. Здесь и далее i – номер района. Источник: составлено авторами.				

Целью проводимой оценки являлось не только сравнение районов по состоянию трудового потенциала, но и прослеживание тенденций его изменения, в связи с чем целесообразным было использование среднего арифметического для вычисления значения интегрального индекса. Отсюда формула расчёта интегрального индекса имеет вид:

$$I_i = \frac{I_{Hi} + I_{Ei} + I_{Ai}}{3}, \quad (8)$$

где I_i – интегральный индекс трудового потенциала в i -том районе, I_{Hi} – индекс здоровья, I_{Ei} – индекс образования, I_{Ai} – индекс заработной платы. Расчёт производится отдельно для каждого района (i).

В таблице 2 представлено подробное описание алгоритма расчёта индекса с указанием пошаговых действий и источников статистических данных.

Итак, на основании обобщения теоретико-методологического опыта, а также анализа статистических данных нами была

разработана и научно обоснована методика оценки трудового потенциала сельских территорий и прочих районов Вологодской области. Методологическая база настоящей методики широко используется в международных и отечественных исследованиях, что подчёркивает её научную актуальность и практическую значимость. Анализ факторов и выявление их корреляционной связи с прибылью организаций позволили подобрать показатели, наиболее значимые в условиях исследуемого региона. Немногочисленность используемых показателей дает возможность с большей точностью выявить дифференциацию его территорий.

Для апробации методики были произведены расчёты индекса трудового потенциала сельских территорий районов Вологодской области и составлен соответствующий рейтинг (табл. 3).

Судя по приведённым данным, в 2012 году наблюдается значительная дифференциация районов области по значению индекса трудового потенциала сельских территорий. Так, у лидирующего в рейтинге

Таблица 2. Описание алгоритма расчёта индекса трудового потенциала сельских территорий

№ п/п	Шаг	Содержание работы, пояснение
1.	Подготовка исходных данных	Данный этап направлен на составление исходной базы статистической информации для дальнейшей обработки в рамках предложенной методики.
1.1.	Сбор статистических данных по показателям, используемым в методике	Источником данных являются официальные публикации Территориального отделения Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. К числу необходимых для расчёта исходных данных относятся (в скобках указан конкретный источник): – смертность в трудоспособном возрасте в разрезе районов (данные можно получить по запросу в Территориальное отделение Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области); – число лиц с высшим образованием на 1000 чел. населения старше 15 лет в разрезе районов области (статистический сборник «Итоги Всероссийской переписи населения в Вологодской области», раздел «Образование», таблица «Население городских округов и муниципальных районов Вологодской области по уровню образования (на 1000 человек)»); – число индивидуальных предпринимателей в разрезе районов (статистический сборник «Муниципальные районы и городские округа Вологодской области», раздел «Общая характеристика хозяйствующих субъектов», таблица «Число индивидуальных предпринимателей»); – миграционный приток населения в разрезе районов (статистический сборник «Демографический ежегодник Вологодской области», раздел «Миграция», таблица «Миграция населения по городским округам и муниципальным районам Вологодской области», графа «Прибыло»); – численность населения в районах области в разрезе районов (статистический сборник «Муниципальные районы и городские округа Вологодской области», раздел «Население», таблица «Численность постоянного населения»).
1.2.	Определение минимальных и максимальных значений	Согласно предложенной методике, минимальные и максимальные значения фиксированы и соответствуют минимальным и максимальным значениям, наблюдавшимся за период с 2000 по 2012 год (см. табл. 1). В случае выхода значений за установленные рамки задаются новые предельные значения. Для достижения сопоставимости результатов оценки в разные годы производится перерасчет индексов по значениям за предыдущие годы с учётом нового минимального и (или) максимального значения.
2.	Обработка данных	После сбора исходных данных они приводятся в соответствующий требованиям методики вид и вводятся в предложенные формулы расчёта.
2.1.	Расчёт относительных показателей	Показатели по числу индивидуальных предпринимателей и миграционному притоку населения не публикуются в относительных значениях, необходимых для расчёта. В связи с этим абсолютные значения по данным показателям пересчитываются на 1000 чел. населения.
2.2.	Расчёт частных индексов	После приведения всех данных по компонентам интегрального индекса к предписанному виду производится расчёт частных индексов по четырём оцениваемым показателям согласно формулам 3, 4, 5, 6 (см. табл. 1). Затем, для расчёта индекса активности, значения индексов по показателям индивидуального предпринимательства и миграционного притока рассчитываются по формуле 7.
2.3.	Расчёт интегрального индекса	Расчёт среднего арифметического частных индексов по трём компонентам индекса трудового потенциала сельских территорий производится по формуле 8. При необходимости сравнения с данными за предыдущие годы и в случае использования обновлённых предельных значений (см. шаг 1.2) индексы районов за предыдущие годы перерасчитываются по аналогичному алгоритму.
Источник: составлено авторами.		

Шекснинского района индекс почти в 2 раза выше, чем у Кичменгско-Городецкого, занимающего последнее место. В тройку лидеров также входят Вологодский и Кадуйский районы, остальные ощутимо отстают от них. Причем определяющими факторами стали миграционная привлекательность территорий и отчасти связанная с ней численность лиц с высшим

образованием. Например, преимуществом Кадуйского района, несмотря на невысокое значение индекса здоровья населения, является высокий уровень образования. В то же время Череповецкий район, находящийся в группе лидеров по индексу активности и индексу здоровья, занимает лишь 6-е место по общему индексу в силу невысокого уровня образования.

Таблица 3. Индекс трудового потенциала сельских территорий в Вологодской области, 2012 г.

Территория	Смертность в трудоспособном возрасте, на 1000 чел. в трудоспособном возрасте	Индекс здоровья	Число лиц с высшим образованием на 1000 чел. старше 15 лет	Индекс образования	Число предпринимателей на 1000 чел. населения	Миграционный приток на 1000 чел. населения	Индекс активности	Индекс трудового потенциала сельских территорий	Место в рейтинге
<i>Всего по районам</i>	8,6	0,612	111,3	0,641	28,0	31,5	0,520	0,591	х
<i>Сельские территории</i>	8,3	0,627	103,3	0,557	27,7	35,4	0,560	0,581	х
<i>Прочие районы</i>	8,9	0,597	119,5	0,729	28,3	27,3	0,479	0,601	х
Бабаевский	11,7	0,427	106,3	0,588	28,6	20,0	0,403	0,473	21
Бабушкинский	9,0	0,591	72,9	0,233	33,4	19,8	0,438	0,421	24
Белозерский	11,2	0,458	110,5	0,633	26,8	37,0	0,569	0,553	15
Вашкинский	10,8	0,485	100,4	0,526	33,5	31,4	0,562	0,524	11
Великоустюгский	8,0	0,644	113,5	0,665	32,5	26,1	0,498	0,602	18
Верховажский	7,0	0,704	101,3	0,535	22,6	33,5	0,501	0,580	14
Вожегодский	9,9	0,536	84,7	0,359	18,5	33,0	0,464	0,453	22
Вологодский	5,7	0,782	128,1	0,820	27,0	39,6	0,599	0,734	2
Вытегорский	11,1	0,463	94,1	0,458	21,7	16,3	0,312	0,411	25
Грязовецкий	7,6	0,673	119,8	0,732	21,6	19,4	0,344	0,583	13
Кадуйский	10,5	0,502	145,3	1,000	30,4	43,7	0,669	0,725	3
Кирилловский	8,6	0,612	128,1	0,821	23,2	43,1	0,608	0,680	4
К.-Городецкий	10,8	0,481	80,3	0,312	20,2	24,8	0,390	0,394	26
Междуреченский	12,7	0,368	102,0	0,543	28,0	41,3	0,625	0,512	20
Никольский	9,5	0,556	72,2	0,225	23,1	34,2	0,512	0,431	23
Нюксенский	8,6	0,611	119,9	0,733	28,4	34,8	0,558	0,634	7
Сокольский	8,3	0,630	125,9	0,797	28,3	18,7	0,387	0,605	10
Сямженский	8,2	0,633	103,6	0,560	36,0	39,5	0,666	0,620	8
Тарногский	9,5	0,557	103,4	0,557	54,4	31,7	0,723	0,612	9
Тотемский	7,2	0,695	117,1	0,703	28,6	39,2	0,607	0,668	5
Усть-Кубинский	9,2	0,577	109,8	0,626	24,6	40,7	0,592	0,598	12
Устюженский	10,4	0,505	106,5	0,590	29,7	29,6	0,513	0,536	17
Харовский	12,5	0,381	114,6	0,676	39,3	21,6	0,501	0,519	19
Чагодощенский	10,9	0,476	118,3	0,716	27,6	21,9	0,416	0,536	16
Череповецкий	7,1	0,699	101,9	0,542	32,6	48,0	0,730	0,657	6
Шекснинский	5,9	0,769	130,1	0,842	22,0	45,8	0,627	0,746	1

Источник: расчёты авторов.

Предпринимательская активность в районах также существенно различается. Отчасти это объясняется тем, что значительный миграционный приток стал проявляться здесь лишь в последние годы (1945 человек в 2012 году по сравнению с 295 в 2010 году; см. табл. 3) и не успел оказать ощутимого воздействия. Что касается районов, занимающих последние места в рейтинге, то, помимо Кичменгско-Городецкого, следует отметить Вытегорский, Бабушкинский и Никольский, близкие друг к другу по значению интегрального индекса.

Однако здесь есть некоторые нюансы. Если Кичменгско-Городецкий и Вытегорский районы отстают по всем показателям, то Никольский и Бабушкинский – по уровню образования. Любопытно, что в ряде районов с невысокой долей сельского населения оно отличается крайне низкой активностью на фоне средних и даже высоких показателей по здоровью и образованию. К числу таких районов можно отнести Бабаевский, Грязовецкий, Сокольский, Чагодощенский. В целом, несмотря на то, что в малых городах и посёлках городского типа налажена сравнительно эффективная работа систем здравоохранения и образования, следует отметить низкую привлекательность этих территорий для трудовых ресурсов и предпринимательской деятельности.

Что касается сельских и прочих районов области, то очевидных различий между данными группами по значению сводного индекса – нет. Хотя, кроме упомянутых выше, можно выделить и другие особенности. Так, в большинстве сельских районов зафиксирован низкий уровень образования (Кичменгско-Городецкий район – 72 человека с высшим образованием на 1000 человек населения, Бабушкинский – 72,9, Вожегодский – 84,7 и т.д.; см. табл. 3).

В результате, несколько выигрывая в миграционной и предпринимательской активности, сельские территории уступают прочим районам по числу лиц с высшим образованием. Для большей наглядности сравнения сельских и прочих территорий области они были распределены в пять групп по значению индекса трудового потенциала: с очень низким (ниже 0,500); с низким (от 0,500 до 0,600); со средним (0,600–0,700); с высоким (0,700–0,800) и с очень высоким значением индекса (выше 0,800). Схожий принцип группировки используется, в частности, в методологии ПРООН [2, с. 144–147].

В *таблице 4* представлены названные группы районов с указанием доли сельского населения, за исключением группы с очень высоким значением индекса, поскольку такие районы в 2012 году в области отсутствовали. Курсивом выделены те районы, которые в рамках данного исследования принято считать сельскими территориями.

Как наглядно продемонстрировано в *таблице*, сельские территории можно наблюдать во всех группах районов. В то же время, учитывая, что Вологодский район по факту является прилегающим к областной столице и, следовательно, попадает в зону её экономического влияния, не вполне оправданно сравнивать его с другими сельскими территориями. Нижнюю часть *таблицы* занимают 5 районов с преобладающим сельским населением. Вместе с тем группа территорий с низким уровнем трудового потенциала по большей части представлена районами с высокой долей городского населения. Таким образом, несмотря на различия в значениях частных индексов, имеют место несущественные различия между сельскими и городскими территориями по среднему значению индекса трудового потенциала.

Таблица 4. Группировка районов Вологодской области по значению индекса трудового потенциала сельских территорий (с указанием доли сельского населения, по данным 2012 года)

Группа районов	Район	Значение индекса трудового потенциала сельских территорий	Доля сельского населения, %	Место в рейтинге
Территории с высоким уровнем трудового потенциала	Шекснинский	0,746	36,7	1
	Вологодский	0,734	100	2
	Кадуйский	0,725	19,2	3
Территории со средним уровнем трудового потенциала	Кирилловский	0,680	51,3	4
	Тотемский	0,668	57,9	5
	Череповецкий	0,657	100	6
	Нюксенский	0,634	100	7
	Сямженский	0,620	100	8
	Тарногский	0,612	100	9
	Сокольский	0,605	15,6	10
Районы с низким уровнем трудового потенциала	В.-Устюгский	0,602	30,1	11
	Усть-Кубинский	0,598	100	12
	Грязовецкий	0,583	38,4	13
	Верховажский	0,580	100	14
	Белозерский	0,553	42,7	15
	Чагодощенский	0,536	26,7	16
	Устюженский	0,536	49,6	17
	Вашкинский	0,524	100	18
	Харовский	0,519	38,1	19
Междуреченский	0,512	100	20	
Районы с очень низким уровнем трудового потенциала	Бабаевский	0,473	43,6	21
	Вожегодский	0,453	59,4	22
	Никольский	0,431	61,6	23
	Бабушкинский	0,421	100	24
	Вытегорский	0,411	60,5	25
	К.-Городецкий	0,394	100	26

Источник: составлено авторами.

Группы районов представлены на карте, где, в частности, чётко прослеживается повышение значения индекса трудового потенциала территорий, расположенных близ крупных городов, а также по направлению Вологда – Великий Устюг (рис. 5).

Кроме того, интересно сравнить данные о значениях индекса за 2012 год с более ранними (табл. 5). Выбор 2002 года обусловлен большей точностью данных в связи с проведённой переписью населения.

Как видно из приведенных данных, в рассматриваемый период во всех районах области отмечается рост значения индекса трудового потенциала сельских территорий. Хотя многие районы сохранили или незначительно изменили свои позиции, в некоторых из них очевиден ощутимый сдвиг, например в Кирилловском, Тарногском, Чагодощенском и Шекснинском. Однако свои позиции утратили Великоустюгский, Междуреченский и Сокольский районы.

Окончание таблицы 5

Кирилловский	0,360	0,680	11	4
К.-Городецкий	0,296	0,394	18	26
Междуреченский	0,352	0,512	12	20
Никольский	0,256	0,431	20	23
Нюксенский	0,379	0,634	7	7
Сокольский	0,463	0,605	3	10
Сямженский	0,364	0,620	10	8
Тарногский	0,298	0,612	17	9
Тотемский	0,373	0,668	8	5
Усть-Кубинский	0,387	0,598	6	12
Устюженский	0,245	0,536	22	17
Харовский	0,292	0,519	19	19
Чагодощенский	0,231	0,536	25	16
Череповецкий	0,414	0,657	4	6
Шекснинский	0,365	0,746	9	1
Источник: расчёты авторов.				

Анализируя динамику частных показателей, стоит отметить, что индекс смертности практически не изменился (0,628 в 2002 году против 0,612 в 2012 г.). При этом остальные показатели выросли приблизительно в 2–3 раза: индекс образования – с 0,258 до 0,641, активности – с 0,196 до 0,520. Это указывает, с одной стороны, на стабильность уровня смертности в трудоспособном возрасте, с другой – на высокие темпы роста уровня образования, миграционной и предпринимательской активности населения, способствующие, по нашему мнению, созданию основы для перехода экономики региона на инновационный путь развития.

В качестве рекомендации по использованию рассматриваемого индекса можно предложить как сопоставление его значений между районами за конкретный год, так и изучение общей динамики изменения индекса в отдельных районах и в целом по области. Следует также учитывать, что интегральный индекс, сам по себе, отражает лишь некую совокупность явлений,

определяющих трудовой потенциал территории. В связи с этим более информативным представляется расширенный анализ статистики по отдельным характеристикам трудового потенциала. Это особенно актуально в случаях низких и крайне низких значений показателей (см. табл. 3), поскольку позволит выявить фактические проблемы, сдерживающие рост трудового потенциала территории. Помимо собственного выявления определяющего фактора, имеет смысл проанализировать статистику по сопутствующим ему показателям.

Так, при анализе причин высокого значения индекса смертности следует провести углублённый анализ заболеваемости, территориальной доступности учреждений здравоохранения, охвата профилактическими осмотрами, а также проводимых мероприятий по популяризации здорового образа жизни и т.д.

Низкий уровень образования может быть вызван как удаленностью учреждений высшего образования от места проживания, так и дефицитом спроса на

выпускников вузов на локальном рынке труда, что обуславливает необходимость создания соответствующих рабочих мест. Низкий миграционный приток свидетельствует, как правило, о низкой миграционной привлекательности территорий, что может быть вызвано стагнацией рынка труда, неблагоприятными условиями проживания, слабой развитостью социальной инфраструктуры. Анализ предпринимательской активности может быть ориентирован не только на эндогенные факторы рынка труда, но и на оценку поддержки малого предпринимательства органами местного самоуправления.

Что касается исследования динамики общего и частных значений индекса трудового потенциала, то здесь эффективно прежде всего наблюдение за выраженными изменениями. При выявлении негативных тенденций необходимо, с целью установления их вероятных причин, провести анализ административных решений местного и регионального руководства. В случае роста значений частной характеристики трудового потенциала целесообразно не только выявить определяющий фактор, но и проанализировать возможность переноса успешного опыта на отстающие районы.

Литература

1. Демографический ежегодник Вологодской области. 2012 [Текст] : стат. сборник / Вологдастат. – Вологда, 2013. – 80 с.
2. Доклад о человеческом развитии 2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире [Текст] / ПРООН. – М.: Весь Мир, 2013. – 216 с.
3. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента РФ от 30 января 2010 года № 120. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/6752>
4. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс] : утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. – Режим доступа: <http://www.government.ru/content/governmentactivity/insiderfgovernment/archive/2008/11/25/69b3495c378e451db8df6c3a265a755b.doc>
5. Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс] / Центр экономической безопасности. – 61 с. – Режим доступа: econsec.ru/files/28.pdf.
6. Маслова, И.С. Трудовой потенциал советского общества. Вопросы теории и методологии исследования [Текст] / И.С. Маслова. – М.: Политиздат, 1987. – 125 с.
7. Муниципальные районы и городские округа Вологодской области: социально-экономические показатели, 2012 [Текст] : стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2013. – 324 с.
8. О развитии сельского хозяйства [Электронный ресурс] : ФЗ от 29.12.2006 № 264 (ред. от 29.12.2014). – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173011/
9. Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения за 2012 год [Текст] : стат. сб. / МИАЦ при Департаменте здравоохранения Вологодской области. – Вологда, 2013. – 133 с.
10. Панов, М.М. Трудовой потенциал сельских территорий Вологодской области: состояние и проблемы развития [Электронный ресурс] / М.М. Панов, Е.А. Чекмарева // Вопросы территориального развития. – 2014. – № 10 (20). – Режим доступа: <http://vtr.vscs.ac.ru/file.php?module=Articles&action=view&file=article&aid=4373>
11. Уровень образования населения Вологодской области: итоги Всероссийской переписи населения 2010 года [Текст] : стат. сборник / Вологдастат. – Вологда, 2012. – 238 с.

12. Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года: федеральная целевая программа [Электронный ресурс] : утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 15 июля 2013 г. № 598. – Режим доступа: http://www.vologda-agro.ru/images/stories/Information/Other_documents/00056.pdf
13. Шик, О. Альтернативная несельскохозяйственная занятость в сельской местности России [Текст] : научный отчет / О. Шик, Т. Тихонова. – М.: Институт экономики переходного периода, 2007. – 206 с.
14. Human Development Report 1990 [Текст] / UNDP. – New York: Oxford University Press, 1990. – 180 с.
15. OECD Regional Typology [Электронный ресурс] : методологическое пояснение / OECD Directorate for Public Governance and Territorial Development. – 2011. – Режим доступа: http://www.oecd.org/gov/regional-policy/OECD_regional_typology_Nov2012.pdf

Chekmareva E.A., Panov M.M.

Assessment of labor potential of rural areas

Elena Andreevna Chekmareva – Ph.D. in Economics, Research Associate at the Department of Living Standards and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of SocioEconomic Development of Territories of Russian Academy of Science. 56A, Gorky Street, Vologda, Russian Federation, 160014. E-mail: miteneva@inbox.ru.

Mikhail Mikhailovich Panov – Junior Research Associate at the Department of Living Standards and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of SocioEconomic Development of Territories of Russian Academy of Science. 56A, Gorky Street, Vologda, Russian Federation, 160014. E-mail: mm_panov@mail.ru.

Abstract. The article presents the authors' method to evaluate and analyze labor potential in rural areas. It is focused on the role of human factor in solving the problem of sustainable development of rural territories. It considers the need to apply special tools in the study of labor potential of rural areas in order to justify the management decisions on the allocation of budgetary funds for sustainable development. The work discloses the algorithm to calculate the integral index of labor potential of rural areas, the formulas and the sources of required data. Health, education and activity of the population are the main estimated characteristics of labor potential. The authors estimate them by calculating the partial indices for four statistical indicators: mortality in the working age, number of persons with higher education, number of individual entrepreneurs and in-migration. The developed method is tested on the basis of the Vologda Oblast statistical data. The article reveals the results of the partial and integral indices calculation; the specially compiled map clearly shows the main problems and features of the labor potential distribution in the region, in particular: increased values of the labor potential index in the areas near large cities and in the direction of the Vologda – Veliky Ustyug highway, reduced labor potential in the areas located far from the regional center and major highways. The authors group the districts by values of the labor potential index and rank them by level of development. Sheksninsky District, Vologodsky District and Kaduysky District belong to the group of leaders; Babushkinsky District, Vytegorsky District and Kichmengsko-Gorodetsky District are characterized by the lowest level of labor potential development. The authors offer recommendations to use this index as a tool to study labor potential of rural areas.

Key words: labor potential, rural areas, assessment of labor potential, assessment method.

References

1. Demograficheskiy ezhegodnik Vologodskoi oblasti. 2012: stat. sbornik [Demographic Yearbook of the Vologda Oblast. 2012: Statistics Digest]. *Vologdastat* [Vologda Oblast Statistics Service], Vologda, 2013. 80 p.
2. Doklad o chelovecheskom razvitii 2013. Vozvyshenie Yuga: chelovecheskiy progress v mnogoobraznom mire [Human Development Report 2013. The Rise of the South: Human Progress in the Diverse World]. *PROON* [UNDP]. Moscow: Ves' Mir, 2013. 216 p.
3. *Doktrina prodovol'stvennoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii: utv. Ukazom Prezidenta RF ot 30 yanvarya 2010 goda № 120* [Food Security Doctrine of the Russian Federation: Approved by the Presidential Decree of January, 30 2010 No. 120]. Available at: <http://www.kremlin.ru/news/6752>
4. *Kontsepsiya dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda: utv. rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 17 noyabrya 2008 g. № 1662-r* [Concept of the Long-Term Socio-Economic Development of the Russian Federation for the Period up to 2020: Approved by the Order of the Government of the Russian Federation of November 17, 2008 No. 1662-r]. Available at: <http://www.government.ru/content/governmentactivity/insiderfgovernment/archive/2008/11/25/69b3495c378e451db8df6c3a265a755b.doc>
5. Kontsepsiya ustoichivogo razvitiya sel'skikh territorii Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda [Concept of Sustainable Development of Rural Territories of the Russian Federation for the Period up to 2020]. *Tsentra ekonomicheskoi bezopasnosti* [Economic Security Center]. Available at: econsec.ru/files/28.pdf.
6. Maslova I.S. *Trudovoi potentsial sovetskogo obshchestva. Voprosy teorii i metodologii issledovaniya* [Labor Potential of the Soviet Society. Issues of Theory and Methodology of the Research]. Moscow: Politizdat, 1987. 125 p.
7. Munitsipal'nye raiony i gorodskie okruga Vologodskoi oblasti: sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli, 2012: stat. sb. [Municipal and Urban Districts of the Vologda Oblast: Socio-Economic Indicators, 2012: Statistics Digest]. *Vologdastat* [Vologda Oblast Statistics Service], Vologda, 2013. 324 p.
8. *O razvitii sel'skogo khozyaistva: FZ ot 29.12.2006 № 264 (red. ot 29.12.2014)* [Development of Agriculture: Federal law of December 29, 2006 No. 264 (Edited of December 29, 2014)]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173011/
9. Osnovnye pokazateli deyatel'nosti uchrezhdenii zdравookhraneniya za 2012 god: stat. sb. [Main Indicators of Activity of Health Care Institutions in 2012: Statistics Digest]. *MIATs pri Departamente zdравookhraneniya Vologodskoi oblasti* [Medical Information-Analytical Center at the Vologda Oblast Health Care Department]. Vologda, 2013. 133 p.
10. Panov M.M., Chekmareva E.A. Trudovoi potentsial sel'skikh territorii Vologodskoi oblasti: sostoyanie i problemy razvitiya [Labor Potential of Rural Areas in the Vologda Oblast: State and Development Problems]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Issues of Territorial Development], 2014, no. 10 (20). Available at: <http://vtr.vssc.ac.ru/file.php?module=Articles&action=view&file=article&aid=4373>
11. Uroven' obrazovaniya naseleniya Vologodskoi oblasti: itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda: stat. sbornik [The Education Level of the Vologda Oblast Population: Results of the 2010 All-Russia Population Census: Statistics Digest]. *Vologdastat* [Vologda Oblast Statistics Service], Vologda, 2012. 238 p.
12. *Ustoichivoe razvitie sel'skikh territorii na 2014–2017 gody i na period do 2020 goda: federal'naya tselevaya programma: utv. postanovleniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 15 iyulya 2013 g. № 598* [Sustainable Development of Rural Areas in 2014–2017 and for the Period up to 2020: Federal Target Program: Approved by the Government of the Russian Federation of July 15, 2013 No. 598]. Available at: http://www.vologda-agro.ru/images/stories/Information/Other_documents/00056.pdf
13. Shik O., Tikhonova T. *Al'ternativnaya nesel'skokhozyaistvennaya zanyatost' v sel'skoi mestnosti Rossii: nauchnyi otchet* [Alternative to the Non-Agricultural Employment in Rural Russia: Scientific Report]. Moscow: Institut ekonomiki perekhodnogo perioda, 2007. 206 p.
14. Human Development Report 1990. *UNDP*. New York: Oxford University Press, 1990. 180 p.
15. OECD Regional Typology. *OECD Directorate for Public Governance and Territorial Development*, 2011. Available at: http://www.oecd.org/gov/regional-policy/OECD_regional_typology_Nov2012.pdf

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Предлагаемые статьи должны содержать результаты исследований, обладающие новизной и практической направленностью, являться доступными по форме изложения для широкого круга читателей, соответствовать научной направленности журнала (экономические и социологические науки).

Статья должна, как правило, содержать следующие аспекты: цель работы; метод и методологию проведения работы; её результаты; область применения результатов; выводы. Выводы могут сопровождаться рекомендациями, предложениями, гипотезами, вытекающими из содержания статьи. При представлении в статье результатов социологических исследований необходимо указать следующую информацию: сведения о методологии и методике; дату, место (территорию) и организацию, проводившую исследование; структуру генеральной совокупности; тип, объем и ошибку выборки; описание методов сбора и анализа данных. Данную информацию следует изложить в одном из следующих вариантов: в специальном разделе (параграфе) статьи; непосредственно в тексте; в сноске. При оформлении таблиц важно пояснить, как считаются проценты: от числа ответивших на данный вопрос или от совокупности опрошенных. Пристатейный список литературы должен быть представительным, демонстрировать профессиональный кругозор и качественный уровень исследований авторов. Работы в пристатейном списке располагаются в алфавитном порядке сначала на русском, затем на английском (или любом другом – на латинице) языке. При ссылке в тексте даётся номер работы в квадратных скобках.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, статистических и социологических данных, имён собственных, географических названий и прочих сведений, а также за то, чтобы в статье не содержалось данных, не подлежащих открытой публикации.

Приводимые в таблицах (графиках) стоимостные показатели, относящиеся к разным временным периодам, представляются, как правило, в сопоставимой оценке. Если в таблицах (графиках) содержатся сравнительные данные по отдельным территориям, видам экономической деятельности и т.п., то они представляются в ранговом порядке с указанием периода, по которому производится ранжирование.

Объём статьи – не более 40 000 знаков (1 а.л.), включая пробелы и сноски, для докторов и кандидатов наук (в том числе при соавторе, не имеющем учёной степени) и не более 20 000 знаков (0,5 а.л.) – для остальных авторов. Исключения по объёму возможны только по предварительной договорённости с редакцией.

Автор представляет текст статьи и сопроводительные сведения в печатном виде по почте (один экземпляр, на одной стороне листа) и идентичные материалы по электронной почте. Печатный вариант обязательно подписывается автором (авторами).

Текст статьи направляется в формате MS Word в соответствии со следующими параметрами: гарнитура Times Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5, сноски в порядке упоминания в тексте в конце текста арабскими цифрами. Графики и диаграммы для электронного варианта статьи выполняются в программе MS Excel и даются отдельным файлом, который должен содержать не только сами графические материалы, но и исходные данные (таблицы). Блок-схемы оформляются в формате MS Word или MS VISIO-2003.

Статье должен быть присвоен **индекс УДК** (располагается до заголовка статьи).

Статью должны сопровождать **аннотация** (600 – 700 знаков; предполагается описание следующих позиций: формулировка проблемы, указание методики исследования и источников информации, характеристика основных результатов исследования, варианты решения проблемы) и **ключевые слова на русском и английском языках, библиографические списки**.

К статье прилагаются (отдельным файлом) **сведения об авторах статьи**, содержащие: заголовок статьи (**на русском и английском языках**), фамилию, имя, отчество (полностью),

учёную степень, учёное звание, полное название и адрес организации – места работы, занимаемую должность, телефон и факс, адрес электронной почты, почтовый адрес для переписки.

К электронному варианту статьи прилагается **цветная фотография автора (авторов)** размером 4 × 6 см в формате tif (предпочтительно) или jpeg разрешением 300 dpi.

В соответствии с требованиями Гражданского кодекса РФ между авторами и редакцией журнала должен быть заключён Лицензионный договор с приложением к нему Акта приёма-передачи произведения. Эти документы, составленные по приведённой ниже форме и подписанные всеми авторами статьи, представляются в редакцию вместе с текстом статьи. Подписанный редакцией экземпляр договора будет направлен авторам по почте вместе с авторским экземпляром номера журнала.

Рукописи следует направлять **Почтой России** по адресу: 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ИСЭРТ РАН, редакция журнала, с пометкой «для публикации в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», а также **на электронный адрес: common@vscs.ac.ru.**

Факс: 8(8172)59-78-02. Тел.: 8(8172)59-78-31.

При полной или частичной перепечатке рукописей в другом издании обязательна ссылка на журнал.

Все рукописи подлежат рецензированию. Если у рецензента возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Датой поступления статьи считается дата получения редакцией окончательного варианта статьи. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений и сокращений, не искажающих смысла статьи.

С 2010 года в журнале открыта рубрика «Молодые исследователи», в которой публикуются рукописи аспирантов. Статья должна быть без соавтора, заверена научным руководителем, рекомендована научной организацией, за которой закреплён аспирант.

Внимание! В случае несоблюдения указанных требований статья редакцией не рассматривается.

С электронной версией журнала можно ознакомиться по адресу: <http://esc.vscs.ac.ru>.

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____

_____ (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ИСЭРТ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____

Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые коллеги!

Предлагаем Вам оформить подписку на журнал
«**Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз**».

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН» (ИСЭРТ РАН).

В журнале публикуются результаты исследований по оценке эффективности функционирования региональных социально-экономических систем Северо-Западного федерального округа России, секторов экономики субъектов округа и муниципальных образований по направлениям:

- стратегия развития;
- региональная экономика;
- социальное развитие;
- внешнеэкономические отношения;
- информационная экономика;
- проблемы расширенного воспроизводства и др.

Журнал включён в **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России №6/6 от 19 февраля 2010 года журнал включен в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Главная цель издания – предоставление широким слоям научной общественности и практическим работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения региональной экономики, принимать участие в обсуждении этих проблем.

Редакционная коллегия, осуществляющая независимую экспертизу научных статей, состоит из ведущих ученых ряда регионов России.

Журнал выходит 6 раз в год.

Существует несколько способов оформления подписки на журнал «Экономические и социальные перемены: факты тенденции, прогноз»:

- **Подписка на журнал на Почте России.**

Самый простой и традиционный способ — это подписка на Почте. Подписка на журнал осуществляется через объединенный каталог «Пресса России». Подписной индекс журнала «Экономические и социальные перемены: факты тенденции, прогноз» - **41319**.

Поиск журнала по печатному каталогу на Почте довольно прост: по тематике, по алфавиту, по индексам. При оформлении подписки на журнал на Почте России Вы найдете данное издание в разделе «Экономика. Статистика» каталога «Пресса России».

- **Подписка в редакции.**

Наш менеджер будет рад проконсультировать Вас по вопросам подписки.

Журнал можно приобрести за безналичный расчет по договору.

Менеджер: Бушманова Анна Станиславовна

Телефон: 8 (8172)59-78-10 (доб. 387)

e-mail: bushmanova@vscc.ac.ru

- **Онлайн-подписка.**

На сайте <http://www.aks.ru> Вы легко сможете оформить онлайн-подписку на журнал.

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
Корректор	Н.С. Киселева

Подписано в печать 28.04.2015.
Дата выхода в свет 30.04.2015.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 28,7. Тираж 1000 экз. Заказ № 137.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and social changes: facts, trends, forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-60248 от 19 декабря 2014 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук (ИСЭРТ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@vscc.ac.ru